

Возвращенные ИМЕНА ОМСКА

Возвращенные ИМЕНА ОМСКА

УДК 94(571.13)(092)
ББК 63.3(2Рос-4Омс)-8
В64

Возвращенные имена Омска / Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2019. – 236 с.

Главный редактор: В.В. Эйхвальд
Редактор-составитель: А.М. Лосунов
Редакционный совет: С.И. Викулов, С.С. Наумов, В.Н. Панасенков, М.В. Тарасова, Ж.М. Хахаева, В.К. Шель.

Советский народ в своё время уверовал, что отечественная история, достойная почитания, началась только с 1917 года. Гордиться дореволюционным прошлым было не только нежелательно, но и небезопасно. Поэтому люди перестали составлять свои родословные, интересоваться предками, и общество постигла массовая амнезия. Имена многих тысяч выдающихся граждан России, в честь которых были названы улицы, города, острова и моря, предавались забвению. Эта беда коснулась и нашего края.

Предлагаемый читателю сборник начинается с материалов о XVIII веке и заканчивается началом 1920-х годов – периодом перехода к массовой «расправе» с дореволюционным наследием. В издании даются биографии десятков людей, в той или иной степени связанных с нашим городом.. Героев сборника объединяет одно – они оставили свой след в истории Омска и всего сибирского края, который со временем, увы, затерялся среди многочисленных «исторических» завалов прошлого.

Вернуть «домой» именитых земляков, несправедливо «изгнанных» из памяти народной – одна из благородных задач ныне живущих поколений.

К этому призывают и материалы настоящего сборника

Сборник издан на средства муниципального гранта Администрации г. Омска.

Редакция не несёт ответственности за достоверность информации, приводимой авторами сборника.

Предисловие

В последние десятилетия в российском обществе произошёл, на мой взгляд, заметный сдвиг в осознании актуальности изучения истории родословной, семьи, малой и большой родины. Прерывность, фрагментарность, однобокость наших общих исторических познаний объясняется пресловутой практикой бесконечного переписывания свершений «времен давно минувших дней».

Советский народ в своё время уверовал, что отечественная история, достойная почитания, началась только с 1917 года. Гордиться дореволюционным прошлым было не только нежелательно, но и небезопасно. Поэтому люди перестали составлять свои родословные, интересоваться предками, и общество постигла массовая амнезия. Имена многих тысяч выдающихся граждан России, в честь которых были названы улицы, города, острова и моря, предавались забвению. Эта беда коснулась и нашего края. До 1920-х годов в Омске имелись улицы с такими названиями: Александровская (ныне ул. Интернациональная), названная в своё время в честь царя-освободителя; Броневская (ныне ул. С. Стальского), название которой произошло от имени первого начальника Омской области Семёна Богдановича Броневского; Шпрингеровская (ныне ул. Партизанская) свидетельствовала о значимости исторической фигуры Ивана Ивановича Шпрингера, устроителя новой Омской крепости; Глазенаповская (ныне ул. Спартаковская), названная в честь боевого генерала, основателя знаменитого Сибирского кадетского корпуса Григория Ивановича Глазенапа; Казнаковская (ныне ул. Карлова), название которой было своеобразной данью уважения к одному из самых просвещённых генерал-губернаторов Западной Сибири Казнакову Николаю Геннадьевичу. А вот любимая омичами улица Красный путь когда-то носила имя отважного воина, первого генерал-губернатора Западной Сибири Петра Михайловича Капцевича. Благодаря его стараниям Омск в позапрошлом веке становится столицей огромного сибирского региона.

К большому сожалению, в современной городской топонимике имена этих величественных мужей отсутствуют. Вернуть «домой» именитых земляков, несправедливо «изгнанных» из памяти народной – задача ныне живущих поколений.

Большое желание посодействовать этому благородному делу и стало причиной разработки общественной организацией Региональная национально-культурная автономия немцев Омской области проекта «Память город хранит», поддержанного Мэрией города Омска в рамках ежегодного конкурса муниципальных грантов.

Издание сборника «Возвращённые имена Омска», вкуче с историческими чтениями, установлением мемориальной доски И. И. Шпрингеру и таблички с названием улицы «Партизанская, бывшая Шпрингеровская», и стало основной задачей проекта.

Предлагаемый читателю сборник структурно поделён на три века, начиная с XVIII, вернее с 1716 года, когда был основан Омск, и заканчивая началом 1920-х – периодом перехода к массовой «расправе» с дореволюционным наследием. В издании даются биографии десятков людей, в той или иной степени связанных с нашим городом. Среди них военные, государственные и политические деятели, предприниматели и служители муз. Многие из них родились в Омске, или долгие годы жили в нём. А некоторые, занесённые лихолетьем гражданского противостояния в период, когда Омск был столицей Белого движения, пробыли в нём короткое время. Одна часть из них полузабыта, а другая совершенно неизвестна. Но наших героев объединяет одно – они оставили свой след в истории города и всего сибирского края, который со временем, увы, затерялся среди многочисленных «исторических» завалов прошлого.

Всего в редакцию сборника поступило более 30 статей. Среди авторов – учёные, историки, краеведы, священники, рядовые почитатели истории родного края. С учётом последнего, редакционный совет сборника разрешил определённую «вольницу» в оформлении статей и источниковедческой базы. Ведь по содержанию, форме изложения сборник «Возвращённые имена Омска» скорее популярное издание, чем научное, рассчитанное на широкий круг читателей. Это, несмотря на то, что в конце каждого раздела даются уникальные исторические материалы под общей рубрикой «Словами документа».

Безусловно, данный проект должен иметь продолжение. Ведь мы сегодня вновь сталкиваемся с попытками перечеркнуть теперь уже советский период в жизни нашего государства. Неужели история ничему не учит? А мажет она таким образом наказывает нерадивых учеников?

Надеюсь, что предложенная книга внесёт свою маленькую лепту в осознание необходимости трепетного отношения к духовному наследию многовекового народа.

В заключение хочу сердечно поблагодарить Ж.М. Хахаеву, М.В. Тарасову, С.И. Викулова, А.М. Лосунова, С.С. Наумова, В.Н. Панасенкова, В.Н. Шеля, без участия которых настоящий проект не состоялся бы.

Виктор Эйхвальд

Макет первой Омской крепости (из фонда ОГИКМ)

XVIII век.
Начало Омска

Первостроители Омской крепости

Фортификатор и планировщик первой омской крепости, артиллерии поручик Яган Каландар (Иван Каландер)

Родился ок. 1690 г., умер в 1718 г.

В настоящей работе использованы следующие слова и словосочетания:

В- крепость – в начале 18 века слово «крепость» имело несколько значений: укреплённое место (комплекс) с долговременными оборонительными сооружениями, оборонительное сооружение, стена оборонительного сооружения. Если главным оборонительным сооружением был острог или крепость, то и укреплённое место называлось также – острог или крепость. А уже по названию укреплённого места именовался населённый пункт;

- **крепость (СОС)** – в начале 18 века стена оборонительного сооружения, каменная, земляная или деревянная, содержащая в себе конструкцию с которой велись оборонительные действия;

- **крепость (ДОС)** – в начале 18 века долговременное оборонительное сооружение, где внешней стеной была крепость (СОС);

- **крепость (УНП)** – в начале 18 века укреплённый населённый пункт, где главным оборонительным сооружением являлась крепость (ДОС);

- **острог (СОС)** – в начале 18 века стена оборонительного сооружения, представляющая собой частокол из заострённых бревен, соединенных между собой в замок и не имеющий несущей конструкции, с которой велись бы оборонительные действия;

- **острог (ДОС)** – в начале 18 века долговременное оборонительное сооружение, где внешней стеной являлся острог (СОС);

- **острог (УНП)** – в начале 18 века укреплённый населённый пункт, где главным оборонительным сооружением являлся острог (ДОС);

- **город (ДОС)** – в начале 18 века крепость (ДОС) имеющая четыре и более башни или бастиона;

- **город (УНП)** – в начале 18 века укреплённый населённый пункт, где главным оборонительным сооружением являлся город (ДОС);

- **слобода (ГНП)** – гражданский населённый пункт, село с некрепостным населением;

- **слобода (ПВУНП)** – посёлок внутри укреплённого населённого пункта;

- **Омская крепость** – укреплённый населённый пункт в устье р. Омь, учреждённый летом 1716 года по указу сибирского губернатора князя М.П. Гагарина, на основании распоряжения царя Петра. Первым оборонительным сооружением была крепость (ДОС) поставленная отрядом под командой подполковника И. Бухольца и артиллерии поручика Я. Каландара в 1716 году. В 1864 году Омская крепость была упразднена, территория крепости присоединена к территории города Омска;

- **первая омская крепость** – оборонительный комплекс, построенный в 1716 году под руководством подполковник И. Бухольца и артиллерии поручика Я. Каландара в районе современного речного вокзала. Включала в себя - земляную крепость (ДОС), артиллерийский острог (ДОС), казармы, дома офицеров, конюшни, склады и т.д.;

- **вторая омская крепость** – оборонительный комплекс, начатый строительством в 1717 году под руководством майора И. Аксакова в районе современного музыкального театра. Включала в себя – пятиугольный острог (ДОС) с бастионами, казачью слободу (ПВУНП);

- **Омская слобода** – гражданский населённый пункт, основанный в 1717 году по распоряжению сибирского губернатора князя М.П. Гагарина на правом берегу р. Омь при впадении в р. Иртыш. В соответствии с указом императрицы Екатерины II от 19 января 1782 г. Омская слобода была переименована в уездный город Омск в составе Тобольской области Тобольского наместничества;

- **первостроители Омской крепости** – те, кто участвовали в строительстве первых сооружений в населённом пункте Омская крепость;

- **основатель города Омска** – лицо положившее начало Омской крепости и Омской слободе, учредившее эти населённые пункты;

- **фортификатор** – военный инженер, специалист в области фортификации;

- **планировщик** – тот, кто занимается планировкой населённых пунктов.

Введение

Первостроителями Омской крепости являлись солдаты и офицеры трёх гарнизонных полков Московского, Санкт-Петербургского и драгунского, команды мастеровых и артиллеристов, полковые священники. Эта команда состояла из 1 600 человек вернувшихся из Ямышевской крепости из незавершив-

шегося похода «за песошным золотом» плюс 800 человек вновь набранных летом 1716 года. Также приняли участие в строительстве первой крепости слободские казаки и драгуны, прибывшие из Тобольска вместе с полковником Федотом Матигоровым.

Руководителем строительства первой омской крепости (УНП) являлся подполковник Иван Дмитриевич Бух(г)ольц (Букалтов). Вокруг имени Ивана Дмитриевича выросло большое количество городских легенд, где ему приписываются: происхождение из древнего дворянского саксонского рода; подвиги в Северной войне; служба в лейб-гвардии Преображенском полку в чине подполковника; командование Нарвской крепостью в чине полковника; завершение военной службы в звании генерал-майора и самое главное – основание Омской крепости. Биография Бухольца достойна большого романа, где можно будет рассказать об его предках и родителях; об его практически однофамильце - Иване Бухгольце, саксонском дворянине служившем в российской армии одновременно с Иваном Дмитриевичем, и чьи заслуги были приписаны нашему Бухольцу; о том почему Иван Дмитриевич не получил генеральский чин; об экспедиции «за песошным золотом»; о службе в Забайкалье; о семейной жизни; о потомках и т.д.

У трёх гарнизонных сибирских полков своя славная история. Санкт-Петербургский и Московский Сибирского гарнизона полки закончили свою боевую историю участием в Первой мировой войне в составе 11-й Сибирской Стрелковой дивизии под наименованием 43-й и 44-й Сибирские Стрелковые полки. Драгунский полк вначале ужался до статуса батальона, затем был переформирован в пехотный полк под названием Тобольский. В 1726 году под командой «нашего» Ивана Бухольца отбыл в Забайкалье, где в 1727 году был переименован в Якутский.

И если имя подполковника Ивана Бухольца на слуху, то практически ничего не известно об остальных офицерах организовавших и руководивших строительством первой омской крепости. Сегодня мы можем назвать имена только лишь нескольких. Это полковник Федот Алексеевич Матигоров; майор Иван Львович Вельяминов-Зернов; капитан, исполнявший должность майора – Илья Гаврилович Аксаков; поручики Афанасий Алексеевич Зыбин и Иван Данилович Купер. Их биографии это темы будущих исследовательских работ. В этой же статье мы попытаемся немного рассказать об артиллерии поручике Ягане Каландаре (Иване Каландере) - благодаря опыту и знаниям которого было положено начало омскому градостроительству, построена первая и вторая крепости на левом берегу Оми, осуществлена первоначальная застройка Омской слободы.

Часть информации для настоящей работы почерпнута из первоисточников, опубликованных в документальной монографии «Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье с 1620-1720 гг.», уважаемых ученых-историков В.Б. Бородаева и А.В. Контева.

При этом наши выводы во многом не совпадают, а иногда и противоположны, в том числе - о реальной цели экспедиции Ивана Бухольца в 1715 году и о строительстве крепостей по Иртышу. Не совпадают позиции о месте и планировке первой омской крепости; не совпадает оценка чертежа Омской крепости использованного инженером Де Гранжем в 1722 году; не совпадает мнение относительно конструкции построенной Ямышевской крепости в 1717 году и т.д. Однако есть надежда, что в ходе обмена информацией мы придем к единому мнению, близкому к истине.

В русском плену

Первая известная информация об Ягане Каландаре относит нас к Полтавской битве в июне 1709 года.

В числе шведов, попавших в русский плен, значится артиллерийский сержант Яган Каландар. Из дальнейшей его биографии в русской армии видно, что Яган был грамотный и способный военный инженер, быстро продвигавшийся по службе в сибирском гарнизоне. Следовательно (можно предположить), чин сержанта был ему дан не за долгую и безупречную службу, а являлся первой ступенью будущей карьеры в шведской армии. Из этого должно следовать, что Каландар был достаточно молодым человеком, когда он попал в русский плен – лет 18-19.

Шведская артиллерия в бою в годы Северной войны

В начале июля 1709 года некоторая часть шведских артиллеристов поступила на русскую воинскую службу с условием не вступать «в службу против короля шведского». Здесь мы воспользуемся сведениями из работы С.В. Ефимова «Шведские артиллеристы в русском плену (1709–1721 гг.):»:

При русской полковой артиллерии было оставлено 29 пленных, перешедших на русскую сторону. Они принесли присягу, и им было установлено жалованье. Поступившие на русскую службу выпадали из категории пленных, и в дальнейшем в документах (ведомостях на выплату жалованья, списках личного состава, донесениях и пр.) они фигурируют наряду с русскими артиллеристами и наемными западноевропейскими специалистами. Предположительно эти бывшие военнопленные составили основу артиллерийской команды участвовавшей в строительстве первой омской крепости.

1 июля 1709 года была составлена «Ведомость полоненным артиллерийским служителем офицерам и рядовым», в которой значится сержант Яган Каландар, ещё не проявивший желания служить русской короле. Учитывая, что первый офицерский мундир Каландару был пошит в Тобольске в 1715 году за счёт казны, следует, что ранее 1715 года Каландар не носил русского мундира и, соответственно, не служил в русской армии. Т.е. судьба Ягана Каландара была схожа с судьбой других «отказников». И мы вновь воспользуемся сведениями из работы Ефимова:

«Однако более сотни человек из числа военнопленных артиллеристов отказались перейти на русскую службу. Среди их списочного состава были сержанты, писари, бомбардиры, канониры, гантлангеры, фуриеры, полковые профосы, лекари, фурлейторы, артиллерийская прислуга и мастеровые. По росписи их передали под начало обер-комиссара Артиллерийского приказа Е.П. Зыбина. «Отказники» были препровождены под конвоем в Москву и размещены, по-видимому, на Московском пушечном дворе. Именно об этих людях и пойдет далее речь.

Пленным шведским артиллеристам довелось стать и невольными участниками грандиозного триумфального шествия, состоявшегося в столице 21 декабря 1709 г. в честь Полтавской виктории. Капрал Эрик Ларссон Сменуст в своих заметках писал, что в течение трех дней всех пленных шведов пешком проводили через триумфальную арку, возведенную в русской столице «на стыд и позор» шведам, и вели дальше по городским улицам. Колокола на церквях звонили, народ кричал, кто-то выкрикивал ругательства и проклятья пленным.

Был «такой грохот и шум, что люди вряд ли слышали друг друга на улицах». В первый день по улицам прошли рядовые солдаты, капралы и унтер-офицеры, на следующий день – артиллерия со знаменами, штандартами, литаврами и барабанами, а на третий день – все генералы, младшие и старшие офицеры с теми носилками, которые использовали для переноски раненого Карла XII...

По окончании триумфа, пленных шведов (или, как их называли в документах – «арестантов») стали использовать как рабочую силу. На Пушечном дворе пленные выполняли многочисленные и подчас весьма тяжелые работы. Они изготавливали формы для литья пушек и мортир. Переносили различные «железные припасы», доски, дубовые брусья (т. е. выполняли тяжелые такелажные работы), таскали щебень, чистили снег, ремонтировали постройки на Пушечном и Полевом дворе.

*В Артиллерийском приказе шведы занимались строительством кладовой палаты и других каменных построек, в т. ч. нового здания приказа и артиллерийской школы. Участвовали они и в строительстве новых фортификационных укреплений Московского Кремля, в частности в возведении болверка (от нем. *Bollwerk* – бастион) у Наугольной башни и у Сретенских ворот».*

Участвуя в строительстве крепостных бастионов Московского Кремля, и видимо имея первоначальную инженерную подготовку, Каландар приобрел практический опыт в строительстве стационарных оборонительных сооружений, который ему пригодился впоследствии при строительстве крепостей по реке Иртыш.

В Сибирь, за «песошным золотом»

Так бы и был Яган в рядах «отказников» до заключения мирного договора между Россией и Швецией, если бы не великая авантюра организованная сибирским губернатором – экспедиция якобы «за песошным золотом» в пустыню Такла-Макан. На самом же деле истинной целью сибирского губернатора (являвшегося инициатором экспедиции) было строительство крепостей вдоль торгового пути в Китай. Но это тема других исследовательских работ.

Руководителем экспедиции был назначен подполковник Иван Дмитриевич Бухольц, уволенный из лейб-гвардии Преображенского полка в чине капитана с должности заместителя командира учебной роты. В именном указе царя Петра на имя подполковника Бухольца от 22 мая 1714 года есть строки, изменившие судьбу бывшего шведского артиллерийского сержанта: «5. Сыскать несколько человек из Шведов, которых искусны Инженерству, Артиллерии, и которых в минералах разумеют, которых с воли

Губернаторской взять». Под этот указ попадали артиллеристы из полковой артиллерии из шведов, вступивших на службу в 1709 году и добровольцы из «отказников». Таким и был Яган Каландар.

В соответствии с царским указом от 17 января 1714 года в Московском гарнизоне находились офицеры и драгуны из русских армейских и драгунских полков, по состоянию здоровья негодные к армейской службе,

Офицер русского пехотного полка

но годные к службе в гарнизонных полках. Указом царя Сенату от 23 мая 1714 года предписывалось: *«Для посылки в Сибирскую губернию с подполковником Бухалтом сыщите в Санкт-Петербурге или на Москве от роскозованных [расформированных – С.В.] полков афицеров, а имянно: одного маеора, двух капитанов, двух порутчиков, двух подпорутчиков или прапорщиков, и отдайте их сибирскому губернатору, господину князю Гагарину».* Однако в Сибирь поехали только офицеры из драгунского полка полковника Иоахима (Ефима) Андреевича Гулица: майор И.Л. Вельяминов-Зернов, поручики И.Г. Аксаков и И.Д. Купер. Кроме этого из лейб-гвардии Преображенского полка были направлены на гарнизонную службу в Сибирь сержанты и рядовые, которые уже в Сибири получили офицерские чины.

Был ещё один военный отряд выделенный указом царя Петра от 3 июня 1714 *«О бытии Уфимским башкирцам в службе при строении новаго города Сибирской губернии»* зачитанный в Сенате 3 июня 1714. Царь *«...указал: в Сибирской губернии у строения новаго города для охранения в службе быть Уфимским Башкирцам, которые похотят скольким человеком пристойно, по рассмотрению Сибирскаго Губернатора, и о том к Казанскому для ведома, и кто из тех Башкирцев у того строения в службу быть похотят, дабы он тем Башкирцам запрещения никакого чинить никому не велел, также и к Сибирскому Губернатору по-*

слать свои великого государя указы». На основе этого указа Сенат вынес свой Приговор, идентичный царскому указу. О потребности в «Уфимских башкирцах» писал в своем доношении от 22 мая 1714 Сибирский губернатор на имя царя: *«А на строение оных крепостей, також и на [с]одержание их, кроме афицеров и инженера, управлѣтца можно из Сибирской губернии. А для той калмыцкой противности надлежит быть регулярным дву или 3 полкам, а те полки набрать в Сибири; а к тем полкам несколько афицеров. Да к тому ж Уфинские Башкирцы потребны, для того, что от Тобольского живут в близости и людство их немалое и люди конные. О промысле того места, о деле городов и о Уфинских Башкирцах что Ваше Величество повелит».* Сибирский губернатор высоко ценил конницу сибирских татар и уфимских башкир в борьбе с калмыцкой конницей. В чем в дальнейшем убедился и подполковник Бухольц. Однако данный указ не был исполнен и башкирская конница не попала в сибирскую экспедицию.

Итак, примерно к сентябрю 1714 года, сформировались воинские группы, отправляемые в Сибирь. Это группа преображенцев в количестве 13 человек во главе с подполковником Бухольцем, три офицера из Московского гарнизона, со своими денщиками и команда артиллеристов во главе с артиллерии поручиком Яганом Каландаром. Были ещё видимо какие-то люди, в том числе «рудной мастер».

«1719, генваря в 22 день, подполковник Бухалц в сенате сказал:... И из Санктпетербурха послано с ним от лейб-гвардии преображенского полку сержантов и салдат 8 человек, да из Москвы из военной канцелярии даны ему маеор 1, капитанов 2, порутчиков 2, прапорщиков 2 и того 7 человек. Для той посылки на подъем и на тамошнее пропитание ему и посланным с ним в Санктпетербурге ни откуда никакой дачи не было, кроме одних прогонных денег, которые выданы ему на 20 подвод до Москвы от сибирского губернатора. И приехал к Москве июня месяца в последних числах 714 году, с Москвы отправился он того же году в августе месяце водою, и ехал на судне до усть Чюсовой реки, от Чюсовой до Тобольска на подводах... В Тобольск приехал он Бухольц ноября 13 числа того же 714 году, и был без команды генваря по 9 число 715 году.

Относительно численности офицеров из Москвы Бухольц к 1719 году уже запомнил, и взял цифру из Сенатского приказа, а фактически в походе было только три московских офицера. Бухольц писал об этом в сентябре 1715 года: *«...имеет нужду в обер и унтер-офицерах, понеже армейских с ним: 1 майор, 1 капитан, 1 поручик да Преображенских сержантов и солдат, которые у него за офицеров; а которые даны ему офицеры русские от губернатора, то воинского обхождения не знают, а которые из шведов, те произведены в Тобольске в офицеры; а старые и добрые шведские офицеры в службу не идут за малым трактаментом [жалованьем – С.В.]...».*

И если Бухольц получил в Тобольске в подчинение состав будущей экспедиции только 9 января 1715 года, то Каландар к тому времени уже в полном объёме занимался подготовкой артиллерийской команды, ездил в командировки на оружейные заводы за пределы Тобольска. Обнаружено несколько губернаторских указов касающихся деятельности Каландара, в том числе Тюменскому коменданту Эверлакову об оказании помощи Каландару в заготовке припасов, необходимых для военного похода: «1715 январь в 1 день по указу великого государя **и по приказу губернатора князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту господину Эверлакову.**

*Послан из Тобольска поручик иноземец **Иван Каландер** для управления полковых припасов, и ежели какие припасы ему понадобятся, и тебе б по получении сего указа, вышеуказанные припасы что ему понадобятся отправлять беззадержания.*

У сего приписано рукою губернатора князем Матвеем Петровичем Гагариным».

Солдаты и офицеры русской артиллерии

В Тобольске, к артиллеристам, прибывшим из Московского гарнизона, по указу сибирского губернатора были добавлены добровольцы и обучены артиллерийскому делу: «**А порутчику артиллерии Каландеру** и канонерам и пушкарям, которыя присланы из полевой артиллерии, тем всем быть при нем господине подполковнике. А пушкарей, что понадобятся, то **ему камандиру тех полков** Ивану Дмитриевичу господину Буколку набирать из вольных охочих людей из всякого чина, кто похочет, и велеть их учить и оклады им учинить против [согласно жалованью - С.В.] 10 человек тобольских».

По прибытии Каландара в Тобольск ему была выдана английская ткань для мундира: «Артилерскому порутчику **Ивану Каландеру** на мундир сукна англлинского 8 аршин...», и «...на шитье мундиру и на нитки денег рублей 8...» установлен оклад в 80 рублей. Приговором Сената от 3 января 1716 года жалованье ему было увеличено до 150 рублей: «Петр Алесеевич... самодержец, указал, по имянному своему великаго государя указу, подполковнику Бухалту офицеров инженера призывать в службу из швецких, обретающихся в Сибири, которым свое великого государя жалованье обещат афицером армейские оклады, а инженеру [Каландару – С.В.] от 100 до 20 [наиболее вероятно «до 120» – С.В.], а по нужде и до 150 рублей на год».

Инициатору экспедиции «за песошным золотом» сибирскому губернатору Гагарину не довелось участвовать в организации экспедиции. В середине января 1715 года он отбыл из Тобольска в Москву и далее в Петербург, где и находился под следствием до начала января 1716 года. Исполняющим губернаторские обязанности был назначен тобольский обер-комендант Иван Фомич Бибииков, а помогать Бухольцу в организации экспедиции был назначен отец будущей жены Бухольца – тобольский комендант Дорофей Афанасьевич Траурнихт.

Так случилось, что после отъезда губернатора, в Сибири не осталось человека, который понимал бы цели и задачи будущей экспедиции «за песошным золотом». Никому, из оставшихся сибирских начальников и офицеров будущей экспедиции, в том числе подполковнику Бухольцу не было ясно - как такой малой военной экспедицией можно будет пройти на дощаниках несколько тысяч километров вверх по Иртышу, затем пешим порядком через высокогорный хребет, далее несколько сот верст по пустыне пройти до места добычи золотого песка и завладеть этими месторождениями. В чужой, враждебной стране. Офицеры и солдаты догадывались о самоубийственности всего этого предприятия.

Более опытный руководитель, чем бывший замкомандира учебной роты, собрав необходимые сведения, отправился бы сам или направил достойного офицера в столицу с докладом и доказательствами бессмысленности и гибельности задуманной экспедиции. Однако, к сожалению, Иван Дмитриевич не обладал необходимыми опытом и авторитетом. Организация экспедиции держалась на военной дисциплине и царском указе от 22 мая 1714 года. Никто не посмел поставить под сомнение царский указ. А вот для сибирских начальников участие в организации экспедиции был хороший способ поправить своё личное благосостояние. Кому Война, а кому мать родна. Кстати за это в 1716-1717 годах они понесли жестокое наказание вначале от губернатора Гагарина, а потом и от царя.

До конца июня 1714 года были сформированы два гарнизонных пехотных полка получивших названия Московский и Санкт-Петербургский, команда (полк) драгун, и артиллерийская команда (рота). Старшими

офицерами были: в Московском полку майор И.Л. Вельяминов-Зернов, в Санкт-Петербургском (предположительно) капитан «за майора» И.Г. Аксаков, у драгун (предположительно) драгунский поручик И.Д. Купер. Командовал артиллерийскими служителями – артиллерии поручик Я. Каландар. Под его командой было 70 человек, в том числе 46 пушкарей и канониров, слесари, кузнецы, паяльщик, токари, плотники. На вооружении артиллеристов было 28 пушек и мортир разного калибра, и около 20 тысяч разноименных боеприпасов.

Ямышевская крепость 1715-1716 гг.

Отряд, общей численностью немногим меньше 3 тысяч человек, прибыл на Ямышевское озеро 1 октября 1715 года. Вначале были поставлены вспомогательные здания и сооружения – казармы, офицерские дома, склады, а также артиллерийский острог. К построению главного оборонительного сооружения – земляной крепости (ДОС) приступили 29 октября и завершили строительство к 10 ноября.

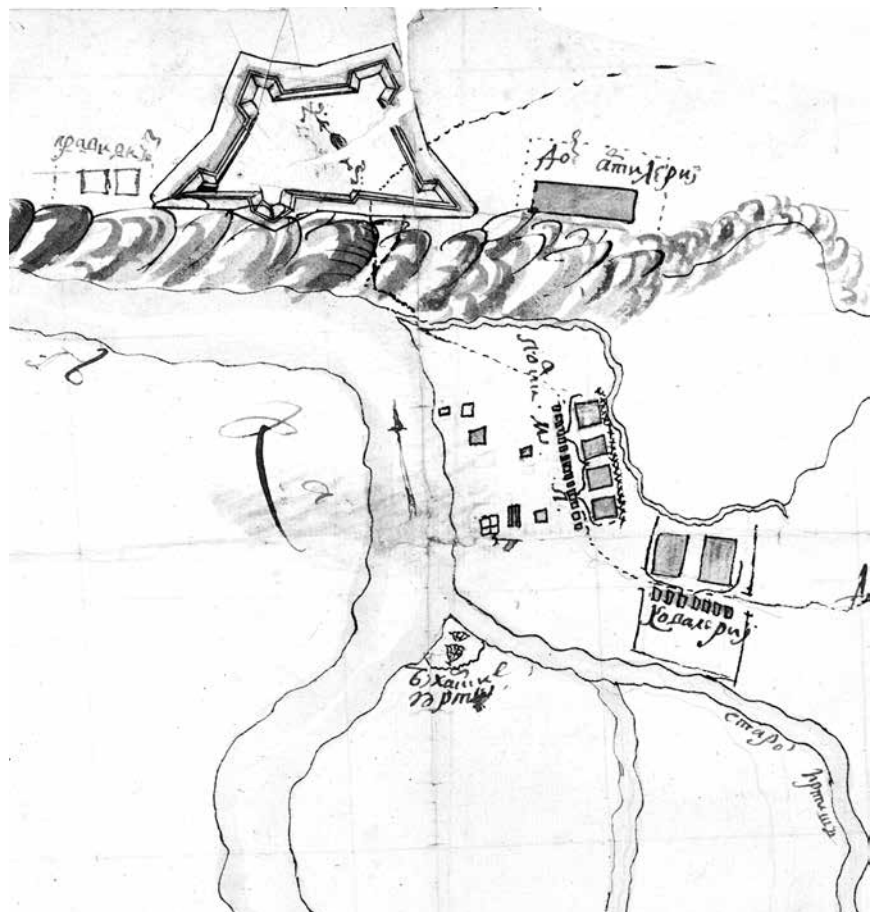
Ямышевская крепость (УНП) строилась исходя из фортификационного опыта руководителя экспедиции подполковника Бухольца и артиллерии поручика Каландара. А их опыт ограничивался знаниями, полученными на Северной войне, когда противник брал крепости в результате артиллерийского обстрела и длительной осады. В результате крепость (ДОС) и остальные оборонительные сооружения получились отдельно стоящими.

К декабрю основные работы были закончены. По завершении строительных работ Яган Каландар изготавил карту, которая предположительно вместе с письмами была отправлена царю Петру в декабре 1715 года.

В феврале 1716 года на Ямышевскую крепость было совершено нападение калмыцкой конницы, численностью значительно превосходящей число оборонявшихся. Однако, благодаря героизму солдат и офицеров, слаженной работе артиллеристов, удалось отбить атаки нападавших.

В результате осады, отряд Бухольца оказался в тяжелом, практически безвыходном положении. Покидать крепость и двигаться вверх по Иртышу – было невозможно, из-за преобладающих сил противника и отсутствия помощи из Тобольска. Сдать крепость и вернуться в Тобольск без соответствующего приказа – серьёзное нарушение царского указа и присяги.

Офицеры понимали, что необходимо было прекратить бессмысленный поход, продолжение которого повлекло бы сотни человеческих жертв, закончиться крахом, бесславно и трагически. Возникшая в отряде эпидемия неизвестной болезни сняла все сомнения – было решено разрушить крепостные сооружения и по первой весенней воде вернуться на территорию Тарского уезда – к Татмыцкой слободе или к устью реки Оми. В Тобольск было направлено соответствующее письмо. К тому времени вернулся в Сибирь из-под следствия губернатор Гагарин. В своем письме он категорически запретил Бухольцу возвращаться в Тарский уезд и потребовал двигаться вверх по Иртышу до озера Зайсан. Однако губернаторское письмо опоздало. 28 апреля 1716 года отряд Бухольца (с его слов) приступил к разрушению крепости и по первой воде первые дощаники с людьми и имуществом двинулись вниз по течению.

Ямышевская крепость, план 1715 г.

Омская крепость. 1716 год.

Гагарину удалось остановить отряд Бухольца в устье Оми, куда сам Бухольц прибыл 10 июня 1716 года. Губернатор принял решение - использовать вернувшийся отряд для строительства крепости в устье Оми. Эта крепость была необходима для обеспечения провиантом будущих экспедиций и строительства крепостей в верховьях Иртыша. 10 июля из Тобольска отправился отряд полковника «слобоцких драгун» Федота Алексеевича Матигорова с указом на имя Тарского коменданта и подполковника Бухольца о строительстве крепости в устье Оми. Предположительно конный отряд Матигорова со слободскими драгунами (казаками) прибыл к устью Оми 22 июля (по старому стилю) 1716 года и передал указ о строительстве крепости (УНП). Этот день и можно считать датой начала строительства Омской крепости.

План первой омской крепости во многом повторял план ямышевской крепости 1715 года. Тот же руководитель строительства, тот же фортификатор и планировщик, те же офицеры и воинский отряд в том же количестве, те же просчёты. Артиллерийский острог (ДОС) в первой омской крепости, так же как и в ямышевской крепости поставили отдельно от земляной крепости (ДОС) рядом с переправой через Омь. Земляная крепость (ДОС) также как и на Ямышево представляла собой усеченный правильный шестиугольник с бастионами, но в отличие от ямышевской была не четырехугольная, а пятиугольная, т.е. были усечены не два луча, а один.

К концу 1716 года завершено строительство первой омской крепости располагавшейся в районе современного речного вокзала. Она состояла из земляной пятиугольной крепости (ДОС), артиллерийского острога (ДОС), походной церкви, пороховых и провиантских складов, казарм для солдат, домов для офицеров, и т.д. Первая омская крепость была практически копией крепости (УНП), поставленной в 1715 году у Ямышевского озера. И, соответственно, несла в себе главный недостаток: крепостные сооружения были разрозненны, внешнее ограждение практически отсутствовало. При нападении неприятеля всему гарнизону пришлось бы защищать крепостные объекты стоящие отдельно друг от друга, что и произошло в 1716 году при обороне Ямышевской крепости. Неудачная планировка первых ямышевской и омской крепостей (УНП) объяснялась, прежде всего, отсутствием необходимого фортификационного опыта у руководителей строительства – подполковника И. Бухольца и артиллерии поручика Я. Каландара.

Учитывая опыт строительства ямышевской крепости (УНП), можно предположить, что крепость в устье Оми строилась следующим порядком. Примерно 22 июля был забит колышек в центре будущей земляной крепости (ДОС), затем приступили к строительству стационарной походной церкви, и началось строительство прочих зданий и сооружений – казарм, офицерских домов, складов, артиллерийского острога. К строительству главного оборонительного сооружения (земляной крепости (ДОС)) приступили, возможно, в конце августа 1716 года.

В 1734 году профессор Г.Ф. Миллер знакомился с Иртышскими крепостями, общался с офицерами, участвовавшими в строительстве первой омской крепости, в т.ч. с майором И.Л. Вельяминовым-Зерновым, беседовал с И. Бухольцем весной 1735 года в Селенгинске. С их слов профессор сделал описание первой омской крепости: *«И так немедленно крепость при реке Оми строить начали. Артиллерии Порутчик Каландер имел опять смотрение над строением. Избрали место на южном берегу реки Оми около 50 сажен [106,5 метра – С.В.] от её устья. Низкой земляной вал в фигуре правильного пятиугольника обнесен полисадом, с пятью таких же болверков [бастионов – С.В.] на углах, и со рвом, около котораго поставлены были рогатки. Сие крепостное строение еще до зимы приведено в полное состояние... Называли ее по ея положению Омскою крепостью»*. Описание, составленное Миллером, подтвердил в своей работе сибирский летописец 18 века И. Черепанов.

В настоящее время фрагменты остатков крепостного вала первой омской крепости выявлены на одном из планов Омской крепости 18 века.

В это же время полковник Матигоров с тремястами драгунами (казаками) восстановил Ямышевскую крепость, поставил из остатков крепостных сооружений острог, в октябре 1716 года принял бой с более чем семитысячным конным отрядом калмыков и успешно отбил все их атаки. Успех обороны Матигорова объясняется, прежде всего, удачной планировкой острога (ДОС), когда все оборонительные сооружения находились внутри за острожной стеной, и калмыцкая конница не могла беспрепятственно двигаться внутри оборонительного сооружения. Ну и конечно воинскими способностями командира и боевым духом и профессионализмом всех трехсот сибирских воинов.

16 декабря 1716 года в Омскую крепость пришел царский указ за подписью сибирского губернатора, о подготовке и организации экспедиции на озеро Зайсан. Однако Бухольц оставляет крепость под командою майора Вельяминова-Зернова и 22 декабря 1716 отбывает в Тобольск, а затем весной 1717 года покидает Сибирь. В своем письме на имя князя Меншикова, в феврале 1717 года он пишет: *«А в прошлом же 716-м году декабря в 16 де[нь] прислан ко мне указ великого государя от господина ж губернатора за ево рукою, в котором писано: по имянному ево, великого государя, указу велено мне иттить до Зайсан-Нор озера, чрез которое прошла река Иртыш, и на оном озере построить город немалой.*

И против одного указа подал я господину губернатору доношение, что оное озеро во владении контайши выше Ямышева вверх по Иртышу в далном разстоянии, и проход судовой и сухопутной велми трудной, и дойти малыми войски и новыми людьми невозможно».

А на вопросы Сената в январе 1719 года он отвечал: «Построя ту крепость по присланному к нему от губернатору указу, поставил он под командою майора Вельяминова-Зернова декабря 22 числа 716 году; а в Тобольск прибыл того же декабря 31 числа... а з бомбандирами и с канонерами отправлен был из Москвы артиллерии поручик Календор, при котором было вышеписанных людей из Москвы и из Тобольска сорок шесть человек, и по отезде ево тот артиллерии порутчик оставлен с ними в вышепомянутой крепости при майоре Вельяминове-Зернове».

Устье Оми. 1717 год.

Яган Каландар, после завершения основных строительных работ занялся исполнительной съёмкой вновь построенных оборонительных сооружений. После того как стал лед на Иртыше изготовил топографическую съёмку местности, в том числе левого берега Иртыша и правого берег Оми. Результат этих топографических работ послужил топоосновой при планировании второй омской крепости (УНП) в 1717 году.

Опыт обороны первой ямышевской крепости отрядом подполковника Бухольца и ямышевского острога отрядом полковника Матигорова показал непригодность в сибирских условиях крепостей построенных по европейскому типу и преимущество традиционной, сибирской планировки, правда с применением европейского опыта, т.е. строительство бастионов. Вместо земляной крепости (ДОС) решено было поставить в устье Оми комплекс оборонительных сооружений, включающий в себя пятиугольный острог (ДОС) и слободу (ПВУНП). Внутри острога (ДОС) должны были находиться все оборонительные здания и сооружения – казармы, склады, конюшни, а по углам предусмотрены бастионы.

Рядом с Омской крепостью на правом берегу Оми Гагарин основал слободу (ГНП) и заселил её «семейщиками». Руководить строительством второй омской крепости был поставлен майор Илья Гаврилович Аксаков, который был возведён в чин майора приказом губернатора.

Сведений по основанию Омской слободы и по строительству второй крепости крайне мало. Тем ценнее опись документов Тарской канцелярии, скопированная для профессора Г.Ф. Миллера в 1734 г. Об этой описи упоминал профессор В.И. Кочедамов в 1960 г., а в 2015 г. её опубликовали барнаульские учёные В.Б. Бородаев и А.В. Контев.

Из названия документа «О строении Омской крепости города и сколько того города места где строить и строитца семейщикам надолобы для того, что о том в Омской крепости не ведома» следует, что в устье Оми прибыли «семейщики», однако нет чертежей и соответственно неизвестно, где и как надлежало строить новый город (УНП).

Из Тары в Омскую крепость направляется чертёж «О строении Омской крепости за Омью рекою острогу и дворов в линию». В 1722 году этот чертёж был использован капитаном-инженером Полем де Гранжем при разработке плана крепости на правом берегу Оми.

Интересен документ «Отписка из Омской крепости за рукою одного ж Оксакова о строении в Омской крепости города по чертежу, какими людьми, семейщики ль или гварнизонными казаками». Из названия следует, что чертёж крепости получен, однако майору Аксакову не ясно, кого привлекать к строительству города (крепости) – «семейщиков» или гарнизонных казаков.

Наиболее вероятно, что чертёж второй омской крепости и Омской слободы был изготовлен артиллерии поручиком Яганом Каландаром. Из этого же документа следует, что разработчик чертежа находился в Таре. То есть Каландар весной и летом 1717 года разрабатывал чертежи второй омской крепости, Омской слободы, третьей ямышевской крепости находясь в Таре. В это же время в Таре находился тобольский оберкомандант Семен Прокопьевич Карпов. Вероятно, что чертежи иртышских крепостей разрабатывались с учётом их инженерного и воинского опытов.

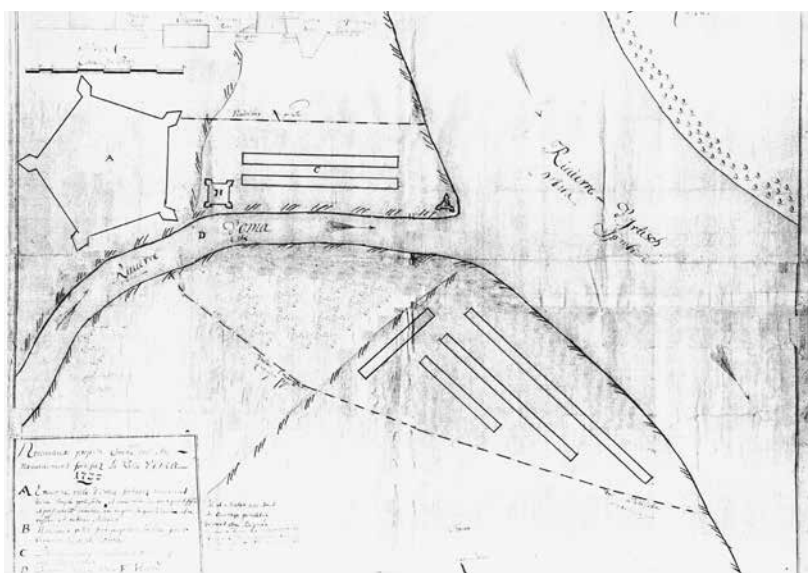
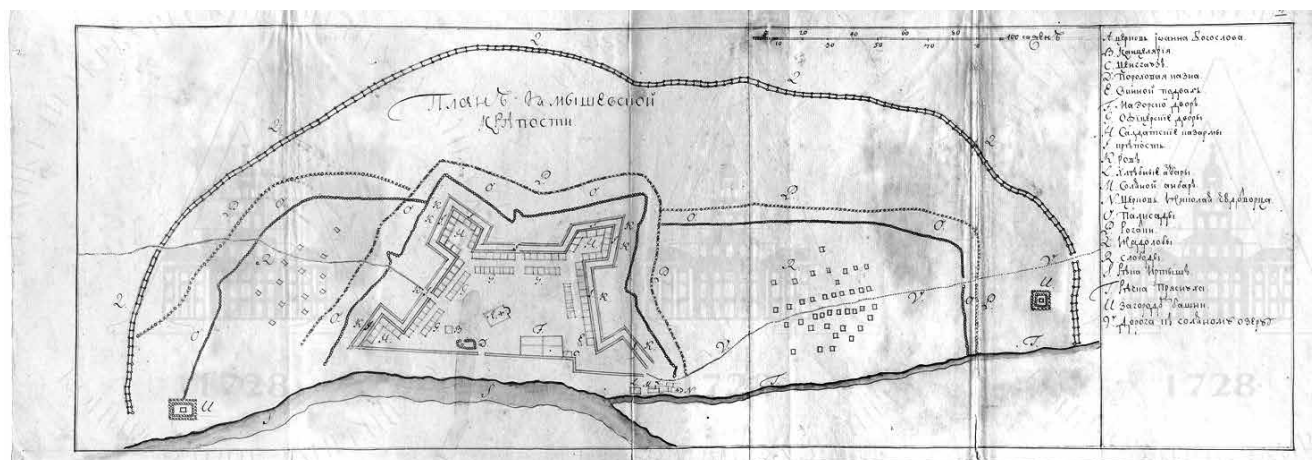

Чертёж крепости и слободы. Из проекта 1722 года

Ямышевская крепость 1717 год.

Летом 1717 года приступили к строительству новой ямышевской крепости «...которую... заново построили под руководством подполковника Прокофия Ступина. Возведением новой большой крепости руководил тот же поручик Каландер, который построил здесь первое земляное укрепление осенью 1715 г... Когда трёхтысячный отряд Ступина прибыл летом 1717 г. к Ямышевскому озеру, там имелись остатки полуразрушенного земляного укрепления И. Д. Бухолца и стоящий рядом палисадный острог, возведённый казаками Федота Матигорова. Поскольку Ступин получил от Гагарина приказ «у Ямышева сделать большую крепость», ему надлежало заложить новую, третью крепость. «Сие еще тем же летом под смотрением артиллерийского поручика Каландера учинено, – писал Г. Ф. Миллер. – Вместо малого острога построена регулярная крепость полустеиугольником, с двумя к степи сделанными болверками и двумя половинами, к Иртышу приведенными. За благо разсуждено крепость делать не земляным валом, но деревянным строением».

План Ямышевской крепости, которую застал Миллер в 1734 г., сохранился в двух копиях в фонде учёного. На этом чертеже действительно изображено укрепление в форме полустеиугольника с двумя бастионами, обращёнными в сторону степи, и двумя полубастионами на берегу Иртыша.

Ямышевская крепость, план 1728 года

Восточный полубастион располагался над устьем реки Преснухи, правого притока Иртыша. Сопоставление плана 1734 г. с чертежом 1715 г. не оставляет сомнений в том, что третью Ямышевскую крепость поручик Каландер возвёл на месте своей же первой земляной крепости...».

Заключение

Имя Ягана Каландара как фортификатора и планировщика стало широко известным не только в Сибири, но и в столице. В царском указе Сенату от 9 августа 1717 года «О приглашении Шведских пленных вступить в гражданскую службу при Коллегиях», указано: «...для того в те Губернии, кроме Московской и Сибирской, изволите Ваше Сиятельство и высокородные Господа Сенаторы, выбрав особливых к тому удобных людей, послать, которые бы оных могли приговаривать и меня уведомить, кто пошлется...».

...а на Москве и в Сибири кому оных искать и призывать, определены будут от меня из Артиллерийских служителей, а имянно, в Москве Ober-Аудитор Ранзер, **в Сибири Капитан-Поручик Каландар...**».

Яркая судьба талантливого военного инженера окончилась трагично. Летом 1718 года, при неясных обстоятельствах, он утонул в Иртыше, предположительно между Семипалатинской и Ямышевской крепостями.

В январе 1719 года, князь Гагарин, находясь под очередным следствием, давал объяснение в Сенате: «...Артиллерных служителей малое число, и что их, о том паметовать не могу, а ведение подлинное о том о всем прислано в приказ артиллерии. А которой капитан поручик Каландер был, по воли Божии, утонул, едучи к Тоболску, и в таких людех есть скудость».

Один из островов на Иртыше, выше с. Ямышево, носит имя Каландара. Об этом ещё в 1722 году писал артиллерии капитан Унковский: «...От Ямышевской крепости пошли. Проехали Каландеров остров... Прошли Черную речку, верхнее устье Беловодья...».

С них начинался Омск. Первые жители старой Омской крепости.

Истории становления большого, с миллионным населением, российского города Омска уже более 300 лет. Мы знаем всех его глав от первого строителя подполковника И. Д. Бухольца до нынешнего мэра О. А. Фадиной, однако нам до сих пор не известны фамилии и имена тех простых людей, которые его построили на пустом месте и основали. Именно они: посацкие, крестьяне, отставные солдаты и казаки, со своими семьями первыми осваивали территорию старой Омской крепости, заводили хозяйства, сеяли и обрабатывали землю, помогали драгунам нести караульную и выездную службу. Знание их фамилий и имен дает восстановить с самого начала нить исторической памяти становления Омска как города, придает ей вид органической целой общности и преемственности многих поколений омичей. До сих пор в Омске проживают прямые потомки первых жителей Омской крепости, однако не знают об этом в силу отсутствия подобных исследований.

Для результативного проведения исследования по выявлению фамилий первых жителей Омской крепости необходимо было в первую очередь определиться с временными рамками исследования архивных материалов и дать определение кого можно считать первым омским жителем. В силу огромных потерь за 300 лет архивных материалов (пожары, истление в силу ветхости, грибков, умышленное уничтожение и др.) нами были исследованы сохранившиеся архивные материалы российского государственного архива древних актов, государственного архива Тюменской области, в том числе и его филиала в Тобольске, исторического архива Омской области. Для получения точных данных из-за большой миграции (смерти, набор в рекруты, рождения, переселения) населения и его учету выявлялись родословные связи предполагаемых первых омичей (к примеру: в Омской крепости с 1725 по 1747 годы убыло 61% всех живущих[1]).

Нами было определено, что первым жителем старой Омской крепости является поселенец любого сословия, ведущий оседлый образ жизни и обремененный своим хозяйством до 1744 года в границах самой Омской крепости и ее Луговской и Омской слободах. 1744 год – это год прихода в Омскую крепость регулярных войск. Так в январе 1745 года в Омской крепости дислоцировались: 12 человек сибирского драгунского полка, половина роты новоучрежденного драгунского полка и рота командированного пехотного полка [2]. Все отставные служилые, оставшиеся проживать в Омской крепости после службы, также относились к первым жителям, как и другие сословия: посацкие, разночинцы, казаки, крестьяне, ссыльные.

Просмотр документов Тюменского архива выявил документы, датированные 1718 годом, когда за неоплату налогов в Омскую крепость были высланы в ссылку посацкие, пашенные оброчные крестьяне Тюменского уезда, у которых в зачет неуплаты забрали весь выращенный урожай хлеба [3]. С ними были высланы и их семьи. Многие, прибыв в ссылку в Омскую крепость, вскоре сбежали из нее. Была организована их ловля, а поймав – допросы, и через г. Тобольск вновь их отправляли в Омскую крепость [4]. Тюменские ссыльные существенно пополнили население старой Омской крепости, ведь в ней до них несли службу лишь драгуны и солдаты малым числом и присланные из Тобольска и Тары [5]. Здесь есть интересный факт в том, что к 1747 году из казачьих команд, которые пожелали остаться проживать в Омской крепости после службы, существенно преобладают выходцы из Томской губернии. Это говорит о том, что почти все тобольские и тарские солдаты и казаки, пройдя тяжелейший поход с Бухольцом, выжившие в этом походе и строившие деревянные стены крепости на Оми, все же вернулись на Родину к семьям. Этот факт доказало семейное исследование, проведенное посредством просмотра сохранившихся метрических книг в ИАОО Сергиевской и Пророко-Ильинской церквей за 1743-1759гг, а также окладных и дозорных книг по Томской губернии.

Все же основным документом исследования и выявления первых жителей Омской крепости была сохранившаяся переписная книга купцов, посадских людей, цеховых, разночинцев, государственных черносошных крестьян, ссыльных людей Омской крепости за 1748 год [6]. Эта ревизская сказка имеет неоценимое значение для выявления первых омских жителей, ибо переписная книга за 1719-1727гг по Омской крепости и Тарскому уезду не сохранилась. Однако на всех листах ревизии 1748 года есть ссылка на утерянную перепись в плане наличия в 1725 году той или иной персоны. Эта ревизия позволила, используя более поздние документы, проследить судьбу потомков первых жителей Омска.

Все фамилии, имена и отчества первых жителей Омской крепости, их возраст и часть биографии представлены в нижеследующей таблице.

Таблица первых жителей Омской крепости (Омска)

Агапитов Иван	служилый, в 1742г – 60л_
Агафонов Филипп (Васильев?)	Сергиевская церковь 1754г, сын уже женат в 1755г_
Азев Игнатей	солдат в 1743г_
Акарицын Иван	служилый, в 1745г родилась дочь_
Алпатов Иван	1744г-отставной -60лет_
Аркашев Алексей	1743г, умер в 1758 в 65л_
Ауков Степан	1744г-отставной казак_
Бабилов Савва	в 1745г- солдат_
Бабилов Семен Михайлов	в 1747г – 47л_разночинец
Бабкин Иван Максимов	в 1747г – 62г, с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_
Байгулов Иван	казак, умер в 1752г_
Бармачев Василий (Бармачугов?)	в 1760-94г_
Бархатов Василий	в 1743г – солдат_
Басаргин Иван	в 1743г – солдат_
Баташков Илья Андреев	в 1747г – 70л_из казаков в разночинцы
Батурин Иван	в 1747г – 33г_разночинец
Батурин Максим	в 1743г-отставной солдат, в 1760г-83г_
Батурин Петр	отставной солдат 1743г_
Бебиев Трофим	отставной служивый _
Бегунов Леонтий Борисов	казак, в 1747г-55л_
Бедрин Дмитрий Иванов	в 1744г- пятидесятник, умер в 1754-55 в 60л_
Бедрин Егор	в 1747г – 29л_из казаков в разночинцы
Бедрин Лука	в 1760г- 66л, умер в 1766г_
Бедрин Федор	в 1747г – 25г_из казаков в разночинцы
Бекишев Алексей	подьячий
Бекишев Игнатий Алексеев	в 1747г – 48л_разночинец
Бекишев Михайло	в 1747г – 53г_по указу в разночинцы
Бекишев Петр Алексеев	в 1747г – 57л_разночинец
Белобородов Петр	в 1747г – 30л_разночинец
Белослутцов Василий	в 1760г – 74г_
Белослутцов Семен	в 1760г – 68л_
Белослутцов Андрей	в 1747г – 32г_разночинец
Беляев Григорий Васильев	в 1747г-72г, отставной_
Березовский Афанасий	в 1747г – 31г_разночинец
Березовский Иван	в 1760г -90л_
Березовский Никита	в 1760г – 85л_
Березовский Прокопий (Ермолаев)	в 1747г – 70л, отставной, в 1766г умер в 95л_
Березовский Яков	служилый, умер в 1760г в 80л_
Бобылев Трифон	ганлангер артиллерии_
Богданов Тимофей	беглый, дети есть
Брюханов Михайло Авдеев	в 1747г – 59л_крестьянин
Брюханов Степан Авдеев	в 1747г – 77л_крестьянин
Бубенной Герасим	капрал, в 1760г-83г, умер в 1771г в 99л_
Будаков Конон	дочь род. в 1745г_
Бурнашев Матвей	сбежавший крестьянин, с Тюменских ссыльных_посацкий,
Бурнашов Петр Матвеев	в 1747г – 30л_разночинец
Бурыхин Никита Иванов	отставной казак, в 1772г умер в 51г_
Бутаков Василий	солдат, в 1765г его сын Филипп в казаках_

Вашенин (Важенин)Елфим	в 1760г – 71г, умер в 1771г в 89л_
Ведерников Елизар	посацкий_посацкий
Ведерников Иван Елизаров	в 1747г – 35л, с Тюменских ссыльных_посацкий
Ведерников Михайло Елизаров	в 1747г – 44г, с Тюменских ссыльных_посацкий
Вергунов Матвей Логинов	в 1747г – 70л, отставной, 67л_
Верфт Егор	отставной капрал артиллерии в 1760г, в 1772 умер в 109л_
Верфт Никита	кананеров сын, в 1756г женился_
Вершинин Матвей	в 1760г – 80л_
Вершинин Петр	в 1745г умерла жена в 70л_
Вершинин Прокопий	в 1760г – 77л_
Вершинин Сергей Иванов	в 1747г – 77л_разночинец
Вершинин Степан	в 1747г – 28л_посацкий
Власов Андрей Федоров	в 1754г умер в 72г_
Власов Афанасий Федоров	в 1755г умер в 72г_
Власов Иван	капрал казачий, в 1769г умер в 95л_
Власов Федор	в 1743г был_
Володимерцов Аврам	в 1743г умерла жена, в 1759г – умер_
Володимерцов Алексей	в 1756г умерла жена_
Волошных Иван Петров	в 1747г – 30л_крестьянин
Волошных Ларион Петров	в 1747г – 27л_крестьянин
Воронов Нестер	в 1756г вышла замуж дочь_
Воронов Петр	в 1760г – 66л в Ачаире_
Ворошилка Федор	солдат, в 1744г есть_
Выдрин Андрей	в 1744г в казаках, есть дети_
Вяткин Гаврила	умерший_крестьянин
Вяткин Михайло Осипов	в 1747г – 39л_крестьянин
Вяткин Федор	умерший_крестьянин
Галактионов Яков	в 1747г – 45л_поповский сын в разночинцы
Глазырев Федор Козмин	в 1747г – 67л_разночинец
Голешев Афанасий	умер в 1744г, казак_
Голешев Семен	в 1747г умершего казака сын_
Гребенщиков Иван Алексеев	в 1747г – 67л_разночинец
Грезов Дмитрий	фузелер артиллерии, отставной, в 1756г умерла жена_
Грызов Иван	в 1760г- 75л_
Грызов Кирилл	казак 1755г, далее а Ачаире_
Губин Вавила	отставной казак, 1757г_
Губин Василий	в 1760г-70л_
Губин Константин	умер в 1764г в 70лет, в 1760г- 65л_
Гупкин Амвросий	в 1755г- отставной_
Гуселетов Кузьма	в 1743г- солдат_
Гусенцов Федор	в 1760г-72г_
Гутов Иван	в 1760г – 75л_
Гутов Лазарь	умер в 1745г_
Гутов Петр Спиридонов	в 1753г родилась дочь_
Двинянин Илья	в 1758г умер в 75л_
Девятков Григорий	в 1755г есть, в 1772г умерла жена_
Девятков Федор	в 1752г бывший казак_
Дорохов Александр	сотник 1760г_
Дорохов Василий	в 1755г служивый_
Дорохов Максим Иванов	в 1765г-отставной сотник, умер в 86л в 1765г_

Дорохов Федор	в 1745г служивый_
Дорохов Яков	в 1747г – 25л_разночинец
Дубровин Андрей	служилый в 1752г_
Езов Василий Дементьев	в 1760г – 63г, умер в 1773г в 72г_
Езов Дементий Стафеев	в 1747г – 87л_отставной казак
Езов Зотей	умерший_крестьянин
Елгин Никифор	в 1747г – 24л_разночинец
Елгин Федор	в 1760г-77л_
Елкин Алексей Григорьев	артиллерии капрал, умер в 1756г в 79л_
Еремин Алексей	в 1747г-29л_
Еремин Андрей	в 1747г – 26л_разночинец
Еремин Иван	в 1747г – 31л_разночинец
Ефтин Борис	отставной казак 1743г_
Жданов Иван Степанов	1756г умер в 68л_
Жуков Алексей	в 1760г – 76л_
Жуков Емельян	в 1760г-62г_
Жуков Иван	в 1760г – 79л, умер в 1769г в 84г_
Жуков Спиридон	в 1760г-72г_
Жуков Степан Иванов	в 1743г отставной казак, в 1747г – 59л_
Жуков Степан Осипов	в 1747г-76л_
Жуков Тимофей	в 1760г-82г_
Завьялов Василий	в 1760г -70л, умер в 1770г в 85л_
Завьялов Осип Иванов	в 1747г-73г, умер в 1758г-83г_
Завьялов Осип Исаков	в 1747г – 73г_отставной казак
Зайцов Андрей Лукьянов	в 1747г – 47л_разночинец
Засыпкин Иван	в 1760г-75л_
Зломанов Кондратий Иванов	в 1747г – 59л, с Тюменских ссыльных_посацкий, после разночинец
Зубенский Герасим	отставной капрал, в 1760г-83г_
Зыков Иван Львов	в 1747г – 38л_разночинец
Ившин Терентий Трифанов	в 1747г – 30л_разночинец
Измайлов Иван	в 1744г солдат_
Кайсаров Петр	в 1766г умер в 55л_
Калистратов Михайло Денисов	в 1747г – 60л_крестьянин
Калугин Василий	в 1756г умер в 74г_
Кан(й)далов Иван	в 1756г-пятидесятник_
Карбышев Федор	в 1760г – 79л, умер в 96г_
Кипреев Василий Евтифеев	в 1747г – 36л_разночинец
Кипреев Дементий Евтифеев	в 1743 есть, в 1747г – 49л, отставной казак_
Кипреев Евтифей	с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_посацкий
Кипреев Иван Евтифеев	в 1747г – 38л_разночинец
Кипреев Константин Евтифеев	в 1747г – 42л_разночинец
Киселев Семен	в 1743г – солдат_
Кичев Григорий	в 1745г- солдат_
Кичев Федор	в 1755г бывший казак, умер в этот год_
Кожемякин Иван	в 1747г – 53л_приписан по указу
Кожемякин Федор	в 1760г – 64г_
Козминых Игнатий Ларионов	в 1747г – 42л_разночинец
Козьяков Иван	в 1747г – отставной 83-х лет_
Козьяков Иван Спиридонов	в 1747г – 83л_отставной казак

Козьяков Петр	в 1747г – 29л_разночинец
Кокарев Андрей	в 1743г родилась дочь_
Колмогоров Филипп Иванов	в 1747г – 64г_разночинец
Колобов Григорий	в 1743г отставной казак, умер в 84г_
Коломин Гаврило Борисов	в 1747г – 69л, отставной казак_
Коновалов Иван	умерший_разночинец
Копьев Федор Яковлев	в 1747г – 41г_разночинец
Корнилов Иван	в 1760г – 76л_
Корноухов Артемий	в 1744г – служилый_
Коробейников Федор	посацкий, с Тюменских ссыльных_посацкий
Коровин Степан	в 1760г – 72г_
Кортаев Максим Иванов	в 1747г – 75л_разночинец
Кортасов Алексей	посацкий, с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_посацкий
Кортосов Иван Алексеев	в 1747г – 31г_разночинец
Кортосов Никифор Алексеев	в 1747г – 25л_разночинец
Кортосов Степан Алексеев	в 1747г – 37л_разночинец
Котовщиков Никита Васильев	в 1747г – 77л_разночинец
Кривошеин Михаил	в 1760г – 85л_
Кропивин Алексей	в 1745г – отставной солдат_
Куделкин Ефим Яковлев	в 1747г – 54г_крестьянин
Куделкин Прохор Филиппов	в 1743г – служилый_
Кузнецов Ермола	в 1760- 95л_
Куницын Дмитрий	в 1747г – 62г_разночинец
Кусков Алексей	в 1757г – отставной_
Кусков Гаврило	в 1760г – 65л, умер в 67г в 77л_
Куторгин Юда Михайлов	в 1747г – 37л_разночинец
Куфтеев Матвей	в 1752г- солдат и родилась дочь_
Лазарев Никита	кананерский сын_
Лапин Иван	в 1743г – служилый_
Лапин Клементий	в 1756г умер в 98л_
Лапин Петр	в 1747г – 29л_разночинец
Ларионов Гаврила Петров	умерший_крестьянин
Ларионов Петр Лазарев	в 1747г – 52г_крестьянин
Легачев Иван	в 1760г – 73г_
Литвинов Алексей	в 1747г – 28л_разночинец
Литвинов Федор	в 1760-89л_
Лиханов Андрей	в 1760г – 74г_
Лобов Петр Михайлов	в 1747г – 52г_крестьянин
Макаров Михаил	в 1744г родилась дочь_
Макарьев Лука Яковлев	в 1747г – 72г_крестьянин
Малчихин Алфер	сбежавший крестьянин_посацкий
Малчихин Елизар Иванов	в 1747г – 28л_разночинец
Малчихин Иван	сбежавший крестьянин, с Тюменских ссыльных_посацкий
Малчихин Семен Иванов	в 1747г – 41г_разночинец
Манжин Алексей	в 1760г -78л_
Манжин Василий	в 1759 умер в 80л_
Манжин Дмитрий	в 1764г умер в 76л_
Манжин Иван Екимов	в 1764г умер в 70л_
Манжин Федор	в 1757г умер в 70л_
Мартелов Данило Федоров	в 1745 умер в 80л_

Масласов Иван	в 1760г -75л_
Масласов Петр	в 1779г умер в 88л_
Маталасов Константин	посацкий, бежал с омской крепости в 1718г_
Мединцов Андрей Федоров	в 1747г отставной казак, умер в 71г_
Мельников Иван	в 1743г солдат_
Меншиков Никифор Афанасьев	фузелер в 1744г, умер в 1756г в 62г_
Меншиков Степан Борисов	в 1747г – 30л_отставной солдат
Минин Федор	солдат_
Морозов Иван	в 1754г казак_
Морозов Никита	отставной_
Мосеев Анцифер Алексеев	в 1747г – 42г_разночинец
Мосеев Ульян Алексеев	в 1747г – 36л_разночинец
Москвин Афанасий Никифоров	в 1747г – 62г_разночинец
Никитин Андрей	в 1744г казачий сын_
Никитин Афанасий	в 1747г – 69л_ссылный
Никитин Иван	в 1760г – 77л_
Новолошных Филипп Петров	в 1747г – 42г_крестьянин
Носков Савва Васильев	в 1747г – 49л_разночинец
Оксенов Григорий Федоров	в 1747г – 30л_разночинец
Оксенов Иван Федоров	в 1747г – 34г_разночинец
Оксенов Федор	с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_посацкий
Орлов Артемий Егорьев	в 1747г – 38л_разночинец
Орлов Егор	крестьянин, с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_посацкий
Орлов Филипп Егорьев	в 1747г – 37л_разночинец
Ошкунов Тимофей Перфильев	крестьянин, с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_посацкий
Панов Мосей	посацкий, с Тюменских ссыльных_посацкий
Пахандрин Василий	в 1757г казачий писарь_
Пахандрин Семен	в 1744г есть_
Пахомов Аника	в 1760г- 71г, умер в 1773г в 82г_
Пахотин Юрий Федотов	в 1747г – 67л_разночинец
Первушин Ларион Клементьев	в 1747г – 47л_разночинец
Первушин Осип	солдат в 1743г_
Первушин Яков Клементьев	в 1747г – 41г_разночинец
Петков Иван	в 1744 родился сын_
Пешков Федор	в 1759г отставной казак_
Пименов Яков	в 1745г конанер_
Пирогов Лука Еремеев	отставной солдат, в 1770г умер в 89л_
Пичугин Алексей	в 1743г умерла жена, в 1756г – отставной казак_
Пичугин Максим Михайлов	в 1747г – 64г, отставной казак_
Планков Дорофей	сбежавший крестьянин, с Тюменских ссыльных_посацкий
Планков Елисей Дорофеев	в 1747г – 27л_разночинец
Планков Никифор Дорофеев	умерший_разночинец
Плотников Иван	в 1743г умер, отставной_
Покотин Иван (Похотин?)	умерший_разночинец
Полуаршинной Никифор Аникин	в 1747г – 33г_разночинец
Пономарев Андрей Никитин	в 1747г – 25л_разночинец
Пономарев Филипп Иванов	в 1747г – 85л_разночинец
Попов Афанасий	умерший_крестьянин

Попов Федор Васильев	сбежавший крестьянин, с Тюменских ссыльных_посацкий
Поспелов Данила	в 1754г отставной_
Поспелов Евсей	посацкий, с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_посацкий
Поспелов Емельян Борисов	в 1747г – 77л_крестьянин
Поспелов Логин	посацкий, с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_посацкий
Поспелов Михаил	в 1743г солдат_
Пренцов Иван	канонир_
Проскоков Егор	–
Путинцов Алексей	в 1760г – 70л_
Путинцов Григорий Данилов	в 1758г отставной казак, в 1747г – 63г_
Пушкарёв Афанасий Михайлов	в 1747г – 45л_посацкий
Пушкарёв Иван	в 1768г умер в 86л_
Редикорцев Афанасий	солдат, в 1760г – 53г_
Рекикорцев Федор	в 1743г солдат_
Рогозин Федор Леонтьев	сбежавший крестьянин, с Тюменских ссыльных_посацкий
Романов Иван	крестьянин_разночинцы
Рытов Алексей	в 1756г- отставной казачий капрал_
Рытов Афанасий	в 1760г – 77л, умер в 1769г в 83г_
Рытов Федор	в 1745г умер в 48л_
Сальников Яков	в 1743г – солдат_
Сартаков Борис Григорьев	в 1747г отставной служилый умер в 68л_
Сваровский Петр	в 1756г – отставной умер в 84г_
Сваровский Степан	в 1760г -82г_
Свидерский Иван	казак, с 1757г священник Ильинской церкви_
Седельников Степан	в 1760г- 74г_
Семенов Михайлов Иванов	в 1747г – 34г_бывший подьячий
Сергеев Федор	в 1757г – отставной казак, умер в 59л_
Серебренников Афанасий	казак, с 1745г сын его Василий священник в Чернолучье_
Серебренников Степан	в 1745г – казачий сын_
Сизов Кирилл Пименов	в 1747г отставной из служивых – 62г_
Сизов Федор	в 1759г казак умер в 35л_
Симахин Архип	посацкий_посацкий
Симахин Гаврила	с Тюменских ссыльных_посацкий
Скоков Афанасий Давыдов	в 1747г – 48л, в 1758г отставной казак, умер в 72г_
Скоков Давыд	крестьянин, бежал с омской крепости в 1718г_разночинцы
Слепухов Василий	отставной канонир, умер в 1776г_
Снигирев Афанасий Осипов	в 1747г – 33г_посацкий
Снигирев Осип	посацкий, с Тюменских ссыльных_посацкий
Соколов Иван	сбежавший крестьянин, с Тюменских ссыльных_посацкий
Соловьев Петр	в 1743г – солдат_
Сопов Андрей Назаров	в 1747г отставной – 70л, из казаков, после – разночинец_
Спешилов Логин Осипов	в 1747г – 41г_посацкий
Спешилов Тимофей Осипов	в 1747г – 39л_посацкий
Станкеев Андрей Яковлев	в 1747г – 44г_посацкий
Станкеев Иван Яковлев	в 1747г – 38л_посацкий
Старицын Иван	в 1760г – 84г_
Старицын Илья	в 1747г – 25л_посацкий
Старшев Иван	в 1760г солдат ему 89л, сын Иван в казачьей службе_
Стафеев Иван	посацкий, с Тюменских ссыльных_посацкий

Стафеев Федор Иванов	в 1747г – 35л_посацкий
Стафеев Федор Иванов	в 1747г – 29л_посацкий
Стрелковский Иван	в 1745 брак у дочери_
Стрелковский Максим	в 1760г – 78л_
Сухаревский Михайло	в 1760г – 80л_
Сыроешкин Осип	в 1757г – пятидесятник_
Сыроешкин Родион	в 1757г – пятидесятник_
Танаев Андрей	в 1760г – 66л_
Тарский Василий Федоров	–
Тарский Иван	в 1754г – дочь_
Телепнев Данила	в 1747г – 30л_разночинец
Темников Степан Данилов	в 1754 умер в 60л_
Токарев Яков	в 1760г – отставной солдат_
Толмачев Иван Данилов	в 1760г – 77л, умер в 1764г_
Томилов Кондратий	с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_ посацкий
Томилов Матвей	отставной казак, в 1760г – 72г, умер в 1768г в 80л_
Томилов Яков Кондратьев	в 1747г – 37л_разночинец
Трубачев Афанасий	в 1743г умерла жена в 40л_
Тугаринов Осип	посацкий, с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_ посацкий
Тугаринов Сергей Осипов	в 1747г – 30л_посацкий
Туголуков Павел	в 1760г – 70л_
Туголуков Федор	брат Павла, в 1766г умер в 50л_
Тупалев Егор Ильин	в 1757г женится_
Тупалев Иван	в 1743г родились дети_
Туполев Федор	в 1747г – 30л_разночинец
Усов Данила	в 1754г уже умер, сын Михаил умер в 1772г в 42г_
Усольцев Алексей	в 1756г женится, в 1774г умерла его мать в 80л_
Устюжанин Семен Афанасьев	в 1747г – 47л_посацкий
Устюжанин Семен Афанасьев	в 1747г – 41л_посацкий
Устюженин Афанасий	посацкий, с Тюменских ссыльных_посацкий
Федотов Петр	в 1747г – 30л_разночинец
Федотов Степан Петров	в 1747г отставной казак – 73г, _
Федяшин Марко Агапитов	в 1747г – 34г_разночинец
Фирулев Семен Федоров	в 1753г – отставной, умер в 53г_
Харин Артемий	в 1747г – 37л_разночинец
Харин Афанасий	в 1743г – 39л_
Харин Осип	в 1760г – 45л_
Черепанов Василий Титов	в 1747г – 74г_разночинец
Черепанов Герасим	в 1758г – отставной казак, умер в 82г_
Черепанов Григорий	пятидесятник, умер в 1772г в 53г_
Черепанов Павел	в 1745г солдат_
Черепанов Семен Осипов	в 1747г – 29л_разночинец
Чудинов (Сюдинов) Анкудин Васильев	с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_ посацкий
Чукреев Андрей Гаврилов	в 1760г – 85л_
Чукреев Петр Семенов	в 1753г женился_
Шабалин Леонтий	в 1777г умер в 55л_
Шабалин Степан	в 1745г дети рождаются_
Шабалин Юда Петров	в 1747г -отставной казак умер в 73г_

Шантин Василий Гаврилов	в 1747г – 30л_посацкий
Шантин Гаврило	с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_посацкий
Шантин Иван Гаврилов	в 1747г – 28л_посацкий
Шапошников Василий Петров	в 1747г – 31г_посацкий
Шапошников Петр Иванов	с Тюменских ссыльных, бежал с омской крепости в 1718г_разночинцы
Шевелев Дорофей	в 1760г – 78л_
Шелковников Аника	в 1760г – отставной, умер в 1764г_
Шелутков Алексей	умерший_посацкий
Шестаков Ларион Осипов	в 1747г – 57л_посацкий
Шестаков Обросим	в 1760г – 86л_
Шестаков Федор	в 1745г служилый_
Шешуков Иван	сбежавший крестьянин, с Тюменских ссыльных_посацкий
Шешуков Федор Иванов	в 1747г – 38л_посацкий
Шишов Архип	в 1747г умер в 74г_
Шишов Степан	в 1743г – служилый_
Шкулов Иван	в 1743г – служилый_
Шкулов Михаил	в 1745г – бывший служилый_
Шмурыгин Иван	в 1747г – 29л_посацкий
Шмурыгин Савва	в 1760г 78л_
Шуров Максим Анисимов	в 1747г умер ббл, отставной казак_
Шуров Федор Михайлов	в 1747г – 40л_посацкий
Юшков Петр Васильев	сбежавший крестьянин, с Тюменских ссыльных_посацкий
Язов Василий Дементьев	в 1743г есть_

1 – РГАДА, ф.350, оп.2, д.2431, л.55

2 – ГИАОО, ф.1, оп.1, д.3, л.122об

3 – ГАТО, ф.47, оп.1, д.5516а

4 – ГАТО, ф.47, оп.1, д.1927

5 – Памятники Сибирской истории XVIII века, книга вторая, С-Петербург, 1885г, с.147

6 – РГАДА, ф.350, оп.2, д.2431

Игорь Спешилов

Генерал Шпрингер – устроитель новой Омской крепости

Имя Шпрингера малоизвестно омичам и гостям нашего города, но наряду с Иваном Бухгольцем, заложившим в 1716 году первую деревянную крепость (она была в районе современной пл. Ленина и не сохранилась), генерал Шпрингер по праву считается не менее значимой исторической фигурой. Ему мы обязаны рождением новой Омской крепости. До Октябрьской революции в Омске две улицы носили имя выдающегося человека.

Сын пленного наемника

Где и как прошли детство и юность Ивана (Иогана) Ивановича Шпрингера мы пока не знаем. Считается, что он родился под Оренбургом в семье немцев-колонистов, ведущих происхождение от прибалтийских дворян. Сравнительно недавно стали известны новые факты из биографии Шпрингера. В исторических документах Вятского приказа сохранился любопытный документ-донесение о том, что 24 мая 1710 года были задержаны двое военнопленных шведов – капитаны Иоган Таберт и Иоган Шпрингер, проживающие в Вятке на дворе у Федора Пушкарева. Их вина была в том, что пленные капитаны плыли на плоту по Вятке и осматривали окрестности, а, следовательно, могли готовить побег. Показания на них дал пленный капитан Врех. В Вятке содержались шведские пленные, задержанные 28 сентября 1709 года под Черновцами. В данном случае можно предположить, что среди них был отец будущего основателя новой Омской крепости. По крайней мере, совпадают отчество и фамилия, да и время не противоречит. [1]

В шведской армии служило много наемников, для которых Швеция не была родиной, поэтому они охотно переходили на службу русскому царю. Петр I сохранял им звания и титулы, разрешал служить в армии, жениться, заниматься ремеслами, торговлей и наукой. По-видимому, капитан Иоган Шпрингер, как наёмник, перешел на службу в русскую армию. Затем он мог выйти в отставку и жениться на какой-нибудь помещицкой дочке из Оренбуржья. И у них родились дети, среди которых сын Иван Иванович Шпрингер пошел по стопам отца, стал военным и заложил новую Омскую крепость.

На государственной службе

С 1738 года молодой Шпрингер состоял на военной службе. Карьера офицера удалась – к началу Семилетней войны (1756-1763 гг.) он уже имел звание полковника, а 30 июля 1757 года был произведен в генерал-майоры и прикомандирован к союзнической австрийской армии, которая воевала с Пруссией. В период боевых действий Шпрингер состоял при Штабе генерал-квартирмейстера И.И. Вильбоа и его помощника Ивана Ивановича фон Веймарна (1718-1792 гг.). К слову сказать, Веймарн, вместе с фельдмаршалом князем С.Ф. Апраксиным, оказался замешанным в заговоре против Елизаветы Петровны, в результате чего в 1760 году был отправлен в Сибирь командовать Отдельным Сибирским корпусом. А его двойной тёска Иван Иванович Шпрингер продолжал службу – занимался реконструкцией и строительством военных укреплений. При сыне цесаревны Елизаветы Петровны – императоре Петре III (правил в 1761-1762 гг.) – он, в течение нескольких месяцев, являлся шефом Белозерского пехотного полка. За успехи в службе генерал получил ордена Св. Георгия и Св. Анны.

Наказ императрицы

В результате китайской экспансии в 1757 году перестало существовать некогда могучее Джунгарское ханство, войны которого в 1715-1716 гг. осаждали отряд Бухгольца у Ямышева озера, и совершали набеги на русские селения. А его последний правитель Амурсан бежал от китайцев в Омскую крепость и перешел в российское подданство. То есть, говоря современным языком, попросил политического убежища. В результате разгрома джунгар китайцы вплотную приблизились к русским землям – Цинские отряды стали все чаще появляться около русских укреплений и на Иртышской линии в частности. Потенциальная угроза русско-китайской войны беспокоила русский трон и требовала срочного укрепления границы.

Заступив на престол, Екатерина II примечает опытного военного, 3 марта 1763 года производит И.И. Шпрингера в генерал-поручики и назначает начальником Сибирской инспекции – укрепленной Сибирской линии, то есть фактически командующими над всеми русскими войсками в Западной Сибири.

В сентябре 1763 года Иван Иванович за подписью самой Императрицы получил «Инструкцию генерал-поручику Шпрингеру, отправленному в Сибирь для принятия начальства над тамошними линиями». Доку-

мент предписывал заложить Бухтарминскую крепость, увеличить штат помощников в лице трёх генерал-майоров, а самому Шпрингеру «...находиться должно всегда в таком месте, откуда бы вы ...в случае нужды и собственным присутствием вашим способствовать и интересы наши предохранять могли...», то есть в одной из крепостей пограничной линии. Фактически генералу поручалось самому определиться с местом нахождения штаба. Кроме того, предлагалось «в новой крепости завести торг с Малой Бухарией и Индией...», т.е. Шпрингеру давались широкие полномочия в ведении пограничных, политических и торговых дел и относительную независимость от Сибирского губернатора и его канцелярии.

После ознакомления с оборонительными участками, генерал-поручик в письме в военную коллегию от 28 февраля 1765 года изложил «мнение»: «Сия крепость – середина как Иртышской, так и Новой линиям. Тож и из земли и городов Тары и Тобольска через Абацк по новопроложенной дороге, через реку Иртыш к Чернолуцкой слободе, ещё ж и от Татмыцкой слободы вверх по Иртышу, и все дороги, яко в центре, сошлись». Поэтому именно здесь, в устье реки Оми, по убеждению генерала, и «должно завсегда находиться главному тем линиям командиру». [2]

Новая Омская крепость

К моменту назначения Шпрингера Омская крепость, заложенная в 1716 году И.Д. Бухгольцем в результате неудачного похода за «песочным золотом», не только обветшала, так как была наспех возведена из сырого березового леса, но и устарела в военно-тактическом отношении. Пользуясь случаем, заметим, что сподвижник Перта I Иван Дмитриевич Бухголец происходил из древнейшего прибалтийского рода фон Бухгольцев, который был внесен в матрикул курляндского дворянства 17 октября 1620 года. В Российской империи род Бухгольцев утвержден в баронском достоинстве неоднократными определениями Правительствующего сената. [3]

К середине XVIII века дальность артиллерийской стрельбы выросла, и появились новые фортификационные системы. Поэтому, Шпрингер, будучи крупным военным специалистом, принял решение о строительстве новой Омской крепости на господствующей высоте на высоком 12-метровом правом берегу Оми. Это место стратегически было более выгодным, так как прикрывало дорогу на Тару и Тобольск. Кроме командно-административных функций, крепость должна была контролировать водные и караванные пути Западной Сибири.

По мнению известного архитектора и историка В.И. Кочедамова, главным автором проекта был инженер Мальм. Им и генералом Шпрингером 28 февраля 1765 года был подписан чертеж новой крепости, отправленный на утверждение в Петербург, а само строительство началось 2 мая 1768 года.

Крепость имела четыре бастиона и три полубастиона. Линию вдоль берега Иртыша и Оми защищали три реданта. Общая площадь цитадели составляла 30 га. Со стороны суши территорию крепости защищал сухой ров глубиной в 2,4 м и земляной вал высотой 3,5 м.

Крепость имела четверо ворот – Омские, Тарские, Тобольские и Иртышские. Из главных Тарских ворот дороги веером расходились на Тобольск, Тару, на Барабинскую степь и вдоль Иртыша, что впоследствии предопределило радиальное расположение улиц Тобольской (Орджоникидзе), Тарской, Бутырской (Герцена), Капцевича (Красный Путь) и задавало вектор развития северной части города. К 1771 году были возведены основные крепостные укрепления новой крепости, и в неё переехали все казенные учреждения.

Первоначально постройки внутри крепости возводились из дерева, но для фундаментов уже использовался кирпич. Так в том же письме в военную коллегию от 28 февраля 1765 года Шпрингер писал: «А на фундаменты зжженных кирпичей и буду стараться лесу доставать только на косяки, двери, ставни, потолки и ряжи». [4]

Первым каменным зданием Омска стал Воскресенский крепостной собор, строительство которого началось 2 июня 1769 года и завершилось осенью 1773 года уже после смерти командующего. Это стало возможным благодаря тому, что при Шпрингере на глинистых берегах Иртыша и Оми были организованы «кирпичные сараи», где вручную формовался и обжигался красный кирпич. Новый строительный материал увеличил долговечность и огнестойкость построек и впоследствии даже нашел себе место на гербе города Омска 1785 года, как новое достижение в строительстве. Для усиления обороноспособности крепости в 1791-1794 годах деревянные крепостные ворота заменили на кирпичные. До нашего времени в виде памятника федерального значения сохранились лишь Тобольские ворота, а остальные восстановлены на прежних местах.

Будучи просвещенным человеком, Шпрингер умел привлекать для дела толковых и талантливых людей независимо от их происхождения. Так для совершенно нового дела – проектирования и возведения первого каменного собора во имя Воскресения Господня он нанял тобольских ямщиков братьев Ивана и Кузьму Черепановых. [5]

Резиденция Шпрингера

Первым капитальным строением в новой крепости стал дом генерал-поручика Шпрингера на южной стороне плаца (сейчас выставочный сквер «Флора»). Здесь Иван Иванович прожил до конца своих дней. Большая усадьба и значительный объем здания в условиях ограниченной площади крепости сразу выделили его из рядового строительства. Так же, как и саму крепость, генеральский дом под руководством Шпрингера проектировал инженер-майор Ларс Мальм.

Дом генерала Шпрингера в XVIII веке

Строительство рубленого двухэтажного дома с мезонином и высокой с переломом крышей закончилось осенью 1768 года. Отметим, что он появился ранее, чем оборонительный крепостной вал и Воскресенский собор. Позднее к нему пристроили прируб и дворовые ризалиты.

Место для постройки было выбрано исключительно удачно – дом стоял прямо на оси главных Тарских ворот и со второго этажа генеральских апартаментов не только плац, но и вся крепость была как на ладони, а также дорога на Тару. С другой, южной стороны, открывался великолепный вид на акваторию Иртыша и до горизонта на степь кочующих киргиз-кайсаков. Со второго этажа также удобно обозревались Подгорный форштадт, левый берег Оми, деревянный мост, Луговская слобода и старая крепость. Так что жилой дом позволял командующему с самой высокой точки самому визуальным образом контролировать ситуацию – недаром на первых планах крепости строение отмечено как «штаб». Здесь также размещалась чертежная мастерская, в которой работала инженерная команда проектировщиков крепости.

В 1850-х годах в инженерной канцелярии в этом доме около трех месяцев работал «великий каторжанин», литератор по призванию и военный инженер по образованию Ф.М. Достоевский. Известный писатель выполнял работу писаря, вероятно, копировал чертежи, планировки и сметы – ведь по тем временам у него было очень хорошее образование, какого не имели многие служившие в крепости офицеры. «Почетный» каторжанин в 1843 году окончил Санкт-Петербургское военно-инженерное училище. Легкий труд «чернорабочему, знающему грамоту» устроил его бывший сокурсник по училищу инженер-поручик Константин Иванов, служивший в крепости адъютантом начальника инженерной команды генерала И.С. Борисоглебского. Но поскольку дипломированный колодник Достоевский не имел права подписи, то мы никогда не узнаем, проекты каких зданий и сооружений в Омске были выполнены с участием прославленного писателя.

До окончания строительства Воскресенского военного собора в 1773 году (снесен в 1958 г., восстановлен в 2016 г.), дом Шпрингера был самым высоким зданием в крепости – и ее главной архитектурной доминантой. Побывавший в мае 1771 года в Омске с экспедицией Петр Паллас в своих записках отметил, что в крепости выстроен «прекрасный генеральский дом на каменном фундаменте».

В сухую ветреную погоду 8 мая 1819 года (по другим источникам – в 1825 г.) дом Шпрингера пережил пожар – пострадал второй этаж и часть усадебных построек. Здание отремонтировали, но уже без мезонина.

Дом генерала Шпрингера (ул. Победы, 5), под которым находится Пороховой погреб

Впоследствии строение стали именовать домом инженерного генерала (инженерным домом), так как для командующих и первых губернаторов в крепости в 1796 году был построен новый генералитетский дом, который снесли в начале 1970-х гг. при строительстве ДК им. Дзержинского.

За свою долгую историю дом Шпрингера неоднократно перестраивался. В начале XX века стены здания обложили красным кирпичом в функциональном стиле, и в таком виде он дошел до наших дней. Но в его основе остался сруб 1768 года, фрагмент которого можно посмотреть со двора.

До середины 1980-х годов здесь квартировали военнослужащие, но затем всех расселили. В последние годы часть здания занимал Центр раннего развития ребенка (ул. Победы,5).

Загадочное подземелье

Интересной особенностью дома Шпрингера является обширный подвал без окон с отдельным входом со двора. С 1992 года сей каземат под названием «Пороховой погреб» является памятником архитектуры. Несмотря на солидный возраст в два с половиной века, подземелье, сложенное из кирпичей ручной формовки на известковом растворе, хорошо сохранилось и не затапливается водой!

Это самое старое из сохранившихся зданий Омска, где при строительстве применялся кирпич, и стены которого помнят своего хозяина – генерала Шпрингера. Кирпичные парусные своды сооружения имеют высоту до 3 метров при толщине стен до 1,5 метров, а площадь подвала достигает 200 кв. метров. Подземелье состоит из шести проходных залов, есть и изолированные – тупиковые. Между двумя залами с тех времен хорошо сохранились толстые деревянные двустворчатые двери с коваными навесами и косяками, глубоко заделанными в кирпичную арку. Видно, что все доски и косяки вырублены топором.

Предназначение столь мощного подземного сооружения под генеральским домом до сих пор вызывает неоднозначную трактовку у краеведов и историков. Сомнительно, чтобы командующий захотел жить на «пороховой бочке», к тому же известен эскиз порохового погреба в Форштадском бастионе крепости, выполненный поручиком Коноваловым. Вероятно, что, в условиях традиционного русского воровства и разгильдяйства, а, вследствие этого и частых пожаров, подвал под своим домом Шпрингеру был нужен для надежного хранения казенных материальных ценностей и продуктов питания в годы строительства крепости, когда еще не были возведены денежная кладовая (1793 г.) и другие кирпичные службы. А для этой цели хорошо подходил типовой пороховой погреб, готовые чертежи которого наверняка были у проектировщиков крепости. Поэтому-то его расположение не совсем увязано с планом возведенного над ним здания.

До Октябрьской революции благодарные омичи улицу от Тобольских до Омских ворот, в память об основателе новой Омской крепости, нарекли его именем – Шпрингеровской. Именно по этой улице генерала провожали в последний путь на Иноверческое кладбище за Омкой. Уже при новой власти постановлением Губревкома от 9 февраля 1920 года улицу переименовали в Советскую, а в 1938 году – в Партизанскую.

Залы подвала соединены арочными проходами

Генерал Шпрингер и его дела

Шпрингер в должности командира войск Сибирского корпуса мощно укрепил Сибирскую пограничную линию. Под его руководством строилась новая Колывано-Кузнецкая пограничная линия в районе правобережной части современных Восточно-Казахстанской области и Алтайского края. По его инициативе Омская крепость стала не только центром пограничных линии, но и военной столицей Сибири. Здесь были сосредоточены все службы по управлению Сибирской укрепленной линии: штабы и службы начальников Инспекции, Отдельного сибирского корпуса, Инженерного, Провиантского и Артиллерийского управлений, Наказного атамана Сибирского линейного казачьего войска.

Будучи высокообразованным человеком своего времени, Иван Иванович стремился организовать подготовку специалистов на месте. Под его руководством в Омской крепости была открыта главная гарнизонная школа для обучения 150 солдатских детей. Она разместилась в рубленном доме купца Федулкина около Спасских ворот старой крепости. Здесь же находилась школьная библиотека – первая в Омске. [6]

Шпрингер сам много времени проводил в чертежной мастерской, проектируя сибирские крепости и уточняя различные карты подведомственной территории. При нем получили развитие географическая, геодезическая и фортификационная науки.

Часы досуга генерал любил проводить с молодыми офицерами, поощрял чтение и занятия искусством. Человек европейской культуры, Шпрингер, для «полирования» молодых людей, в декабре 1764 года распорядился при чертежной учредить «оперный дом» – первый в Омске любительский театр, где под руковод-

Памятный знак Шпрингеру у Тобольских ворот (фото 2009 г)

Ленина) отмечено памятным знаком. [7]

Перед Тобольскими воротами с 2000 по 2017 годы стоял памятный знак Шпрингеру в виде колонны с двуглавым орлом на вершине работы скульптора Сергея Голованцева. Кроме того, Немецкая национально-культурная автономия Омской области получила разрешение на восстановление исторического названия «улица Шпрингера» и установку мемориальной доски И.И. Шпрингеру на Омских воротах.

Список используемой литературы:

1. Шебалдина Г.В. «Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века». М.: 2005. С. 164.
2. Панасенков В.Н. «Иван Иванович Шпрингер – основатель новой Омской крепости» // Культура. Немцы Сибири. 2015. № 1. С. 49-55.
3. Сергей Васильевич. «Княжеские, графские и баронские роды Российской империи». Словарь-справочник. М.: Ломоносов. 2019. Раздел III. Баронские роды.
4. «Из истории Омска (176-1917 гг.). Очерки. Документы. Материалы. Омск. 1967. С. 65, 66.
5. «Воскресенский собор: история воссоздания». Гл. редактор Л.К. Полежаев. Редактор-составитель Ю.П. Перминов. Омск: 2017. С. 95, 96.
6. Роберт Удалов «Мой Омск». Омск. 2008. С. 37,38.
7. Омский историко-краеведческий словарь. М. 1994. С. 302, 303.

Владимир Панасенков

ством топографа Ивана Андреева «чинили представления разных трагедий и комедий».

В бытность Ивана Шпрингера получили развитие русско-казахские отношения, и оживилась торговля. По его распоряжению в 1764 году Елизаветинская защита (маяк), что на левом берегу Иртыша, стала местом торговли с кочевниками и персидскими купцами. Торговать было выгоднее, чем воевать, поэтому пушки Омской крепости, никогда не стреляли.

Генерал умер в первой четверти 1771 года и был похоронен на иноверческом (или немецком) кладбище старой Омской крепости, и его могила пока не найдена, однако это место (ныне здесь Мемориальный сквер «Памяти Борцов Революции» на пл.

ной стороны, а там, где сегодня центр села, где стоит дом культуры, построенный на месте разрушенной церкви, находилось первое сельское кладбище.

От Баженова в 23х верстах в том же году заложена «вновьпоселённая деревня при речке Саргатке, которая течение имеет с северной стороны из озера Антенис....в озеро Кривое, а из Кривого в Курему» и дальше перечислены озёра Шляпино, Пёстрое и у деревни Крутой (Сибсаргатка) речка впадает в Иртыш. «В оной речке Саргатке вода пресная и рыба есть.....А положение оной деревни (Саргатки) на месте ровном. С обеих сторон речки дубравы лесов берёзовых к строительству годных. А по течению по праву сторону подле самой деревни (там, где сейчас центр посёлка. С.М.) описаны пахотные земли. А сенные покосы в одной с половиной версте». Читаю отчёт Шапошников и диву даюсь, - сделан он 253 года назад, но местность возле Баженово и Саргатского описана как -будто сегодня. Оказывается, географические названия (топонимы) уже были до экспедиции прапорщика. Только трудно представить, что на месте этих селений тогда росли дубравы столетних берёз.

От Посельской Саргатки дорога шла к Иртышу, «где надлежит быть перевозу» через реку в деревню Крупянку, отстоящую на 8 вёрст (1 верста – 1,06 км.). Крупянка стояла на склоне высокого правого берега Иртыша. Через неё протекала одноимённая речка. «По оной речке имеются места, где можно мельницу (водяную) завести». Упоминаю здесь о Крупянке, потому что Саргатка и её окрестности в XVIII, XIX веках входила в Крупянскую волость. Соседями её были волости Баженовская и Битеинская.

Трудно было поселщикам обживать на новом месте. Помогало государство. Профессор А.Д. Колесников писал, что в Омской крепости была создана «посельческая экспедиция», ведавшая «водворением ссыльных, выдачей ей кормовых денег и пособий». К марту 1767 года первые саргатчане получили 129 сошников, по столько же топоров, кос, серпов. В тот год у них уже имелось 127 лошадей, 136 коров, по берегам речки стояли 72 избы, а ещё бани, амбары. Приходилось для построек расчищать место от столетних берёз, которые шли в дело. Кто побогаче, ездили зимой через Иртыш за сосновыми брёвнами. В то время хвойный лес рос недалеко от Крупянки, о том упоминал в своём отчёте прапорщик Шапошников, а это значит в 18 веке между Чернолученским и Артынским борами находился островок соснового леса. Плодородные земли, сенокосные угодья, пастбища, рыбные водоёмы – это способствовало быстрому росту наших селений. Если в 1767 году в деревне Пос. Саргатке насчитывалось 330 жителей, а в селе Баженово 351, то по ревизии 1782 года в Посельской Саргатке проживало уже 668, а в Баженово 790 человек.

Теперь о другом. Основателем города Тары считается князь Андрей Елецкий, Омска Иван Бухгольц. Об этом знают все. Но то, что места для основания посёлка Саргатское, села Баженово выбрал и описал прапорщик Николай Шапошников, знают очень немногие. И это не всё. В 1759 году Шапошникову, служившему тогда ещё в звании вахмистра, вместе с четырьмя казаками поручено было из омской крепости добраться до Бекишево (сейчас село в Тюкалинском районе), повернуть направо и ехать к Шипицину озеру (на современных картах оно называется Тобол-Кушлы). Дело в том, что у этого озера желали поселиться разночинцы из Такмыцкой слободы Пушкарёв, Катаев, Ростовцев и другие. 18 октября 1759 года Шапошников докладывал, что отвёл место У Большого Шипицина озера для строительства одноимённой деревни. (Об этом писал А.Д. Колесников).

Итак, Николай Шапошников причастен к основанию посёлка Саргатское, села Баженова, деревни Большешипицино. Этому есть убедительное доказательство и даже собственноручное описание Шапошниковым наших мест, заверенное его личной подписью. За такие заслуги предлагаю увековечить память о нём в одном из сёл: поставить памятник, или хотя бы, например, назвать улицу. Нужно знать своих героев и хранить память о них.

Михаил Саньков

Намеренно забытые. Духовный тыл

Начиная с 20-х годов прошлого столетия намеренно искоренялась история о церквях и пасторах. Намеренно пытались забыть о внесённом вкладе в развитие Прииртышья тех, кто стоял за спинами сильных и великих людей той эпохи.

Начиная с 1716 года на берегах Оми уже проводились евангелические Богослужения. Они проходили в военных палатках или других временных пристанищах для Слова Божьего. С этого же года имеются упоминания и о молитвенном доме. Многие краеведы утверждают, что на доме также находилась и башенка с «простым крестом». А проводили Богослужения не только военные проповедники, но и высшие чины, находившиеся в распоряжении местных высокопоставленных Императора. Это было почётно и вызывало уважение.

Говоря об именитых людях, проживающих на берегах Оми и Иртыша, мы часто не задумываемся, почему они смогли стать таковыми. Кто помог им воплотить их мечты и цели? Кто поддерживал их в трудные времена? Почему они «выписывали» определённых людей из «заморских стран», чтобы те были их духовным оплотом, той стеной, на которую они могли бы опереться в час, когда дуют ветра проблем? Сейчас я говорю о «духовниках» первых лиц Омской области, управлений и тех, без которых история Омска была бы иной.

Первый пастор

По свидетельству очевидцев, «в Доме Шпрингера проводились воскресные и праздничные службы, где хозяин дома сам руководил порядком (литургией)». Мы же как хранители и толкователи истории можем обосновать его действия: он поддерживал и укреплял дух своих подчинённых, повышая при этом свой статус.

Но проводить Богослужения или быть организатором духовной жизни – совсем не то, что быть активным участником Таинств и других обрядов. Поэтому он и пригласил на службу в Омскую крепость уроженца г. Данцига, учителя лютеранской школы в Москве, кандидата богословия Иоганна Даниеля Гутмахера, который прослужил пастором в крепости до 1769 года.

Помимо строительства второй Омской крепости Губернатору приписывают ещё два важных нововведения. Первое – это организация школьного образования, что не могло не сказаться на повышении уровня грамотности местного населения. И второе, что внесло весомый вклад в культурную жизнь Сибири – это создание первого театра за Уралом, в азиатской части России. Вы справедливо можете спросить: «причём тут пастор?» С полной уверенностью утверждать мы не можем, но есть определённая логическая нить, связанная с пребыванием Иоганна Гутмахера в Москве (до службы в Омске). Во-первых, он сам являлся учителем, и о важности образования для развития общества знал «не понаслышке». Кроме того, имеющий отношение к науке, он прекрасно понимал значение и вклад её в развитие государства.

Как мы уже знаем, Гутмахер некоторое время служил в Московском приходе, где незадолго до него служил другой пастор, Иоганн Готфрид Грегори, который находится во главе списка отцов-основателей русского театра. Он, в свою очередь, воплотил в реалии мечту царя Алексея Михайловича – «учинил пьесу по библейской книге Есфирь». То есть мы смело можем сказать, что Гутмахер хорошо знаком с творческими изысканиями своего предшественника. Эти доводы в отношении взаимосвязи и непосредственного участия Гутмахера в становлении и развитии образовательного процесса и культурной жизни Омского Прииртышья подтверждают влияние идей пастора на своего духовноопекаемого.

В 1771 году пришла печальная новость, что Иоганн Шпрингер умер, не успев воплотить все свои мечты и цели. Для генерал-губернатора слова «уйти в вечность» были не просто словами; свидетели той эпохи утверждали, что его жизнь была наполнена богобоязненностью. Можно с уверенностью сказать, что пастор был с ним и в последние часы жизни, и также в духовном плане укреплял губернатора в тяжёлые моменты служения в занимаемой должности. Командующего похоронили на иноверческом кладбище, на территории первой Омской крепости. Так как Иоганн Гутмахер уже закончил служение в Омске, в последний путь Шпрингера провожал уже другой пастор – Иоганн Густав Лютер, служивший в крепости с 1769 по 1783 гг.

Итак, Гутмахер Иоганн был первым пастором, имеющим ординацию (право на проповеди и преподавание Таинств) на просторах Омской области. После него сменилось большое количество пасторов, проповедников, людей, которые проповедовали и оказывали всевозможную духовную помощь.

Пастор Кох

Одним из последних, кто запечатлен в истории служителей на берегах Оми, был Константин Францевич Кох. Как и о других пасторах, о нём известно не так много: его деяния пытались забыть, стереть, как и историю о лютеранской общине в Омске.

Будучи молодым, пастор Константин Францевич получил отличное семинарское образование в Дерпте. И в 1871 году закончил семинарию с хорошим аттестатом. Эта семинария была единственной, которая «поставляла» пасторов для Лютеранской Церкви на территорию Российской Империи. Ответственным за это учебное заведение был пастор Бенгт Готфрид Форселиус. В основе его обучения, помимо богословских наук, важное место отводилось организации образования и диаконическому (социальному) служению, что, конечно, не могло не отобразиться и на будущем пасторе Кохе. Как и многие его предшественники, он имел опыт служения в Европейской части России и непосредственно в Московских общинах, где, как и другие пасторы, он набирался опыта для служения вдали от столицы.

Имеется упоминание о том, что в его служебную ответственность входила опека кадетов лютеранского исповедания в Александровском военном училище с 1898 по 1901 гг. Полученный опыт катехета и капеллана затем помог ему в служении в Сибири.

Пастор Кох прослужил в Москве, в кирхе Петра и Павла на Старосадском, с 1895 по 1904 гг. В этом же году его переводят в Сибирь, на служение пастором в Омской общине и для оформления небольших общин, находящихся на территории Акмолинской Губернии.

Понадобилось несколько лет, чтобы 22 августа 1909 года при Омской Церкви открыли школу. И, конечно же, пастор Кох был в ней одним из учителей, преподающим Закон Божий и другие науки. Заведующим школой стал Карл Фридрихович Пуфаль, который, помимо этого, служил при общине кюстером (заведующим хозяйством и служителем алтаря), а также сопровождал Богослужение на органе.

Через короткий промежуток времени, в сентябре того же года, Константин Кох был приглашен в первую Женскую гимназию Поповых для преподавания Закона Божьего и помощи в душепопечении учениц лютеранского исповедания. Он оставался на этой должности вплоть до 1914 года.

В ответственность пастора Коха, как уже говорилось, входил не только Омский приход, который насчитывал 3 400 прихожан, но и общины и прихожане Акмолинской Губернии, где насчитывалась 29 038 прихожан. Стоит отметить, что всего в Сибири проживало 57 676 верующих лютеранского исповедания.

Практически все церковные документы (свидетельства о крещении, о конфирмации, о благословении семьи и другие) начала прошлого столетия, дошедшие до нас, стоят за подписью именно этого пастора.

В это же время пастор Кох участвует в служении Красного креста, в учредителях которой числился он сам и лютеранский приход г. Омска. В сохранившихся документах упоминается, что пастор Кох и члены общины помогали «беднякам, нуждающимся и людям, попавшим в беду на территории Сибири, независимо от религиозной принадлежности, пола и национальности».

Как и все его предшественники, пастор Кох сопровождал своих прихожан от рождения до смертного одра. В их число входили никому не известные люди, крестьяне, работники фабрик и заводов. Но также пастор Кох занимался заботой о душе «сильных мира сего». Например, одна из актовых записей в метрической книге Омской евангелическо-лютеранской церкви, сделанная пастором К. Кохом, свидетельствует: «уроженец Южной Франции, преподаватель Сибирского кадетского корпуса, действительный статский советник Пётр Иванович Мозер (Peter Moser) скончался 14 марта 1911 г. в возрасте 68 лет от паралича». И если эта запись находится в церковной книге, то с уверенностью можно сказать, что вышеуказанный пастор знал, сопровождал по жизни до самого смертного ложа этого именитого прихожанина.

Представить, как проходили траурные мероприятия, нам помогает стих Осипа Мандельштама «Лютеранин», написанный в 1912 году:

Я на прогулке похороны встретил
Близ протестантской кирхи, в воскресенье.
Рассеянный прохожий, я заметил
Тех прихожан суровое волненье.

Тянулись иностранцы лентой черной,
И шли пешком заплаканные дамы,
Румянец под вуалью, и упорно
Над ними кучер правил вдаль, упрямый.

Чужая речь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сияла
Да мостовая праздничная глухо
Ленивые подковы отражала.

Кто б ни был ты, покойный лютеранин,
Тебя легко и просто хоронили.
Был взор слезой приличной затуманен,
И сдержанно колокола звонили.

А в эластичном сумраке кареты,
Куда печаль забила, лицемерка,
Без слов, без слез, скупая на приветы,
Осенних роз мелькнула бутоньерка.

И думал я: витийствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада,
И в полдень матовый горим, как свечи.

Начиная с 1918-го, как и многие другие церкви и религиозные организации, омскую общину постигли репрессии и конфискации имущества. Так, 15 августа 1920 года здание кирхи было муниципализировано. 28 сентября 1921 года евангелическо-лютеранская церковь вместе с имуществом была передана в аренду общине верующих, состоявшей всего из 45 человек. По официальным данным, за 1927–28 годы в общине было 87 (56) прихожан. В 1930-м году произошло изъятие книг: «по распоряжению Омского Городского Административного Отдела Исполнительный орган Омской Евангелическо-Лютеранской Общины передаёт старые книги, находившиеся до тех пор в Лютеранской церкви, в архив». Передача произошла 9 декабря за подписью К. Коха, в списке указаны 133 книги на немецком языке. В деле 1928 года «Документы... об охране памятников старины, искусства и быта» в списке памятников указана и кирха.

Таким образом, мы можем привести большое количество примеров того, как на протяжении восьмидесяти лет историю о священнослужителях лютеранской церкви в Омске пытались забыть, искоренить и уничтожить.

Также можно привести большое количество примеров, как на протяжении трёх веков пасторы, служители, руководители и члены Советов общин и простые прихожане вносили большой вклад в зарождение Омска. Это и Бухгольц, и «второй после Бухгольца» Иоганн Шпрингер, и барон Таубе, и многие другие.

Немаловажно, чтобы за большим человеком и его деяниями находились люди, которые являются для него оплотом, стеной и поддержкой в принятии важных для страны, региона, области и города решений. И без сомнений, пасторы лютеранской церкви были таковыми!

Владимир Виноградов

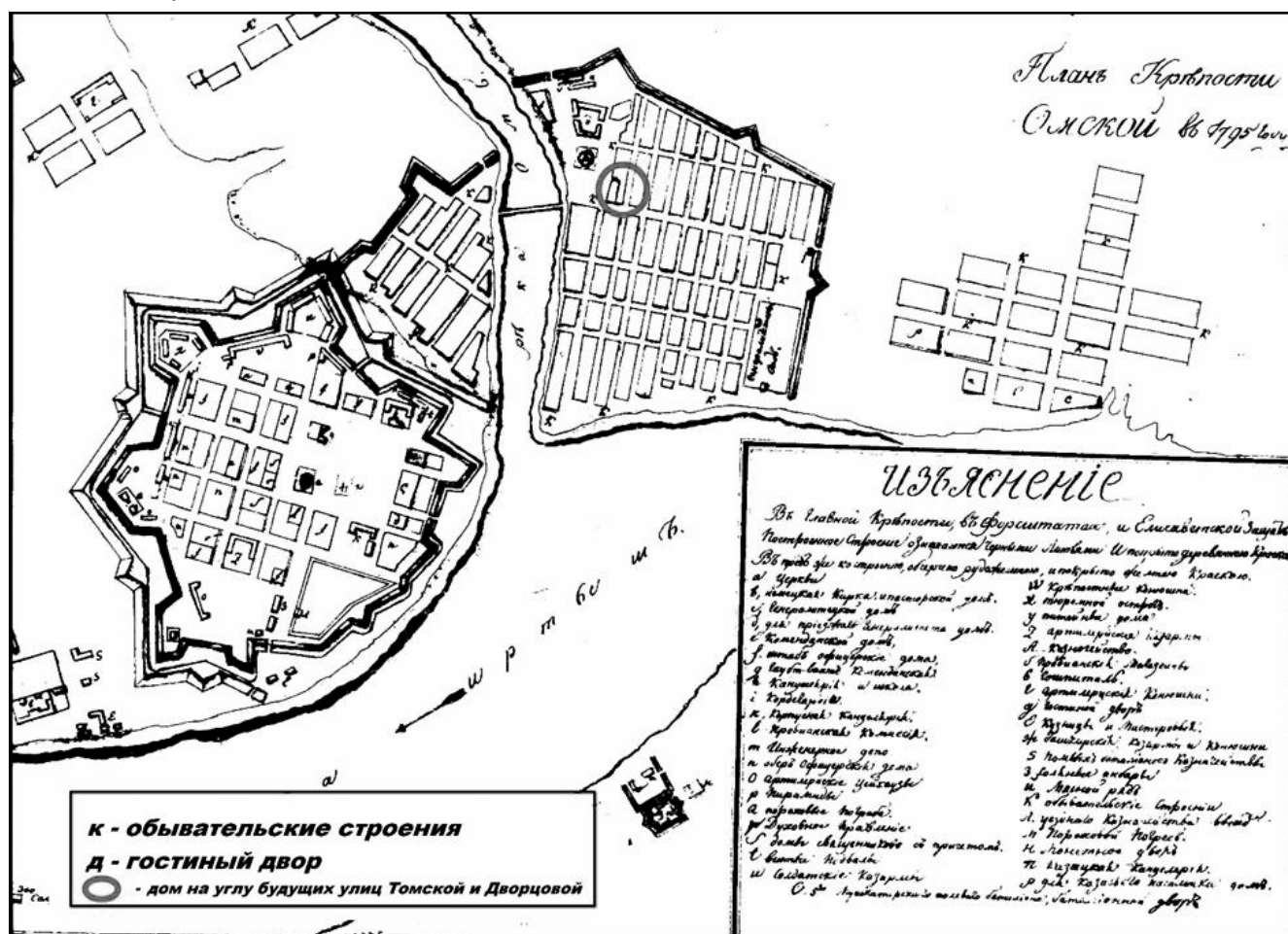
«Падучая звезда». Дом купца Д.Т. Лукиматушкина – первый двухэтажный частный каменный дом в Омске

В статье впервые дана информация об уникальном и ранее не известном омском строении – двухэтажном каменном доме купца Дмитрия Тимофеевича Лукиматушкина, построенном в 1795 году на Ильинском форштадте.

Ключевые слова: купцы Лукиматушкины, «сибирское барокко», Тобольск.

Большинство омичей (и не только омичей) ничего не слышали о некоем омском купце Лукиматушкине. Необычная фамилия не встречается среди прихожан местных церквей, среди первых поселников, купцов или мещан. А ведь эта семья много занималась благотворительностью и просвещением, и вообще «благоустройством» в широком смысле слова. В Тобольске, как в нашем «прародителе», должны знать фамилию Лукиматушкиных, но и об омском периоде этой семьи надо рассказать хотя бы то небольшое, что известно.

Изучая (точнее, «препарируя») поистине фундаментальную книгу В.И. Кочедамова «Омск. Как рос и строился город» – фундаментальную не по весу, а по емкости и верности, мимо которой не пройдет ни один начинающий или маститый краевед, – автор обратила внимание на карту Омска за 1795 год (илл.1). Наискосок от Ильинской церкви красовалось длинное прямоугольное в плане здание, без номера. Остальные постройки экспликационные номера и «изъяснения» имели. Следовательно, это здание было частным, но таким весомым, что автор плана не мог его не отметить [1].

«План крепости Омской в 1795 году». Из кн. В.И. Кочедамова «Омск. Как рос и строился город». 1960. Впервые обозначено большое здание в Ильинском форштадте напротив Ильинской церкви и моста.

На плане 1793 года [2] этого загадочного здания нет. Следовательно, оно выстроено между 1793-м и 1795-м годами.

Цветные карты начала XIX века преподнесли новый сюрприз – оказывается, дом был каменным! Экспли-

кационного номера у него по-прежнему не имелось, зато красноватый цвет квадрата не оставлял сомнений – дом был каменным, «купецким» или мещанским.

Цветной план 1811 года немного прояснил ситуацию: № 26 – «штаб- и обер офицерские дома» (Илл.3). Интересно, что на участке появились (или впервые отмечены как важные) и другие постройки: восточное П-образное, и небольшое на южной грани участка. Качество изображения не позволяло установить, из чего сделаны дворовые постройки – также из камня (красные) или из дерева (оранжевые). Вся восточная часть этого квартала, вплоть до будущей улицы Костельной, залита зеленым цветом как «сад».

План 1819 года [3] по-прежнему показывает это прямоугольное здание, но уже без экспликационного номера, восточнее нанесены маленькие квадратные строения, явно за пределами участка.

Прошло несколько лет. В период изучения истории Омской крепости автору статьи довелось побывать в Москве, в Российском государственном военно-историческом архиве. Краткое название одного дела из описи заставило буквально дрогнуть: «Фонд 349, опись 27, дело 1106. 1804 год. **«План, вид и прорезы каменного 2-этажного дома при крепости».**

...При какой еще крепости? При новой, правобережной крепости такого дома не было. В 1804 году там были только два двухэтажных каменных здания – собор и гауптвахта. При первой? Но в 1804 году ее давно не существовало, хотя Ильинский форштадт, поглотив остатки крепостной территории, обнесен ретраншементом с воротами, и сохранял изолированность.

В то время заказать и посмотреть это дело № 1106 не удалось, но по приезде домой пришлось обратиться к всегдашнему «оракулу» – книге Кочедамова, разделу «Архивные материалы» – да, вот она, ссылка на ЦГВИА, фонд 349, опись 27, дело 1106. Значит, В. Кочедамов запрашивал это дело, смотрел, но не нашел нужным прокомментировать важнейший факт – двухэтажный каменный дом в Омске 1795 года! Возможно, он счел дело ошибочно отнесенным к Омску? Снова изучаются карты рубежа XVIII-XIX веков – ну нет за пределами второй крепости каменных построек!

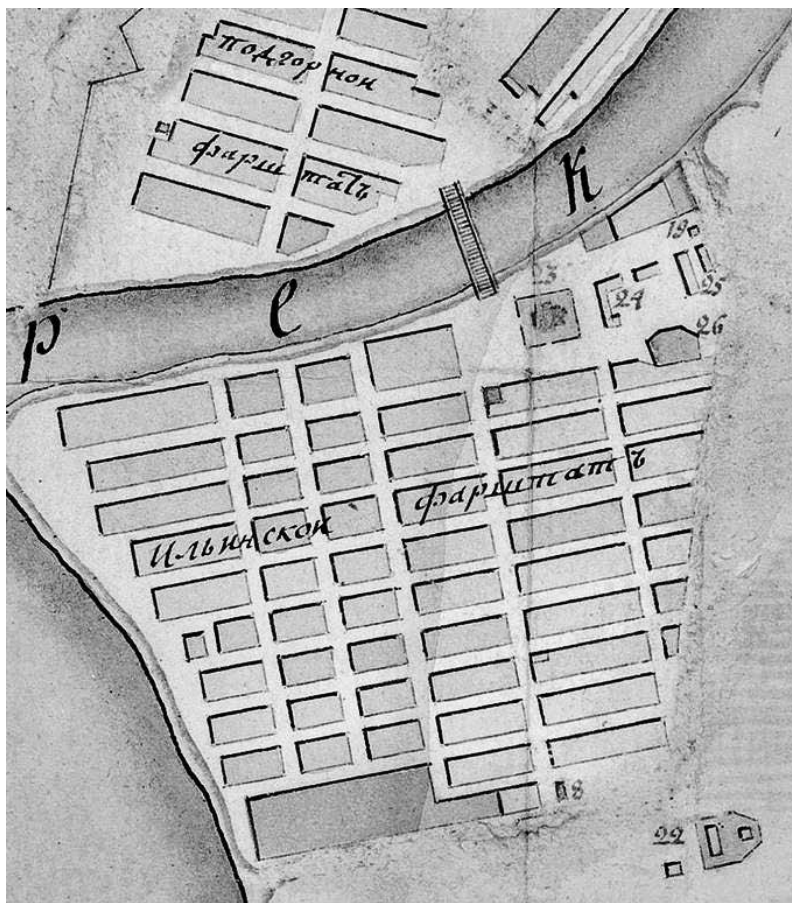
Спустя несколько лет попалась наконец черно-белая фотокопия того самого чертежа. Оригинальное название дела гораздо длиннее, чем в описи.

«План, вид и прорезы купленного по указу Государственной военной коллегии каменного о двух этажах с деревянными службами дому при омской крепости на Ильинском форштадте у именитого гражданина Луки Матушкина, на коем значит каменное и деревянное вычерчены черными линиями и подпокрытием черною тушью а прорезы первого красною, последнего деревянною красками а что сделать вновь для безнужного помещения 9-ти офицеров следует, вычерчено проектными линиями и подпокрытием желтою, закладка дверей ранжевою, сломка житкою тушью, насыпка земли глинистою красками означено.

Чертил Генерал Майор и кавалер Коноплин.

На большом листе компактно размещены план участка с показанием первых этажей всех построек, второй этаж каменного дома и два его разреза, фасад, и два разреза бревенчатых дворовых служб («связей»).

Ситуационного плана нет. Но по абрису участка, расположению построек, ограды, по двум парадным фасадам место определилось однозначно: Ильинский форштадт, угол будущих улиц Томская и Дворцовая.

План города Омска Тобольской губернии». 1806 год.
«Экспликация ныне состоящему строению: (...) 8. – при воротах кордегардии. 19. – питейные дома, 22 – тюремной острог.
В Ильинском форштадте: 23 – церковь святого пророка Илии, 24 – Гостиной двор, 25 – мясные и рыбные ряды. 27 – лютеранское кладбище. Остальное строение значится купецкия и мещанския дома. Каменное строение на плане обозначено под краской алой, деревянное под аранжевой. Сады и огороды под зеленою красками»

Итак, владелец назван: именитый гражданин Лука Матушкин. Правда, по-прежнему неясно, почему дом «привязан» к давно не существующей крепости. В крепости такое здание появиться не могло. Наоборот, строительство дома стало возможным именно после упразднения первой крепости и новой планировки жилых территорий по меридионально-широтным линиям.

Сыграло ли при этом какую-то роль возведение каменной Ильинской церкви в 1789 году? Думается, что только градостроительную. Новая величавая церковь резко повысила престижность места, в 1790 году позади нее выстроена первая очередь деревянного гостиного двора; восточнее, вдоль Ильинского ретрашемента возникли мясные лавки и питейный дом. Начала формироваться центральная торговая площадь Омска.

Что касается архитектурных особенностей первых каменных зданий Ильинки, то они уникальны каждое по-своему. Архитектурный стиль церкви искусствоведы определяют как позднее барокко или ранний классицизм (влияние московского архитектора К. Бланка). Двухколоколенность церкви до сих пор не нашла убедительного объяснения. Что касается купеческого дома, то прототипы декора можно обнаружить в Тобольске и Тюмени.

Структура дома ясная, окна по-барочному часты (и этим напоминают нашу гауптвахту), толстостенный фасад четко разделен на первый этаж с малыми окнами, и второй, с окнами большего размера. Внутри две поперечных стены и одна продольная, не доходящая до западного фасада и оставляющая большую залу, семью окнами на две улицы и двор.

Самый большой интерес представляет декор окон. Это так называемое «пламенеющее барокко», хорошо представленное в Москве рубежа XVII-XVIII веков, скупо – в Сибири и полностью отсутствующее в Омске.

Многолопастные гребешки наличников, тяжеловесное обрамление окон внизу, боковины наличников, решенные повидимому как полуколонки с перехватами, массивный венчающий карниз с рядами зубчиков, сухариков и пр., ордерные капители, поэтажно

разделяющие плоскость стены по два окна и «выпускающие» углы, – все это резко контрастирует с достаточно скромным барокко зданий Омской крепости, и коренится в архитектуре начала восемнадцатого, а пожалуй, и семнадцатого столетия.

Интересный вывод можно сделать из планировки: дом не имел парадного крыльца, все входы вели на двор. То есть торговля «на улицу» на первом этаже не велась, и торжественных «приемов» не предвиделось. Именитые граждане не занимались торговлей в розницу – только оптом, да и гостинный двор находился рядом, через площадь. Дом был «крепостью», огороженной забором заплотного типа, на столбах.

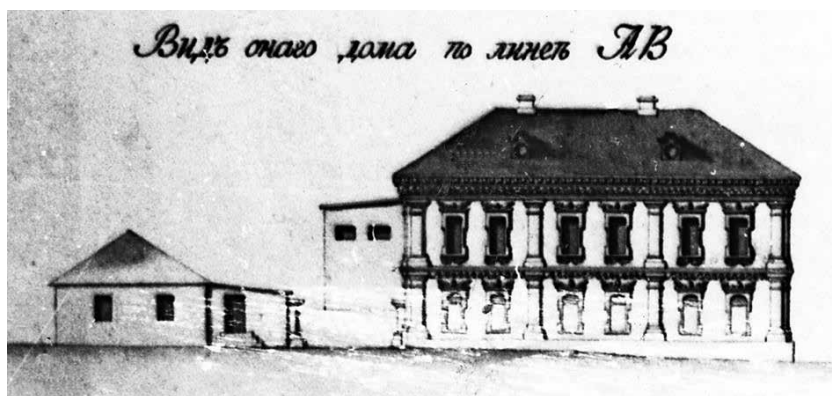
Вернемся к строителю здания. Несомненно, он должен был обладать не только капиталами не менее 50000 руб., но иметь намерение осесть в Омске надолго. Однако поиски в Интернете купцов по фамилии Матушкин не дали результата. Зато запрос имени вместе с фамилией дал неожиданный результат: жил в Омске такой купец, Лукиматушкин Дмитрий Тимофеевич. Информация о нем есть в Тобольском архиве; выдержки ревизских сказок любезно опубликовали читатели одного из краеведческих сайтов [4].

Итак, Дмитрий Тимофеевич Лукиматушкин, около 1756 года рождения, потомственный тобольский купец, в звании с 1771 года. Жена Анна Никифоровна – дочь драгунской вдовы Анисьи Федоровой. Сыновья Дмитрия Тимофеевича не прижились: младенец Федор умер в 1785 году, годовалый Нестор – в 1789 году.

Возможно, поэтому чересчур просторный дом Дмитрий Тимофеевич решил продать Военной коллегии под размещение 9-ти обер-офицеров, с некоторыми дополнениями и переделками в основном надворных построек.

Чтобы завершить повествование о Лукиматушкине, надо упомянуть, что Дмитрий Тимофеевич жил в Омске еще в 1804 году, «выстроил и содержал богадельню для бедных», [5] по примеру брата, тобольского купца 2 гильдии Ивана Тимофеевича (1757-1815), который еще в 1800 году выстроил в Тобольске каменную богадельню и первый год содержал ее сам. [6]

Сын Ивана Тимофеевича Александр, купец 3 гильдии (племянник «нашего» Дмитрия Тимофеевича) также оставил свой след в Омске: будучи, как и отец, тобольским купцом, он в 1818 году пожертвовал 6200 рублей в векселях на «воспитание и обучение детей неимущих почталионов», а также предложил отдать в Омске дом с надворными постройками, и место в 880 квадратных саженей под постройку почтовой конторы [7].

Фасад на Ильинскую площадь

Подарок был принят с благодарностью, (на плане Омска 1819 года появился почтовый дом в Ильинском форштадте), а насчет места омский полицмейстер отозвался так: «оное, уступленное Лукиматушкиным для конторы, – удобное, безопасное, в ближайшем расстоянии от крепости, всех присутственных мест и гостиного двора».

Это место широко известно: более 140 лет простояли деревянные почтовые дома на углу проспекта Маркса и улицы Почтовой. Они действительно были очень близко от крепости (даже в 1818 году память о крепости жива!), и от присутственных мест, и от гостиного двора, и, добавим, от новых ворот в ретраншементе – на восточный почтовый тракт. Правда, уже не в Ильинском, а Новоильинском форштадте – будущей Новой слободке.

Таким образом славная фамилия купцов Лукиматушкиных косвенно повлияла на топонимику Омска, их дома встали на ключевых местах города, почтовые строения дали название одноименной улиц.

Какова же была судьба каменного дома Дмитрия Лукиматушкина? Увы, недолгая. Он пережил пожар 1819 года, но следующий сильнееший пожар в 1823 года, истребивший в основном Ильинский форштадт, не пощадил и его.

Впрочем, в истории дома есть еще одна, забытая, но славнейшая страница. Именно тут в мае 1813 года открылось казачье училище, а не в посольском деревянном доме. Впрочем, к осени 1813 года флигель для училища был уже выстроен, но «колыбель» будущего кадетского корпуса была здесь, в каменных купеческих стенах.

После пожара дом не возобновлялся. Его место пустовало, и по генеральному плану Омска 1829 года отводилось под площадь перед домом генерал-губернатора. Более 30 лет площадь стихийно застраивалась, пока в 1859 году начало строительства не расчистило площадь вновь – под сад перед домом генерал-губернатора Западной Сибири. Любопытно, что план Омска 1898 года отчетливо показал углубление в северо-западном углу сада. Недавнее капитальное благоустройство улицы Ленина – подрезка подпорной стенки сквера вдоль улицы Лермонтова – выявило следы кирпичной кладки в этом углу, со следами пожара.

...Скоро 200 лет, как разобран уникальный дом Лукиматушкина – первенец частного «высотного» кирпичного строительства в нашем городе, не оставивший «потомков» в омской архитектуре. Но было бы интересным и наверно нелишним восстановить его по чертежу, место так и не застроено.

Библиографический список

1. В.И. Кочедамов. Омск. Как рос и строился город. – Омск, 1960. – С.20
2. РГВИА, Ф.349, Оп.27, Д. 1081.
3. РГВИА, Ф.349, Оп.27. Д.1175
4. http://ka-z-ak.ru/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=242&id=9478&limit=20&limitstart=80&Itemid=14 (дата обращения 1.09.2019)
5. Татьяна Солодова. Корабль из добрых дел. Тобольские благотворители XVII- начала XX вв.- Тобольск, 2009. Электронный ресурс: kulturatob.ru/doc/2015/The%20craft%20of%20good%20deeds.doc (Дата обращения 31.08.2019)
6. Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сборник статей под ред. В.А. Скубневского / Вопросы благотворительности и культуры // Т.В. Копцева. Исторический аспект и особенности благотворительной деятельности в Сибири (конец XVIII-XIX вв.) – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005 С.249. Электронный ресурс: http://new.hist.asu.ru/biblio/urbani/4_1.html (Дата обращения 1.09.2019)
7. Колотуша Юлия. История Омской почты. <http://xn--80aa2ahjdgnn3c3e.xn--p1ai/content/istoriya-omskoi-pochty.html>. (Дата обращения 31.08.2019)

Жанна Хахаева

Омск в описаниях путешественников и военных XVIII века

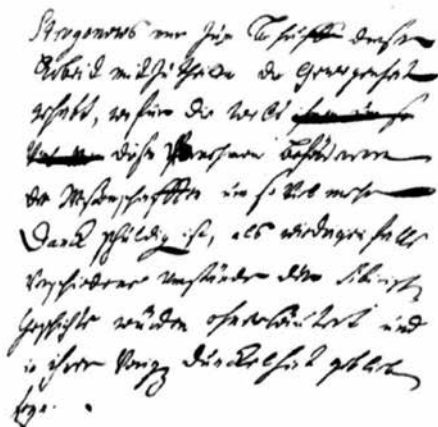
О том, что из себя представляла Омская крепость при Петре I и последующие 85 лет мы знаем до обидного мало. Но облик города этой поры всё же оказался запечатленным благодаря путешественникам и местным военным. О трёх из них мы бы хотели рассказать особо.

Пример европейских государств, заводивших у себя академии наук имел продолжение и в России. При Петре I, когда только что начали учреждаться некоторые училища, возникла мысль об устройении академии наук по примеру Парижской академии. Выбор же последней а Петра Великого своим членом, ещё более укрепил намерение царя учредить академию. Лейб-медику Блументросту поручено было составить доклад об устройении академии, рассмотренный и утвержденный Петром I 22 января 1724 г. По мысли преобразователя России вновь создаваемая «академии наук и курьезных художеств» должна была быть учреждением не только научным, но и высшим учебным, т. е. университетом. Каждый академик должен был составить учебное руководство в пользу учащегося юношества и каждый день по часу заниматься публичным преподаванием своего предмета. Учёные мужи должны были приготовить одного или двух воспитанников, которые бы со временем могли занять его место, причем император высказал желание, «чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить». На содержание академии было выделено 24012 р. Вызванные из-за границы академики не застали уже в живых императора Петра I, и академия открылась, под президентством Блументроста, только при

Екатерине I. Первое организационное заседание было проведено 12 ноября 1725 г., а 27 декабря того же года состоялось торжественное собрание уже в присутствии императрицы. Одним из направлений деятельности вновь созданного научного учреждения была организация экспедиций. В ходе разработки маршрутов особое внимание было уделено изучению Сибири. Академией была снаряжена так называемая «Вторая камчатская экспедиция». В её состав был включён немец на русской службе, историограф и академик **Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер** (1705 -1783 гг.). Он был уроженцем города Герфорда в Вестфалии. Отец его был ректором местной гимназии, в которой будущий учёный и получил первоначальное образование. Затем он окончил лейпцигский университет и в ноябре 1725 г. приехал в Россию [1, с. 19]. Здесь он был определен студентом в только что основанную Академию наук. В первые годы Миллер преподавал латинский язык, историю и географию в академической гимназии, вел протоколы академических заседаний и канцелярии, издавал «Санкт-Петербургские Ведомости», «Примечания» которых были рассчитаны на широкий круг читателей. В 1731 г. он получает звание профессора. С 1732 г. он всерьёз заинтересовался Россией и стал выпускать сборник статей, касающихся нашей страны. В период с 1732–1765 гг. им было издано 9 томов. Это было первое издание, основательно знакомившее иностранцев с русской землей и ее историей. В 1748 г. Миллер принял русское подданство и был назначен историографом [2, с. 449]. Но уже на следующий год он имел большую неприятность по поводу речи, приготовленной им для торжественного заседания академии. Доклад назывался «Происхождение народа и имени российского». Некоторые из академиков (Ломоносов, Крашенинников, Попов) нашли ее «предосудительною для России». Учёного обвинили в том, что «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнем и мечом пустошили и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили». Горячность и нетерпимость, с какой принята была теория

Г.Ф. Миллер. Портрет

Образец почерка Г.Ф. Миллера

скандинавского происхождения варягов-основателей русского государства, значительно объясняется тогдашними политическими отношениями России к Швеции. Речь, уже напечатанная, была уничтожена и была опубликована только в 1768 г. Сформулированная и высказанная им т.н. «норманнская теория» имела для самого Г.Ф. Миллера далеко идущие последствия. В 1750 г. по настоянию М.В. Ломоносова, его непримиримого врага, был разжалован из академиков в адъюнкты с понижением жалованья с 1000 руб. до 860 руб. в год. Скоро, однако, Миллер был прощен, но с условием, что он предварительно подаст прошение о прощении. Напуганный судьбой своей речи 1749 г., учёный в 1761 г. очень дипломатично проводит мысль о том, что основатели русского государства были «роксолане с Балтийского моря». Позже, в изданных им сочинениях он указал так же на присутствие варяжского элемента на юге. В 1765 г. учёный был назначен главным надзирателем московского воспитательного дома, с оставлением при академии наук в звании историографа, а через год определен начальником московского архива иностранной коллегии. Назначая Миллера в архив иностранной коллегии, императрицы Екатерина II поручила ему составить «Собрание русской дипломатики». Пребывая уже в старческой немощи академик не мог уже сам много сделать, но он подготовил достойных учеников в числе которых особое место занимает такой прекрасный архивист, ученый и издатель, как Н. Н. Бантыш-Каменский. В 1767 г. Миллер был избран депутатом Комиссии Нового Уложения. Сраженный параличом, в 1772 г., учёный до последнего дня своей жизни (11 октября 1783 г.) не прекращает работы. После смерти Г.Ф. Миллера в его архиве осталась коллекция автографов и рукописей (в 258 портфелях), важных для изучения истории, этнографии, статистики и промышленности России и в частности Сибири.

Не попав в Камчатку, Миллер объездил главнейшие пункты западной и восточной Сибири в пределах: Березов-Усть-Каменогорск-Нерчинск-Якутск (31362 версты пути) и тщательно перерыл все местные архивы, открыв, между прочим, сибирскую летопись Ремезова. Десятилетнее (1733—1743) пребывание в Сибири обогатило учёного массой ценных сведений по этнографии инородцев, местной археологии и состоянию края. Особенно была важна вывезенная Г.Ф. Миллером громадная коллекция архивных документов, и если сам он использовал только ничтожную часть их, то в течении последующих столетий они служили и продолжают служить и поныне важным подспорьем для изучения истории Сибири XVI–XVIII вв. В 1750 г. он напечатал первый научный труд по сибирской истории. Первый том вышел под названием «Описания Сибирского царства». Второй том увидел свет лишь в отрывках. В 1755—1765 гг. Миллер редактировал «Ежемесячные Сочинения, к пользе и увеселению служащие». Это было первое периодическое учено-литературное издание на русском языке. В нем участвовали многие из писателей того времени, пользовавшиеся известностью. Сам Миллер поместил там много статей, касающихся не только Сибири в целом, но и Омска, в частности. Вот, например, какое описание нашего города, а тогда крепости относящееся к 1734 г., когда учёный побывал в нём, приведено им: «...Того ради как полковник Бухольц с людьми пришел к устью реки Оми, то там остановясь о своем принужденном от Ямышева возврате губернатора возвестил; и представлял, не удобно ли будет на сем месте заложить крепость, дабы людей и всякие воинские потребности там оставить, ежели оныя впредь, как надеяться можно, в сей стране будут надобны...Князь Гагарин, получа известие от подполковника Бухольца, не только представление его за благо принял, но и послал к нему для дополнения полков 1300 рекрут в трех партиях. И так немедленно крепость при реке Оми строить начали. Артиллерии поручик Каландер имел опять смотрение над строением. Избрали место на южном берегу реки Оми около 50 сажен от ея устья. Низкий земляной вал в фигуре правильного пятиугольника обнесен полисадом, с пятью таких же болверков на углах, и со рвом, около которого поставлены были рогатки. Сие крепостное строение еще до зимы приведено в полное состояние. Правда, что в бытность мою там в 1734 году крепость была четырехугольная, и только полисадом обнесенная, из которых каждая сторона содержала в длине по сту сажен. Но как на другой год в Селенгинск я прибыл, и там застал господина Бухольца бригадиром и комендантом, то он меня обнадежил, что заложенная им крепость подлинно так сделана была, как она прежде описана. Назы-

Титульный лист основного труда Г.Ф. Миллера

вали ее по ее положению Омскою крепостью. Она отстоит от Тары в 277 верстах, а от Тары до Тобольска считается 435 верст...»[3,с.488-489].

П.С. Паллас. Портрет

Другим учёным, который в 1771 г. был гостем нашего города и посетил его, так же по заданию Академии Наук был **Пётр Симон Паллас**. Это был в своё время один из наиболее выдающихся естествоиспытателей мирового масштаба. Появившись на свет в Берлине 22 сентября 1741 г. и, будучи, таким образом, иностранцем по своему рождению, Паллас, однако же, в течение 43-х лет проживал в России и составлял красу нашей Академии Наук. Всестороннему изучению своего второго отечества он посвятил почти всю жизнь свою, а потому мы с гордостью можем причислить его к *русским* ученым, между которыми он по глубине своих знаний, по широте научных интересов и задач, а также по необычайному дару и точности наблюдений занимает одно из самых первостепенных мест. Его отец, известный хирург, был родом из Восточной Пруссии. Молодой Петр Симон первоначально хотел пойти по стопам родителя. Необыкновенная даровитость проявилась в нём уже в детском возрасте. Будучи 13-летним мальчиком, он начал посещать лекции в Берлинской медико-хирургической коллегии, а в 1758 г., когда ему было лишь 17 лет, он уже успешно выдержал экзамен по анатомии. Пробыв еще два года в университетах в Галле, Лейдене и Гёттингене, Паллас в конце 1760 г.

получил степень доктора медицины и представил к защите диссертацию о глистах человека и некоторых животных. Затем 19-летний доктор медицины отправился в Лондон, где он по желанию отца должен был проходить практику в госпиталях, на самом деле юноша тщательно знакомился с превосходными естественно-историческими коллекциями города и завёл знакомства с тамошними наиболее выдающимися натуралистами. Возвратившись в 1762 г. в Берлин, Паллас в следующем году получил от родителей разрешение переселиться в Голландию в поисках работы, но, несмотря на усиленные научные занятия, ему не удалось получить такого места, и он в 1766 г. снова вернулся в родительский дом.

В этом же году им были изданы в Гаге две работы П.С. Палласа, обратившие на него внимание всего ученого мира. Сочинения эти, касавшиеся анатомии и систематики низших животных, сразу проявили в молодом авторе редкую наблюдательность и проницательность. Благодаря этому имя Палласа стало широко известным, и когда Императрица Екатерина II, задумавшая снарядить экспедицию для исследования России в естественно-историческом отношении, она обратилась к Лейпцигскому профессору Лудвигу за рекомендацией в руководители этой экспедиции особенно сведущего естествоиспытателя, то тот остановил свой выбор на Палласе. 22 декабря 1766 г. Академия Наук избрала его в свои члены в качестве профессора естественной истории. Сначала он отказался, но в апреле 1767 г. изъявил свое согласие, и 23 апреля того же года избрание П.С. Палласа было подтверждено Академией.

Летом 1767 г. он переселился в С.-Петербург и занялся составлением планов и инструкций для задуманных Императрицей путешествий по Европейской России, Кавказу и Сибири. Сначала Паллас предполагал участвовать в экспедиции, которую Академия по приглашению Королевского Великобританского Общества наук снаряжала в Камчатку для наблюдения прохождения Венеры перед солнцем в 1769 г., но впоследствии было решено снарядить особую экспедицию, во главе коей должен был стать сам П.С. Паллас, который и принял на себя разработку общего плана для нее. Кроме Палласа, в этой третьей по счёту Академической экспедиции, продолжавшейся шесть лет, участвовали академики Гюльденштет, Гмелин, Лепехин, Фальк и Георги. При каждом из них находилось по несколько «студентов» Академии. Почти целый год прошел в приготовлениях к экспедиции, и лишь в конце июня 1768 г. Паллас тронулся из Петербурга. Это достопамятное путешествие продолжалось шесть с лишним лет. Тягости и лишения, с ним связанные, пагубно отразились на здоровье Палласа, который (как он сам замечает в конце описания своего путешествия) вернулся с обессиленным организмом и с седеющими волосами на 33-м году жизни. Вследствие ужасных морозов, при которых Палласу случалось наблюдать замерзание ртути в термометре, он однажды, в комнате, даже отморозил себе пятки[4, с.512]. Но, несмотря на все невзгоды температуры, невзирая на упорное воспаление глаз, часто повторявшиеся дизентерии и разные другие болезни, он неутомимо преследовал поставленную себе задачу, заключающуюся во всестороннем исследовании стран, им посещаемых. К этому ещё можно добавить, что Паллас отличался необыкновенной энергией и силой воли, неоднократно проявлявшейся в долговременных его путешествиях, сопровождавшихся страшными трудностями, лишениями и опасностями. При этом характеру Палласа были присущи как гуманность, так и чувство справедливости.

Литературным плодом этого путешествия явилось знаменитое трехтомное описание его, вышедшее в С.-Петербурге, на немецком языке, в 1771–1776 г. (вслед за тем был отпечатан и русский перевод) под

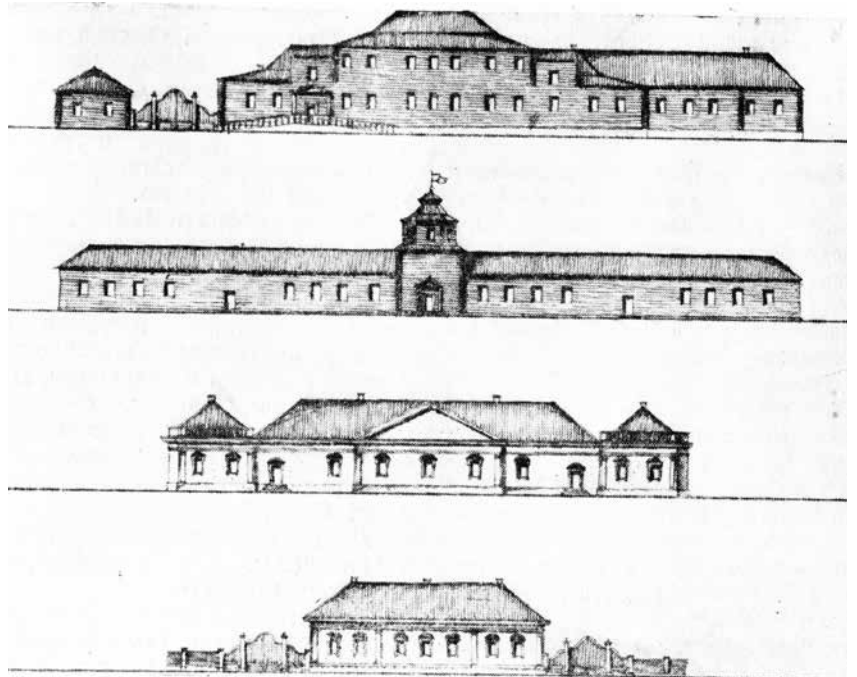
названием «Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук». Сочинение это, – несмотря на то, что оно издано более 300 лет назад, – и до настоящего времени составляет чрезвычайно обильную сокровищницу не только для геологов, ботаников и зоологов, но в одинаковой же мере и для историков и этнографов. Масса описанных здесь необыкновенно точных наблюдений над предметами и явлениями из всех царств природы не только значительно расширила кругозор тогдашней науки, но, вместе с тем, дала и правительству возможность ближе ознакомиться как с нуждами и потребностями населения, так и с природными богатствами России для удовлетворения этих нужд. Поэтому, путешествие П.С. Паласса имело не только научное, но и важное практическое значение.

Мы не станем в деталях описывать это необыкновенное путешествие, в продолжение которого Палласу удалось открыть и сообщить Академии чрезвычайно замечательные предметы и факты из всех царств природы (например, знаменитый образец самородного железа т.н. «Палласово железо», найденный на берегу Вилюя, или голову носорога). Далее мы более подробно расскажем читателям о посещении учёным нашего города, его знакомстве с ним.

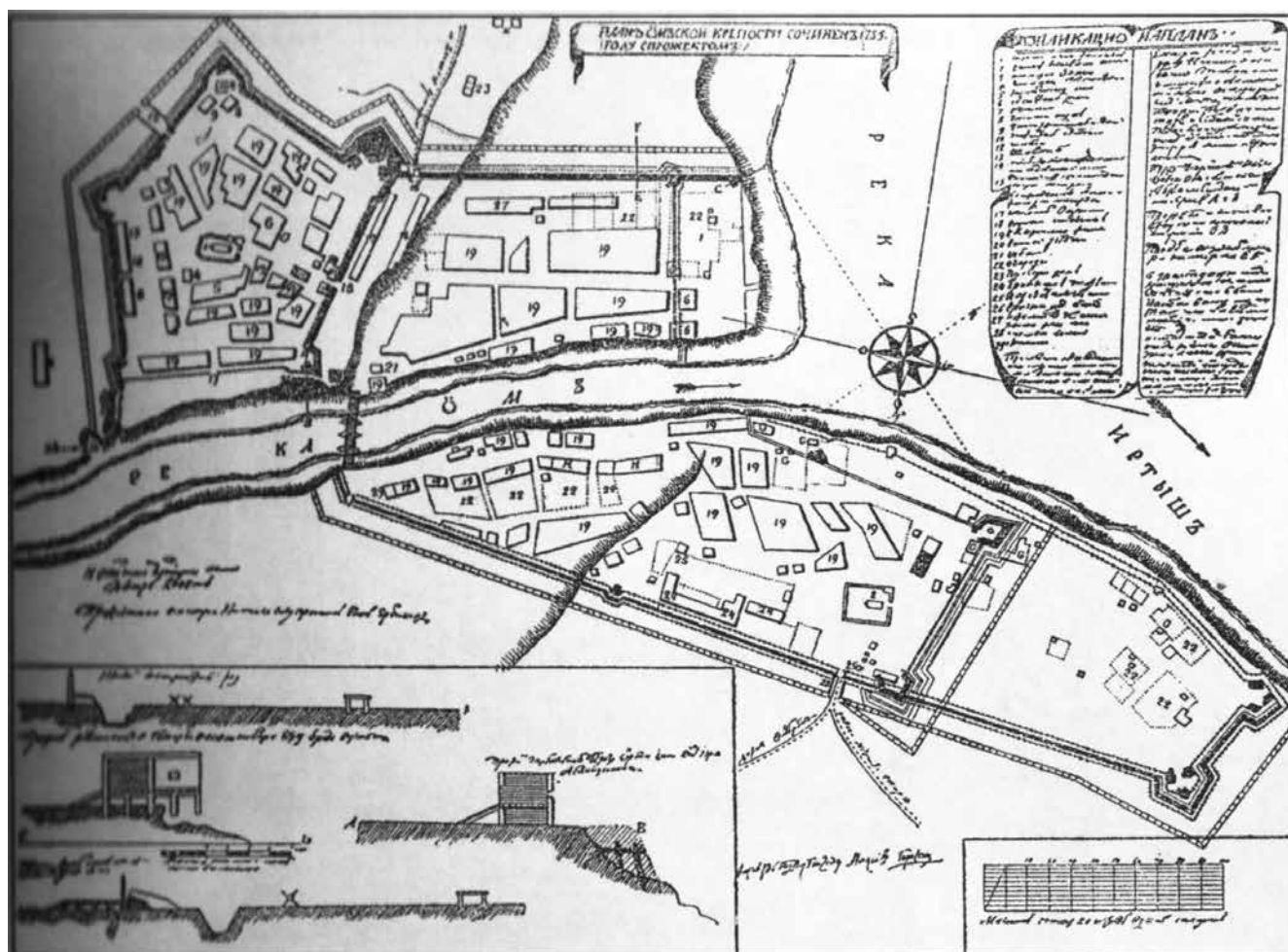
17 мая 1771 г., переправившись через Иртыш, П.С. Паллас, проехал вдоль правого берега реки и оказался сначала в старой, тогда еще существовавшей Омской крепости. В нее он проехав через Спасские ворота. Состояние этой крепости было очень ветхим. Проехав через нее и перебравшись по наплавному мосту через реку Омь, Паллас оказался на территории Новой Омской крепости. Ученый должен был представиться главному командиру Сибирскому корпусу. К моменту прибытия Палласа в Омск, генерал-поручик Иван Шпрингер скончался. Это очень опечалило путешественника, ибо он рассчитывал на помощь Шпрингера, которого знал, как высокообразованного и просвещенного человека. Новым командиром Сибирского корпуса был назначен генерал-майор Станиславский. Он не обладал качествами покойного Шпрингера и не был настроен помогать в деле изучения края, как на то мог рассчитывать ученый, если бы он обратился к Шпрингеру.

Паллас просил генерала Станиславского предоставить ему для изучения подробные военные карты Сибири, которые были составлены по распоряжению Шпрингера. Новый командующий корпусом не спешил с ответом и только через два дня после обращения Палласа сообщил ему о невозможности предоставить военные карты без специального разрешения или даже именного указа императрицы. Тогда П.С. Паллас подал письменное представление с настойчивой просьбой предоставить необходимые для научных исследований карты. В результате он получил на короткое время карты общего характера, но из них ученому запретили делать какие-либо копии или выписки. Палласа просил также омские военные власти выдать ему подорожную с правом пользоваться в пути драгунскими лошадьми. Вместо драгунских лошадей, на которые он рассчитывал, ему предложили казачьи и башкирские лошади. Во время пятидневного пребывания в Омске П.С. Паллас обошел большую часть занимаемой им территории, посетил основные здания и сооружения крепости. Он внимательно наблюдал за жизнью этого населенного пункта на Иртыше, которому было суждено сыграть важнейшую роль в освоении юга Западной Сибири и Северного Казахстана.

Академик П.С. Паллас имел возможность осмотреть старую (первую) Омскую крепость в последний период её существования, а так же и новую, в то время, когда она уже возводилась. Вот какое описание он составил об увиденном им: «...Омская крепость заимствует название свое от реки Оми, на устье коей лежит она; ближе к Иртышу она, как сказывают, вытекает вместе с Тарою из некоторого в Барабинской степи находящегося Тартасом именуемого болота. Старая крепость построена была выше реки Оми на Иртыше и обведена деревянною стеною с бастиянами и рвом. В ней находилась одна только худенькая деревянная церковь (имеется ввиду первый храм нашего города Сергиевская церковь-авт.), против коей построены были деревянная гауптвахта с украшенными воротами,

Образцы омской крепостной застройки 18 в.

План Омской крепости, 1755 год

а против сих дом для главного всех Сибирских пограничных линий начальника, который всегда главное свое пребывание имеет в Омской крепости. Сверх сего находятся около церкви различные офицерские дома; дом комендантский и один старый, в коем ныне находится управительская канцелярия над Чернолюком (т.е. Чернолучье-авт.) и Омской слободою, а прежде была в оном церковь шведских пленников. Число всех дворов старой крепости простирается почти до 200.

Ниже реки Оми лежала прежде слобода, которая ныне по большей части на деревни разделилась, а за оною следует лежащее по Иртышу прекрасное над всею окрестностью возвышенное место, кое господин генерал-поручик фон Шпрингер избрал ради важной причины для заложения на оном новой крепости, поскольку старая совсем уже почти развалилась. Сия Новая весьма выгодное положение имеющая Омская крепость, укреплена весьма прекрасным образом по новым воинской архитектуры правилам, и с 1768 года, когда она начата, выстроено оной под смотрением своего основателя весьма много. Она представляет многоугольник о пяти бастионах, который на реке Иртыше сходится, и из крепкого дерном выложенного земляного вала и широкого сухого рва состоит, но на южной стороне не совсем еще она была отделана. В оной уже выстроены прекрасный генеральский дом на каменном фундаменте, подле оного провиантская канцелярия, гауптвахта, пред которою выставлены артиллерийские снаряды, протопопский дом и различные изрядными офицерскими домами и казармами застроенные улицы. Строятся же еще одна прекрасная каменная церковь (имеется ввиду Воскресенский собор), по выстроении коея соборная церковь в старой крепости сносится, дом для городской школы, в коей воспитываться будут драгунские и казацкие дети, и сие есть одно из достохвальнейших новейших заведений; дом для приезжающих почетных иностранцев и дом комендантский, оба проходят по сторонам генеральского дома; дом для протестантского Сибирской дивизии священника и прочие офицерскими домами и казармами застраиваемые улицы, кои план крепости дополняют. На реке Иртыше внутри крепости в особом ретраншементе лежат хлебные амбары, колико токмо хлеба пред последним пожаром в оная перевезти успели. На главном месте крепости выкопаны различные изрядные колодези. Словом сказать, все при заложении сия крепости рассмотрено, дабы учинить оную достойною счастливых времен Великой Монархини (имеется ввиду Екатерина II-авт.) и Всевысочайших премудрых ее намерений.

Одна часть старая крепости будет сломана, и старую соборную церковь также разломают, а оставят только кладбище, на коем воздвигают ныне монумент над гробом покойного генерал-поручика фон Шпрингера, напротив того из слободы старую церковь перенесли на левый Оми берег, и по обеим сия реки сторонам построено небольшое предместье для казаков и отставных с одним токмо ретраншементом...»[5, с.114-116].

Ученый поинтересовался у сопровождающего его офицера о судьбе церкви и кладбища, в связи со строительством в другом месте новой крепости. Палласу ответили, что «старая крепость будет сломана, и старую соборную церковь также разломают, а оставят только кладбище». Необходимо отметить, что могила И.И. Шпрингера действительно сохранялась до 70-х годов XIX века, но затем была утрачена и установить ныне её точное местонахождение очень сложно, если вообще возможно. Поэтому свидетельство Палласа о надгробном монументе в честь покойного генерала также необходимо признать очень ценным. В настоящее время историки предполагают, что захоронение Шпрингера находится в районе современного магазина «Цветы» на улице Лермонтова, в 15-20 м от здания магазина.

Паллас не только интересовался строительством Омской крепостью, но и собирал сведения об эволюции природной среды края. Ученый обследовал огромную кость мамонта, найденную на высоком берегу Иртыша близ Омской крепости. Он определил ее вес и измерил длину. Эта находка была привезена Палласу с южных окрестностей Омска. В своей книге ученый упоминает и о костях мамонтов, обнаруженных севернее Омской крепости, близ Чернолуцкой слободы и деревни Красноярской. Кроме того, Паллас имел возможность осмотреть некоторые археологические находки. При выемке земли из рва новой крепости было вскрыто древнее захоронение. Палласу были представлены для осмотра два кинжалообразных обоюдоострых ножа, изготовленные из меди и бронзы[6, с.15].

Таким образом, пять дней, проведенных Палласом в Омске, были наполнены интересными наблюдениями за ходом строительства новой крепости, описанием состояния старой крепости, а также исследованием памятников древней фауны и археологические находок.

Имеет смысл сказать несколько слов и о дальнейшей судьбе учёного. В 1782 г. П.С. Паллас был назначен советником, а в 1788 г. историографом Адмиралтейской коллегии. В 1784-1788 гг. ученый опубликовал двухтомную работу «Флора России», в 1786 – «Описания растений Российского государства с их изображением». В 1793-1794 гг. Паллас изучал климат юга России. В 1796 г. он прибыл Симферополь для описания климата Крыма и поселился здесь на постоянное место жительства. В 1810 г. вернулся в Германию[7, с.26]. Петр Симон Паллас скончался 8 сентября 1811 г. в Берлине. Творческим наследием ученого стали свыше 170 печатных работ по естественно-историческим наукам.

Имя Ивана Григорьевича Андреева стало известным в научных кругах во второй половине XIX века. Его дальние родственники передали Г.Н. Потанину рукопись с пространственным названием: «Домовая летопись Андреева, по роду их писанная капитаном Иваном Андреевым **в 1789 году**. Начата в Семипалатинске». **В 1870 году** эта рукопись была напечатана в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (№ 4). Очень краткая биография И.Г. Андреева сводится к следующему. Родился **в 1743 году** (по другим данным 31 января 1744 г.) в Тобольске, в семье служилого сибирского дворянина Григория Андреева, потомка жителя Нижегородской губернии Андрея Андреева, переселившегося сюда после завоевания Ермаком Сибирского царства. Отец Ивана, Илимский воевода, в молодости принимал участие в создании почтовой системы в России. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1741-1742 гг. командир Иртышской пограничной линии генерал Фрауендорф направил «на Иртышскую линию через Омскую крепость до города Кузнецка поручика Григория Андреева для учреждения по крепостям, форпостам и станциям почтовых станов». В 1750 г. Иван обучался в частной Немецкой школе, которой руководил бывший шведский военнопленный по прозвищу Сильвестрович. После смерти отца в 1755 г. семья обеднела, и мальчика отдали для дальнейшего обучения в Тобольский Иоанновский монастырь. В 1757 г. он поступил на службу рядовым в Олонецкий драгунский полк,

Предполагаемый портрет И. Андреева

расквартированный в крепости Святого Петра на Ишимской линии на юге Сибири. В крепости он завершил свое образование в гарнизонной школе. По окончании школы был зачислен в резервную команду капитана А. Ф. Соймонова. Вся дальнейшая военная служба Ивана Андреева целиком прошла на Сибирских пограничных линиях: в Ишимской (1757–1760), Омской (1763–1766, 1794–1796), Ямышевской (1766–1770), Железинской (1760–1763, 1770–1776), Семипалатинской (1776–1793, 1796–1824), где он «великое нес беспокойство». В формулярном списке Андреева отмечено, что за время службы он ни разу «в штрафах и домовых отпусках не бывал». Ревностно неся воинскую службу, возложенную на него, Иван Григорьевич медленно, но верно повышается в чинах. 10 февраля 1758 г. он производится в чин капрала, 1 мая 1763 г. – в подпрапорщики, на следующий год получает чин вахмистра. 1 января 1766 г. был произведен в прапорщики, через два года – в подпоручики, а 1 февраля 1772 г. ему был присваивается чин капитана. Плац-майором Андреев стал лишь только 20 сентября 1791 г. В это время он исправляет должность штаб-офицера при коменданте. В конце 1796 г. И. Андреев окончательно поселился в Семипалатинске и 4 ноября 1797 г. он был уволен в отставку с должности инженера-топографа Семипалатинской крепости в звании майора. Умер Иван Григорьевич Андреев в Семипалатинске 29 апреля 1824 г. и был погребен на старом крепостном кладбище (сейчас на месте этого кладбища стадион).

На протяжении своей многолетней офицерской службы в качестве военного инженера-топографа И. Г. Андреев строил мосты, крепости, церкви и различные жилые объекты на сибирских линиях; снимал карты и планы трактов, редутов, форпостов и многих других военных укреплений в северном и восточном регионах Казахстана. Он заново отстроил такие крепости Иртышской линии, как Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Ямышевская и Бухтарминская.

Уже в молодом возрасте Андреев стал проявлять большой интерес к научным исследованиям и стремился посвящать им все свободное время. По долгу службы он часто бывал в казахских кочевьях, хорошо изучил образ жизни, домашний быт и культуру казахского народа, свободно владел казахским языком. В 1774 г. капитан Андреев оказал существенную помощь А. Д. Скалону, командующему войсками на Сибирских линиях, в подготовке «словника» казахских терминов и выражений, ставшего одним из первых в России русско-казахских словарей. В 1784 г. Андреев, получив указания командира Сибирского корпуса Н. Г. Огарёва подготовить материал для «Истории о киргиз-кайсаках», с большим энтузиазмом принялся выполнять высочайшее поручение: отправился в двухмесячную поездку по пограничным крепостям для сбора материалов.

В 1785 г. он изучал архивы сибирских городов – Тюмени, Тобольска, Семипалатинска, Петропавловска и Омска. Одновременно продолжал сбор полевых этнографических материалов о казахах Среднего жуза в прииртышских степях. В том же году подготовил начальный вариант своего капитального исследования – «Описание Средней орды киргиз-кайсаков», первого в науке специального труда, посвященного казахскому народу. Андреев представил рукопись своему начальнику, генералу Огарёву. Последний, приказав автору значительно сократить её объем и оставить «единственно краткие виды». Данная работа была опубликована автором в 1795–1796 гг. в «Новых ежемесячных сочинениях», издаваемых в российской столице.

Почти ежегодно капитан И. Андреев выполнял научные задания. Свое повествование он начал с похода Ермака, затем описал строительство крепостей Иртышской линии, подобной Семипалатинской, со знанием дела рассказывал о торговле с киргиз-кайсаками. В июле 1781 г. Иван Григорьевич был послан в Коряковский

форпост (ныне г. Павлодар) «для описания соляных озер и сочинения оных карт...». В 1787 г. Андреев написал очерк историко-краеведческого характера по истории Семипалатинской церкви и истории города Семипалатинска, назвав его «Письма одного гражданина к верному своему другу». Любопытного капитана интересует все, древности в том числе. Надумал Андреев создать вечный календарь, по литературе он уточняет, кто и когда этим занимался. Вскоре с гордостью конста-

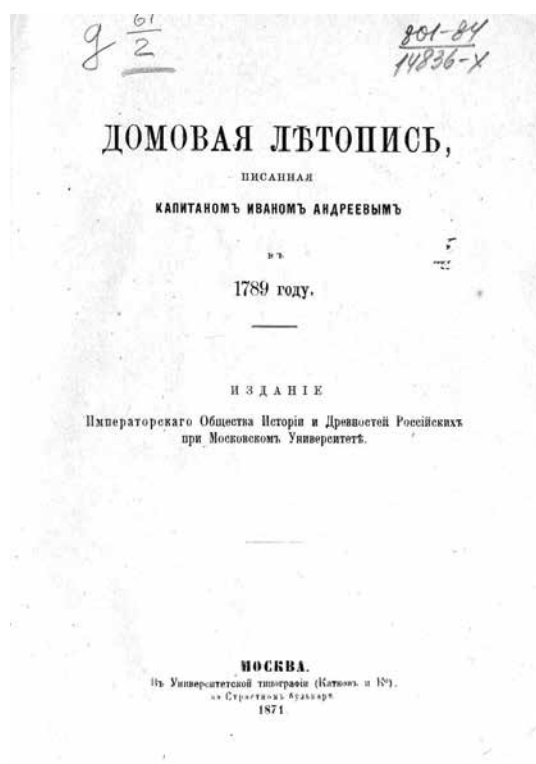

У постоянного двора

тирует: «В 1790 году выправил и дополнил календарь Брюса на 59 лет». Одновременно со службой и научными увлечениями омский капитан-исправник долгое время управлял гарнизонной школой. И.Г. Андреев стоял и у истоков сибирского светского театра. Под его руководством в 1764 г. в Омске было устроено первое в Сибири театральное представление.

Был у капитана Андреева главный труд его жизни – «Домовая летопись». Это изложение событий в манере дневниковых записей, т. е. сочинение, близкое к мемуарам. Перед нами бесхитростный рассказ человека о своей жизни и службе, о тех местах где ему довелось служить. День за днем старательно записывал Иван Григорьевич в своей «Домовой летописи» все события, происходившие на Иртышской линии. Эти краткие записи больше любого пространный документа позволяют почувствовать эпоху. Ценность труда возрастает в связи с тем, что это описание очевидца и участника событий. Ему, как и другим краеведам XVIII – первой половины XIX вв., свойственен хронологическо-описательный характер повествования, без серьезного анализа каких-либо событий. Этот русский интеллигент, служивший в далеких окраинных городках и крепостях, совершил подвиг. Он бескорыстно служил науке, способствовал развитию края, ставшего его второй родиной.

Обратимся к его «Домовой летописи» в которой Омской крепости, как равно и событиям происходящим в ней посвящено не мало страниц. Ограниченные объёмом данной публикации мы произвели выборку наиболее интересных мест из них и вот что у нас получилось: «... 10-го ноября [1793 г.] выехал я по повелению генерала Штрэндмана в крепость Омскую, 17-го где объявлен мне чин сентября с 9-го плац-майора. 19-го комендантом бригадиром Кеслером приведен к присяге... 15-го декабря пустился и прибыл в Омскую 20-го декабря к истинной моей должности... Впрочем, год сей умеренный; по местам довольно было хлеба, а особливо ярового, людей разными болезнями, а особенно горячкою, умирало много; обыкновенная младенческая болезнь корь; во многих местах хлебы вредила кобылка, от чего и цены возвысились, так как и упадок лошадей и скота во всех припасах соорудили дороговизну, и мука ржаная покупалась уже по 70 и 80 коп. пуд и пшеничная 1 р. 20 коп., и все харчевые припасы, а равно и в Омской, как мяса, рыбы и птицы было мало; наводили причины, что по беспокойству зимы, выпадали великие снега и стояли великие непогоды и снежные бури, и чрез то великое препятствие было поселянам вывозить в город все припасы... 1-го января 1794 г... на масленой проехали из Иркутска в Петербург лекарь и рисовальный мастер, бывшие в 1785 году на северных американских островах; они везли с собою разных животных чучел и рисунков; подарил мне камень граненый в перстень белой вены очень изрядный... К продолжению веселостей недели масленой приехали в Омскую полковники Аршеневский, Шрендер, Графов, два Ивеличи, князя Еристов, Жевахов и множество офицеров; в первое воскресенье у генерал-поручика Штрэндмана – бал и ужин; во вторник у подполковника Морилковского – бал и ужин и опера. В четверг у Дельноца, подполковника, в школе наверху – бал и ужин и опера «Лиза»; в субботу тут же – опера «Разнощик», бал и ужин; в прощенный день – вольное собрание по билетам, маскарад, бал и ужин на общественный кошт, а кушанья готовили из господских домов разного, у кого что случилось; у меня стояли на квартире капитаны Мещеринов и Лыльсков с женою; я же был на маскараде в матроском платье, белое все, кушак алый, шляпа распушенная, обшита флером с салтаном, и как только съехались в маскарад, ударила чрезвычайная погода со снегом и продолжалась до 23-го. Собрано было на угощение с 18 человек по 4 руб. 30 копеек, и угощаемы: чашка кофе, 2 рюмки пуншу, 1 водки, 2 стакана лимонаду. На 26-е число апреля, по великому теплу, снега на степи вдруг распустило и вода собравшись, бросилась на Кадышевском форштате по рву ретрантамента к магазинам, где много вреда причинила укреплению дерновому... 30-го апреля во всю зиму строящееся укрепление берега и моста на реке Оми, заложенное мною, приведено к окончанию, оное рвать начало с 1790 года, по усилению в р. Оми чрезвычайных вод и быстроты; а хотя прежде и дано было ниже моста укрепление, от великого в 1793 году наводнения и стоявшего недель пять сорвало, была вода так велика, что весь Ильинский форштат до горы топило, то же и Подгорный, от чего жители много вреда потерпели. Мая 1-го река Иртыш открываясь льдом и по учинившемуся запору сделала великое наводнение по полуночи в 3-м часу, так что нижние форштаты все затопила и много вреда наделала.... По усиленной в р. Оми воды, коя велика и быстра у моста, на 6-м часу выбивши унесло среднюю свинку и мост изломало, а потом и береговое укрепление рвало, берегам и много строению вреда причинило.

Титульный лист Домовой летописи
И. Андреева

26-го [июля], на р. Оми, по прожекту моему выданному, поставлен мост самый легкий на плотах, с укреплением якорей... На 20-е[января] [1795г.] число скончался Омской соборной Воскресенской церкви протоиерей, Петр Федорович Федоров, быв при оной с 1782 г., по старости лет его и нездоровью. Он был в Тобольске префектом и проповедником, имел библиотеку изрядную и любим всеми, детей своих учил по-немецки и по-латынски достаточно, но содержал весьма строго, так что всех переувечил бесчеловечно... На 22-е [апреля] перепал небольшой дождь, но день был жаркий, по полудни сделался пожар на Кадышевском форштате от сильного удара грома и молний в доме солдата Куликова, убило цепную собаку и дом весь пыхнул и сгорел до основания, хотя был и великий из тучи дождь от W; в вознаграждение генерал Штрандман произвел его капралом и дал к постройке 25 бревен... 1-го и 5-го июля были ходы церковные за город с приношением молебствия об дожде по великой засухе... 15-го [октября] числа за шитье башмаков 1 руб. 20 коп. за 4 игры карт 60 коп. За подковку лошадей отдано 50 коп., прислано из двора сукна зеленого 4 аршина по 8 руб. Куплено муки пшеничной 1 п. по 1 руб. 10 коп... 17-го числа июня [1796 г.] в Омске, в лагере, близ хутора подполковника Морилковского, от иркуцкого полковника Волчкова, приглашено было все благородное общество, был великолепный бал, маскарад, опера «Мельник» и фейерверк с пушечною пальбою, 3-х батальонов музыкою и певчих; продолжалось до 3-х часов с полуночи, а начало было в 6 часов по полудни, где весьма гуляли и дан был ужин довольной; день был прекрасный, хороший, а в ночь – дождик...»[8, л.л.5-7].

А вот какое описание второй Омской крепости И.Г. Андреев даёт в своём труде «Описание средней орды киргиз-кайсаков»: «...Крепость Омская лежит на правой стороне реки Иртыша при устье впадающей во оную реки Оми, по которой и имя себе получила, северной стороны под 55-м градусом. Сия Омская крепость по высочайшему учреждению учреждена 1783 года уездным Тобольского наместничества городом. Имеет на тех сибирских линиях над всеми крепостями команду, в которой всегда находится командующий Сибирским корпусом и линиями генералитет. От сей крепости границы простираются Сибирским линиям чрез реку Иртыш прямо линиею к реке Ишиму на крепость Святого Петра, а с оной – на крепость Оренбургской линии Звериноголовскую. В сей крепости Омской после указа Правительствующего Сената 1764 года июня 30-го числа содержать определено на трактирование и угощение прилежащих заграничных народов ежегодно по 1000 рублей... И во удовлетворение киргиз-кайсацкого народа прямо сей крепости Омской, на заречной стороне, построен Елисаветский маяк, при котором с 1784 года учрежден с киргизцами торг, где по дальности кочевья бывает в приезде очень мало, да и российского купечества недостаточно, почему и сбору пошлинного в оной по известиям, не более в год собирается 500 рублей, а иногда и менее. Верной же выправки о собранной той сумме учинить было неможно...»[9, с.109-112].

Как видим описания путешественников и дневники военных являются важными историческими источниками при изучении облика двух Омских крепостей и фрагментов социально-бытовой истории. А сколько ещё неизвестных и неопубликованных воспоминаний и описаний можно найти в центральных и местных архивах, в рукописных отделах столичных библиотек?! Остаётся только надеяться, что историками и краеведами нашего города будет совершенно немало новых открытий: выявлены имена омичей той эпохи, а так же обнаружены совершенно ранее неизвестные источники в свете которых, пред нами предстанет в совсем в ином свете, далёкий и пока слабо изученный в истории города Омска XVIII век.

Архивные источники и литература

1. Элерт А.Х. Немецкие учёные-путешественники и научное открытие Сибири. // История и этнография немцев в Сибири./ Сост. и науч. редактор П. П. Вибе. Омск, 2009.
2. Каменский А.Б. Миллер. // Исторический лексикон XVIII в. Энциклопедический справочник. М., 1996.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 тт. Т. III. М., 2005.
4. Колчинский Э.И. Паллас. // Исторический лексикон XVIII в. Энциклопедический справочник. М., 1996.
5. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского Государства по повелению Санкт-петербургской Императорской Академии Наук. Ч.II.Кн.2. 1770 г. СПб., 1786.
6. Дрофа А.Н. Путешествие академика П.С. Палласа по Омскому Прииртышью. Омск, 2001.
7. Элерт А.Х. Указ. соч. С.26.
8. Цитируется по: Палашенков А.Ф. Омск в летописи И.Г. Андреева. Машинописная копия с неопубликованной рукописи. // Архив автора данной статьи.
10. Потанин Г.Н. О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской орде, писанной в 1785 году // Географические известия. 1875. Т. IX. Вып. 2.

Александр Лосунов

Словами очевидца

И.Г. АНДРЕЕВ о командующих Сибирским корпусом и линиями 50-60-х гг. XVIII в.

[...]

Прибыл для командования Сибирским корпусом и линиями бригадир Карл Львович фон Фрауендорф¹, о коем бы следовало и должно объяснить, но по последствию сие окажется. Он, великий любитель наук, по прибытии в Омскую крепость, повелел находящемуся в крепости Св. Петра инженер-поручику Тренину обучать, выбрав из молодых солдатских детей, к которому по желанию моему, как уже был прежде учен, поступил и я для обучения арифметике и геометрии.

[...]

Прибыв в Омскую крепость 1760 г. к командованию генерал-поручик Иван Иванович Веймарн², который был к тому же человек ученый и весьма прилежный к строениям, приказал прислать из крепости Св. Петра поручику Тренину учеников его на экзамен, куда прибыв, экзамен учинил он сам многими задачами и с похвалою отпущены для наидальнейшего впредь научения.

[...]

1762 года генерал-поручик Веймарн отбыв в верхиртышские крепости, препоручил по себе командование помянутому Фрауендорфу. Строеение же происходило: тюремный острог, провиантские и цитадели магазейны и для оных пристань выкладывалась фашинником, штаб и обер-офицерских домов и множество, коих описать подробно уже не могу. Он, Фрауендорф, столько был жесток, немилосерд, а лучше сказать мучитель, что не устыдился одного дня до обеда пересечь плетью, кошками, при своем присутствии, где должен был слушать вопль иногда и невинных, до 110 человек. Ходя за ним, ординарцы, всегда имели с собою орудия: кошки, плети, палки, грабли, вилы и тому подобное нелепое, который сколько по своей горячности и запальчивости, а более видно было от злобы, предвидя, может быть, по уведомлениям, к нему нерасположение, только было у него в употреблении: «бей до смерти!». Такой жестокости и немилосердия уже я более нигде не видывал, что из последствия и конец жизни его оказал, что он, будучи в Иркутске губернатором, многие жестокости причиня разным честным людям и запытав одного солдата в присутствии своем в жарко затопленной бане, капитанского сына, коего на отца имел злобу, но узнав, что все его дела дошли в ясность вышним, скоро умер, не ждав определения оной. Он меня, при строении острога будучи, нашел самомалейшую неисправность, приказал бить фуктелами, а сверх того сам из своих рук, бив палкою по голове, проломил оную и правую руку перешиб, от чего выросла кость, но фистула, коя уже лет через несколько открылась, удержала растение оной; фистулу же имея на правой от того руке, видно по смерти мою оной пользоваться буду должен.

Домовая летопись Андреева, по роду их писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году, начата в Семипалатинске//Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. – Алматы: Гылым, 1998. – С.130, 132-133.

¹ Карл Филипп (Карл Львович) фон Фрауендорф (Frauendorff) (ум. 1767 г.) бригадир с 1761 г. – генерал-майор. Сын прусского капитана Карла Филиппа фон Фрауендорфа. До поступления на русскую службу некоторое время проживал в Эстляндской губернии, где женился 13/I 1743 г. в имении Эррас на местной дворянке Маргарэт Элизабет фон Врангель. С 1757 по 1764 гг. служил на пограничных линиях Западной Сибири, в 1757-1760 гг. командовал войсками Сибирского корпуса, в 1761-1763 гг. был заместителем командующего Сибирским корпусом и пограничными линиями, а в 1764-1767 гг. – иркутским губернатором. Умер в Иркутске и там же похоронен (О нем см.: Загорский В. Из быта и нравов Сибири XVIII в.//Сибирский архив. Иркутск, 1912, №6, с.157; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – нач. XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985, с.101). – *Примечание составителей книги И.Г. Андреева «Описание Средней орды киргиз-кайсаков» (Алматы, 1998. – С.247-248).*

² Ганс Генрих (Иван Иванович) фон Веймарн (Weymar). (1718-1792), генерал-поручик. Выходец из дворян Лифляндской губернии, уроженец о-ва Эзель. Сын Побста фон В. и Евы Софии фон Фитингоф. В 1732-1740 гг. обучался в кадетском корпусе в Петербурге, затем служил в составе русского офицерского корпуса в германских странах и в Швеции. В 1757-1758 гг. в звании генерал-майора находился на должности генерал-квартимейстера русских войск у кн. Апраксина в Пруссии. В 1759-1762 гг. – командующий войсками на Сибирских линиях, в 1763 г. переведен в Петербург, в 1764 г. – посол России в Польше. С 1776 г. проживал в своем родовом имении Вольмарсгоф Лифляндской губернии, где и скончался 22/III 1792 г. Похоронен там же.

Считался в России одним из самых высокообразованных генералов своего времени. В начале 60-х гг. написал две оригинальных этнографических работы о казахском народе на немецком языке («Записки о киргиз-кайсаках» и «Записки об эксплуатации природных богатств Сибири и ее управлении, а также о пограничных с Сибирью народах» (73 л.), которые до сих пор не опубликованы. (О нем см.: Военная энциклопедия. Т.5. М., 1911; Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, т.10. СПб., 1892; Косвен М.О. Местная этнография Сибири, с.15-16; DBI., s.145-146; Ierofeeva I. Die Rolle der deutschen Diaspora in der Geschichte der russischen Kultur/Phönix. Almaty. 1997. №18, s.230-245). – *Примечание составителей книги И.Г. Андреева «Описание Средней орды киргиз-кайсаков» (Алматы, 1998. – С.248).*

ДОМОВАЯ ЛѢТОПИСЬ АНДРЕЕВА,
ПО РОДУ ИХЪ,
ПИСАННАЯ
КАПИТАНОМЪ ИВАНОМЪ АНДРЕЕВЫМЪ
въ 1789 году. Начата въ Семицолатинскѣ.'

По времени взятія Атаманомъ Ермолаемъ Тимофѣевымъ въ 1585 г. Сибирскаго Царства, и по распространеніи въ ономъ Россійской власти, къ совершенному покоренію оставшихъ еще непокоривыхъ по Сибири народовъ отъ Государей, Царей и Великихъ Князей, какъ то довольно лѣтописи и грамоты доказываютъ, командированы бывали изъ Россійскихъ городовъ на службы разные люди, и при оныхъ командирами опредѣляемы были изъ Россійскихъ дворянъ молодыхъ людей, которые по тогдашнимъ временамъ назывались изъ Дѣтей Боярскихъ, смотря по количеству врученныхъ имъ войскъ подъ именемъ Сотниковъ и Пятидесятниковъ, а сверхъ того при оныхъ командахъ довольно изъ Великой Россіи, вѣдая пространство и изобиліе богатствами Сибирской страны, переходило по данной вольности разныхъ поколѣній людей, въ томъ числѣ и изъ числа Россійскихъ дворянъ, кои и поселялись въ разныхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ онымъ выгодноѣ быть казалось, по чему оныя привилегіи дворянства своего растратили, такъ что, наблюдая свой покой, многіе уклонились въ хлѣбопашество и разные звѣриные промысла, а чрезъ то наложили на себя иго крестьянства, положився въ подушный окладъ, и въ духовенство, и въ разныя степени жизни, отъ чего многіе по родамъ ихъ жизни перемѣняли свои и фамиліи, по чему потомки ихъ о приобрѣтеніи себѣ прежняго дворянства не старались, иль до сего не доходили, да и свѣдѣнія ни какого не имѣли. Въ числѣ каковыхъ были и предки нашей фамиліи, о которыхъ далѣе потомству моему объявить не могу, какъ только: Андрей Андреевъ, таковой же изъ Россіи переселенецъ Ниже-

XIX век.

Омск – столица
Сибири

«Не мне учиться служить верно царю»

«Сведущ в своём деле без педантизма и несносного чванства, не заносчив, когда встречается возражения, не вспыльчив, когда с ним не соглашаются»; «высокого роста, худощавый, смуглый собою, имевший огненные глаза, умную физиономию, улыбку насмешливую...» – так рисовали портрет Петра Михайловича Капцевича, героя Отечественной войны 1812 года, первого Генерал-губернатора Западной Сибири его современники.

Белорусский род Капцевичей хорошо известен на своей малой родине. По мнению ряда тамошних историков, фамилия берёт начало от прозвища Копец, то есть – копач, копатель. Другие считают, что фамилия произошла от слова «кобец» – ястреб. По одной из версий, родовым помещением Капцевичей была деревня Капцевичи Мозырского уезда под Минской губернией. Когда коллежский ассессор Михаил Капцевич прибыл в Полтавскую губернию, пока неизвестно, но в дворянском собрании Переяслава, который тогда был городом губернским, человек он был известный.

В 1772 году Господь подарил ему сына Петра. Смышлёный мальчик, путешествуя со своим дядькой, дал уговорить себя стать военным, и юный Пётр был отправлен постигать «язык батарей» в Артиллерийский кадетский корпус, после окончания которого отучился ещё и на военного инженера.

В 1792 году попал в Гатчинскую артиллерийскую команду, где «преlestь вкусил» маршировок и плац-муштры. Однако Пётр Капцевич приобрёл расположение цесаревича Павла, который, став императором, назначил любимца шефом артиллерийского батальона, дополнив назначение полковничьим званием.

Справедливости ради отметим, что Капцевич не был льстецом и царедворцем, а скорее тщательным и талантливым исполнителем. В 1799-м вместе с генералом Германом его артиллеристы участвовали в англо-русской экспедиции в Голландии против Наполеона. Удостоен Ордена Святой Анны 1-й степени. По возвращении корпуса произведён в генерал-лейтенанты. Новый император отправил отцовского протеже инспектировать артиллерию на Кавказскую линию, где Капцевич участвовал в схватках с чеченцами, и за удачный штурм укрепления Хан-Килы был награждён Орденом Святого Владимира 3-й степени.

В 1808 году Капцевич был назначен дежурным генералом при графе Аракчееве, что впоследствии скажется на его и без того головокружительной карьере. Перед самым «наполеоновым вторжением» молодой генерал был вызван к военному министру Барклаю де Толли, от которого получил приказ закончить формирование и возглавить 7-ю пехотную дивизию, в которую входили Псковский, Московский, Либавский и Софийский пехотные полки, 11-й и 36-й егерские, а также 7-я артиллерийская бригада.

В августе дивизия участвует в обороне Смоленска и заслуживает похвалу Барклая. Под Бородино Капцевич защищал центр русских позиций, *«поражал и останавливал покушения правого неприятельского фланга и, невзирая на жестокий перекрестный огонь... продолжал командовать с большим духом и непоколебимою храбростию, не уступил места своего ни на один шаг»*, за что удостоен был военного Ордена Святого Георгия 3-го класса.

В 1912 году, к 100-летию Бородинского сражения, на средства потомков дивизии, по проекту штабс-капитана А. В. Дроздовского, был возведён памятник-часовня 7-й пехотной дивизии. Он напоминает зубчатую башню древнерусского кремля, на стенах которого изображён подвиг дивизии и расположен список потерь личного состава дивизии в день битвы: 148 человек убитыми, 627 – ранеными, 342 – пропавшими без вести.

После Бородина Капцевичу поручили прикрывать отход войск из Москвы. Дивизия участвовала в «Тарутинском деле», яростно дралась при Малоярославце и Красном; за что её командир получил за храбрость Орден Святого Георгия и золотую шпагу с алмазами.

Заграничные кампании против Наполеона стали «сплошным подвигом Капцевича». Теперь как командир 10-го пехотного корпуса он руководил всеми операциями в Силезии, блокировал Кюстрин. Тяжело контуженный под Лейпцигом, Пётр Михайлович не покинул солдат, а оправившись, лично повёл их в атаку. К его заслугам можно отнести тактические победы под Зибен-Эйхеном и Левенбергом; преследуя неприятеля, в сражении при Гольдберге, солдаты Капцевича пленили колонну французских войск в 2000 человек!

Петр Михайлович Капцевич

Зимой 1814 года он обеспечивал переправу через Рейн, воевал под Жанвилье, Мо, Суассоне; его корпус здорово потрепали при Монмирайле. 18 марта, командуя войсками 10-го корпуса, находился в сражении под стенами Парижа.

Нет, не зря его портрет украсил знаменитую Военную галерею героев Отечественной войны 1812 года в Зимнем дворце, а в Храме Христа Спасителя имя Капцевича упоминается более чем на восьми мраморных досках в Галерее Воинской Славы.

Известный поэт князь И. М. Долгорукий, познакомившийся с Капцевичем в Киеве в 1817 году, оставил такую его характеристику: «Генерал Капцевич очень скромный и вежливый человек, хороший хлебосол, приветливый хозяин... Он не говорит беспрестанно о своих победах и подвигах, хотя 5 звезд на груди и добрый гарнитур разноцветных отличий дают ему на то полное право. Он умеет продолжать общий разговор, вести речь со всяким, сведущ в своём деле без педантизма и несносного чванства, не заносчив, когда встречает возражения, не вспыльчив, когда с ним не соглашаются; в обществе всегда охотно с ним съедусь и готов разделить время в Москве самой».

С Киевом связана печальная страница истории семьи Капцевичей. Женой Петра Михайловича с 1807 года была княгиня Мария Петровна Прозоровская. Она родила сына Николая, но во время родов дочери Софии в 1816 году трагически умерла. Её похоронили на кладбище Выдубицкого монастыря. Сегодня рассказывают, что долгие годы, по сложившейся традиции, беременные киевлянки возлагали на её могилу цветы и молились за упокой её души, свято веря в то, что только после такого ритуала их роды пройдут благополучно. Её могила, к счастью, сохранилась. На бронзовом листе слова эпитафии: «Под сею гробовою доскою предано земле тело супруги генерал-лейтенанта Капцевича Марии урожденной княжной Прозоровской скончавшейся 1816 года июля 5 дня на 29 году жизни своей от родов. Младенец изшедши от утробы ея узрел свет сей но мать в 14 день после родов на веки закрыла глаза свои...».

Почти сразу после походов, в 1819 году Петр Михайлович был назначен командиром Отдельного Сибирского корпуса, наказным атаманом Сибирского казачьего войска, а несколько позже, в 1822 году, по рекомендации М. Сперанского, Капцевич стал ПЕРВЫМ Генерал-губернатором Западной Сибири! Гражданский губернатор в Тобольске Дмитрий Бантыш-Каменский оставил о нём следующую характеристику: *«Был неустрашим на бранном поле, взыскателен по службе, строг, не терпел малейшего отступления от порядка; но всегда справедлив, почтителен к властям, хороший Христианин, добрый семьянин».*

«Сибирский период» деятельности выдающегося полтавчанина изобилует успехами и промахами, победными донесениями и гнусными доносами и наветами. Его обвинили в издержках, но специальная сенатская ревизия претензий не нашла. Капцевич тогда написал Аракчееву: «При всем болезненном состоянии я прибыл служить Государю и здешнему краю (Сибири) с покорностью к воле милостивейшего монарха, нашел много зла... Я здесь один без добрых помощников, но должен бороться с умыслами... Я совсем не кичусь моими успехами в уменьшении здесь лихоимства и стачек, ибо делаю то по долгу и чувствам верно служить Государю, и ежели только скорблю, то потому, что не могу быть равнодушным к расхищению казны и соблазнам...».

Честный и требовательный до грубости губернатор нажил себе немало врагов и недоброжелателей, но в Сибири его считали и до сих пор считают благодетелем. По словам С. Броневского, Капцевич был «человеком редкого усердия к службе, деятельным до невозможности, взыскательным». Он реально улучшил быт ссыльных, определил порядок службы Сибирского казачьего войска.

При П. М. Капцевиче было положено начало развитию промышленности в Омске. В советской историографии Капцевичу непременно вменялось в вину создание в Омске в 1822 году первого крупного промышленного предприятия – войсковой суконной фабрики. Дескать, созданная (по выражению, заимствованному из записок Ивана Словоцова) «без отягощения казны» она отягощала рядовых казаков, обрабатывающих «общественные пашни» и обогащала «войсковых воротил». У Словоцова этот сюжет описан так: *«По мысли генерала Капцевича, заведено было в казачьем войске общественное хлебопашество, на пустопорожних землях, в казачьих поселениях. Избытки от урожаев хлебов казаки представляли в казну и из полученных денег половину удерживали в свою пользу, другую половину вносили в общественную сумму Войсковой канцелярии».*

Сумма эта была настолько значительна, что позволила в 1822 г. устроить и содержать суконную фабрику». Справедливости ради стоит сказать о том, что именно создание суконной фабрики позволило производить собственное сукно и отказаться от не отличавшегося высоким качеством и дорогого привозного сукна.

С деятельностью П. М. Капцевича было связано и начало строительства первой мечети в Омске. Капцевич увидел в возведении мусульманского храма явную политическую необходимость. Это решение могло расположить народов-кочевников к сотрудничеству с Россией. На более обыденном уровне мечеть служила гарантом для родителей-мусульман, что, обучаясь в Омске, их дети не откажутся от веры. Проект для мечети – монументального здания в классицистическом стиле с элементами мусульманской культуры – разработал архитектор А. М. Скородумов. В 1824 была составлена смета на сумму 594 439 рублей, а руководителем стройки назначен командир Сибирского инженерного округа инженер-полковник Степан Аникиевич Булыгин; строили мечеть военнослужащие. Для мечети внесли пожертвования мусуль-

мане города, и значительную сумму в 3384 рубля – лично П. М. Капцевич.

Одним из первых Капцевич поднял вопрос о Сибирском университете. По его инициативе было преобразовано основанное в Омске в 1813 году особое казенное войсковое училище (с 1845 года Сибирский кадетский корпус). Омичи не зря почти век знали улицу Капцевича, которую потом большевики переименовали в Красный Путь.

При Капцевиче были открыты два внешних округа с центрами в Кокчетаве и Каркаралах, что значительно укрепило позиции России в Степном крае.

Приход к власти нового императора привёл к потоку новых интриг. «Не мне писать законы, но и не мне учиться служить верно царю», – писал Пётр Михайлович Тобольскому губернатору Д. Н. Бантышу-Каменскому. «Ежели я не соблюл формы, то сознаюсь перед вами и хвалюсь сею виною; зато, сохранив до сего край, мне вверенный, и безмолвных крестьян от притязаний, а Казенную Тобольскую палату от беспорядка в её запутанностях, остаюсь в совести спокойным».

Пётр Михайлович не ушёл в отставку – его продолжали ценить, и доверили командовать в 1828 году Отдельным корпусом внутренней стражи – прообразом современных внутренних войск. За 12 лет руководства корпусом Капцевичу удалось провести глобальные реформы внутреннего структурирования корпуса: вводится новая форма обмундирования, принимается ряд мер по кадровому обновлению корпуса, были вскрыты и исправлены значительные нарушения в деле подготовки и снабжения солдат и офицеров. Капцевич стал творцом новой т. н. «маятниковой этапной системы» конвоирования арестантов, что позволяло экономить силы, и давало возможность командам больше времени находиться в месте своего расположения. После Капцевича отставники корпуса стали обеспечиваться пансионом по армейскому окладу, солдатам ввели денежные поощрения, выделялась земля.

Уже будучи в отставке, Пётр Михайлович был председателем Александровского комитета о раненых. Последние годы, уже больной, генерал провёл в имении своего сослуживца генерала Е. Тимашева в селе Никольское Сакмарского уезда, под Оренбургом, где и скончался 3 июля 1840 года. Место его захоронения нашли совсем недавно местные хранители истории.

Вера Григорьева, Анастасия Лактионова

Первый начальник Омской области: (памяти сенатора С.Б. Броневского)

Жил и служил истине. Не думал о стяжании. Долгу и чести не изменял. Имя Броневского связано с целым рядом полезных и добрых дел, стало в Сибири народным.

Из некролога.

(Газета «Санкт-Петербургские ведомости. № 52, 1858)

3 февраля 1786 г. у помещика Болевского уезда тульского дворянина Богдана Броневского родился сын. Поскольку по православному месяцеслову отмечался день святого Симеона Богоприимца, то нарекли мальчика старым, народным именем Семен. Его отец, отставной прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка, в то время служил советником Тверского губернского правления. Вскоре в семье появился и другой сын – Николай. Забегая вперед, скажу, что оба они стали генералами. Первоначальное образование мальчики Сема и Коля получили в Тверском дворянском училище. В начале 1799 г., на рубеже двух веков, тринадцатилетнего дворянского недоросля Семена родитель определил сначала в Шкловский кадетский корпус. Известную роль в выборе этого учебного заведения, а следовательно, и будущего военной профессии, сыграли сословные представления отца, бывшего гвардейского служак, о том, что «служба со шпагой» в дворянском обществе почиталась выше гражданской «службы с пером». Дальнейшее пребывание С. Броневского в Гродненском кадетском корпусе не представляет особого интереса. Отметим лишь одно высказывание инспектора классов о том, что Семен, подобно другим известным военным деятелям, «не блистал успехами в науках». Но, как свидетельствует жизнь, не все «первые ученики» становятся первыми и на служебном поприще. Особенно на службе военной.

Осенью 1803 г., по прошествии полного курса обучения, он был выпущен в армию с присвоением унтер-офицерского звания – прапорщик. Служебное назначение получил на Кавказ, в действующую армию. В знаменитый Нижегородский драгунский полк, квартировавший на пограничной линии в городе Екатеринодаре. Таково «стартовое» начало военной карьеры «безусого прапора» – сразу в боевую обстановку. Словом, начинал не в каптерке, «с пером за ухом», как раньше выражались, что в переводе на армейский жаргон моего времени означает – «не в придурках».

Шефом Нижегородского драгунского полка, именуемого в дореволюционной военной истории не иначе как «гордость и радость нашей кавалерии», в то время был другой, не менее известный военачальник, генерал-лейтенант Г. И. Глазенап.

*Генерал-лейтенант
Григорий Иванович Глазенап*

Послужной список Броневского отразил этапы Кавказской войны. Он участвовал и в Кабардинских экспедициях, и в Дагестанском походе, при покорении горцев Дербентского и Кубинского ханств, в осаде и взятии города Баку осенью 1806 года... Храбрый унтер был замечен и представлен к первому обер-офицерскому чину подпоручика. А когда Глазенапа назначили Командующим Кавказской пограничной линией, он, учитывая одобрительную аттестацию Броневского как думающего, исполнительного и расторопного офицера, взял его к себе вторым адъютантом. Дальнейшая служба Броневского протекала в штаб-квартире командующего – пограничной столице кавказской линии Георгиевске. Напомним, что именно в нем еще в 1783 г. был подписан договор о дружбе между Грузией и Россией. О том, что Грузия перешла под покровительство России.

В Георгиевске, под руководством Глазенапа, Броневский и осваивал азы штабной работы. Входил во вкус той административно-письменной деятельности, без которой во все времена не обходится управление войсками.

Броневский – выдвиженец Глазенапа. При всех служебных перемещениях генерал неизменно брал с собой любимого адъютанта. О

своем «отце-командире» Броневский оставил положительные воспоминания, в том числе внеслужебного характера под заголовком – «Глазенап и мое семейство». Он обладал таким редким свойством характера, что и все последующие «первые лица» Сибири – генерал-губернаторы Сперанский, Капцевич, Вельяминов «были к нему милостивы». И даже наезжая в столицу по делам службы, он, несмотря на свой «мелкий чин», сумел рас-

положить к себе военного министра Аракчеева и его преемников. В Сибирь подпоручик Броневский попал в 1808 г. Все в том же качестве – адъютант Глазенапа. Будучи его доверенным лицом, находясь, что называется, «на службе и в услужении». Генерал был уже в том возрасте, когда других отправляли в отставку. К тому же на Кавказе у него были «трения» с «верхним» командованием – генералом Гудовичем. Вот его и «кинули» в нашу «тмутаракань» в качестве инспектора Сибирской пограничной линии. Заметим, что и здесь у Глазенапа не сложились отношения. Вел «бумажную войну» с сибирским генерал-губернатором Пестелем...

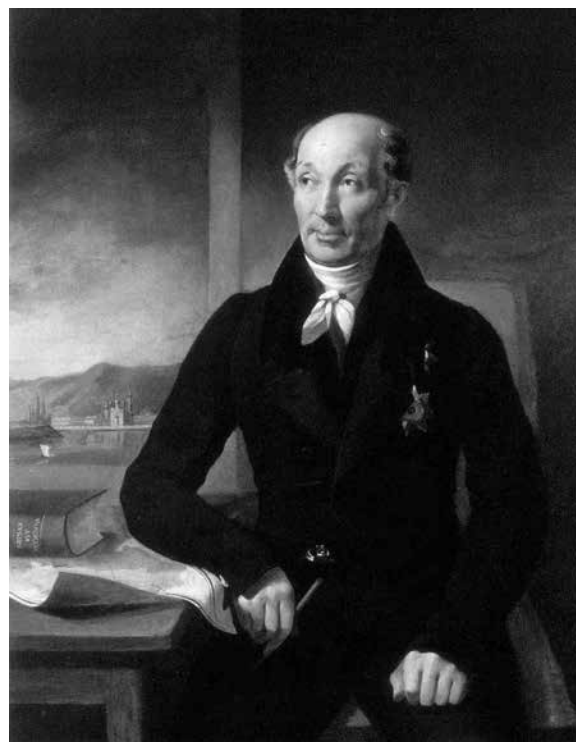
Броневский, занимаясь устройством его нехитрого быта, встретил командующего на пороге генералитетского дома в Омской крепости. В котором ему и суждено было через десяток лет *«окончить достославное поприще»*. Прах Глазенапа в 60-е годы прошлого столетия отвезли в родословное поместье. А тот самый памятник – серый параллелепипед с полустертой надписью, устроенный по подписке сослуживцев Глазенапа, мне доводилось лицезреть еще в довоенные школьные годы. Виднелся за заборчиком против старого здания музучилища, на бывшей улице Костельной. Неподалеку от нынешнего цветочного павильона. Там же, где покоился прах его предшественника – генерала Шпрингера.

Специфика управления Западно-Сибирской окраиной определялась местными задачами царизма. Прежде всего необходимостью укрепления пограничной линии. Пока в России шел процесс осмысления приспособления политического строя к буржуазным отношениям, в Европе разгорался пожар наполеоновских войн. А поскольку внимание правительства было приковано к европейскому театру военных действий, то с Сибирской пограничной линии к западным границам империи были выведены все регулярные пехотные и драгунские полки. И в этих условиях – ослабления обороноспособности пограничной линии – встал вопрос о мобилизации местного населения на военную службу и формировании новых гарнизонных частей.

Глазенап, как и его предшественники, руководство войсками осуществлял при помощи приказов, команд. *«А штабов, – писал Броневский, – никаких не было. Я да три писаря обделывали все предметы, которые ныне производит целый корпусной штаб»*. И вся инспекторская и пограничная часть лежала на нем. Главная задача Броневского заключалась в разработке штата линейного казачьего войска. С ней он довольно быстро и успешно справился. *«Из необразованной толпы казачества»* было сформировано 10 полков «на регулярную ногу по образцу улан» с конной артиллерией. С отчетом о проделанной работе курьером проскакал 3 тысячи верст до Петербурга за 11 дней. Граф Аракчеев одобрил его деятельность. 18 августа 1808 г. император утвердил проект и пожаловал войску знамена. По возвращении в Омск состоялось их освящение и вручение полкам.

После церемониала казачки *«...попивая винцо, славили Государя»*. У атамана Телятникова была *«...снаряжена пирушка и многие на радостях подкутили...»* Поначалу штабс-капитан Броневский был помощником, а после смерти Телятникова в 1814 г. утвержден в атаманской должности. С его именем связаны многие преобразования, происшедшие в войске. Обучение, снаряжение, бытовое обустройство... Он предписывал поднять дисциплину, *«держат казачков в границах благонравия, наказывать за пьянство и леность»*. Приказал истребить винную продажу в местах, *«где питейные дома не положены»*. Особое внимание он уделял подготовке кадров. В полках требовал завести училища, выделяя для них лучшие помещения. Приказал казачьих мальчишек с 7-летнего возраста обучать грамоте, чтобы *«не пребывали в шалостях невежества, лености»*. Под его опекой находилось и омское казачье училище. Ряд указаний посвящен совершенствованию учебного процесса. Его заботами основана училищная библиотека. Бывая с отчетами в Петербурге, он привозил книги, преимущественно религиозно-нравственного и исторического содержания. Словом, говоря языком архивных документов о политическом значении казачьего войска, благодаря Броневскому оно *«было выведено из хаотического состояния»*. В канун Отечественной войны это была единственная кавалерия в Западной Сибири. Она «утвердила порядок и спокойствие» на приграничной территории.

Сенатор Корнилов, позднее ревизовавший СКВ, докладывал, что оно *«может с полным успехом твердо и навсегда охранять границы Сибири от набегов соседственных народов и облегчить империю от убыточ-*

Сибирский генерал-губернатор
Михаил Михайлович Сперанский

ного содержания там регулярных войск». За труды по устройству Сибирской пограничной линии Броневский награжден орденом св. Владимира.

Сенаторы Безродный и Куракин в 1828 г., осматривая войска, нашли в нем «порядок во внутреннем устройстве и хозяйственном заведении». За что Сенатским указом была объявлена «похвала и признательность».

Назначенный на должность сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанский летом 1819 г. посетил Омск. Объезжая с Броневским пограничную линию, был «приятно изумлен повсеместным устройством казачков по службе и в быту». Встречаясь с народом, он слышал о Броневском самые добрые отзывы. В том числе от казахских соседей. Тогда же возникла мысль о дальнейшем административно-территориальном обустройстве округов Омской области. Эту работу он и поручил Броневскому. По возвращении в Петербург доложил царю и 14 июня 1823 г. полковник Броневский был утвержден Омским областным начальником с правами военного и гражданского губернатора.

Официальное торжество «открытия присутственных мест» – учреждений Омской области проходило в день празднования святого Михаила Архангела. От центральной власти присутствовал флигель-адъютант императора А. П. Мансуров. По воспоминаниям Броневского, подтвержденным архивными источниками, 8 ноября 1823 г. состоялись парад войск, иллюминация и «угощение народа по обычаю древнему при открытии губернии». Для местного «бомонда» Броневский устроил банкет и бал. Были приглашены казахские султаны и иные «почетные киргизцы». Разработали и областную эмблему, «...выражающую характерную черту народа, обретающегося в Омской области». 8 августа 1824 г. Сибирский комитет утвердил этот областной герб. В общем, «открыли, отметили и обмыли», вот только с кадрами для этих самых «присутственных мест» у областного начальника была, что называется, «штатная напряженка». Толковые чиновники за годовой оклад на подъем не хотели ехать в Сибирь. А среди тех, кого набрали «с бору по сосенке», попадались неважные работники. Проиллюстрируем характерными примерами пренебрежения служебными обязанностями, выявленными нами из архивного делопроизводства омского городничего. Если кто-то думает, что «медвытрезвитель» при органах милиции «советское изобретение», то глубоко ошибается. Институт этот более древнего происхождения. И во времена Броневского продолжал успешно функционировать. Не будем распространяться об атмосфере и нравах, царивших в областных учреждениях в те времена, но среди разнообразных традиционных пороков, нарушавших ритм работы государственных «присутственных мест», пальму первенства несомненно занимало пьянство. И тут даже такому начальнику, как Броневский, приходилось от бесилия что-либо изменить, закрывать глаза, как ныне выражаются, на «нарушение трудовой дисциплины». Бывало, беспробудное пьянство какого-нибудь чиновника просто парализовало деятельность всего учреждения. В казначействе, суде и других местах подолгу не решались дела – некому было работать. А поскольку назначение и увольнение чиновников в подведомственных Броневскому учреждениях являлось прерогативой областного начальника, а заменить «питуха» было нечем, то появлялась на свет бумага такого вот содержания: «Омскому городничему. 7 сентября 1823 г. Отыскать коллежского регистратора Карачинцева, если пьян – вытрезвить и просить его к исправлению должности». Но Карачинцев – это мелкая сошка, «крапивное семя», в канцелярской «табели о рангах» – нижний чин, регистратор «входящих-исходящих». От него и решение дел не зависело, а тормозило движение бумаг – «ход дел».

А вот другое послание городничему от 21 января 1824 г. о хроническом запое: «Обретающегося в пьянстве присяжного Омского окружного казначейства Черкашенина отыскать, вытрезвить при полиции и прислать на службу в казначейство». И с тех самых пор, как некоторые господа-чиновники «загудели» при «открытии областных присутственных мест», так и приобрели хроническую привычку не просыхать неделями. Работали они в лучшем случае, как сейчас говорят, «до обеда». Ну, разве что переписчики, эти «чернильные души» корпели над беловиками, разбирая начальственные каракули дольше обычного. Не ведаю, какова была стоимость «услуг» – скорее всего, за счет казны, но что в зависимости от чинов, по «табели о рангах» они были дифференцированы, это мне доподлинно известно. Если, скажем, рядового чиновника бесцеремонно хватали «в стационар» при полиции, «излечивали» и как огурчика свеженького доставляли «к исправлению должности», то со столоначальниками обхождение, выражаясь гоголевским языком, было «галантерейное». Рискую утомить читателя, ограничусь лишь одним примером. Это письмо председателя областного суда городничему коллежскому асессору Бардашевичу от 11 января 1824 г.: «Титулярный советник Ширяев, находясь в подгулке, не может исправлять своей должности... приказать приставить к нему в доме господина, исправляющего должность областного прокурора, титулярного советника Захарова полицейский присмотр из трезвых, не допуская до пьянства, дабы он не мог употреблять горячительного напитка тайно. А когда вытрезвится, представить в суд к исправлению должности». Комментарии, как говорится, излишни.

Давно известно, кто хорошо и исправно везет, на того больше и нагружают. Вот и в Броневском генерал-губернатор Сперанский разглядел талантливого администратора – человека трудолюбивого, заботливого –

«вровень с предначертаниями правительства». И к этой должности – командующего линейным казачьим войском присовокупили другую, не менее хлопотную в организационный период – начальника Омской области. А еще раньше, в послевоенный период, с образованием в 1816 г. очередной структурной единицы вооруженных сил – Сибирского корпуса, его командующий Глазенап привлек Броневского и к этой работе. Дефицит толковых исполнителей был всегда. После смерти генерала Клодта фон Юргенсберга он был назначен еще и начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса. Везде безбрежное море неотложных дел. И кругом прорехи – извечные насущные российские вопросы: «Что делать?» и «Где взять деньги?» А Броневский – человек совестливый и обязательный – стремился не столько понукать подчиненных, сколько самому делать многое. На этих трех должностях крутился, как белка в колесе. И так, работая до изнурения, дабы везде и всюду поспеть и устроить в лучшем виде, окончательно выбился из сил и взмолился, чтобы освободили его от должностей казачьего атамана и начальника Омской области. С прибытием на «сибирское дежурство» очередного генерал-губернатора Вельяминова ему пошли навстречу.

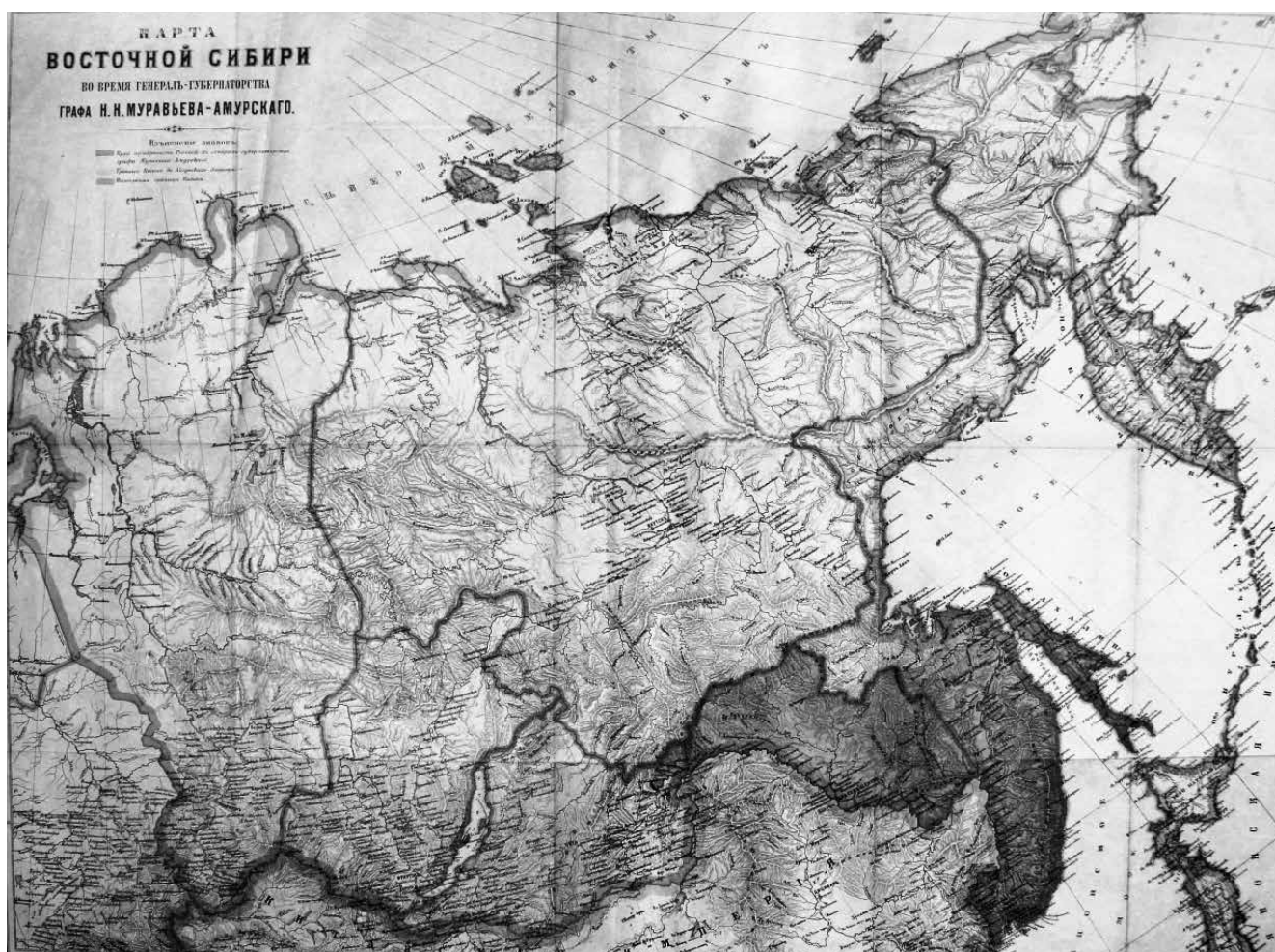
Новый хозяин Западно-Сибирской губернии, в противоположность Капцевичу, не пожелал жить в Омской крепости и вновь перевел свой аппарат управления – корпусную штаб-квартиру в более благоустроенный «стольный сибирский город Тобольск». Так после двадцатилетней службы в Омске генерал-майор Броневский очутился в Тобольске. И хотя его освободили от должностей командующего казачьим войском и начальника Омской области, главные и сложные вопросы дальнейшего ее «устроения» внешних округов «повесили» на него.

Одной из главных забот Броневского на посту областного начальника «с правами дивизионного командира» являлось проведение в жизнь административной реформы в так называемых «внешних округах» Омской области. Первый опыт введения «нового порядка управления в степных районах Сибирского ведомства» Броневский осуществил лично при содействии казахских султанов из рода хана Букея.

Хаос, царивший в Среднем казахском жузе (орде – Е. Е.), – междоусобицы феодальных владетелей, взаимные набеги, разбои, грабежи торговых караванов, идущих в Сибирь, тяжким бременем ложился, прежде всего, на народные массы. Все это свидетельствовало о неспособности национальной верхушки без российской помощи и услуг осуществить элементарное административное государственное устройство. Не только воспоминания Броневского, но и многие официальные документы архивных фондов свидетельствуют, что казахские феодалы, как, впрочем, и некоторые киргизские, не раз «плакались в жилетку» омскому начальству с просьбами защитить от «неподвластных единоверцев», прислать войско для их охраны. Словом, искали защиты «с *непременным намерением подпасть под владычество Великого Государя императора*». Правительство России запрещало вмешиваться в их внутренние дела и раздоры. А брать под свое покровительство только тех владетелей, у которых будет не просто личное желание, но, прежде всего, волеизъявление народа с присягой на верноподданство. Всеми этими дипломатическими и военными делами успешно занимался Броневский. Разрешал прикочевывать в сибирские пределы, отводил земли, развивал приграничную торговлю, защищал от набегов...

В связи с неоднократными обращениями к правительству России «многочисленных почетных киргиз» (казахов – Е. Е.) об устройстве органов управления на основе «Устава о сибирских киргизах» Броневский в 1824 г. лично возглавил экспедицию по организации Кар-Каралинского внешнего округа. Был устроен окружной приказ – учреждение, ведавшее судебными, полицейскими и финансовыми делами. Проведены выборы старшего султана, заседателей, волостных старшин. По просьбам «почетных киргизов», также желавших «приобрести спокойствие и тишину», он снаряжал множество мелких казачьих отрядов в различные волости. Все это имело «успех и благотворное влияние на Среднюю орду». В бытность правления Броневского было организовано несколько внешних округов с учреждением местной администрации – приказов. Как и при открытии «присутственных мест» Омской области, и здесь мероприятие сопровождалось торжествами, приведением администрации к присяге, раздачей подарков и наград, устройством угощения и байгой по казахскому обычаю. Многие поселения при окружных приказах, казачьи станицы, возведенные русскими отрядами, впоследствии превратились в города. Вот только со временем некоторые «национальные по форме» правители забыли, кто им «строить и жить помогал». Попутно замечу, что еще в 60-е годы из некоторых казахских учреждений обращались ко мне с просьбами помочь выяснить обстоятельства возникновения и имена основателей городов. И мною были выявлены и введены в научный оборот документальные материалы о времени, обстоятельствах основания Кокчетава, Акмолинска и именах их первооткрывателей.

Мы не рассматриваем здесь дальнейший период его службы за пределами Омской области. Отметим лишь, что осенью 1834 г. он «пошел на повышение», сменив на посту генерал-губернатора Восточной Сибири Н. С. Сулиму, назначенного на должность командира отдельного Сибирского корпуса, штаб-квартира которого находилась в Тобольске. Но это уже, как говорится, «другая жизнь и берег дальний»... Там иркутские историки-летописцы по архивным материалам генерал-губернаторского фонда осветят его деятельность.

Карта Восточно-Сибирского генерал-губернаторства 1850-х гг.

Поскольку в научной монографии Ф. А. Кудрявцева и Г. А. Вендриха «Иркутск. Очерки по истории города» имя Броневского также не упоминается. Хотя там есть даже глава: «Царская администрация в Сибири». Уже, будучи в должности начальника Восточно-Сибирского края, получил он очередное повышение – чин генерал-лейтенанта, в прошлые века традиционно царские наместники обустроивались на житье в столицах. А когда хозяина долго нет дома, дела приходят в упадок. Так генерал-губернатор Пестель умудрился 8 лет – писал Броневский – руководить Сибирью, не выезжая из первопрестольной. Остряки шутили – «у него зрение хорошее, из Петербурга до Камчатки видит, как там дела идут».

В эпоху Николая I усиление принципов самодержавия выражалось в централизации управления. Особенно на отдаленных от столицы окраинах империи. На должность генерал-губернатора назначались только с «высочайшего повеления» лица, лично известные царю, потомственные дворяне, принадлежавшие к первым четырем классам по «Табели о рангах». Именно таким человеком был и Броневский. Он выгодно отличался от многих сановников своей деловитостью, честностью, исполнительностью.

В отличие от военного Омска Иркутск времен правления Броневского развивался как административный и торговый центр Восточной Сибири. Там верховодили богатые торговцы. Но и на новом месте он, что называется, «пришелся ко двору». Как и его предшественники, отбывавшие дежурство 2-3 года и возвращавшиеся в столицу, Броневский тоже стремился вернуться поближе к отчим краям.

В столице у него жила 80-летняя старуха-мать и учились сыновья. Семен Богданович неоднократно просил императора перевести его из Сибири куда-нибудь в европейскую часть России. Но и в те времена был дефицит толковых, трудолюбивых администраторов. Столичные учреждения всегда были завалены жалобами из Сибири на «царских сатрапов». Мздоимство, самоуправство, взяточничество и т. п. Император приказал навести справки о службе Броневского. В инспекторском департаменте никаких «проколов» не обнаружили. На очередную просьбу о переводе при личной аудиенции царь сказал: «Ты хочешь оставить службу в Сибири? Послушай меня, поезжай опять туда. Ты хорошо знаешь край и тебя все любят...». О родственниках обещал позаботиться.

В Иркутске он пробыл до 1837 г. Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Упал с лошади. Стал прихварывать. Вошли в положение – освободили от должности Восточно-Сибирского генерал-

губернатора. Но карьера его на этом не закончилась. Государственный муж, за плечами которого был огромный опыт практической работы по управлению таким огромным краем, как Сибирь, он был определен в высший административный орган – Правительствующий Сенат. Не в пример другим отставникам – представителям высшей бюрократии, «утомленным службой», а посему мало интересовавшимся делами государственными и *«выслушивающим доклады почти безмолвно»*, Броневский на этом поприще проявлял себя довольно активно. Был «первоприсутствующим» сенатором в

Белый дом в Иркутске (1800-1804 гг.) – резиденция генерал-губернаторов

4-м департаменте, ведавшем апелляционными гражданскими делами, а затем и в Межевом. Рассматривал отчеты с мест, делился опытом, давал экспертные оценки на разного рода *«прожекты, до Сибири касающиеся»*. В петербургский период наступило *«время собирать камни»*. Сенатор занялся мемуаристикой – подведением итогов пережитого. После него остался довольно объемистый рукописный фолиант *«Записок...»* так и не доведенных автором до конца.

Ему уже шел 72 год... Скончался Семен Богданович 14 февраля 1858 г. Похороны состоялись в Петербурге. Свое последнее пристанище обрел он на Митрофаниевском кладбище, куда 18 февраля проводили его родственники и друзья.

Почитай, полвека минуло после смерти первого омского областного начальника и командующего СКВ, пока имя его увековечили в уличном варианте.

С приходом железной дороги в Омск активизировалась застройка пристанционного Атаманского хутора. Как грибы после дождя вдоль Семипалатинского тракта вырастали улицы, получавшие имена войсковых атаманов: Телятникова, Волошина и других. Не забыли и нашего героя, стоявшего у истоков государственного устройства СЛКВ. Одна из новых улиц с полусотней домиков в дореволюционный период носила имя – Броневская.

И завершая это краткое повествование о заслуженном сибирском администраторе, возвратим читателя к началу. Тому эпиграфу, в котором как бы сконцентрирован итог его жизни. Добавим лишь высказывание его современников о том, что *«... он с редким вниманием заботился о самых отдаленных частях Сибири. Поэтому сибиряки – от чиновника до полудикого киргиза и поселенца – его глубоко любили и нелицемерно уважали»*. О его последователях так не отзывались.

Первая публикация в газете «Время»
(1998. – 25 февр. – 3 марта (№ 8). – С. 15;
4–10 марта (№ 9). – С. 15.)

Евгений Евсеев

Генерал М.Л. Булатов. Правда и вымысел

Долгие годы имя генерала, начальника 27 пехотной дивизии Михаила Леонтьевича Булатова находилось в Омске в забвении. В краеведческой литературе о нем практически не писали, да и в омском архиве никто из исследователей не изучал жизнь и деятельность этого человека. Поэтому в изданной в 2005 году архивом книге «Омский некрополь» имя Михаила Леонтьевича было упомянуто лишь в предисловии, а в разделе «Бутырское кладбище», где он был похоронен, справочной статьи о нем не было.

«Наполнил» для меня содержанием это имя омский писатель, занимающийся краеведением, Влад Инк-Владислав Петрович Утев – автор историко-приключенческого романа о декабристах «Тайна императорского талисмана». Именно тема декабристского движения привела его к Булатову, сын которого Александр был среди мятежников. Встреча с Владиславом Петровичем была интересной и непростой. Как переубедить человека, который без тени сомнения утверждал, что в галерее портретов генерал-губернаторов Западной Сибири, находящейся в здании Правительства Омской области, нет одного, а именно – Михаила Леонтьевича Булатова, которого в 1824 году назначили на эту должность? Но он скончался, едва вступив на пост и обзрев вверенный ему край. В подтверждение своих слов Владислав Петрович предоставил копии из некоторых печатных досюветских справочников (Русский биографический словарь. СПб., 1908, Военная энциклопедия. СПб., 1912 и др.), где в статьях о Булатове указано – генерал-губернатор Сибири. Это утверждали и потомки генерала, с которыми познакомился В.П.Утев. Об этом он писал статьи для омской печати. Но никаких архивных документов у них не было. Только печатные источники, да семейные предания. А где же архивные изыскания? Только тщательные архивные поиски могли разъяснить эту ситуацию.

Михаила Леонтьевича Булатов

Род Булатовых брал свое начало с Правителя Золотой Орды Хаз-Булата, внуки которого уже были на службе Великого Московского князя Василия Ивановича. Сам же Михаил Леонтьевич родился в дворянской семье в Рязанской губернии и всю свою жизнь посвятил военной службе. Он участвовал в сражениях на Кавказе, осаде Очакова, взятии Измаила, везде проявляя мужество и героизм. В 1797 году ему присвоили чин генерал-майора. В 1808 году во главе отряда его направили в шведской границе, где в сражении он был ранен и пленен. Сам шведский король Густав Адольф IV, пораженный стойкостью и честью раненого генерала, даровал ему жизнь и свободу. Далее за плечами воина были бои с турками, французами (в 1812-1813 годах он командовал корпусом Дунайской армии, участвовал в сражении под Дрезденом, закончив боевой путь у стен Гамбурга), имел многочисленные награды за службу.

В 1820 году он был главнокомандующим войск в Бессарабии. В ноябре 1823 года в чине генерал-лейтенанта Булатов стал командиром 27 пехотной дивизии.

Так был ли Булатов генерал-губернатором? И чего? О генерал-губернаторе Сибири речь не шла. В 1822 г. Сибирь разделили на Западно-Сибирское (в составе Тобольской и Томской губерний) и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Первым Западно-Сибирским генерал-губернатором стал П.М. Капцевич, оставивший этот пост в 1827 году. Его сменил И.А.Вельяминов.

Никаких документов за подписью или адресованных на имя генерал-губернатора Западной Сибири М.Л.Булатова в фонде Главного управления Западной Сибири я не находила. Да и среди тобольских и томских губернаторов такого не было.

Поиск для разрешения нашего спора начала с фондов омского архива. Если Булатов похоронен в Омске, значит должна быть в метрической книге запись о его смерти и отпевании. Так и есть – в метрической книге крепостной Воскресенской церкви имеется запись под номером 14 о смерти 15 февраля 1825 года по старому стилю (а не в мае, как указано в словарях) дивизионного командира, генерал-лейтенанта М.Л.Булатова «от апоплексического удара», 69 лет. Выходит, что и год его рождения не указанный 1760, а 1755 или 1756. В разделе о месте захоронения, как и у всех, указано: «на отведенных кладбищах похоронены».

Генерал Булатов был начальником 27 пехотной дивизии. Документы о нем можно выявить в фонде Штаба Отдельного Сибирского корпуса. В «Кратком журнале исходящим в разные места бумагам» за 1824 год за 1, 3, 22 ноября зарегистрированы «бумаги», направленные из Штаба корпуса дивизионному командиру, генерал-лейтенанту Булатову. В приказах по Сибирскому корпусу за декабрь 1824-начало 1825 годов указано, что подлинный подписал корпусный командир, генерал от инфантерии Капцевич. В приказе по корпусу № 35 от 13 февраля 1825 года дается ссылка на предписание командира 27 пехотной дивизии Булатова от 7 февраля 1825 года. Через 8 дней он умер. И нигде нет ни слова о его губернаторстве. В деле с императорскими указами я нахожу указ от 2 мая, в последнем разделе которого – «Умершие исключаются из списков» нахожу: «По пехоте. Начальник 27-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант Булатов». По всей вероятности, дата этого указа и стала ошибочно считаться датой смерти генерала.

Следующий этап поиска – фонд Главного управления Западной Сибири. Уж в этом фонде есть документы за подписью всех генерал-губернаторов. В деле «Описи предписаниям разных годов от генерал-губернатора Западной Сибири» за 1824-1825 годы с марта 1824 года все имеющиеся предписания подписаны генерал-губернатором Западной Сибири П.М. Капцевичем, но из Санкт-Петербурга, куда отбыл он из Омска по болезни, с октября – из Москвы. В деле хранится копия Высочайшего указа от 26 октября 1824 года: «Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената господину генералу от инфантерии Тобольскому и Томскому генерал-губернатору кавалеру Петру Михайловичу Капцевичу...». Этот указ был препровожден в Омск за подписью генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича из Москвы, как и его предписание от 12 ноября 1824 года. Правда, за начало 1825 года документов за такой подписью я пока не находила. В просмотренных делах они возобновились с апреля 1825г. и уже из Омска.

Но окончательная точка поставлена не была, предстояла дальнейшая поисковая работа.

Были сделаны запросы в Российские государственные архивы – исторический и военно-исторический, но их ответы ничего нового не дал – опять ссылка на уже знакомые словари и невозможность после переезда в полном объеме выполнить такого рода запрос. Но ответ был найден в материалах омского архива. При последующей работе с документами того же фонда Главного управления Западной Сибири нахожу рапорт начальника сухопутных сообщений от 5 февраля 1825 г., адресованное «Его высокопревосходительству Господину Тобольскому и Томскому Генерал-Губернатору Генералу от инфантерии и кавалеру Капцевичу». В пространном исходящем журнале обнаруживаю запись от 10 февраля 1825г. – это извещение на имя командира 27 пехотной дивизии М.Л.Булатова о препровождении предписания командиру Сибирского корпуса о заготовлении для этапных команд зимней одежды. И в следующем деле нахожу документ, поставивший точку в длительном поиске. Еще сотрудник нашего архива Н.Г. Линчевская в брошюре, выпущенной к 175-летию Омской области (Омская область в рамках Западно-Сибирского генерал-губернаторства была образована в 1822году и просуществовала 16 лет до 1838 года), указывала, что начальником Омской области после С.Б.Броневского был М.Л.Булатов без какой-либо дополнительной информации. В.П. Утев категорически не был согласен с этим. И вот – «Указ Его Императорского величества Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената Господину Генералу от Инфантерии Тобольскому и Томскому Генерал Губернатору и Кавалеру Петру Михайловичу Капцевичу. По Имянному Его Императорского Величества Высочайшему Указу, данному Правительствующему Сенату минувшего февраля в 18 день за собственноручным Его величества подписанием в котором изображено «На основании 333 Сибирского учреждения Командиру 27-й Дивизии Генерал Лейтенанту Булатову всемилостивейше повелеть быть Омским Областным Начальником. Правительствующий Сенат приказал Сие Всемилоостивейшее Его Императорского Величества повеление Генерал Лейтенанту Булатову объявить с приведением присяги предоставить вам Господину Генерал Губернатору. О чем к вам послать Указ...». Всё стало на свои места. Не прав был В.П.Утев, отчасти не правы и Н.Г. Линчевская и омский краевед И.П. Шихатов, говорившие, что Булатов был начальником Омской области. Да, он был назначен на должность, но быть начальником области ему не довелось, так как 15 февраля 1825 года он скончался в Омске, а указ был доставлен в наш город и был зарегистрирован в журнале Главного управления Западной Сибири лишь 9 апреля 1825 года. Но независимо, в какой должности почил этот замечательный и достойнейший человек, память о нем должна быть сохранена. В Омске на стене бывшего производственного корпуса завода имени Козицкого висит мемориальная доска, посвященная М.Л. Булатову, похороненному на исчезнувшем ныне Бутырском кладбище. В своё время В.П. Утев выступил с предложением открыть мемориальную доску, посвященную его памяти и она была торжественно открыта 4 ноября 2012 года. Имя такого человека должно быть известно омичам.

Отец и сын Клодты: малоизвестные герои омской истории

Омск – родина многих людей, чьи имена золотыми буквами вписаны в отечественную историю. Досадно лишь то обстоятельство, что большинство этих великих личностей, как правило, расставались с Омском либо совсем еще в детском возрасте, либо в ранней юности. Выдающихся земляков, успевших прожить в Омске большую часть сознательной жизни и оставить сколько-нибудь значимый след в истории России, до того, как они «попытались покинуть Омск», гораздо меньше. Но есть еще одна особая категория соотечественников, которые, не являясь формально омичами, прожили в Омске годы, изменившие их навсегда. Самым ярким примером из этой плеяды знаменитостей, безусловно, является Федор Достоевский. Сюда же краеведы относят и выдающегося скульптора Петра Клодта. О нем и его отце – начальнике штаба Сибирского корпуса Карле Клодте действительно стоит вспомнить.

Барон Карл Федорович Клодт фон Юргенсбург. Художник Джордж Доу

Карл Густав Клодт фон Юргенсбург родился в 1765 году в Эстляндии. Он был выходцем из старинного вестфальского рода, получившего в XVI веке замок Юргенсбург в Курляндии. Будущий генерал был разносторонне одаренным человеком: он хорошо знал не только точные науки, но и прекрасно рисовал, играл на виолончели. В зрелые годы он активно занимался геодезией и топографией. Известны его работы по созданию карт Бессарабии и Валахии, Юго-Восточной Сибири. Военную службу Карл Густав Клодт начал в 16 лет в Бомбардирском полку Русской императорской армии. В 1797 году в чине капитана был назначен в Свиту Его Императорского Величества (т. е. вошел в число лиц при главе государства, выполнявших особые поручения). Участвовал в Русско-турецкой войне 1806-1812 годов. Карл Густав (или в русском варианте Карл Федорович) также с первых дней был участником Отечественной войны 1812 года. Во время Бородинского сражения он состоял обер-квартирмейстером 8-го армейского корпуса, защищал Шевардинский редут.

Во время заграничных походов русской армии Клодт дослужился до генерал-майора, после Лейпцигского сражения был назначен комендантом города Бремена. В 1815 году участвовал в походе во Францию в качестве начальника штаба 3-го пехотного корпуса. В 1817 году, после десятилетия непрерывного нахождения на передовой, генерал Клодт был отправлен служить в глубоко тыловой Омск на укрепление восточных рубежей империи. В марте 1817-го он был назначен начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса. В Омске дом Клодта быстро стал одним из главных центров общественной жизни, притягивающим как местную элиту, так и приезжих гостей. Именно барон Клодт 29 июня 1819 года принимал у себя Михаила Сперанского, прибывшего в этот день в Омск в связи с назначением на должность сибирского генерал-губернатора с особыми полномочиями ревизора. По воспоминаниям того же Сперанского и других современников, дом Клодтов был весьма гостеприимным, а сам барон оказался хлебосольным хозяином. Но в Омске Карлу Клодту было суждено прожить всего 5 лет. Согласно семейному преданию причиной преждевременной смерти барона стало то обстоятельство, что он не сработался с новым сибирским генерал-губернатором Петром Капцевичем. По одной из версий, обладавший весьма крутым нравом Капцевич в присутствии Клодта покрыл бранью дежурного штаб-офицера полковника Золотарева. На следующий день губернатор потребовал от Клодта подписать бумаги о том, что ссора была инициирована именно полковником.

- Помилуйте, ваше высокопревосходительство, – возразил Клодт, полковник не сказал ни слова и вынес величайшие оскорбления.

В ответ Капцевич бросил Клодту в лицо: *«Вы заодно с бунтовщиком! Но извольте помнить, что у вас жена и восемь детей».*

После этого разговора Клодт подписал то, что от него требовали, вернулся домой, слег и вскоре умер. Видимо, Капцевич нанес ему удар в самое больное место [1, с. 67].

Карл Клодт фон Юргенсбург был женат на дочери статского советника Елизавете Яковлевне Фрейгольдт (пережившей мужа всего на три года). В этом браке родилось семеро сыновей и три дочери (четверо детей скончались в младенческом возрасте). Одним из сыновей Карла Федоровича был Петр Клодт, ставший в будущем выдающимся скульптором. Петр родился в 1805 году в Санкт-Петербурге и провел в Омске отроческие годы. Петру было 12 лет, когда его отец был переведен на службу в столицу Западной Сибири. Здесь он учился в Казачьем войсковом училище. Несмотря на полное отсутствие в Омске каких-либо учебных заведений,

Петр Карлович
Клодт фон Юргенбург.
Художник Фаддей Горецкий

связанных с искусством, вдалеке от стандартов столичного образования и европейской культуры Петр увлекается тем, что позже станет делом его жизни – изображением лошадей. Готовившийся к военной карьере мальчик много времени проводил на площади плац-парадов и в манеже, где, судя по всему, к нему и пришло это восхищение красотой лошади. С 12-летнего возраста Петр вырезал из дерева и раскрашивал небольшие фигурки лошадей, пытаясь с безукоризненной точностью воспроизвести все детали, имитируя глаза вставками из стекла, делая гриву из волос. Возможно, именно в нашем городе впервые проявился художественный дар скульптора, зародилась главная тема творчества – взаимоотношения человека и лошади.

После смерти отца семья Клодтов вернулась в Санкт-Петербург. В столице Петр продолжил обучение в военном учебном заведении – поступил в артиллерийское училище. Тяготы ратного ремесла не могли заставить его отказаться от своего увлечения. При малейшей возможности барон Клодт брался за карандаш или перочинный ножик: рисовал или вырезал из дерева лошадей. После окончания обучения он какое-то время прослужил в чине подпоручика в артиллерийской бригаде, но все же тяга к творчеству победила и в 23 года Петр ушел с военной службы, посвятив всего себя исключительно искусству. В 1830 году Петр Клодт стал вольнослушателем Академии художеств, где его учителями стали

скульпторы Иван Мартос, Самуил Гальберг и Борис Орловский.

Признание пришло не сразу. Несколько лет Клодт прожил фактически в бедности в подвале-мастерской, заваленной комками глины, чертежами и зарисовками. Но уже в 1830-х годах стали пользоваться успехом его небольшие статуэтки. Затем последовал крупный государственный заказ на скульптурное оформление Нарвских ворот, который курировал лично император Николай I. На аттике арки по модели Клодта в 1833 году была установлена шестерка коней, несущая колесницу богини славы. По легенде, принимая окончательный вариант работы, император пошутил над скульптором: «Ну, Клодт, ты делаешь лошадей лучше, чем жеребец». После этой работы к Петру Клодту пришли европейская слава и расположение высшей власти. Потом было создание ансамбля скульптур Аничкова моста в Санкт-Петербурге, квадриги Аполлона на фасаде Большого театра в Москве и многих других всемирно известных скульптурных произведений [2].

Петр Клодт работал в Берлине, Неаполе, Париже. Творческое наследие художника не ограничивается только изображениями лошадей. В 1845 году, спустя год со дня смерти великого баснописца Ивана Крылова через газеты было объявлено о всероссийской добровольной подписке с целью поставить памятник классику русской литературы. В 1848 году было собрано более 30 тысяч рублей, и Академией художеств был объявлен конкурс, в котором приняли участие все ведущие скульпторы того времени. Победу одержал проект Клодта. Скульптор изобразил Крылова сидящим на скамье, одетым в повседневную одежду в естественной расслабленной

позе, как будто он присел отдохнуть под липами Летнего сада. В этой работе Клодт выступил как новатор. Ему удалось сделать памятник, непохожий на пластические изображения полководцев, царей, вельмож, которые в его время украшали Санкт-Петербург и Москву, отказавшись от привычного языка аллегорий и создав реалистически точный портретный образ.

В 1856 году Петр Клодт принимал участие в создании памятника Николаю I на Исаакиевской площади Санкт-Петербурга

Аничков мост в 1850-х годах

Бронзовая квадрига работы Петра Клодта на здании Большого театра в Москве

Памятник И. А. Крылову в Летнем саду Санкт-Петербурга

га. Над оформлением памятника работали несколько скульпторов: сам Клодт выполнил фигуру императора. Первоначальный эскиз, созданный скульптором, представлял собой всадника на спокойно стоящем коне, но от этой задумки отказались. Клодт создал новый эскиз. В нем, отказавшись от замысла дать характеристику персонажа, он изобразил коня в движении, опирающегося только на заднюю пару ног. При этом стремительной позе коня противостоит вытянутая в струну парадная фигура императора. Для воплощения этого эскиза скульптор точно рассчитал вес всей конной фигуры для того, чтобы она стояла, опираясь лишь на две точки опоры. Этот вариант был принят архитектором и воплощен в бронзе. Благодаря своей уникальной особенности (установке статуи на две опоры) памятник императору был признан шедевром инженерной мысли, что спасло его от уничтожения после 1917 года [3].

В зрелые годы Клодт создал памятник князю Владимиру-Крестителю в Киеве, работал над скульптурным оформлением Храма Христа Спасителя.

Став классиком при жизни, Петр Клодт умер в ноябре 1867 года. Его сын Михаил, как и отец, посвятил свою жизнь искусству и стал известным живописцем [4, с. 92].

Работы Петра Клодта хранятся во многих музеях России, в том числе и в Омском музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля.

Памятник Николаю I на Исаакиевской площади Санкт-Петербурга

Литература:

1. Лосунов А. «В ознаменование заслуг графа М. М. Сперанского...» // Омское наследие. – 2015. – № 16. – С. 62-71.
2. Чернаков С. Любимые лошади барона Клодта. [Электронный ресурс] <http://www.cablook.com/>. Режим доступа: <http://www.cablook.com/design-art/lyubimye-loshadi-barona-klodta/>. Дата обращения: 10.08.2019.
3. Известные люди: Клодт П. К. Петр Карлович Клодт фон Юргенсбург. [Электронный ресурс] <http://www.goldmustang.ru/>. Режим доступа: <http://www.goldmustang.ru/magazine/heroes/people/471.html>. Дата обращения: 10.08.2019.
4. Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии художеств / составил С. Н. Кондаков. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1915. – Т. 2. – 454 с.

Два генерала Сибирского казачьего войска

Известно немало имен, прославивших Сибирское казачье войско и город Омск как исторический центр казачества. Однако в истории немало несправедливо забытых имен достойных увековечивания казаков. Мало кто помнит, например, что улица Короленко, одна из улиц Казачьего форштадта в центре города Омска, ранее носила имя потомственного казака, генерал-лейтенанта, атамана II отдела Сибирского казачьего войска Русинова Аполлона Ивановича, чей деревянный дом располагался недалеко от Сибирского кадетского корпуса, на пересечении с Атаманской улицей.

В Историческом архиве Омской области хранится немало документальных свидетельств жизнедеятельности генерала, доказывающих значимость его имени для истории нашего города. По формулярным спискам можно изучить его карьерный рост от сотника до генерал-лейтенанта, по метрическим книгам омских церквей – основные биографические данные членов его семьи, по документам Омской городской управы узнать о его роли в общественной жизни города.

Русинов Аполлон Иванович родился 3 августа (по старому стилю) 1835 года в городе Омске, в семье казначея Войсковой канцелярии хорунжего Ивана Осиповича и законной жены его Александры Васильевны. Крестили младенца на следующий день после рождения в Пророко-Ильинской церкви [1, л. 74]. Это была состоятельная семья, о чем свидетельствует тот факт, что у Русиновых был собственный дом, а его дед есаул Осип Русинов владел в Омске с 1821 года кожевенным заводом, с разрешения корпусного командира Капцевича [2, л. 3].

Через пять лет, ставший сотником, Русинов Иван Осипович и его семья (жена Александра Васильевна, два сына – Александр и Аполлон, дочери – Надежда и Любовь) как жители казачьего сословия Казачьего форштадта города Омска, был приписаны к причту вновь построенной и освященной Войсковой казачьей Николаевской церкви [3, л. 243 об.].

В службу Аполлон Иванович поступил из унтер-офицеров Сибирского кадетского корпуса в 6-й казачий полк сотником 18 августа (по ст. ст.) 1854 года. По окончании учебного заведения был удостоен при выпуске производства в офицеры с наименованием «отличнейшего» [4, л. 140]. Его старший брат Русинов Александр Иванович – тоже «отличнейший» выпускник Сибирского кадетского корпуса – был удостоен еще и внесения его имени на мраморную доску корпуса, и с представлением ему права личного дворянства на основании Всемиловейшего манифеста 11 июня 1845 года [4, л. 163–165]. Значительно позже сыновья самого Аполлона Ивановича по традиции также обучались в Сибирском кадетском корпусе, однако младший, Сергей, проучился только год (в 1902 году, в возрасте 12 лет он скончался от воспаления легких) [5, лл. 321 об.–322]. В сохранившейся аттестационной тетради он характеризовался только с положительной стороны: «Резвый, веселый, скромный и послушный мальчик. Правдивый и откровенный. Аккуратный и бережливый, опрятный. К замечаниям очень чуток и выслушивает их конфузливо. К порядкам заведения относится с вниманием. Исполнительный. Со старшими вежлив и предупредителен, с товарищами дружен, с прислугой обходителен», да и по успеваемости средний балл его обучения за первый год составлял 8,71 баллов, причем по грамматике и арифметике – 10 баллов [6, лл. 2–4].

Карьера Аполлона Ивановича развивалась стремительно. Приказом по Сибирскому казачьему войску за № 16 от 11 февраля 1856 года он был назначен исправляющим должность адъютанта при наказном атамане генерал-майоре Воробьеве, утвержден в этой должности 14 марта 1856 года. Через год, по разрешению командира отдельного Сибирского корпуса, приказом по войску за № 103 от 10 мая 1857 года, был переведен адъютантом к наказному атаману генерал-майору Кринскому; позднее, 4 февраля 1859 года назначен адъютантом к начальнику управления иррегулярных войск [7, лл. 308–312].

В 1861 году за отличие в службе Русинов А. И. был произведен в есаулы, а с 17 марта 1864 года – в войсковые старшины, с отчислением от должности адъютанта начальника управления иррегулярных войск, в Сибирское казачье войско.

Войсковой старшина Русинов выполнял ряд важнейших заданий. Так, например, по распоряжению лично генерал-губернатора Западной Сибири от 8 мая 1864 года, он отправился в Санкт-Петербург для приема и сопровождения важного груза: 500 винтовок, заказанных в Бельгии специально для Сибирского казачьего войска. По прибытии в войсковой штаб (в январе 1865 года) был назначен исправляющим должность чиновника особых поручений при наказном атамане Сибирского казачьего войска.

В последующие несколько лет Аполлон Иванович занимал различные должности: дежурного штаб-офицера войскового дежурства Сибирского казачьего войска, правителя дел войскового штаба, штаб-офицера для особых поручений при военном губернаторе Акмолинской области.

16 февраля 1867 года Русинов получил первую награду «За отличную усердную и ревностную службу» – орден Святой Анны 3 степени.

Спустя два года за отличие по службе войсковой старшина был произведен в подполковники.

В конце 1871 – начале 1872 гг. от жителей Сарысуйского уезда посыпались массовые жалобы на злоупотребления местного уездного начальника Крупенникова, в особенности говорилось о «притеснениях, делаемых народу бывшим почтарем Крупенникова Кудобаем Сапаковым, а также о производимых обоими ими незаконных поборах». В то же время поступали и тревожные рапорты от самого Крупенникова; так, им описывался случай, когда бывший управитель одной из волостей уезда со своими приближенными в числе 20 человек, вооруженными ружьями, шашками и союлами (дубина, палка с комлем, которая служила оружием в конном бою), совершили нападение на аул Сапакова с целью ограбить его, но были остановлены [8, л. 1, 2].

Было начато расследование, в результате которого выяснилось, что при выборах волостного управителя в Казган-Каксал-Караульской волости действительно были допущены уездным начальником злоупотребления; также дознанием подтвердились и злоупотребления Кудобая Сапакова, а история с «вооруженным нападением» оказалась вымышленной и следствием не подтвердилась. Кроме того, дознанием было обнаружено, что разбирательства дел народным судом в волости производилось неправильно, дела решались третейским судом, причем по одному Бю избирали спорящие стороны, а третьего (посредника) избирало начальство. По этой причине большая часть местного населения вообще не являлась в суд. Выявился и ряд менее значимых нарушений, как то неправильное делопроизводство и хранение дел и др.

Крупенникова сняли с должности уездного начальника (как и сняли с должности его помощника) и «для успокоения народа» перевезли в Омский уезд, а 31 июня 1872 года по распоряжению военного губернатора Акмолинской области Цытовича Сарысуйским уездным начальником был назначен подполковник Русинов.

15 марта 1874 года Высочайшим приказом за отличие по службе он был произведен в полковники.

Приказом генерал-губернатора Западной Сибири от 12 августа 1874 года за № 54 был переведен на исправляющего должность Омского уездного начальника, приступил к должности 16 сентября 1874 года [7, л. 312]. Спустя полтора года, 23 января 1876 года, ему был пожалован орден Святого Станислава 2 степени [9, л. 273 об.].

15 января 1877 года полковник Русинов был назначен, а 26 февраля – утвержден в должности атамана I военного отдела Сибирского казачьего войска [10, л. 19].

3 декабря 1882 года на заседания Дворянского депутатского собрания Сибирского казачьего войска полковник Аполлон Иванович большинством голосов был избран его председателем [11, л. 26].

В 1880–1890-е годы Аполлон Иванович Русинов уже значится как генерал-майор, атаман II военного отдела Сибирского казачьего войска [12, с. 33].

В 1890 году Аполлон Иванович впервые женился на дочери коллежского асессора Валентине Сер-

геевне Васильевой [13, л. 86 об.]. В браке у них было пятеро детей: Николай, Сергей, Александр, Екатерина, Мария. Поручителем со стороны жениха выступил Катанаев Георгий Ефремович. Этот факт косвенно подтверждает, что, несмотря на отсутствие сведений об Аполлоне Ивановиче в сохранившихся документах известного историка Сибирского казачьего войска, их все-таки связывали не только деловые, но и дружеские отношения.

О личности нашего героя и об уважении, испытываемом к нему современниками, может также говорить и тот факт, что его имя фигурирует и в известном деле «Общества Независимости Сибири»; именно ему, Русинову, была адресована заранее подготовленная Г. Н. По-

Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович среди высших чинов Сибирского казачьего войска. Фото И.Е. Кесслера 15 июля 1891 г. (г. Омск). А.И. Русинов сидит в первом ряду, второй слева

Калитин Петр Петрович

таниным записка, перехваченная во время прибытия политических преступников в Омск [14, л. 206].

Во время приезда цесаревича Николая Александровича в Омск генерал-майор Русинов командовал войсками при торжественном смотре войск Омского гарнизона с участием казаков, воспитанников Сибирского кадетского корпуса и deputаций от Сибирского и Семиреченского казачьего войск 14 июля 1891 года в 8 часов вечера [15, л. 136].

Отставной генерал-лейтенант Аполлон Иванович скончался 12 августа (по ст. ст.) 1908 года на 74 году жизни и похоронен на Казачьем кладбище [16, л. 155 об. – 156].

Судьба другого генерала – командующего Сибирской казачьей бригадой генерал-лейтенанта Калитина Петра Петровича меньше связана непосредственно с Омском, но также не заслуживает забвения.

Из его послужного списка на октябрь 1914 года следует, что он родился 30 октября (по старому стилю) 1853 года в Псковской губернии, происходил из потомственных дворян, православного вероисповедания. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский

корпус, экзамен на производство в офицеры держал при полевом штабе действующих под Хивой войск.

Кавалер орденов Святого Георгия 4 степени, Владимира 3, 4 степени с мечами и бантом, Святой Анны 2 степени без мечей, 3 степени с мечами и бантом, Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 1, 2 степени с мечами и 3 степени с мечами и бантом. Имел знаки отличия за Хивинский поход 1873 года, за взятие штурмом крепости Геок-Тепе, медали за покорение ханства Кокандского 1875–1876 гг., в память коронации Их Императорских Величеств 15 мая 1883 года, в память царствования императора Александра III. За время службы командующего Сибирской казачьей бригадой ему было предоставлено право ношения медалей в память 300-летия Царствования Дома Романовых и в память столетия Отечественной войны 1812 года.

В службу Петр Петрович вступил в 1-й Туркестанский стрелковый батальон рядовым на правах вольноопределяющегося 19 февраля 1871 года. 24 июня того же года был произведен в унтер-офицеры, командирован в Оренбургское юнкерское училище 18 января 1872 года, через год отчислен по собственному желанию. По выдержанию установленного экзамена в полевом штабе под Хивой произведен в портупей юнкера 28 июля 1873 года.

Участник Кокандской экспедиции. 7 ноября 1875 года генерал-майором М. Д. Скобелевым был назначен командующим полуротой конных стрелков. В ноябре 1875 года произведен в подпоручики. За отличие в Кокандском походе в период с 1875 по 1877 год награжден вышеперечисленными орденами Святой Анны 4-й и 3-й ст., Св. Станислава 3-й ст. и темно-бронзовой медалью за покорение ханства Кокандского.

29 февраля 1878 года назначен исполняющим должность батальонного казначея. 25 августа 1878 года произведен в поручики на вакансию. Участник Ахал-Текинской экспедиции 1880 – 1881 гг. 18 июля 1881 года произведен в штабс-капитаны за отличие.

Всемилоостивейше пожалован 10 октября 1881 года за опасное предприятие, совершенное после штурма крепости Геок-Тепе с полным успехом орденом Святого Георгия 4-й степени, а также серебряной медалью на Георгиевской ленте за взятие штурмом крепости Геок-Тепе [17, л. 1–2 об.].

Белый генерал Михаил Дмитриевич Скобелев вручил собственный Георгиевский крест наиболее отличившемуся офицеру Калитину. Позднее данная награда перешла к есаулу Вячеславу Ивановичу Волкову. В. А. Шулдяков в своей книге «Гибель Сибирского казачьего войска. 1917 – 1920» пишет: «Командир Отдельной Сибирской казачьей бригады генерал-лейтенант П. П. Калитин, узнав о положительном решении Георгиевской думы по представлению на Волкова, вручил ему свою реликвию, сказав, что передает орден достойнейшему из своих подчиненных. Волков, кстати, продолжил традицию, наградив в Гражданскую войну этим скобелевским крестом одного из лучших своих офицеров» [18, с. 252].

В конце 1882 года штабс-капитан Калитин был переведен на службу по военно-народному управлению помощником Аулие-Атинского уезда, с февраля 1883 года переведен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора с зачислением по армейской пехоте. В мае того же года за отличие по службе произведен в капитаны. В период с 1884 по 1895 год был старшим помощником начальника Туркестанского уезда, заведующим Туркменской конной милицией (позднее – Туркменский конный дивизион). В эти годы награжден

Персидским орденом Льва и Солнца 2 степени со звездой, а также пожалованным Эмиром Бухарским золотым орденом восходящей звезды 2 степени, золотым Бухарским орденом 1 степени. 1 января 1890 года произведен в подполковники, 14 апреля 1895 года – в чин полковника. Зачислен в казачье сословие станицы Михайловской Терской области 28 ноября 1895 года.

2 августа 1897 года был назначен командующим 9-м Драгунским Елизаветградским полком.

Являлся членом, затем председателем комиссии по устройству военно-исторического музея в Геок-Тепе (Закаспийская область), открытого в конце XIX века и разграбленного во время Гражданской войны.

10 июня 1899 года был назначен командиром 1-го Волгского полка Терского казачьего войска.

Высочайшим приказом 26 ноября 1902 года за отличие по службе произведен в генерал-майоры. Тогда же определен в распоряжение начальника Главного штаба. С 28 мая 1903 года – командир 2-й бригады 2-й казачьей сводной дивизии. 8 августа 1906 года назначен начальником отдельной Уссурийской конной бригады, 10 июля 1907 года – начальником отдельной Забайкальской казачьей бригады. В чине генерал-лейтенанта (с 23 сентября 1908 года) назначен командующим отдельной Западно-Сибирской казачьей бригадой 22 сентября 1909 года [16, л. 3–7], вступил в Первую мировую войну, за время которой был произведен в чин генерала от кавалерии, а за взятие крепости Эрзерум награжден Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами [19].

Во время Гражданской войны Петр Петрович Калитин находился в составе Вооруженных сил Юга России, после поражений белой армии эмигрировал во Францию, где и провел последние годы жизни. Скончался прославленный генерал 6 июня 1927 года (по новому стилю) в известном «Русском Доме» княгини Мещерской и похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де Буа.

Для нас важен сам факт того, что имя выдающегося военного деятеля Калитина Петра Петровича, прошедшего путь от вольноопределяющегося до генерала, так же связано с историей нашего региона.

1. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 271. Л. 74.

2. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2359. Л. 3.

3. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 246. Т. 2. Л. 243 об.

4. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 554. Л. 140, 163 – 165.

5. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 641. Л. 321 об. – 322.

6. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 759. Л. 2 – 4.

7. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13241. Л. 308 – 312.

8. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10613. Л. 1 – 2.

9. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12539. Л. 273 об.

10. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1294. Л. 19.

11. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1381. Л. 26.

12. Адрес-календарь должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернаторства. – Омск, 1892. – С. 33.

13. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 479. Л. 86 об.

14. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18489. Л. 206 – 209.

15. ГИАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 79. Л. 136.

16. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 783. Л. 155 об. – 156.

17. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3321. Л. 1 – 7 об.

18. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917 – 1920. Книга 1. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – С. 252.

19. Русская армия в Великой войне: Картотека проекта: Калитин П.П. Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=473>.

Наталья Храпова

Металлург Павел Аносов. Жизнь и трагическая смерть

На фасаде производственного корпуса Омского приборостроительного завода им. Козицкого, что на углу улиц Рабиновича и Гусарова, сквозь ветви старых кленов проглядывают чугунный портретный барельеф и мемориальная доска, посвященные всемирно известному металлургу Павлу Петровичу Аносову (1799-1851). В 2019 году Павлу Аносову исполнилось 220 лет со дня рождения, что является хорошим поводом вспомнить достойного человека.

Барельеф П.П. Аносову
(ск. Ф.Д. Бугаенко, 1963 г.)

Доска металлургу П.П. Аносову
(год рождения указан неверно)

Павел Аносов родился в Санкт-Петербурге в семье чиновника горного ведомства. В 1806 году Аносовы переехали в Пермь, куда глава семьи был назначен советником местного горного управления. Вскоре отец и мать Павла умерли, и его вместе с братом взял на воспитание дед по матери Л.Ф. Собакин, – тоже горный чиновник. По окончании гимназии Павел пошел по стопам отца и был принят в Санкт-Петербургский горный кадетский корпус (позднее Горный институт). Юноша проявил незаурядные способности в учёбе и за отличные успехи награждался книгами, эстампами, а также серебряной и золотой медалями. По окончании учебы Павел Аносов в 1817 году поступил на службу на Златоустовские казенные заводы, где проработал около 30 лет,

пройдя последовательно все ступени служебной лестницы от практиканта до генерал-майора корпуса горных инженеров.

Ученый-металлург составил первый геологический разрез Южного Урала, открыл новые месторождения полезных ископаемых, в том числе ценнейший шлифовальный материал – корунд и золото (Андреевский рудник). Аносов изобрёл золотопромывальную машину, которая была установлена на Миасских золотых приисках и впоследствии применена в Екатеринбургском горном округе.

На Златоустовской оружейной фабрике Аносову удалось значительно усовершенствовать производство оружия и технологию производства стали. Учитывая хорошие организаторские способности талантливого металлурга, 33-летнего Павла Аносова назначили директором этой фабрики и одновременно начальником Златоустовских заводов.

Пионер металлургии легированной стали

Аносов сделал ряд научных открытий: разработал различные способы термической обработки и закалки стали, первым в мире в 1831 году (за 32 года до англичанина Генри Сорби, которому в Европе приписывают первенство в этом деле) применил микроскоп для изучения структуры черных металлов и заложил основы металлографии. Причём, применение микроскопа явилось не случайным эпизодом, а постоянным методом исследований, что отмечено в журнале с описанием опытов по исследованию металлов. [1]

Аносов разработал все стадии производства высококачественной литой стали: выплавку, разливку, ковку, закалку, отпуск, механическую обработку, контроль качества металла по макроструктуре и механическим свойствам. Многие из установленных им положений до сего времени составляют основу теории и технологии качественной металлургии. В опытах по получению высококачественной легированной стали Аносов подробно исследовал влияние на качество стали большого числа элементов: марганца, хрома, титана, серебра, золота, платины, кислорода и углеродосодержащих веществ (графита и т.п.). Аносов по праву считается пионером металлургии специальной легированной стали. Свои исследования по металлургии Аносов публиковал в виде статей в «Горном журнале».

Блестящих результатов Аносов добился и в производстве кос, применив на Артинском заводе предложенный им впервые способ закалки «в сгущённом воздухе». За организацию отечественного производства высококачественных кос Московское общество сельского хозяйства в 1839 году при-

судило Аносову Золотую медаль. А в 1840 году полковник Павел Аносов был произведён в генерал-майоры.

Секрет булатной стали

Павел Аносов раскрыл утерянный в Средние века секрет изготовления булатной стали (сталь знаменитых восточных клинков). Из булатной стали с древних времён изготавливали клинки мечей, сабель и кинжалов в восточных странах (Персия, Индия, Сирия, Центральная Азия). О холодном оружии из булатной стали упоминал древнегреческий учёный-энциклопедист и философ Аристотель. Особенно славились клинки из Сирии. Их делали из так называемой дамасской стали. [2]

Булатные клинки имели характерный внешний признак: стойкий муарово-волнистый узор разной сложности на поверхности. Но главным достоинством булатных клинков были высокая твёрдость, упругость и превосходная способность резания: саблей можно было рассечь на лету брошенный на воздух платок из тонкого шёлка (его ещё называли газовым). Средневековое холодное оружие из булатной стали стоило очень дорого, и было предметом коллекционирования и дарения шейхам и принцам. Секреты производства булата строго хранились и передавались мастерами из рода в род. На Востоке с ними был связан ряд легенд. Булатные клинки в силу их уникальных свойств были многократно поэтизированы, особенно в восточном фольклоре и литературе. А великие русские поэты Пушкин и Лермонтов посвящали им стихи. [3]

Секрет производства литого булата занимал, особенно в начале XIX века, многие умы Западной Европы, в том числе английского учёного Майкла Фарадея. Однако только русскому металлургу Павлу Аносову после 10-летних научных и практических исследований на Златоустовском заводе удалось получить клинки, по качеству, не уступающему лучшим старинным восточным образцам.

Аносов разработал собственные марки булатной (углеродистой) стали, которые славились во всем мире, и для русских они стали предметом национальной гордости. Изготовленный на Златоустовском заводе клинок из русского булата Аносов в 1836 году подарил императору Николаю I. Такой же подарок металлург преподнёс великому князю Михаилу Павловичу. Вскоре златоустовские клинки получили известность в Русской армии, но особенно их ценили на Кавказе. Технологию производства булатной стали Павел Аносов изложил в своей книге «О булатах» в 1841 году. И сразу после издания её перевели на немецкий и французский языки. [4]

Именно русским ученым в 1837 году было положено начало новому способу получения стали переплавкой чугуна, впоследствии усовершенствованному и запатентованному в 1865 году Пьером Мартеном во Франции и названным в его честь «мартеновским». Павел Аносов начал вводить этот процесс в практику на Урале еще за 30 лет до братьев Мартен!

Отечественная академическая наука высоко оценила исследовательские труды Павла Аносова. Так, Казанский университет в 1844 году избрал ученого-металлурга в члены-корреспонденты университета, а Харьковский – избрал Аносова почетным членом Совета университета.

Председатель Совета Главного управления Западной Сибири

Последние годы жизни Аносова прошли в Западной Сибири. В 1847 году он был назначен Главным начальником Алтайских заводов и одновременно Томским губернатором. Прежде эти должности занимал тоже горный инженер, генерал-майор Степан Петрович Татаринов (1783-1847), скончавшийся в Омске 20 января 1847 года. После отпевания в Воскресенском военном соборе, Татаринова похоронили на приходском Бутырском кладбище. [5]

С 1848 года Аносов неоднократно бывал в Омске, где исполнял обязанности председателя Совета Главного управления Западной Сибири. Совет размещался в двухэтажном кирпичном здании, возведённом в

Главное управление Западной Сибири,
фото конца XIX века

Здание бывшего Главного управления
Западной Сибири, ул. Красный Путь, 7а

1836 году на Главнoуправленческой площади за пределами Омской крепости. Ныне здание занимает воинская часть МВД. Третий этаж исторического здания был надстроен в 1952 году, в результате чего исчез аттик с гербом (ул. Красный Путь, 7а).

В середине XIX века в стенах этого здания решались вопросы не только внутриполитического или административно-хозяйственного характера, но и готовились исходные рекомендации для выработки решений Правительства в сфере внешней политики России, защиты её интересов в стратегически важном районе Центральной Азии.

Дорожная катастрофа

Холодным мартовским днем 1851 года Павел Петрович Аносов вместе с адъютантом спешил из Томска в Омск. Ему нужно было встретить директора канцелярии военного министерства сенатора Анненкова, который ехал из Санкт-Петербурга для инспекции подведомственных Аносову горных заводов. Дорога была знакомой, так как Павлу Петровичу неоднократно приходилось бывать в Омске по

служебным делам. Подъезжая к Омску по Сыропятскому тракту, путники неожиданно попали в буран, который сразу замёл дорогу.

В районе деревни Богословки, что в 18 верстах от Омска, кони понесли, возок наехал на сугроб и опрокинулся на сторону, где сидел Аносов. Дверца возка раскрылась, и губернатор выпал в сугроб. Следом на него упал адъютант и чемоданы. По воспоминаниям дочери Аносова Ларисы Павловны, под этой тяжестью они пролежали несколько часов, пока из Омска не прибыла подмога. [6]

Генералитетский дом (вид со двора) фото 60-х годов XX века

Несмотря на болезненное состояние, Аносов встретил сенатора. Как и все прибывающие в Омск высокие гости, они остановились в Генералитетском доме, где жили омские губернаторы до постройки Генерал-губернаторского дворца (1862 г., ул. Ленина, 23, ныне музей ИЗО им. М.А. Врубеля). Одноэтажный кирпичный Генералитетский дом (1796 г.п.) с деревянным пристроенным флигелем находился в Крепости на углу современных улиц Достоевского и Партизанской (бывшей Шпрингеровской) и был снесен при строительстве ДК им. Ф.Э. Дзержинского в 1972 году. На месте бывшего Генералитетского дома в 2013 году был установлен памятник-стела солдатам правопорядка, погибшим при исполнении служебного долга.

Преодолевая боль от полученных травм, Павел Петрович всё же сопровождал сенатора в его поездке по алтайским заводам и на обратном пути проводил высокого гостя до Омска. Здесь у Аносова обнаружили нарывы в горле (последствие дорожной катастрофы), что при отсутствии антибиотиков было смертельно опасно. Более месяца больной Павел Петрович прожил в Генералитетском доме, где и умер 13 мая 1851 года.

Генерала похоронили на Бутырском кладбище, где четыре года назад был похоронен его предшественник Степан Татионов. К 100-летию со дня рождения Аносова на Златоустовском заводе из чугуна был отлит надмогильный памятник в виде двухметровой четырёхгранной усечённой пирамиды с бронзовым шаром и крестом на вершине. Плоскости пирамиды были украшены рельефным изображением символа металлургов – пересекающийся молоток и ковш. [7]

В 1941 году Бутырское кладбище занял эвакуированный в Омск Ленинградский приборостроительный завод им. Козицкого, в ре-

Памятник П.П. Аносову на Бутырском кладбище

зультате чего все могилы были утрачены, а в кладбищенской Богородице-Братской церкви разместили котельную. И о том, каким был памятник Аносову, мы можем судить лишь по сохранившемуся рисунку.

В 1948 году, оценив заслуги великого русского металлурга, Совет Министров СССР постановил соорудить Аносову памятник в Златоусте, издать его труды и учредить премию и стипендию его имени.

Омичи тоже увековечили память о выдающимся металлурге, и в 1962 году имя Аносова стала носить бывшая 28-я Амурская улица. А, на следую-

щий год, в очередную годовщину смерти Павла Аносова 13 мая 1963 года на фасаде одного из корпусов завода им. Козицкого, выходящего на ул. Рабиновича, была установлена мемориальная доска с барельефным портретом работы омского скульптора Фёдора Бугаенко, известного омичам по монументальному ансамблю в сквере Борцов революции и скульптурной группы пионеров на площади перед Дворцом пионеров и школьников.

Сын Павла Петровича Аносова Николай Аносов (1835-1890) тоже стал горным инженером и служил в качестве чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. При его непосредственном участии в Амурской области в 1859 году была открыта первая золотая россыпь. Совместно с золотопромышленником Д. Бенардаки Николай Аносов стал учредителем Верхне-Амурской и Средне-Амурской компаний по разработке золотых приисков. [8]

Братская церковь на Бутырском кладбище

Список используемой литературы

1. БСЭ. 1-е издание. М.: 1926. Т. 2. С. 798.
 2. Техническая энциклопедия. М.: 1927. Т. 2. С. 777.
 3. БСЭ. 2-е издание. М.: 1951, Т. 6. С. 257.
 4. Половцев А.А. Биографический словарь. С.-П.: 1896. Т. 2. С. 203-204.
 5. Омский некрополь. Старейшие кладбища. Справочное издание. Омск. 2018. С. 478.
 6. Пешкин И. Павел Петрович Аносов. 1799-1851. «Молодая гвардия», 1954, С. 298.
 7. Колесников А.Д. Памятники и памятные места Омска и области. Омск. 1987. С. 150.
 8. Половцев А.А. Биографический словарь. С.-П.: 1896. Т. 2. С. 203.
- В статье использовались современные фото автора, исторические – из частных собраний.

Владимир Панасенков

Они молились о Ф.М. Достоевском

Историческое прошлое антропологично, как в контексте общероссийской, так и региональной истории. Культивируемый в советское время «социологизаторский» подход обезличивал прошлое до-революционной России, превращая историю в поле действия неких безличных социальных сил, всецело господствующих над человеческими судьбами [1, с.102]. Более того, изучение ряда сословий и социальных групп Императорской России носило, как правило, исключительно идейно-политическую окраску. Ряд тем, которые по своему теоретическому и фактическому многообразию не вписывались в господствующий тогда «политический трафарет» были признаны малоперспективными и недиссертательными. К таковым, на наш взгляд, следует отнести и биографическую персонализацию западно-сибирского духовенства. Если о «Житии» и «Деяниях» тобольских и омских Архиереев мы на сегодняшний день имеем достаточно полную информацию, [2] то о простых служителях Алтаря она выглядит куда скромнее. Немногословные данные о священниках XX века, служивших в Омской епархии содержатся в справочнике И.С. Голошубина. [3, с.1081-1226] А вот о представителях омского духовенства XIX в., за редким исключением (в лице С.Я. Знаменского и А.И. Сулоцкого), сведения в научно-исследовательской и справочной литературе отсутствуют вовсе. А между тем, некоторые представители сибирского духовенства сыграли далеко не последнюю роль в судьбе великого русского писателя Ф.М. Достоевского во время нахождения его на омской каторге. О них и пойдёт наш сегодняшний рассказ.

Духовник Достоевского

Настоятель градо -Омского Воскресенского собора, протоиерей Дмитрий Семёнович Пономарёв родился в 1796 г., в семье священника. Образование, судя по всему, он получил в Тобольской Духовной Семинарии, которую окончил по первому разряду. Служение Богу молодой Дмитрий начал диаконом сначала в градо – Тобольской Крестовоздвиженской церкви (с 13.02.1821 г.), а затем продолжил его в Тобольском Софийском Соборе (с 27.07.1823 г.), где и был посвящён Архиепископом Тобольским и Сибирским Евгением (Казанцевым) во иереи (26.09.1826 г.) [4, л.486Об.]. После возведения в сан протоиерея (29.10.1833 г.) он переезжает в Петропавловск, где в течение почти трёх лет являлся настоятелем градо-Петропавловской церкви, а также первоприсутствующим в Духовном Правлении и благочинным городских и линейных церквей.

Наряду с пастырской деятельностью Его Высокопреподобие много трудов и сил положил на ниве духовного просвещения. Свою педагогическую деятельность отец Дмитрий начал в Тобольском духовном училище, где год преподавал вначале в 1 классе (с 4.09.1821г. по 7.09.1822 г.), а затем в течение четырёх лет среди старших воспитанников (с 9.08.1823 г. по 3.09. 1827 г.). Круг читаемых им предметов был весьма широким и включал в себя греческий язык, катехизис, священную историю и нотное пение. Вскоре он был переведён в Тобольскую Духовную Семинарию, в которой вплоть до своего отъезда в Петропавловск исправлял должность эконома (с 1827 г. по 1833 г.), а также год преподавал греческий язык (с 3.04. по 29.10 1828 г.). Уже живя в г. Петропавловске отец Дмитрий более года преподавал Закон Божий в полубатальоне военных кантонистов (с 24.01. 1835 г. по 15.04.1836 г.). Не оставил своей педагогической деятельности протоиерей Пономарёв и с переводом его в Омск, а лишь с большим рвением и усердием стал нести Свет Православного учения в народ. Он является бессменным законоучителем в Омском батальоне военных кантонистов (с 15.09.1836 г. по 23.10.1853 г.). Именно благодаря его ненавязчивым, полным душевности и православно-миросозерцания урокам, часть кантонистов, евреев по происхождению, приняла православие. Известный историк Сибирской церкви, тоже протоиерей А.И. Сулоцкий, лично знавший отца Дмитрия, вспоминал о нём как о человеке «умном, добром, ласковом, бескорыстном», умевшим «наставлять не понимающего, вразумлять заблудившегося и учить добру согрешающего» [5, с.19].

Прижизненное фото
Ф.М. Достоевского

Много сил и энергии отец Дмитрий потратил при открытии в Омске, в 1838 г., Духовных училищ, в которых на протяжении целого ряда лет он являлся бессменным смотрителем. При просмотре «Послужного списка» невольно бросается в глаза то обстоятельство, что именно за отличное и усердное преподавание протоиерей Д. Пономарёв имел неоднократное денежное поощрение (200 руб. ассигнациями – в 1838 г., 500 руб. ассигнациями – в 1839 г., 125 руб. серебром – в 1843 г.), благодарность и даже получил наперсный крест (25.04.1848 г.).

Служа в Омске, отцу Протоиерею, помимо прямых обязанностей настоятеля одного из городских храмов пришлось нести церковное послушание в качестве благочинного (с 15.04.1836 г. по 1.06.1843 г.) 3-х городских и 9-ти окружных церквей, а также в качестве первоприсутствующего в Духовном Правлении. Заметим, что при исполнении им второй должности, очень, как нельзя кстати, пригодился опыт полученный им в Тобольской Духовной Консistorии, членом которой он состоял в течение четырёх лет (с 22.10. 1829 г. по 13.11.1833 г.). Состоял он, в качестве члена, и в окружном Оспенном комитете (с 12.06.1836 г.). Однако, исправ-

Вид Воскресенского крепостного собора, в котором бывал Ф.М. Достоевский и служили Д. Пономарёв и С. Знаменский

ление им этих многочисленных обязанностей, никаким образом, отрицательно не отразилось на жизни Воскресенского прихода, духовно им окормляемым. За восемь лет (с 1840 по 1848 г.г.) численность прихожан увеличилась на 72 человека. Цифра вроде бы небольшая, но при этом следует помнить, что в городе открывались новые храмы. К открытию и освящению трёх из них протоиерей Дмитрий Пономарёв имел непосредственное отношение. Так, например, 26-27 мая 1840 г., он, вместе с городскими и сельскими священниками освящает два придела вновь возведённой Никольской казачьей церкви [6, с.23], а 16 сентября 1843 г. участвует в чине освящения главного престола этого храма [7, л.107Об.]. 4 июня 1848 г. на территории госпиталя им был освящён храм во имя иконы «Всех Скорбящих Радость», а 5 декабря того же года Николаевская церковь при Сибирском кадетском корпусе. Причём вторая из них, была сразу же приписана к крепостной Соборо-Воскресенской церкви [8, л.389 Об.].

Не обходил своим вниманием отец Дмитрий и чисто хозяйственные вопросы. Так, например, именно с его подачи было возбуждено ходатайство о капитальном ремонте Омского Воскресенского собора. Мысль эта, впоследствии, всё же была воплощена в жизнь. Не следует так же забывать, что именно его трудами было положено начало и соборной библиотеке. В течение ряда лет, либо по его благословлению, либо непосредственно им самим, в ответ на запросы Тобольской Духовной Консistorии составлялись и посылались многочисленные заказы на вновь вышедшие книжные новинки. Следует учитывать, что книги тогда были весьма дорогим удовольствием, поэтому многие из действующих в то время омских церквей от выписки их, как правило, отказывались, однако с Воскресенской крепостной церковью это случалось крайне редко. Приобретение книг, помимо их дороговизны, сопровождалось иногда просто невыполнением заказа. Дело в том, что столичные книготорговцы, в этом отношении, были не всегда добросовестными. И вот такая, нелицеприятная ситуация произошла и с протоиереем Пономарёвым. В июле 1852 г. он доносил Епархиальному начальству, что ещё в феврале 1850 г. заказал книгу А. Терещенко «Быт русского народа» (СПб., 1847-1848 г.г.), послал деньги, но так и не получил что называется «ни денег, ни товару».

Отчасти его пастырские обязанности, а отчасти увлечение им собиранием литературы и книжным чтением свели его с находящимися на каторжных работах двумя известными людьми. В пастырские обязанности отца Дмитрия входило посещение арестантов Омского каторжного острога. Вот почему именно ему в числе первых довелось общаться с Ф.М. Достоевским и С.Ф. Дуровым в период их омского заточения. Более того, Фёдор Михайлович, в одной из бесед просил отца протоиерея, являвшегося для многих каторжан их духовным отцом, достать ему для прочтения «Историю и Древности Иудейские» Иосифа Флавия [9, с.19]. Вслед за А.И. Сулоцким, мы склонны так же полагать, что протоиерей Дмитрий Пономарёв был духовником Ф.М. Достоевского, во время пребывания писателя в Омском остроге. Нам могут возразить, что духовный отец есть нечто большее, чем священник, принимающий исповедь и отпускающий грехи. Для того, чтобы определить в понятии «духовника» давайте обратимся к соответствующей литературе. Один из дореволюционных «Словарей» так объясняет данное понятие: «Духовник- священнослужитель (не ниже священника) принимающий исповедь кающегося и разрешающий последнему его грехи» [10, с.273]. Согласно церковному праву, обыкновенными совершителями исповеди являются священники. Практика же Греческой и Русской Православной церкви в этом вопросе расходится. В Греческой церкви исповедь принимают особые священники из монашествующих, благословленные на это архиереем. К ним обычно на исповедь являются как духовенство, так и прихожане. В нашей же церкви этот обычай имеет значение исключительно для священнослужителей.

По правилам Русской Православной церкви всякий приходской священник «есть вместе и духовник своих прихожан» [11, с. 223-224]. Прихожанами же отца Дмитрия были, в том числе и лица заключённые в Омский острог. Их он исповедовал, им отпускал грехи и их же причащал. Никто кроме него доступа к осуждённым из городского духовенства не имел. Это видно хотя бы из письма А. И. Сулоцкого к М.А.Фонвизину от 1 февраля 1850 г. Он в частности пишет: «...Вы скажите, что мой сан должен дать вход для меня в самые тюрьмы и остроги? Так мы с Иваном Викентьевичем [Ждан-Пушкиным- **А.М.Л.**] ухватились было за это, но нам ответили, что входить к заключённым имеет право священник только местный, определённый к тому, а этим лицом в Омске отец протопоп [Пономарёв-**А.М.Л.**]...» [12, с. 67]. В качестве контраргумента, мне могут так же указать на то обстоятельство, что духовник избирается человеком как правило один раз и переход от священника к священнику для исповеди Церковь не поощряет. Да, это так! Не поощряет, но и не запрещает! Об этом гласит Указ Св. Синода от 4 февраля 1737 г., который позволяет мирянам в случае нужды исполнить долг проповеди и не у своего приходского священника [13, с. 1054 (примечание)]. А такая нужда у Ф.М. Достоевского и С.Ф. Дурова была. И, кстати, вызвали её арест и ссылка.

При всей массе присущих ему достоинств, один только недостаток водился за протоиереем Дмитрием Пономарёвым. Как всякий русский человек он любил выпить, причём весьма крепко. Частым гостем в доме настоятеля Воскресенского собора был печально известный омский плац-майор В.Г. Кривцов. Вместе с хозяином начальствующий гость чуть ли не каждый день выпивал не по одному ведру сивухи [14, с. 67]. Визиты эти и возлияния имели для В.Г. Кривцова и свою цель. Плац-майор сватался к священнической дочери Анне [15, с. 69]. В 1852 г. ей было 27 лет. Она умела читать и писать. В отличие от своих двух братьев Александра и Петра, которые в то время обучались в Тобольской Духовной Семинарии, она жила вместе с родителями, в казённом доме, находящемся на территории второй Омской крепости. Некоторые краеведы склонны считать, что это здание, сохранившееся поныне под № 7 по ул. Спартаковской. Однако это не совсем так. Действительно, здание нынешнего Омского гарнизонного военного суда в XIX в. занимали протоиереи и Духовное Правление, но оно было построено в период с 1855 по 1857 г.г., [16] т.е. уже после кончины отца Дмитрия Пономарёва. А первым кто обосновался здесь, был его преемник, протоиерей С.Я. Знаменский. Работа с картографическими материалами середины XIX в. позволяет нам предположить, что семья настоятеля Воскресенского собора занимала другой дом, который находился ближе к Собору и до настоящего времени не сохранился. Сама попадья Анастасия Кузьминична была младше своего супруга на 2 года. Вместе со своей дочерью, засидевшейся в девках, занималась домоводством. А все заботы и хлопоты по содержанию семейства тяжким бременем легли на плечи Протоиерея. Жалованье он получал посредственное. С 1840 по 1848 г.г. 300 руб. ассигнациями в год, а с 1848 по 1852 г.г. – 85 руб. 71 коп. серебром. Забегая несколько вперёд, отметим, что после кончины протоиерея Д. Пономарёва его семье выплачивалась пенсия в размере 26 руб. 36 $\frac{1}{4}$ коп. Деньги получал его сын- Александр Пономарёв, поскольку вдова умершего была неграмотна и не могла расписаться в «Ведомости» [17, л. 24 Об.]. А в 1876 г. Анна, сиротствующая к тому времени, дочь протоиерея Дмитрия Пономарёва была на попечении своего брата, Петра, который служил в Никольской казачьей церкви [18, л. 52 Об.].

За беспорочное и усердное служение Богу отец Дмитрий был удостоен следующих наград: набедренника (17.12.1830 г.), фиолетовой скуфы (14.04.1836 г.), фиолетовой камилавки (26.04.1841 г.), ордена Св. Анны 3-й степени (21.04.1851 г.).

Казалось, ничего не предвещало скорого конца. Болезнь подкралась быстро и незаметно летом 1853 г. 23 октября того же года на 57 году жизни завершил свой земной путь протоиерей Дмитрий Пономарёв. Причиной смерти явилась тифозная горячка. Отходившего в мир иной священнослужителя исповедовал и причащал настоятель Пророко-Ильинской церкви, благочинный омских церквей, протоиерей Платон Неводчиков [19, л. 100 Об.]. Отпевали почившего в градо- Омском Крепостном Воскресенском храме, возле которого, скорее всего (точное место его захоронения на сегодняшний день, пока, выяснить не удалось), отца Дмитрия и погребли 26 октября. Эпитафия на его памятнике гласила:

*«Сей памятник, тебе поставлен здесь,
Твоей духовною и кровных чад семьёю.
Дай Бог в обители небес,
Достойной встречи им с тобою».*

Известный публицист и омский краевед П.А. Золотов, в одной из своих корреспонденций писал следующее: «Наш город издавна привык видеть в настоятелях своего Собора как бы викариев Тобольской Епархии. На этом месте преемственно являлись лица, вполне достойные своего назначения.[...] Глубоко чтя память их, мы должны засвидетельствовать, что каждый из них совершил своё служение вполне достойно своего звания. Равно почтенные и уважаемые иерархами и паствою, они были доблестными представителями православного священства: честная подвижническая жизнь, мудрая беседа, благой совет, теплейшее чело-

веколюбие, отрадное слово и бескорыстная – вот девиз, с которым они совершали своё земное поприще [...]»[20,с.3].

В заключение, отметим, что протоиерей Омского Воскресенского собора, отец Дмитрий Пономарёв являлся ярчайшим представителем, как западно-сибирского духовенства, в целом, так и омского, в частности. Анализ его биографии и сопоставление её с жизнеописанием других представителей духовного сословия (к примеру, с «Житием» омских протоиереев в лице С.Я. Знаменского и А.И. Сулоцкого) позволяет нам выделить черты, которые были присущи для лица носящего духовный сан в первой половине XIX в. и служившего Господу Богу на территории Западной Сибири. Они сводятся к следующему: 1) принадлежность к духовному сословию и продолжение семейно-сословных традиций посредством выбора для себя пастырской деятельности; 2) ревностное отношение к своим обязанностям; 3) высокий уровень образования; 4) активная миссионерская деятельность; 5) склонность к просвещению.

В целом, специфика сибирского духовенства в своё время весьма метко была подмечена И. Завалишиным. В своём труде «Описание Западной Сибири» он в частности писал: «[...] Сибирское белое духовенство несравненно социальнее, образованнее и развязнее (Дело в том, что в XIX в. в Европейской России существовал разрыв между дворянством и священством скрытый патологический антогонизм – **А. М. Л.**). Поскольку в Сибири поместного дворянства не было, то [...] здесь белое духовенство-священник и дьякон с их семействами,- как в городах, так и в сёлах, всегда и при каждом случае находятся в высшем кругу общества; в городе- с местным начальством и купечеством, в деревне- с земскими и заезжими чиновниками. От того они и развязнее, и удобнее принимают обмен идей, и желание знакомиться с тем, что делается «в свете», у них живее. Наконец, к чести сибирского духовенства следует добавить, что оно и в городе, и в селе, живёт всегда прилично, и дома, и за порогом дома, одевается, как следует и занимается своими прямыми обязанностями. Даже церковнослужители сибирские образованнее русских [...]»[21,с.82-84]. В разное время о Д.С. Пономарёве писали А.И.Сулоцкий [22], М.М. Громыко [23], А.Э. Лейфер[24] и др. За исключением работ первого автора, в двух других об отце протоиерее имеются лишь краткие сведения. Таким образом, биографические данные омского протоиерея Дмитрия Пономарёва, изложенные нами здесь, с одной стороны дополняют имеющиеся знания о людях окружавших и помогавших Ф.М. Достоевскому на омской каторге, а с другой – служат незаменимым исходным и фактологическим материалом для дальнейшей разработки темы по изучению Православного Духовенства Западной Сибири XIX в.

Омский Святой

Термин «канонизация», а проще говоря причисление к лику святых, пришел к нам из латыни, но первоначально имел греческое происхождение. Дословно «канонизация» означает «определять, на основании правила узаконить». Этим словом на Руси, а затем и в России называли акт церковной власти, производимой над умершим подвижником веры для причисления его к лику святых. Акт канонизации в истории Церкви претерпевал видоизменения. Его появление было связано со стремлением предотвратить попадание в культ святых лиц сомнительного достоинства. Древняя Церковь не знала специального акта прославления святых. Весь процесс канонизации в те древние времена состоял только в том, что с ведома и по распоряжению местного епископа вносились имена достойнейших христиан в диптихи и синодики, в которых указывался день их кончины.

Аргументами для канонизации, как правило, являлись чудесные проявления благодатной силы прославляемого лица (главным образом исцеления больных), нетление его мощей, явления его в видениях, но, однако, решающим моментом всегда являлось церковно-общественное убеждение в нравственной высоте и выдающемся благочестии прославляемого, его жизненный подвиг. Всякой канонизации предшествовала большая подготовительная работа по изучению житий, трудов и подвигов канонизируемых. Это обязательное условие соблюдалось не только при единичном, но и при коллективном прославлении угодников Божиих. В каждом отдельном случае Церковь определяла основания к канонизации. После этого выносились определения о причислении предложенного подвижника к лику святых Божиих угодников. При многообразии причин и оснований канонизации святых в различные исторические эпохи существования Церкви, одно оставалось неизменным: всякое прославление святых понималось как явление святости Божией, а следовательно, оно всегда совершалось по благоизволению и волеизъявлению Самой Церкви. Церковь же канонизирует тех, в спасении которых она уверена. Поэтому она уже не молится об их «упокоении», а наоборот, молитвенно призывает их самих, прося их молитвенного содействия.

Святые или угодники Божии прославляются Церковью в различных чинах, в зависимости от подвига святости. Так, **мучениками** именуются те христиане, которые пострадали за веру Христову, приняв жестокие мучения и даже смерть. Если после мучений они скончались мирно, то их называют исповедниками. К **святителям** относят епископов или архиереев, угодивших Богу своей праведной жизнью. В свою очередь,

святителей претерпевших мучения за Христа называют **священномучениками**. **Преподобными** считаются праведные люди, которые, удалившись от мирской жизни, пребывали в девстве, посте и молитве. Они жили в пустынях и монастырях, угождая Богу. Те же преподобные которые претерпели мучения, называются преподобномучениками. Тех, кто бесплатно исцелял стаждущих, как от телесных, так и душевных болезней Церковь относит к **бессребренникам**. А лица, проводившие праведную, угодную Богу земную жизнь относятся к чину **праведников**. При этом они могли иметь семью и быть тесно связаны с миром.

Канонизированные святые по распространенности их почитания подразделяются на местнохрамовых, местноепархиальных, общенациональных и общецерковных. Подвижники благочестия признавались святыми местнохрамовыми в том случае, если монастырях или иногда в приходских церквях почивали их святые останки. Местноепархиальными они становились тогда, когда чтились в целой епархии, или по крайней мере в епархиальном городе. Право канонизации местночтимых святых принадлежало епархиальному епископу с веденія митрополита (позже – патриарха) всея Руси, право признания святыми общенациональными и общецерковными находилось в компетенции митрополита или патриарха при участии собора русских иерархов. Местная епархиальная власть, получив сведения о чудесах при гробе почившего подвижника и о начавшемся молитвенном чествовании его местным или пришлым населением и удостоверившись в действительности чудес (а часто – и в нетлении мощей), назначала торжественное богослужение в храме, в котором или близ которого находились телесные останки почившего; затем устанавливалось ежегодное торжественное церковное празднование его памяти, в день его кончины или открытия мощей, составлялась особая служба (большей частью – с канонем и акафистом) в честь святого, а также его «житие» с изображением его чудес, удостоверенных формальным дознанием церковной власти. Одновременно с тем износились из могилы его телесные останки и полагались в храме в особенном украшенном гробе-раке, открытыми или закрытыми, иногда под спудом, т. е. под полом храма.

К 1916 г. было уже прославлено пять угодников Божиих, чья жизнь и служения Всевышнему были связаны с сибирским краем. Это Святители Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Иоанн Тобольский, праведный Симеон Верхотурский и блаженный Василий Мангазейский. Возвратясь в Омск, с Тобольских торжеств по канонизации Святителя Иоанна (Максимовича), проходивших 9-10 июня 1916 г. в бывшей столицы Сибири, Священномученик Сильвестр стал готовить к изданию «Сибирский патерик», выход которого в свет так и не удалось осуществить. Однако, разработанный и дошедший до нас подробный план этого издания [25] позволяет нам установить имена 45 непрославленных угодников Божиих, а так же подвижников веры и благочестия, которые рассматривались как кандидаты для последующей канонизации.

Окончательную точку в деле прославления Собора Сибирских святых поставил Управляющий Омско – Тюменской епархией в 1975 – 1986 г.г, Архиепископ Максим (Кроха) (1928-2002). Именно он, вскоре после своего назначения на Омско-Тюменскую кафедру стал собирать материал о святых и подвижниках благочестия, как Сибирской, так и Омской земли. Кстати, основополагающим документом в этом благом и богоугодном деле явилась вышеупомянутая нами программа составленная и разработанная под непосредственным руководством Святителем Сильвестром для издания «Сибирского Патерика».

За своё 11-летнее пребывание в Сибири владыка Максим изучил материалы о жизни и трудах подвижников веры и благочестия тех мест, составил патерик Сибирских Святых и представил это Святейшему Патриарху Пимену для прославления Святых, в земле Сибирской просиявших. Получив первосвятительское благословение, владыка Максим составил службу Сибирских святых, которая помещена в богослужебной Минее за июнь месяц (стр. 325-349). В иконописной мастерской «Софрино» была написана икона Сибирских Святых, перед которой 23 июня 1984 года в Покровском соборе г. Тобольска было совершено торжественное прославление Всех Святых, в земле Сибирской просиявших. На праздник прибыли архиепископ Новосибирский и Барнаульский Гedeон (Докукин) (впоследствии – митрополит Ставропольский и Владикавказский, 21 марта 2003 г.), 53 священнослужителя со всей Сибири, а так же множество паломников из разных мест. Сотрудники художественной мастерской «Софрино», доставившие из Москвы написанную ими икону также присутствовали на торжестве в качестве почётных гостей.

Образ Стефана Омского

Ныне ежегодно совершается торжество в честь Сибирских Святых в Тобольске, и по традиции, установленной владыкой Максимом, выносятся мощи святителя Иоанна на крестный ход в Тобольском Кремле. В этот день там собирается множество паломников со всей Сибири. Православные сибиряки прославляют своих небесных покровителей у святых мощей святителя Иоанна.

Икона Собора Сибирских святых отображает 31 образ угодников Божиих, которые подвизались и окончили свой земной путь в краю Сибирском или родившихся и живших в Сибири. Кстати, наш город на этом образе представляет Святой праведный Стефан Омский (в миру, протоиерей Стефан Яковлевич Знаменский), о житие и деяниях которого наш дальнейший рассказ.

2 апреля 1877 г. с невероятной быстротой по Омску распространилась весть о праведной кончине заслуженного Омского протоиерея Стефана Яковлевича Знаменского. Современник и очевидец тех далёких событий отмечал: «...В квартиру на панихиды и литии, да и так для поклонения останкам усопшего, народу являлось не мало, а к отпеванию собралось его столько, что всем-то негде было и поместиться. Отпевание совершено 6 апреля в крепостном соборе, где о. протоиерей священнодействовал ...более 23 лет. В отпевании принимало участие всё омское духовенство, в том числе один протоиерей и десять священников. На Литургии и отпевании были произнесены, и, разумеется, с возданием должной похвалы усопшему, одна проповедь и одна речь. Ропот поднялся было в народе, когда по отпении хотели было вскоре выносить гроб, почему и было оставлено это намерение, и прощание длилось около получаса. Кладбище от собора довольно далеко, дорога была тогда грязная, дул холодный ветер, но провожающих было много. Гроб до самого кладбища несли на руках: сначала священники и прочие лица духовные, а потом горожане. Иные из последних, передавая конец холста другим, набожно крестились и называли себя счастливыми, что Господь сподобил их потрудиться понести такого благочестивого пастыря...» [26, с. 476-477]. Таких похорон Омск не видел уже давно!

Святой праведный Стефан Омский (в миру Знаменский Стефан Яковлевич) родился 2.08.1804 г. в семье священника Железно-Томского завода Барнаульского округа Томской губернии. Принадлежность к духовному сословию предопределила его будущую судьбу. Мальчик получил хорошее домашнее образование, которое продолжил в Тобольской Духовной Семинарии (последнюю окончил 31.09.1824 г.). После женитьбы он был рукоположен во иереи (15.09.1824) и начал службу при Барнаульском Петропавловском храме. Проповедовал Слово Божие во многих городах: Барнауле (15.09.1824 – 6.10.1826 г.г.), Кургане (6.10.1826-1836, 1838 г.г.), Тобольске (1836 -20.11.1839г.г.), Ялуторовске (20.11.1839 16.11.1853 г.г.) и Омске (16.11.1853 2.04.1877 г.г.).

За более чем полвека служения Богу, кроме обязанностей приходского пастыря отцу Стефану пришлось нести церковное послушание в качестве члена консистории и духовных правлений, эконома Тобольской семинарии, благочинного, противораскольничьего миссионера, законоучителя и смотрителя ряда учебных заведений, члена различных попечительств, комиссий и комитетов.

В конце 1839 г. открылась вакансия протоиерея и первоприсутствующего духовного правления в г. Ялуторовске и Преосвященный Афанасий (Протопопов), Архиепископ Тобольский и Сибирский, высоко ценя отца Стефана и считая его уже достаточно подготовленным для исполнения вышеназванных должностей, 20 ноября 1839 г. возводит его в сан протоиерея и назначает на служение в градо- Ялуторовский Сретенский собор. Сам Стефан Яковлевич Знаменский к новому месту службы ехать не хотел. Сказывались хорошо оплачиваемая должность законоучителя в Тобольской гимназии и обучение собственных детей в этом городе. Однако, не смотря на все его личные просьбы, а также ходатайства его знакомых, Владыка Афанасий в принятом им решении остался непоколебим. 23 марта 1840 г. уже находясь и служа в г. Ялуторовске, протоиерей отец Стефан получил должность благочинного над всеми городскими церквями. При ближайшем участии Стефана Яковлевича вначале в Ялуторовске, а затем и в Омске было открыто три ланкастерские школы. В Ялуторовске, куда протоиерей Знаменский был переведен для борьбы с сильно распространившимся в уезде этого города расколом, он открыл при соборе бесплатную ланкастерскую (взаимного обучения) церковную школу, сначала только мужскую, а потом и женскую, и повел дело обучения с таким успехом, что его школы получили большую популярность, и в них стремились поместить своих детей родители всех сословий [27, с. 428]. Кстати, сын протоиерея Знаменского, Михаил, ставший впоследствии известным художником, получил своё начальное образование именно в этой школе [28, с. 346]. В силу нехватки учебных пособий отец Стефан нередко не только собственноручно переписывал имеющиеся из них, но и некоторые составлял исключительно сам. С 1849 г. он так же исправляет должность смотрителя Ялуторовского уездного училища. За свой плодотворный труд на ниве ду-

С.Я. Знаменский.
Рисунок М.С. Знаменского

И.Д. Якушкин и С.Я. Знаменский

Уездного Комитета общественного здравия.

Перевод о. Стефана из Ялutorовска в Омск predeterminedили два обстоятельства. С одной стороны, освободившаяся за смертью протоиерея Димитрия Пономарева вакансия благочинного, а с другой – желание генерал-губернатора Западной Сибири иметь в столице края «опытного в делах деятеля по духовной части». В связи с этим Г.Х. Гасфорд ходатайствует перед Преосвященнейшим Евлампием о переводе С.Я.Знаменского в Омск, и его просьба была удовлетворена.

23 года был протоиерей Стефан Знаменский настоятелем Градо-Омской Военно-Воскресенской церкви (1854-1877 гг.) и 14 лет безукоризненно исправлял должность благочинного городских церквей (1854-1868 гг.). При нем Воскресенская церковь стала своеобразным духовным центром тогдашнего Омска. Ее посещала масса богомольцев, большинство которых принадлежало к просвещенной элите [29, с.32].

Своим служением отец Стефан возбуждал у присутствующих невольное благоговение. Его стараниями и заботами при Воскресенском храме, равно как в своё время и при Ялutorовском соборе, была собрана, систематизирована и описана одна из лучших в Сибири духовных библиотек (к 1856 г. включала в себя 316 наименований)[30, л.л.113-162]. Имея педагогический дар от Бога, протоиерей Знаменский в течение ряда лет являлся бессменным экзаменатором Закона Божьего во всех омских учебных заведениях. Отчасти на почве православной педагогики, а отчасти на ниве духовного окормления омской паствы, С.Я. Знаменский близко сошелся с протоиереем А.И. Сулоцким. Их дружба оказала обоюдное влияние на мировоззрение обоих. Именно на «омский период» выпадает пик активности участия отца Стефана в общественной жизни нашего города. Помимо своих прямых пасторских обязанностей он по распоряжению как светского, так и духовного начальства входит в различные комитеты, присутствия, правления. Так, С.Я. Знаменский состоял: директором комитета Омского Попечительства о тюрьмах (с 24.03.1861 г.), членом в отделении Общего Губернского Присутствия в г. Омске, где решал вопросы об улучшении быта западно-сибирского духовенства по казачьему ведомству (с мая 1864 г.), представлял дела Православного духовенства в особом комитете по народному образованию (12.08.1866 г.), входил в правление Омского Духовного Училища (с 21.05.1868 г.), а затем и в комиссию по переводу этого учебного заведения из Омска в Ишим (с 15.05.1872 г.), принимал участие в работе Омского Областного Комитета Общественного здравия (с 5.08.1873 г.). Своим неустанным и благоговейным служением в храме, благочестием, исполнительностью, строгой подвижнической жизнью, нестяжательностью, кротостью, общедоступностью и ласковым обращением, он снискал к себе уважение и любовь омичей. Не случайно, в праздновании полувекового юбилея служения о. Стефана в священническом сане (15.09.1874 г.) приняло участие все городское общество, начиная с генерал-губернатора А.П. Хрущева и до последнего мещанина и казака. Именно по инициативе омичей и в большей степени на собранные ими пожертвования (916 руб. 99 коп. из 1020 руб. 20 коп.) к вышеупомянутому юбилею был изготовлен и поднесен отцу протоиерею золотой с драгоценными ка-

ховного просвещения в учебных заведениях г. Ялutorовска отец протоиерей получал неоднократно благодарность (20.10.1845г.) и признательность(28.09.1851г.) от Дирекции училищ Тобольской губернии, а уже после перевода своего в Омск, именно по ходатайству вышеупомянутого начальства он был награждён Святейшим Синодом золотым наперсным крестом. Свои первые священнические награды скуфью и камилавку он так же получил, служа в г. Ялutorовске. Помимо всех перечисленных должностей иногда протоиерею Стефану Знаменскому давались от начальства и экстренные поручения, которые, как нам повествуют архивные документы, он исполнял весьма успешно. К таковым, вне всякого сомнения, следует отнести его назначение Преосвященнейшим Георгием в состав комиссии по одному очень неприятному и сложному делу. Речь идёт о злоупотреблениях и растрате казённых денег столоначальником Духовной Консистории Никольским. Следствие продолжалось 2 года. За всё время работы комиссии, начиная с февраля 1849 г., отец Стефан зарекомендовал себя принципиальным и честным человеком, для которого в первую очередь важны были истина и справедливость.

Будучи человеком просвященным, сострадательным к чужому горю, Знаменский близко сошелся с ссыльным декабристом И.Д. Якушкиным, а у жены декабриста Н. Д. Фонвизиной был даже духовным отцом.

Незадолго до своего перевода в Омск, на 14 году служения в г. Ялutorовске, протоиерей Стефан Знаменский вошёл в состав

менями и цепью наперсный крест, а также приобретен и вручен 5% банковский билет на 500 рублей [31, с.139]. Жители г. Ялуторовска, так же приняли посильное участие, в этом благом деле собрав путём добровольных пожертвований 50 рублей.

Господь свел о. Стефана с некоторыми, в последствие ставшими выдающимися, людьми нашего Отечества. Так, например, С.Я. Знаменский крестил будущего известного художника М.А. Врубеля. А историк М.М. Громыко считает, что отец Стефан мог быть знаком с Ф.М. Достоевский и С.Ф. Дуровым [32, с.95].

За усердное и весьма полезное служение своей Церкви и обществу о. Стефан был удостоен следующих наград: набедренника (31.03.1834 г.), скуфы (27.04.1840 г.), камилавки (8.04.1844 г.), золотого наперсного креста (17.04.1854 г.), бронзового наперсного креста (декабрь 1866) и еще раз. вторым, украшенным императорской короной (21.04.1871 г.), степеней, палицы (11.05.1862 г.). ордена св. Владимира четвертой степени (31.03.1874 г.), наперсного золотого креста, поднесенным в честь пятидесятилетия священнического служения (высочайше было разрешено принять и носить 11.01.1875 г.) [33, лл.200б-21].

Как образцовый служитель алтаря Господня и строгий подвижник благочестия, он почитался в народе святым как при жизни, так и после смерти. 6.04.1877 г. о. Стефан был отпет в Омской Военно-Воскресенской церкви и погребен на городском Шепелевском кладбище. Первоначально на могиле (которая в советское время была осквернена и стерта с лица земли) стоял простой металлический крест, а к началу прошлого века усердием верующих омицей был сооружен памятник в виде часовни. Этот человек сделал многое для нашего города и Сибири в целом. Он открывал школы, был образованным человеком, трудился без отдыха на благо Церкви. Память праведного празднуется ежегодно 30 июня (местно) и 10 июня – в Соборе Сибирских святых [34, с.254].

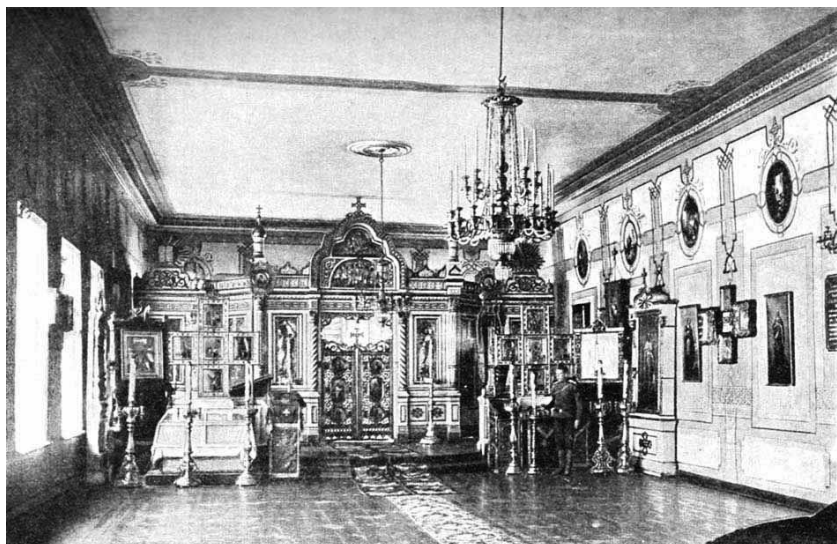
Крестом благославлял кадет он, пером писал свои труды...

Своими добрыми делами и трудами остается в памяти потомков отошедший к Господу человек. Люди умственного труда, писатели, историки, педагоги, оставляют после себя память, с одной стороны, написанными ими книгами, а с другой – воспитанными и вскормленными под их чутким руководством учениками. Одним из таких и был протоиерей Александр Иванович Сулоцкий. Долгую и интересную жизнь прожил отец Александр. Он появился на свет в грозный для России 1812 год. Происходил из духовного сословия. Отец его был бедным причетником сельского храма. Родиной стало село Сулость Ростовского уезда Ярославской губернии, которое явилось для будущего пастыря не только близкой его сердцу местностью, но и дало фамилию. Среднее духовное образование и воспитание он получил в Ярославской духовной семинарии. Александр в числе первых закончил ее в 1833 г. Уже тогда семинарское начальство обратило на него внимание, и как наиболее способный и старательный ученик он был отправлен для обучения в Санкт-Петербургскую духовную академию на казенный счет. К 1837 г. академический курс оказался уже пройденным, а сам выпускник Сулоцкий был удостоен звания старшего кандидата богословия. 13 января 1838 г. Комиссия духовных училищ назначила Александра Сулоцкого на должность преподавателя в Тобольскую духовную семинарию. В этом учебном заведении ему довелось преподавать не только церковную историю, греческий язык, библейскую историю, церковные древности и обряды, церковное законодательство, каноническое право и историю Российской Церкви, но и быть библиотекарем семинарского книгохранилища, а также заседать в семинарском правлении. Преподавателем Александр Иванович был «ревностным и влиятельным». Он заботился о том, чтобы его ученики имели хорошие знания не только по истории Вселенской и Русской Церкви, но и о возникновении и развитии православной жизни в местном, западно-сибирском крае. Именно для подготовки и разработки курсов по истории православия в Сибири он обратился к богатейшим архивам Тобольска, тем самым начав путь самостоятельного историка-исследователя.

2 ноября 1847 г. Преосвященным Георгием, архиепископом Тобольским и Сибирским Александр Сулоцкий был рукоположен во священника и отправлен на службу в Омск. 1 февраля 1848 г. он прибыл в наш город и сразу же приступил к возложенным на него обязанностям. Местом его нового назначения явился Сибирский кадетский корпус и устроенная при нем Никольская корпусная церковь. До 1848 г. корпус не имел своей церкви, служащие и воспитанники входили в состав прихожан Пророко-Ильинской церкви, а с постройкой войсковой Николаевской церкви, сделались прихожанами последней. В 1848 г. директор корпуса генерал-майор Шрамм исходатайствовал у епархиального начальства

Протоиерей А.И. Сулоцкий

*Внутренний вид Николаевской церкви
при Сибирском кадетском корпусе. 1913 г.*

разрешение на устройство собственной церкви, которая была сооружена в этом же году в рекреационном зале на средства корпуса. Ризница, священные сосуды, богослужебные книги были приобретены на средства корпуса, а также на пожертвования частных лиц. Иконы для иконостаса были расписаны рядовым инженерного ведомства Новиковым. В 1862 г. церковь была разобрана, в ней сделали новый потолок и пол. В 1864 г. был поднят и увеличен алтарь. Последняя переделка была сделана на деньги, завещанные купцом Н.Н.Полешковым и на счет корпусного церковного старосты В.П.Кузнецова. Омскими и иногородними купцами были пожертвованы также серебряно-вызолоченные сосу-

ды, св. Плащаница, напрестольное Евангелие в окладе, покрытым золочённым серебром, а также бронзовое паникадило и пр. Помимо церковной утвари жертвователи дарили так же и иконы. Среди икон в 1857 г. в корпусной храм поступила икона Воскресения Христова, по преданию – принадлежащая генералиссимусу А.В. Суворову[35, л.14Об.]. Среди добровольных жертвователей – имя Наталии Дмитриевны Фонвизиной, подарившей кадетской церкви священнические облачения и ризы[36, л.л.42Об-43].

Около тридцати лет прослужил отец Александр законоучителем и штатным священником Сибирского кадетского корпуса. Своей преподавательской работе он уделял очень много внимания, сил и времени. Об обязанностях законоучителя сам А. И. Сулоцкий впоследствии вспоминал так «[...] служил [...], во храме [...], пред литургиями объяснял положенные на праздники и дни воскресные Евангелия с нравоучительными обращениями и применениями к слушателям – воспитанникам, во время всенощных бдений сообщал истории праздников и особенно замечательные события и назидательные черты из жизни празднуемых в те дни святых, а за литургиями, хотя и не очень часто, говорил поучения; каждодневно посещал кадетский лазарет и каждодневно же бывал, иногда и со словом вразумления или назидания, в камерах (казармах) у воспитанников; в классах, на лекциях преподавание шло, производилось, кажется, довольно внятно, без частых перерывов и остановок, внимание слушавших поддерживалось, отчего рассказанное или объясненное мною тут же в классе исправно, хорошо повторяемо было даже и не очень даровитыми воспитанниками, а уроки

учениками были приготовляемы почти всегда и почти всеми удовлетворительно [...]».

А вот как запомнился отец Александр обучающимся у него в кадетском корпусе воспитанникам. Предоставим слово одному из них, ставшему впоследствии протоиереем, Михаилу Путинцеву: «Вот входит к нам в класс статный, красивый, средних лет священник, с прекрасными вьющимися русыми волосами. Кроткий взгляд его ясных голубых глаз, доброе симпатичное лицо, тихий голос, скромные приемы и походка, ласковое отеческое обращение с нами – все это сразу успокаивало нас, придавало смелости, мы чувствовали себя как будто в присутствии родного, любящего отца».

*Могила А. И. Сулоцкого (слева) и его супруги на Казачьем кладбище.
Фото А. В. Борисова. Сентябрь 1954 г.*

А вот каким запомнился епископу Никодиму, проезжавшему в 1870 г. через Омск его экскурсовод и гостеприимный хозяин, протоиерей А. И. Сулоцкий: «[...] Человек почтенных лет, благословен от Бога много и благочадием [...] Он литератор и охотник отыскивать сибирские древности. Ему Сибирь одолжена многими

любопытными назидательными сказаниями».

Отец Александр, возведенный 4 августа 1863 г. Преосвященным Варлаамом в сан протоиерея, вел очень скромный образ жизни. В нашем городе сближается с Омской интеллигенцией. Исполняя просьбу тобольских друзей, стремится каким-либо образом облегчить участь узников “мертвого дома”, знакомится с С.Ф.Дуровым и Ф.М.Достоевским. Многие годы он жил в небольшом деревянном домике, который купил вскоре после своего приезда в Омск. Все свободное от богослужений время проводил в трудах и занятиях: то на уроках, то дома за книгами и журналами, работая над своими статьями. А их у отца протоиерея было великое множество. Около 100 его работ были опубликованы на страницах «Странника», «Душеполезного чтения», «Русской старины», «Русского вестника», «Москвитянина», а также в Иркутских, Тобольских и Томских епархиальных ведомостях. 9 работ А. И. Сулоцкого вышли в свет отдельными изданиями. За работу «Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский» отец Александр был удостоен конференцией Санкт-Петербургской духовной академии степени магистра. За долгую и непорочную службу добрый пастырь имел многие церковные и государственные награды. Его фамилия встречается на страницах целого ряда дореволюционных энциклопедических изданий (Брокгауз и Ефрон, Русский биографический словарь Половцева, Православный Богословский Энциклопедический словарь). В 1877 г. А.И. Сулоцкий выступил в качестве члена – учредителя ЗСОИРГО. Он был единственным среди учредителей лицом духовного звания. Деятельность протоиерея Александра Сулоцкого в составе ЗСОИРГО к сожалению изучена слабо и ещё ждёт своего исследователя.

3(15) мая 1884 г., в Омске, маститый пастырь и законоучитель закончил свой земной путь. Причиной смерти явилась чахотка (туберкулез), к которой больной имел давнее предрасположение. В метрической же книге эту причину смерти почему-то указывать не стали. В графе «от чего умер» записали коротко и понятно – «от старости». Болезнь протекала мучительно и тяжело, но отец протоиерей переносил ее с христианским смирением. Около месяца был он прикован к постели. Именно в православной вере, в той самой, которую проповедовал всю свою жизнь, искал себе поддержку и утешение. Не раз, не два и не три, а целых шесть раз он исповедовался и причащался перед смертью. Последний раз, за полчаса до кончины отца Александра исповедовал и приобщил Св. Таин его знакомый и коллега, настоятель Никольского Казачьего собора Константин Недосеков.

Трагичная весть о смерти маститого пастыря быстро облетела тогдашний Омск. К дому, в который пришло горе, потянулись люди. Квартира покойного оказалась наполнена народом. По два раза на дню городские священники поочередно служили заупокойные литии. Все собравшиеся неустанно молились об упокоении души любимого ими пастыря. Настало 7 мая (здесь и далее ст. ст.). Траурная процессия прибыла в Войсковую Никольскую церковь, в ту самую, где неоднократно приходилось служить при жизни отцу протоиерею. Казачий храм, несмотря на свою обширность, не смог вместить всех собравшихся, многие оказались на паперти. После литургии началось отпевание. Проводить заслуженного пастыря в последний путь пришли высокопоставленные особы, в том числе и Степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский. Отпевание совершал протоиерей Константин Недосеков вместе с причтом Никольского собора, среди которого несколько выделялась фигура отца дьякона Апполона Волкова, который дрожащими от горя руками пытался разжечь постоянно гаснущее кадило. Перед прощальным целованием усопшего настоятель Казачьего собора произнес надгробную речь, в конце которой многие из присутствующих рыдали. Свое траурное слово отец Константин завершил так: «Не забудь нас там – за гробом, а мы, пока живы, не забудем тебя здесь – на земле; молись за нас, а мы станем молиться за тебя. Бог да ублажит и упокоит ты, а нас помилует, яко благ и человеколюбец!»

После отпевания заколоченный наглухо гроб медленно выплыл из храма. На площади перед собором его встретили выстроенные в шеренгу воспитанники кадетского корпуса. Кадеты VII класса, учившиеся у покойного, взяли на плечи гроб и медленно понесли его по Никольскому проспекту (ныне пока еще ул. Красных зорь) на Казачье кладбище. Во главе траурной процессии шло городское духовенство и певчие из

Рисунок часовни на Шепелевском кладбище. Лето 1926 г.
(студентка Попова – 1-й курс ж.-д. от.).
ГУ ГАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 131. Л. 14.

*Рисунок предполагаемой часовни
на могиле С.Я. Знаменского*

кадетского и войскового хоров. Перед зданием учительской семинарии, напротив Казачьего рынка, погребальное шествие остановилось. Законоучитель оной вместе с будущими учителями пропел краткую литию и произнес над упокоившимся благодарственную речь.

Перед тем как опустить гроб в свежерытую могилу, отслужили еще одну, последнюю литию. После чего на крышку гроба упала первая горстка земли... Возникшее в 1842 г. Казачье кладбище, где покоился прах А.И. Сулоцкого (он был похоронен с южной стороны Всехсвятской церкви) к 1925 г. приходит в ужасное запустение. С него тащат все: деревянные кресты, чугунные решетки, мраморные надгробия. В 1939 г. Омский Горисполком принимает решение о его закрытии. В начале 1941 г. еще одно решение. Но начавшаяся война помешала воплотить их в жизнь и отсрочила закрытие кладбища до 1942 г. Перед истечением 25-летнего срока, в 1966 г., было принято варварское решение о ликвидации старейшего из омских кладбищ. Со сносом погоста безвозвратно была потеряна для потомков и могила протоиерея А.И. Сулоцкого, на которой к 1966 г. кем-то из предприимчивых городских обывателей был устроен сарай. Такой вот печальный факт! Отчасти справедливость была восстановлена только лишь в августе 2016 г., в дни, когда Омск праздновал своё трехсотлетие. По инициативе и при личном участии преподавателя русского языка и литературы, кандидата филологических наук, чья диссертация была посвящена православной литературе Западной Сибири Марины Николаевны Злыгостевой на территории Казачьего сквера (располагается на территории бывшего Казачьего кладбища), неподалеку от возведённой деревянной церкви Всех Святых, был установлен небольшой памятник-кенотаф на котором был выбит следующий текст: «Сулоцкий Александр Иванович. 1812-1884. Протоиерей, духовный писатель, историк, педагог Омского Сибирского кадетского корпуса» [38, с.32].

Многие исследователи творчества Ф.М. Достоевского полагают, что перелом в сознание писателя произошёл именно в Омске, те четыре года, которые он провел в омском остроге (с 23 января 1850 г. до конца февраля 1854 г.), наложили отпечаток на всю его дальнейшую жизнь и литературную деятельность. Приятно осознать, что свою скромную лепту в это дело, молитвой и заботой об осуждённом внесли три священника, чьи судьбы связаны как с Тобольском, так и Омском.

Мемориальный сквер на месте Казачьего кладбища и возрождённый Всехсвятский храм. Фото автора

Архивные источники и литература

1. Момджян К.Х. Социум. Общество. История.-М., 1994.
2. Тобольская Епархия. В 2-х частях.-Ч.2.Отдел 1. Архипастыри Тобольской епархии.- Омск, 1892; Сулоцкий А.И., протоиерей. Сочинения в трёх томах.- Т.2.О сибирском духовенстве.- Тюмень, 2000; Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные архиереи с 1893 по 1965 г.г. В 6 т.т.- Куйбышев: (самиздат), 1966; Репринт.- Париж, 1979-1988; Шихатов И.П. Епископы Омские. – Омск, 2004; Суховецкий В., иерей. Краткий обзор истории Омской епархии с момента образования до наших дней. // Марцева Л.М., Новиков С.В. История Русской Православной Церкви: Учебное пособие.-Омск, 2004. – С. 191- 202; Жук А.В. Иерархи Омской церкви. Предстоятели Омской епархии Русской Православной церкви. Биографический справочник. – Омск, б/г.;
3. Голошубин И.С. Справочная книга Омской епархии.- Омск, 1914.
4. ГИАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22.
5. Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850- 1854 г.г. – Новосибирск, 1985.
6. Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья.- Омск, 2003.

7. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 144. Оп. 1. Д. 52.
8. ГИАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22.
9. Громыко М.М. Указ. соч.
10. Смирнов В. Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с общедоступным толкованием их значения и употребления. Настольный справочник по всем отраслям знания.- М., 1908.
11. Павлов А.С. Курс церковного права.- СПб., 2002.
12. Лейфер А.Э. «Вокруг Достоевского» и другие очерки.- Омск, 1996.
13. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства.- Ч. II.- М., 1993. – Репринт с издания 1913 г.
14. Лейфер А.Э. Указ. соч.
15. Там же, – С. 69.
16. РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. Д. 1463, 1464, 1493.
17. ГИАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 39.
18. ГИАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40.
19. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 165.
20. Золотов П. Омск. 6 апреля. // Газ. «Сибирь» (г. Иркутск).- 1877.- №20.- 15 мая.
21. Завалишин И. Описание Западной Сибири. – Т. I.- М., 1862.
22. Сулоцкий А.И., протоиерей. Опасности и огорчения, каким подвергаются священнослужители иных Сибирских не только сёл, но и городов, при исполнении ими треб и других своих обязанностей. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям.- 1879.- № 15- 14 апр.- С. 149-153; Он же, Церковные библиотеки Тобольской епархии; библиотека Омского Воскресенского собора. // Сочинения в трёх томах.- Т.1. О сибирском духовенстве.- Тюмень, 2000.- С. 343-348; Он же, Библиотеки. // Там же.- С. 349-407.
23. Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850- 1854 г.г. – Новосибирск, 1985.
24. Лейфер А.Э. Прошлое в настоящем. Очерки.- Омск, 1984; Он же, «Вокруг Достоевского» и другие очерки.- Омск, 1996.
25. Был опубликован на страницах журнала «Омские епархиальные ведомости» № 37 за 11 сентября 1916 г. в разделе «Часть неофициальная».
26. Сулоцкий А.И. Сочинения в трёх томах.- Т. 2. О сибирском духовенстве.- Тюмень, 2000.
27. Здр-в К. Знаменский С.Я. // Русский биографический словарь. Т. 6. Пгд, 1916. Репринтное воспроизведение.- М., 1999.
28. Буртина Е.Ю. Знаменский М.С. // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь.- Т. 2.- М., 1992.
29. Путинцев М. Протоиерей С.Я. Знаменский. // Омские епархиальные ведомости.- Часть неофициальная. 1908.- №2. 15 янв.
30. ГИАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 38.
31. ГИАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 555.
32. Громыко М.М. Указ. соч.- С. 95.
33. ГИАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40.
34. Жития Сибирских Святых. Сибирский патерик.- Новосибирск, 1999.
36. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
37. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
38. Наумов С. Хранитель традиций // Коммерческие вести (г. Омск).- 2016.- № 47.- 7 декабря.

Александр Лосунов

Архитектор Эдуард Эзет: городу и миру

Curriculum Vitae (жизнеописание) архитектора Эзета

Будущий архитектор Эдуард (в послужных списках Исторического архива Омской области значится как «Евграф») Иванович Эзет родился в 1838 году в окрестностях Петергофа, в одном из сёл немцев-первопоселенцев, основанном ещё при Екатерине II, в лютеранской семье, жившей крестьянским трудом, но по сословию относившимся к «ober-офицерским детям». Подростком он служил у родственников в С.-Петербурге, в одном из колбасных заведений. Уже в юности у него появился интерес к живописи, проявились и художественные наклонности. В 1860 г. он окончил с серебряной медалью императорскую Санкт-Петербургскую академию художеств, где обучался за казённый счёт. Осенью 1860 года был удостоен звания художника и служил под началом придворного архитектора профессора А. И. Штакеншнейдера (у которого учился в академии), участвовал в строительстве церкви при Собственной императорской даче в Петергофе; В 1860 – 1861 году Эзет выполнял чертежи, рисунки и шаблоны для отделочных работ при строительстве Ново-Михайловского дворца в С.-Петербурге (для вел. кн. Михаила Николаевича; 1857-61), в котором позднее разместился Русский Музей. За «усердие и труды» Эдуард Иванович награждается бриллиантовым перстнем.

Э. Эзет

Эдуард Эзет

Заболев туберкулезом, Эзет был вынужден принять предложение о переезде в Омск, который славился в ту пору дешевой жизнью и сухим здоровым климатом. В 1863 Эзет приказом по ведомству Главного управления путей сообщения и публичных зданий (к которому причислялись профессиональные архитекторы) был назначен Омским **городовым** архитектором и прибыл в Омск 24 сентября 1863 года. Одновременно в 1865 – 1869 занимал должность войскового архитектора Сибирского казачьего войска (до упразднения последней), директора «Омского тюремного отделения» попечительного о тюрьмах общества (с 1868 г.), чиновника по технической части при генерал-губернаторе Н.Г. Казнакове (в 1877 – 1881 гг.). На пике своей чиновной карьеры (к 1877 году) Эдуард Эзет имел чин коллежского асессора, дававший право на дворянское звание, а также был награждён орденами Св. Станислава и Св. Анны – оба II и III степеней, а также (позднее) – орденом Св. Владимира¹. Жалование, которое он получал на этих должностях, постепенно росло: в 1870 г. он получал всего 623 рубля в год, в 1874 – 708, а ещё через четыре года уже 1022 рубля, из которых 85 руб. составляло добавочное жалование, выплачиваемое за 10-летнюю службу в Сибири².

Вскоре после переезда в Омск архитектор женился на коренной омичке, дочери надворного советника Александре Максимовне Садиловой. В их семье родилось четверо детей. Самой старшей была дочь Софья. Она появилась на свет в 1868 г. Четыре года спустя родился сын Иван, а в 1873 г. – вторая дочь Елизавета. Младшим в семье был сын Константин (1876 г. р.). Семья проживала в Казачьем форштадте на Конюшенной улице³.

По воспоминаниям современников семья Эзет была очень дружной. Несмотря на лютеранское вероисповедание главы семейства, все остальные его домочадцы исповедовали православие. Эзет же оставался лютеранином до конца дней, подобно его старшему товарищу, областному архитектору Фридриху Фридриховичу Вагнеру (1821-1876), и был одним из известных прихожан Лютеранской кирхи Св. Екатерины в крепости, построенной ещё в 1790-92 гг. для нужд иностранцев-протестантов, которых было много в командовании Сибирского корпуса и Омской крепости. В церковный совет входили в 1890 г. Степной генерал-губернатор М.А. Таубе, городской голова – Э.И. Эзет, позднее генерал-губернатор Е.О. Шмидт, генерал Лассениус и другие. Эдуард Эзет, будучи еще совсем не старым человеком, умер, как тогда говорили «от паралича» 1 января 1892 года в Омске, был отпет в Лютеранской кирхе и похоронен на иноверческом участке Казачьего кладбища. Могила до наших дней не сохранилась.

¹ГИАОО Ф.3. Оп. 8. Д.13241. ЛЛ. 364-377

²ГИАОО Ф.3. Оп. 8. Д.13241. ЛЛ. 364-377

³Позднее ул. Рабкоровской, ушедшей под снос в районе магазинов «Голубой огонек» и «Радость»

Уже после скорпостижной смерти архитектора младшая дочь Елизавета вышла замуж за известного омского врача, социал-демократа, впоследствии депутата I Государственной Думы Владимира Ивановича Ишерского (1872 – 1942). В семье Ишерских было трое детей – Елена, Елизавета и Владимир. Именно потомки Ишерского сохранили в своём семейном архиве уникальные документы, переданные правнучкой Эзета Еленой Владимировной Белобородовой в 1998 г. в ОГИК Музей⁴. Кроме коллекции Садиловых-Эзет-Ишерских в фотофонде ОГИК Музея хранится большеформатное фото гласных Омской городской думы, с интерьерами зала заседаний и портретом Э.И. Эзета в цепи и регалиях городского головы. Фото было сделано И.Е. Кесслером, одним из первых омских профессиональных фотографов⁵.

Во главе Города (1883-1891)

По городской реформе 1870 г. распорядительные функции в городе возлагались на думу, исполнительные – на управу, которые возглавлял выбранный думой городской голова; именно он являлся ключевой фигурой тогдашнего «городского общественного управления». В соответствии с замыслом законодателя, поскольку самоуправление предназначалось исключительно для городских сословий, поначалу эту должность занимали гильдейские купцы (их в Омске до самого упразднения гильдий всегда было немного). С 1870 года акцент избирательного ценза сместился в сторону более демократических слоёв – «разных чинов». Должность главы города вначале занимали военные (вышедшие в отставку), каковых в Омске было большинство, это были либо преподаватель Военной гимназии (кадетского корпуса) Фёдор Чернавин (занимал эту должность в 1873 -1879 гг.), либо отставные генерал-майоры Василий Маслов (1879-1883) и Фёдор Старков (1892-1893). Особенностью смены главы города в Омске всегда было наличие фигур, временно занимавших этот пост, или, как тогда говорили «исправляющих должность».

Правда все эти люди были (в отличие от времён нынешних) неординарные, оставившие глубокий след во многих сферах деятельности, профессиональной и общественной. Особняком стоит фигура известного и далеко за пределами Омска городского архитектора Эдуарда Эзета (1883-1891), правда эта должность стала для него и последней, на которой он и скончался. Именно после ухода последнего всесословного городского головы Эдуарда Ивановича Эзета (1838 – 1892) С 1893 года наступило торжество чиновной гражданской бюрократии, олицетворяемой фигурой средней руки судебного чиновника Николая Петровича Остапенко, занимавшего эту должность целых 17 лет, и сменившего его почётного мирового судью Василия Александровича Морозова, при котором Омску довелось встретить 200-летний юбилей.

Омским городским головой Эдуард Иванович Эзет, долгое время исполнявший обязанности первого омского городского архитектора, стал 30 октября 1883 г. на целых 8 лет (переизбран «на второй срок» в 1887 г.). На этом посту он успешно занимался вопросами пополнения городских доходов, за время его управления они возросли с 55 до 63 тысяч рублей, а в 1887 – даже до 85 тыс. Вместе с тем архитектор также не оставлял и своих творческих занятий, участвовал в разработке проектов деревянного цирка и нескольких купеческих магазинов на будущем Любинском проспекте.

В большинстве публикаций, почему-то отмечается, что на этом посту Эзет ничего особого не достиг, поскольку был уже серьёзно болен и не всегда мог исполнять даже церемониальные функции, как например, при встрече наследника Цесаревича Николая Александровича жарким и пыльным июлем 1891 года, когда не только 53-х летний лёгочник и гипертоник Эзет, но и 23-х летний Цесаревич (судя по его дневнику) чувствовал себя весьма неважно. Конечно, на фоне экспоненциального роста Омска, связанного с железной дорогой 1880-е годы могут показаться невыразительными. Однако основа была заложена именно тогда: при генерал-губернаторах Н.Г. Казнакове, Г.А. Колпаковском, городском голове Эзете.

Так, например 4 декабря 1882 г. в новеньком здании женской гимназии состоялся детский вечер, который открыл серию мероприятий, посвященных 300-летию присоединения Сибири к России, а 5 декабря в зале городской Думы состоялось собрание городского Общественного правления с присутствием всех высших чинов Степного края, посвященное 300-летию присоединения Сибири к России и 100-летию объявления Омска городом, заложив традицию будущих юбилеев

В 1883 г. Думой произведен отвод земли под посадки деревьев и кустарников в Загородной роще⁶, в Ильинском и Любинском скверах. 17 января 1886 г. на заседании Городской думы рассматривались вопросы о ремонте деревянного Ильинского моста через Омь (впервые после 1868 г.) на городские средства и об организации в городе ночной стражи. 27 января 1886 г. было высочайше утверждено положение Государственного Совета «Об источнике на содержание Городского Полицейского Управления в городе Омске»: производимый казною расход в 2.600 руб. обратить, постепенно, на средства г. Омска. 18 марта 1886 г. состоялось

⁴Любушкина М. А. Коллекция Э. И. Эзета в фондах ОГИК музея // Изв. Ом. гос. ист.-краевед. музея. – 1999. – № 7. – С. 56-58

⁵ОГИК Музей. ОМК 4071

⁶Ныне Старо-Загородной роще)

эпохальное событие: заседание Городской думы, на котором был заслушан указ Сената о присоединении казачьего форштадта к городу Омску! Дума поручила Городской управе, которую возглавлял Эзет объявить через городскую полицию об изъятии Казачьего форштадта из земель казачьего сословия и причисление его территории к городской и о введении в действие в Казачьем форштадте Городового положения. В 1887 году, уже на «втором сроке» Эзета, в Омске открыл отделение Государственный банк. 14 марта 1890 в омской городской думе было постановлено учредить на городские средства должность санитарного врача, а 24 марта 1890 в Омске учреждена казенная палата для заведывания финансовым управлением в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях.

Особым образом надо отметить общественную и благотворительную деятельность в Омске этого периода, в которой Эзет, как городской голова принимал активное участие. 11 октября 1883 омскими врачами основано Омское медицинское общество, 30 ноября 1886 в Общественном собрании состоялось первое заседание Омского драматического общества, а 20 июля 1886 Омское мещанское общество провело молебен в церкви Св. Ильи Пророка по случаю совершеннолетия Цесаревича Николая Александровича. Сам Эзет с 1885 года действительный член ЗСОИРГО, а ещё помимо профессиональных обязанностей с 1868 года Эзет «директор Омского тюремного отделения» попечительного общества о тюрьмах С 1885 г. Эзет –.

Неустанно заботился Эзет и об образовании горожан, особенно женщин, ведь не случайно основные построенные им знаковые здания – именно учебные заведения. По его инициативе в Омске было открыто несколько приходских школ и учреждена бесплатная народная библиотека. Особое внимание Эзет уделял Обществу попечения о начальном образовании в г. Омске: Устав Омского общества попечения о начальном образовании был утвержден 16 августа 1883 г. управляющим Министерством внутренних дел И. Н. Дурново. Цели данного общества были определены как содействие материальными средствами городским приходским училищам, помощь бедным и способным ученикам в учебе в училищах и затем в средних учебных заведениях, помощь учителям и лицам, содержавшим частные начальные школы. Девиз – «Да поставит себе каждый из нас в числе первых забот и заботу о школе». В обществе мог состоять каждый, ежегодно уплачивавший взнос в один рубль, и при этом он становился его членом; занимавшийся более широкой деятельностью становился членом-ревнителем. Имевшим особые заслуги перед обществом на общем собрании присваивали звание почетных членов. Взносы почетных членов составляли неприкосновенный капитал. Собирались и денежные пожертвования. Подчинялось общество директору народного училища и городскому голове; разрешалось устраивать публичные лекции, спектакли, концерты, литературные вечера и маскарады, и эти мероприятия общество широко применяло в своей деятельности.

В 1890 г. общество насчитывало 535 членов (почетных – 13, ревнителей – 6). В числе почетных членов значились бывший Степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский, вице-губернатор А. И. Дмитриев-Мамонов, директор Омской учительской семинарии М. А. Водяников, омский городской голова Э. И. Эзет, преподаватель К. В. Ельницкий, П. В. Вологодский, многие известные предприниматели и купцы Омска. Совет общества собирался на заседания еженедельно или ежемесячно, все члены – один раз в год для заслушивания отчета и выборов правления. Для укрепления материального положения общества его членам раздавались книжки для сбора денег и пожертвований. Активно общество стало заниматься образовательной деятельностью, долгие годы испытывая недостаток средств. Так, 25 мая 1886 попечительница женских начальных училищ М.А. Эзет устроила благотворительный любительский спектакль в пользу Общества попечения о начальном образовании в г. Омске, для устройства библиотек в Омских женских начальных школах.

В 1889 г. была открыта публичная библиотека с читальней, она помещалась в переданном городом обществу здании. В 1890 г. в ее фондах было 1 197 наименований. В 1892 г. библиотека общества была преобразована в общественную городскую, прежняя библиотека общества стала ее отделом. При библиотеке был создан педагогический отдел, основу которого составили книги, переданные К. В. Ельницким. Всего в 1892 г. было пожертвовано 790 книг, но книг не хватало. Существовал и книжный склад, из которого книги продавались населению в здании общественной библиотеки. Эта общественная библиотека-читальня, считается предшественницей пушкинской библиотеки, кто знает если бы не преждевременная смерть Эзета, может быть «пушкинка» возникла бы на десятилетие раньше!

Омск исторический: рождение нового стиля

Но всё-таки главная заслуга Эзета перед Городом – его служба в 1863-1878 гг. в качестве Омского городского архитектора, с 1866 г. также архитектора Сибирской военной гимназии (кадетского корпуса), исполнение обязанностей войскового архитектора Сибирского казачьего войска (1865–1869), частных архитектурных заказов. Осуществлённые Эзетом проекты общественных и частновладельческих зданий во многом определяют облик исторического центра Омска до сегодняшнего дня.

Об Омске дореволюционном часто говорят с пренебрежением. Эпитеты «грязный», «захолустный», «пыльный», «чиновничий» сопровождают почти каждый отзыв о нем. Город был застроен частными городскими домами, в первые полтора столетия своей истории почти исключительно деревянными, и немногочисленными каменными общественными зданиями из обожжённого и оштукатуренного кирпича. В 1877 году статистики в рамках переписи населения насчитали в Омске на 24 тыс. жителей более 3 тыс. частных домов, из них только 74 каменных и 29 смешанных, в том числе 110 двух- и трёхэтажных. Среди

Любинский проспект

жителей Омска середины XIX в. большинство были или служилое население с пенсионерами, или купцы с ограниченным штатом приказчиков, или мещане и казаки, занимавшиеся разными промыслами. Значительную часть жителей и в самом деле составляли чиновники и военные, и Омск действительно долгое время был малоблагоустроенным и тихим городком. Во главе омской архитектуры Эзет столкнулся с известными проблемами: не было денег на особые технические новинки, необычные инженерные и архитектурные решения, на так называемое украшательство.

По проектам Эзета в Омске выстроен ряд зданий в стиле неоренессанса и поздней эклектики: Первая мужская гимназия на ул. Тарской (1876, перестроено; ныне – ИПКРО) пристройка – самый длинный фасад в Омске – к зданию Кадетского корпуса (1877 – 1879), здание Первой женской гимназии почетных граждан Поповых (1879 – 1882; общество «Знание»), Центральная фельдшерская школа (1882-83; ныне – Областная прокуратура), ряд особняков восточной стороны Любинского проспекта. Кроме того, Эзет выстроил ряд деревянных зданий, до наших дней не сохранившихся: старое здание Учительской семинарии (1876; угол Семинарской и Никольского проспекта возле Казачьего рынка; здание городского театра на эспланаде Крепости (1874; сгорело в мае 1877 года). Эзету принадлежат также общий проект застройки крепостной эспланады – свободного пространства вокруг Омской крепости на расстоянии выстрела, которую упразднили в 1864 г. Она простиралась до Александровской (Интернациональной) улицы и Второго Взвоза (Гагарина). План ее застройки который им же и начал реализовываться с начала 1870-х гг.

В начале в качестве городского архитектора Эзет осуществлял надзор за строительством в 1865 – 1870 по проекту архитекторов Ф.Ф. Вагнера и К.А. Лазарева Крестовоздвиженской церкви. Из копии «Акта» освидетельствования нового храма мы узнаем, что по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири оно осуществлялось 29 мая 1870 года чиновником особых поручений Главного управления Западной Сибири архитектором Ф. Ф. Вагнером и акмолинским областным архитектором надворным советником В. К. Гейде в присутствии благочинного городских церквей протоиерея А. И. Корнильева, полицмейстера

Кадетский корпус

А. Иванова, омского городского архитектора Э. И. Эзета и омского городского головы Е. А. Терехова.

В эти же годы он участвовал в исправлении зданий Омского уездного училища. В 1870–1880-е годы по его проекту возводятся здания учительской семинарии, технического училища, первой мужской гимназии (сейчас – ул. Тарская, 2, здание Института развития образования Омской области), первой женской гимназии почетных граждан Поповых (ул. Ленина, 10), спального и учебного корпусов кадетского корпуса, фельдшерской школы.

Одно из крупнейших сооружений Э.И. Эзета 1870-х годов – спальня

и учебный корпуса Сибирской военной гимназии (Кадетского корпуса), пристроенные к ранее существовавшему зданию. В те же годы Эзет приступил к проектированию двухэтажного каменного здания мужской гимназии. Вслед за мужской гимназией архитектор получил заказ на проект женской гимназии почетных граждан Поповых с женским пансионом при ней (1879-1882 г.). Тогда же он работает над зданием фельдшерской школы (1883 г., сейчас здание областной прокуратуры на ул. Тарская).

Формирование Любинского проспекта началось в середине XIX века, в результате проектируемых вокруг Омской крепости жилых посадских кварталов – форштадтов. Единственная дорога, соединявшая обе части города через реку Омь пролегла вдоль городского базара и Любинской рощи, откуда и пошло второе название проспекта, ставшего в последствии его основным названием. Пространство между рощей и базаром решением Городской Думы в 1869 году было предоставлено городу для постройки домов и торговых помещений. Эдуардом Ивановичем Эзетом в 1870 году был составлен проект застройки крепостной эспланады, частью которой и стал Любинский проспект.

Восточная сторона проспекта вначале была застроена двухэтажными зданиями частных купеческих магазинов. Например, дом купца Волкова на Любинском проспекте. автором проекта которого был предположительно Э.И. Эзет. Дом Герасима Козьмина -двухэтажный кирпичный дом на углу Чернавинского проспекта и улицы Вагинской (ныне ул. Ленина, 21) был построен в 1879-80 гг. омским купцом 2-й гильдии Герасимом Козьминым (1837-1890). После смерти отца Дмитрия, тюкалинского купца, он вложил свою долю наследства в строительство нового торгового дома на застраиваемом Чернавинском проспекте. В 1878 г. он приобрёл участок земли «против Любиной рощи» размером 22 на 22 сажени под постройку дома. Предположительно автором проекта стал также городской архитектор Э.И. Эзет. К 1880 г. дом был возведён. После смерти Герасима Дмитриевича в 1890 г. по его завещанию дом перешел в собственность Александры (по мужу Иовлевой). Однако за вдовой, Натальей Васильевной Козьминой (урожденной Серебренниковой), сохранилось право пожизненного проживания в доме.

Следует отметить, что здание **первого омского театра** было сооружено в 1874 году тоже по проекту Эдуарда Ивановича, только вот пожар не пощадил постройки. В марте 1872 в Омске открыта благотворительная подписка на постройку нового здания театра. А уже 5 сентября 1874 был дан первый любительский спектакль во вновь построенном деревянном здании театра на эспланаде крепости, построенном по проекту архитектора Э.И. Эзета. В 1875 Омская городская дума приняла решение о передаче дирекции театра права заведывания им. Хотя здание театра сгорело в мае 1877 года, омский театр драмы отсчитывает от него свои театральные сезоны.

В том же 1874 году, 2 сентября на привычном нам и сегодня месте состоялось освящение вновь построенного здания Омского военного госпиталя, а в 1875 году Э.И.Эзет на ул.Тобольской (ул.Орджоникидзе) строит дом для благотворительного общества... 29 августа 1876 г. состоялось освящение нового здания Омской городской больницы. 1 октября 1876 было завершено строительство здания для учительской семинарии на углу Никольского проспекта (ул. Красных Зорь) и Семинарской улицы (ул. Жукова). (До сегодняшних дней здание не сохранилось, окончательно снесено в 1997 г.). 29.06.1884 при Омской учительской семинарии состоялась закладка здания для аудитории народных чтений.

Всё же любимым детищем Эзета, наиболее полно раскрывающим и сегодня его представления об архитектурном стиле стало здание **первой Омской женской гимназии почётных граждан Поповых**, называвшуюся так поскольку главным источником содержания учебного заведения служили проценты с хранившегося в Томском общественном банке капитала семейства золотопромышленников Поповых.

21 апреля 1863 Сенат утвердил Положение Сибирского комитета «Об учреждении женских гимназий в Томске и Омске». Первую женскую гимназию ещё именовали гимназией почетных граждан Поповых за их благотворительность – главным источником содержания учебного заведения служили проценты с хранившегося в Томском общественном банке капитала семейства золотопромышленников Поповых. Поэтому в вестибюле гимназии висели их портреты, написанные преподавателем рисования художником Н.К. Молочниковым. Сначала она занимала непригодные для учебного

Здание мужской гимназии, построенное в 1876 году (ныне Институт развития образования Омской области, ул. Тарская, 2)

процесса помещения. В 1870 г. гимназия получила временное здание, построенное по проекту Э. И. Эзета, но к моменту окончания строительства оно стало уже тесным, поэтому к нему была сделана пристройка к приюту «Надежда».

Первоначально гимназия находилась в перестроенном Эзетом здании **приюта «Надежда»** – первое в Омске гражданское учебно-воспитательное заведение, дающее начальное образование для девочек, – появилось лишь в середине XIX в. В 1858 г. в Омске на средства сибирского предпринимателя А. Ф. Поклевского-Козелло было построено каменное двухэтажное здание, в котором 22 июля 1858 г., был открыт детский приют «Надежда» и при нём мещанская девичья школа. Позднее, в октябре 1861 г., мещанская девичья школа согласно «Положению о женских училищах Министерства народного просвещения» от 10 мая 1860 г. была преобразована в женское училище 2-го разряда. С 1863 по 1882 здесь размещалась женская гимназия, после перестройки здания Эзетом в 1870 г. 12 декабря 1882 было учреждено Омское императора Александра III низшее механико-техническое училище, которое и получило это здание «по наследству». Позднее в нём находилось управление железной дороги (до начала 1900-х), Политехнический институт (в 1917 -1919), он же Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности; далее до 1972 г. Омское речное училище.

Когда помещение гимназии перестало отвечать гигиеническим нормам, попечительский совет принял решение о строительстве нового здания, которое было рассчитано на 500-600 учениц. Почти все необходимые средства были собраны за счет благотворительности. Для строительства здания Городской думой было безвозмездно выделено лучшее место в городе «на горе» и выделено из бюджета 6 тысяч рублей. Это было знаковое место, начинавшее формировать одновременно и ансамбль Базарной площади и задавать тон будущему Любинскому проспекту, представлявшему собой в то время нагромождение лачуг вдоль пыльной дороги.

Здание заложили 30 августа 1879 года. Используя частные пожертвования, строительство завершили 30 августа 1882 года. На фото мы видим здание гимназии в лесах, близкое к завершению весной 1882 года. Здание весьма удачно было размещено – на возвышении, как бы продолжая линию Любинского проспекта, находясь к нему под углом. Следует отметить, что к моменту завершения строительства гимназии Любинского проспекта как такового еще не было, поэтому здание гимназии, развернутое к нему лицевым фасадом, да еще и на значительном возвышении, смотрелось внушительно и эффектно.

Отделка фасадов двухэтажного кирпичного корпуса гимназии отличается хорошей прорисовкой и точностью деталей. Классические элементы фасада сочетаются с мотивами древнерусского зодчества. Двухэтажное здание гимназии было построено из кирпича и акцентировано двумя боковыми и центральными ризалитами. Боковые ризалиты украшены аттиком с фронтонами треугольной формы и пилястрами дорического ордера. При проектировании здания Э. И. Эзетом были предусмотрены большой актовый зал, впоследствии ставший любимым местом отдыха учениц на переменах, а в учебное время служивший местом проведения уроков гимнастики и танцев, удобные классные комнаты, библиотека, физический кабинет.

В 1884 году в гимназии учредили церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, которая располагалась на втором этаже центрального ризалита, увенчанного крестом. Вероятно, поэтому здание расположено по оси Север-Юг. Поднимаясь по парадной лестнице, верующие попадали в церковь с запада, что соответствует православным канонам. Эзет как художник – автор эскиза иконостаса гимназической церкви (1884, исп. мастер Хмелевский). В женской гимназии в 1882 г. начал преподавательскую деятельность известный ботаник и краевед М.М. Сиязов (1858-1914).

В 1883 Эзетом рядом, вдоль улицы было построено здание Александровского пансиона для девушек; позднее (к 1905 г.) оно было соединено с основным зданием крытым переходом (впоследствии – 2-х этажным). Здание получилось не менее изящным, с петербургскими мотивами. После революции в здании находился аграрно-педагогический техникум. Во время Великой Отечественной войны помещение занял эвакуационный госпиталь, где в 1941-1942 годах работал выдающийся нейрохирург Н.Н. Бурденко. Затем на первом этаже работал кинотеатр «Хроника». Здесь же находилась редакция газеты «Молодой сибиряк», а второй этаж занимал отдел политпросвещения обкома КПСС. Долгие годы здание занимали лекторий общества «Знание» и управление «Омскглавнаба», офис Российского фонда культуры в Омске. Нарядный комплекс зданий по-прежнему считается жемчужиной омской архитектуры XIX века.

Первая Мужская гимназия была построена по проекту архитектора Эдуарда Ивановича Эзета в 1876 году. 23 декабря 1875 по инициативе Западно-Сибирского генерал-губернатора Н.Г. Казнакова Сенатом утверждено предложение Министерства народного просвещения «Об учреждении мужской гимназии в Омске». И 26 августа 1876 была открыта первая в Омске мужская гимназия. В течение трех лет гимназия располагалась на верхнем этаже здания бывшей суконной войсковой фабрики (арх. Гассельман), после чего на эспланаде у бывших Тарских крепостных ворот Э.И. Эзетом было построено собственное кирпичное здание с садом и площадкой для игр в 480 кв. м. Фасад двухэтажного корпуса имеет отчетливо выраженное центрально-осевое построение и завершается треугольным профилированным фронтоном. Здание бывшей гимназии (ул.

Здание женской гимназии, построенное в 1882 году (ныне торгово-офисное здание, ул. Ленина, 10)

в гимназии обучалось 175 учеников. Из стен Первой мужской гимназии вышли многие известные деятели культуры, науки и политики – поэт Л.Н. Мартынов, композитор В.Я. Шебалин, писатель А.С. Сорокин, революционер, публицист, историк и дипломат И.М. Майский, геолог М.А. Усов. В советское время в здании размещалась общеобразовательная школа № 19 им. Ленина. В 1930-е годы школа реконструировалась с целью увеличения учебных площадей, был надстроен третий этаж.

В связи с постройкой нового корпуса школы № 19, историческое здание занял Институт усовершенствования учителей (Институт развития образования Омской области).

Ещё в 1852 г. для комплектования Сибирского казачьего войска медицинскими и аптечными фельдшерами в Омске была учреждена фельдшерская школа при военном госпитале. Это было первое медицинское учебное заведение от Урала до Тихого океана. Таким образом, при Омском госпитале утверждался особый курс для обучения фельдшеров. В 1878 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков обратился с ходатайством к царю о расширении школы. Ответ пришёл положительный: «30 марта 1878 года, Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета разрешено устроить в г. Омске Центральную для Западной Сибири фельдшерскую школу на 100 учеников с постройкой собственного здания». Пока шло строительство здания, занятия проводились в госпитале. В это же время при госпитале были созданы повивальная школа и женское отделение. 9 июня 1879 Военным министром утверждено «Положение о войсковой военно-фельдшерской школе Сибирского казачьего войска». В 1883 г. на всё той же эспланаде, на углу ул. Тарской и Казнаковской (Ленина) по проекту Э. И. Эзета в стиле эклектики было построено здание **Центральной фельдшерской школы**. В нём были классные комнаты, столовая с кухней, спальни и другие подсобные помещения. При школе были построены флигеля для проживания директора, воспитателя и смотрителя. Попечителем школы состоял генерал-губернатор. Общий надзор за школой возлагался на Акмолинского губернатора. Директором, который назначался из врачей, был сформирован педагогический коллектив из опытных врачей и учителей. Число воспитанников достигло 97 штатных «пансионеров» и 10-30 поступающих частным способом. Позднее, в 1920-е гг. здесь располагался Дом крестьянина, мы его знаем сегодня как здание областной прокуратуры, элегантно дополненное пристройкой в начале 2000-х, сохранившей идеи Эзета.

Центральная фельдшерская школа, построенная в 1883 году (ныне Областная прокуратура, ул. Ленина, 1)

Здание Сибирского (Омского) кадетского корпуса – одно из наиболее монументальных городских строений первой половины XIX в. В мае 1813 г. по инициативе командира отдельного Сибирского корпуса Г. И. Глазенапа в Омске было открыто первое военно-учебное заведение Сибири – Войсковое казачье училище. Весной 1826 г. генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич предложил войсковому начальству уступить училищу только что сооружённое здание Войсковой канцелярии на Атаманской улице (ул. Ленина, 26).

Тарская, 2) поставлено на охрану, как памятник архитектуры. В 1900-е был пристроен дополнительный объём, искаживший осевую симметрию Эзета. По центру гимназии, на втором этаже под фронтоном размещалась гимназическая церковь Св. Благоверного Князя Александра Невского

Гимназия давала хорошее гуманитарное образование и считалась классической, поэтому по уставу 1864 года гимназисты изучали, кроме иностранного языка по выбору, ещё и два древних языка – латинский и греческий, русский язык, историю, географию и Закон Божий. В 1881 году

Однако к 1870-м годам возникла необходимость расширения здания корпуса. Одно из лучших и крупнейших сооружений Эзета – **спальный и учебный корпуса Сибирской военной гимназии**. С ростом численности учащихся появилась потребность в новых помещениях, и в 1873-1879 гг. с северной стороны (справа) пристроили трёхэтажный объём, вытянутый вглубь участка. Проект разработал городской архитектор Э. И. Эзет. В 1882 г. к зданию, опять же с северной стороны, но теперь в одну линию с фасадом, пристроили протяжённостью в 31 оконный проём трёхэтажный учебный корпус, спроектированный тем же архитектором, но по высоте ниже предыдущего. Два массивных объёма были возведены перпендикулярно друг другу. Они образовывали сплошную стеновую поверхность, которая включала в себя боковой фасад одного корпуса и главный – другого. Фасады пристройки выдержаны в тех же классических формах, что и центральный фасад. Теперь фасад нового архитектурного комплекса стал самым протяжённым в г. Омске и первоначальный корпус с колоннами превратился в его крайнее левое крыло. Уже в советское время, в 1967 г., эту несимметричность устранили, застроив промежуток вдоль ул. Ленина, слева от первого корпуса (1826) до здания штаба (1914), расположенного на углу ул. Короленко. Во время последней реконструкции начала XXI в. ложный фасад спорткомплекса был стилизован под эклектику. Получившийся архитектурный ансамбль занял целый квартал длиной более 200 м. Посетившая в июле 1885 «сибирская экспедиция» в составе американского журналиста-правозащитника и писателя-путешественника Джорджа Кеннана и художника Г.А.Фроста (уже в бытность Эзетом городским головой) назвала его самым большим и заслуживающим внимания зданием города.

Ряд проектов Эзета остались нереализованными, особенно после бурного десятилетия 1873-1883 гг., на которое приходится его основные творения. 20 января 1876 на заседании городской думы рассматривался вопрос об устройстве в Омске университета. Дума постановила: поручить городскому голове (Чернавину) ходатайствовать об устройстве в Омске университета. В итоге университет в 1878 г. Государственный Совет учреждает в Томске, а возможная жемчужина Эзета – проект зданий для Сибирского университета в Омске, разработанный архитектором по распоряжению Н. Г. Казнакова остаётся невостребованным. О существовании этого проекта упоминает в своих воспоминаниях Василий Маркович Флоринский (1834-1899) – профессор Военно-медицинской академии в Петербурге, затем Казанского университета, устроитель Томского университета⁷.

В 1885 году Эзет принимал участие в обсуждении вопроса о возведении Успенского кафедрального собора в Омске. По сведениям историка-краеведа А.М. Лосунова, именно Эзет «забраковал» уже имеющийся проект по расширению Воскресенского крепостного храма, составленный профессором архитектуры Гриммом, и убедил членов Особого Комитета в том, что расширение Воскресенского собора не приведет к желаемым результатам. По его мнению, рано или поздно в Омске будет открыта Епископская кафедра и расширение старого собора не решит проблему, а на сумму в 58 тысяч рублей можно построить новый храм, который бы вмещал в себя две тысячи человек.

Классические образцы общественных зданий Эзета, построенных специально для нашего Города, заслуженно признаны памятниками архитектуры эпохи эклектики. Творческое наследие Эзета имеет огромное значение для формирования архитектурного облика Омска и изучено ещё далеко не полностью. Сохранение памяти о выдающемся архитекторе Омска и его творчестве, исправление ошибок (в том числе на мемориальных досках) является важной задачей для всех людей, неравнодушных к нашей истории.

Источники и литература:

Формулярный список о службе омского городского архитектора коллежского асессора Эзета, июнь 1877 г. // ГИАОО Ф.3. Оп. 8. Д.13241. ЛЛ. 364-377; Там же Ф.3. Оп. 10. Д.17051.

Флоринский В. М. Заметки и воспоминания (1875-1880) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / [сост.: С. Ф. Фоминых и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – С. 14-229, 48

Областной попечительный о тюрьмах комитет // Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. (год первый) / сост. И.А. Козлов. – Омск, 1887. – С. 4-5

Состоящее по высочайшим ея императорского величества Государыни императрицы покровительством, Общество спасения на водах // Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. (год первый) / сост. И.А. Козлов. – Омск, 1887. – С.18

Западно-Сибирское окружное управление российского общества «Красного Креста» // Там же
Местные известия //Акмолинские обл. ведомости (Омск.)-1892.-7 янв.; Там же – 1883 – 8 ноября;

⁷Флоринский В. М. Заметки и воспоминания (1875-1880) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / [сост.: С. Ф. Фоминых и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – С., 48

* * *

- 1000 знаменательных событий из истории г. Омска (1716-1996) – Омск, 1996. – №№ 257, 269, 301, 314, 327; Архитектор Эдуард Иванович Эзет // Архитектура и стр-во Ом. обл. – 2004. – № 5 (авг.). – С. 26-27: портр.
- Гуменюк А.Н. Архитектор Эзет: предожение нового стиля // Памятники истории и культуры Омской области. – Омск, 1995. – С.
- Гуменюк А. Н. Рощи и сады Омска в проекте архитектора Э. И. Эзета 1869 года // Сибирский сад – территория мечты. – Омск, 2004. – С. 89-91: ил.
- Гуменюк А. Н. «Активный строитель Омска» // Культура Омского Прииртышья: театр, музыка, изобразительное искусство : хрестоматия / Ин-т развития образования Ом. обл. – Омск : ГОУДПО «ИРОО», 2007. – С. 15-16.
- Гуменюк А. Н. Эзет Эдуард (Евграф) Иванович (1838, г. Санкт-Петербург – 01.01.1892, Омск) // Эклектика в архитектуре Омска второй половины XIX – начала XX веков : [монография]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2011. – С. 82-83
- Гуменюк А. Н. Зодчие малых городов Западной Сибири XVIII – начала XX вв. К словарю архитекторов и инженеров Тобольской и Томской губерний / А. Н. Гуменюк, И. В. Леликов // Омский научный вестник. – 2014. – № 3 (129). – С. 226-234
- Девятьярова И. Г. Эзет Эдуард Иванович / И. Г. Девятьярова, А. В. Жук // Омский некрополь. – Омск, 2005. – С. 102: портр.
- Краткие сведения об инженерах и архитекторах, работавших в Омске или проектировавших для города в XVIII – первой четверти XX века // Поэзия знакомого ландшафта: Ом. архитектура конца XVIII – начала XXI века / [фотохудож. В.Ф. Кудринский ; ред.-сост. и авт. текста И.Г. Девятьярова]. – Омск: ЛЕО, 2004. – С. 226-230
- Лебедева Н. И. Лютеранская община и кирха во имя святой Екатерины в Омске // Лютеране в Сибири : сб. науч. тр. – Омск : [Изд-во ОмГТУ], 2000. – С. 78-80
- Лосунов А. Он оставил след, заметный для потомков: [архитектор Э. И. Эзет] // Аргументы и факты. – 2006. – Февр. (№ 6). – Прил.: с. 19: ил. – (Аргументы и факты в Омске; № 6).
- Лосунов А. Эдуард Эзет – градостроитель и градоначальник // Nota bene. Особое внимание [Омск]. – 2011. – N 11 (22 марта). – С. 50-53: ил., портр.
- Любушкина М. А. Коллекция Э. И. Эзета в фондах ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. – 1999. – № 7. – С. 56-58: портр.
- Пугачева Н. М. Эзет Эдуард Иванович // Омский историко-краеведческий словарь / П. П. Вибе, А. П. Михеев, Н. М. Пугачева. – М., 1994. – С. 307-308.
- Сорокин А. П. Материалы к биографиям глав местного самоуправления в городе Омске во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. – Омск. – 2006. – N 12. – С. 88-106: портр., ил.
- Шихатов И. Он создавал Любинский проспект: [Э. И. Эзет] // Третья столица [Омск]. – 2006. – 3 авг. (№ 34). – С. 21: портр., ил.
- Эзет Эдуард (Евграф) Иванович // Глебов Ю. Я. Власть города Омска: история и современность / Ю. Я. Глебов, Г. А. Павлов, П. Л. Шевченко. – Омск, 2006. – С. 32-35: портр., ил.
- Эзет Эдуард (Евграф) Иванович (1838, под Петергофом – 01.01.1892, Омск) // Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель художников, искусствоведов, специалистов по музейному делу, исследователей, художников-педагогов, коллекционеров, меценатов, общественных и государственных деятелей / [авт.-сост. В. Ф. Чирков]. – Тобольск. – 2014. – Т. 2. – С. 1421-1422

* * *

- Кесслер И. Е. Э. И. Эзет: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII – нач. XX вв.: ил. хроника событий. – Омск: ЛЕО, 2000. – С. 88.
- Спориус Э. Александра Максимовна Эзет – супруга Э.И. Эзета. [Фот.] // Старый Омск : нач. XVIII – нач. XX вв. – Омск: ЛЕО, 2000. – С. 229
- Иван Эдуардович Эзет в своем доме. [Фот.] Александра Максимовна Эзет за чтением. Александра Максимовна Эзет за работой. Нач. XX в. Александра Максимовна Эзет с детьми в пролетке около своего дома. 2-я пол. XIX в. // Старый Омск : нач. XVIII – нач. XX вв. – Омск: ЛЕО, 2000. – С. 259, 265-266
- Первая мужская классическая гимназия, 1896. Архитектор Э. И. Эзет: [фот.] // Миненко Н. А. Омск в панораме веков / Н. А. Миненко, С. В. Фёдоров. – Омск, 1999. – С. 195.

История семьи и кондитерской Иордана

Филипп Леонтьевич (Людвигович) Иордан, омский предприниматель, имеющий кондитерское производство в Омске, избравшийся в Омскую городскую думу, член ремесленной комиссии.

В Омск семья Иордан прибыла в 1888 году. Филипп вместе с женой Юлией (урожд. Бест), братом Иоганном, сестрой Амалией и 10 детьми работали у известного омского купца Георгия Иоакимовича Терехова. Позже семья Иордан основала своё собственное производство. Их кондитерская лавка располагалась в самом начале улицы Тобольской (Орджоникидзе) и быстро обрела постоянных покупателей, сначала в лице воспитанников расположенного по соседству Ольгинского приюта, а потом и горожан; хлебобулочные и кондитерские изделия также поставлялись в кадетский корпус, военный госпиталь, две женские гимназии и сельскохозяйственное училище. Производство расширялось, и в 1916 году Семья Иордан переселилась в новый двухэтажный каменный особняк на улице Орджоникидзе (Тобольской), 38. На первом этаже построенного дома размещалась кондитерская, а на втором находились жилые помещения, которые занимал владелец и члены его семьи.

Здание было построено в стиле «модерн». Ажурная металлическая решетка на балконе дома и ограждения внутренней лестницы, ведущей на второй этаж, выполнены мастером К. В. Куликовым. На рубеже XIX - XX вв. в строительстве домов обильно применяли орнаментальный декор. В доме Иордана лестничные площадки украшены цветной мозаичной плиткой, имитирующей ковровую дорожку. Потолочные розетки с затейливыми изгибающимися формами, округлость перехода стен в потолок – всё говорит о новых художественных приёмах, включающих в себя прогрессивные достижения предшествующих времён. Дом даже в то время, когда особняки строили многие купцы, был уникальным не только для Омска. Продукция кондитерской «Иордан» славилась высоким качеством и красивым внешним видом.

Ф.Л. Иордан, 1850-1923 гг.

Дом Иордана (улица Орджоникидзе, 38)

Пётр, старший сын, художник, занимался оформлением кондитерских изделий, расписывая их узорами из тянущейся карамельной массы. Николай и Михаил были булочниками в кондитерской. Дочь Елизавета (в замужестве Вышпольская) работала кассиром в магазине, а сестра Лидия стирала холсты для готовой выпечки.

Имущество Филиппа Иордана национализировали вскоре после Октябрьской революции; поскольку завещания не было, дом отошёл государству. Это случилось в 1924 году. Экспроприации подверглась и семья Вышпольских, об этом подробно написано в биографической статье воронежского краеведа Владимира Невяровича, посвящённой памяти выдающегося советского спортсмена Владимира Владимировича Вышпольского (внука Филиппа):

«После установления советской власти в Омске, где проживала семья Вышпольских, в дом к «нетрудовым элементам» нагрянули с обыском чекисты. Родители Володи, Владимир Евгеньевич и Елизавета Филипповна, некоторые фамильные ценности, которыми они дорожили, прежде всего, в силу особых памятных дорогих сердцу событий и связей, незадолго до обыска успели спрятать под полом на кухню. Сверху тайника они положили коврик, на который поставили стол. Среди спрятанных вещей, в частности, были: часы, подаренные Станиславом Августом Понятовским Елене Круковской, прабабушке маленького Володи; серебряные шпоры генерала Брусилова, у которого дядя Владимира Вышпольского Михаил Филиппович Иордан служил адъютантом и некоторые другие. Были у Вышпольских и иные фамильные вещи, которыми они дорожили больше жизни. К таким предметам, в частности, относилось колечко «Маркиза» с зеленым гранатом, подаренное лично Цесаревичем Николаем (будущим Государем Императором Николаем II, святым страстотерпцем), Елизавете Филипповне Вышпольской».

Семья Иордан, 1914 г.

манды 4-го запасного пехотного полка 5-й армии, культурником клуба 45-го запасного стрелкового полка, заведующим хозяйственным клубом первого запасного стрелкового полка, а также имел делегатский билет от политического отдела 8-го запасного стрелкового полка. К сожалению, судьба пятерых братьев была нелёгкой, а то и трагичной. Николаю 04.08.1937 года УНКВД по Омской области предъявлен ордер на арест. Согласно выписке из протокола №34 заседания Тройки УНКВД Омской области от 25.10.1934 года Иордан Николай Филиппович расстрелян.

Третий сын Михаил также работал булочником. Был призван в армию, служил в 210-й дружине, затем зачислен в 43-й стрелковый полк, в составе которого выехал на фронт под Ригу, но в боях не участвовал, пёк хлеб и кормил солдат. Служил адъютантом у генерала Брусилова, за что был награждён серебряными шпорами, Орденом Св. Станислава II-й степени с мечами, Орденом Св. Анны III-й степени с мечами и бантом, Орденом Св. Станислава III-й степени с мечами и бантом. С 1930 по 1932 гг. работал на строительстве железной дороги Барнаул-Караганда.

24 января 1951 года Михаилу был предъявлен ордер на арест по обвинению на основании ст. 58.10 УК РСФСР; его приговорили к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательном праве, сроком на 3 года. Дважды Михаил просил пересмотреть его дело, и дважды ему отказывали. Только после 4 лет заключения, после смерти Сталина, с наступлением «хрущевской» оттепели, в 1956 году его освободили. Полностью реабилитирован в 1992 году.

В июне 1942 года Анатолий и Александр, дети Филиппа, и Николай, сын Николая Филипповича, были призваны в трудармию Фрунзенским РВК Киргизской ССР. Анатолий был распределен во 2-й стройотряд Бакальского трудового лагеря, где проработал около шести месяцев и умер от истощения.

Александр был распределен во 2-й, а в последующем в 8-й и первый стройотряды Бакальского трудового лагеря. Николай был призван во 2-й, а в последующем в 6-й стройотряды Бакальского трудового лагеря, демобилизован 30.09.1946 года.

В послевоенные годы Александр и Николай (окончивший театральное училище при драматическом театре по специальности актер) также занимались кондитерским производством.

Потомки знатного омского булочника и сегодня живут в Омске, Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге, Вильнюсе (Литва), США и Германии.

Кондитерской Иордана скоро исполнится 100 лет. За большой промежуток времени существования дома кондитера Иордана в нём размещались коммунальные квартиры; в 1990-х годах на втором этаже располагалась редакция газеты, лавка для садоводов.

На странице сайта «Коммерческие вести» 26 января 2017 года опубликована информация: «Министр культуры Омской области подписал приказ о предмете охраны объекта культурного наследия народов РФ регионального значения «Магазин кондитерской Иордана» на углу улиц Орджоникидзе и Рабиновича (д.38/59). Предметом охраны стали само здание (кирпичное, Г-образное, со скошенным углом и балконом с ажурным ограждением), его композиционная значимость для формирования застройки улиц Орджоникидзе и Рабиновича, конструкция и отделка стен и крыши, композиционное решение и архитектурно-художественное оформление фасадов, а также внутренние конструктивные и художественные решения лестницы, ограждения, потолков, сводов и арок».

Сегодня в доме кондитера размещены несколько заведений: магазин, торговая компания, парикмахерская, стоматология.

Словами документа

1826 г. – Августа 3. – Представление генерал-губернатора Западной Сибири П.М.Капцевича в Министерство внутренних дел на награждение и.д. начальника Омской области С.Б.Броневского

Господин министр юстиции сообщил мне Высочайшую Его Императорского Величества волю, дабы никогда порознь не представлять к наградам чиновников, но один раз в год для общего представления.

В сем году к подобному представлению время приличнейшее для награждения усердных представляет событие, содействующее собою радость и торжество каждому россиянину – священная коронация Его Императорского Величества, яко знамение благодати Всевышнего к государю и печать любви, соединяющей Всемилоостивейшего монарха с его верноподданными.

Убеждаясь сей мыслию я имею честь просить Ваше высокопревосходительство об исходатайствовании наград у Всемилоостивейшего монарха. [...]

Во-вторых, и.д. Омского областного начальника гвардии полковнику Броневскому, который также соединяя в себе звания начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса и дивизионного, требующие неусыпной деятельности по части военной, с большой ревностью занимался устройством Омской области, коей быв первым преобразователем, преодолевал все препятствия, встречаемые в сем новом ее утверждении и при значительном недостатке чиновников достиг до того, что ныне в части управления действуют по предначертанным правилам подобно прочим губерниям с таковою же деятельностью. Г-н Броневский¹ не переставал заботиться об открытии и об устройстве в Киргизской степи двух внешних округов, составляющих главную попечительность правительства, в которых личным присутствием своим с военными отрядами ввел новый порядок, на основании Устава о сибирских киргизах, а благоразумными своими действиями и сообразным с обстоятельством дела обращением умел сохранить между сим киргизским народом, любящим выше всего свободу, достоуважаемый порядок, так что уже третий год при деятельном надзоре его, г.Броневского, киргизцы в междоусобных своих грабежах и разбоях, начинают прибегать к разбору дел в приказы, а торговые пути с Бухарией² и Кашгарией³, равно и караваны, по отзывам купечества, несколько менее начинают чувствовать опасности от грабежей и притеснения, сверх того, при подрядах на сей 1826 год почтовых лошадей, сделал многотысячные понижения противу цен прежних лет и тем показал отличное усердие к сбережению сумм земского сбора, за каковые его действия, по мнению моему, заслуживает орден Св.Владимира 3-й степени.

ГИАОО. Ф.3. Оп.1. Д.561. – ЛЛ.:87-88. Пространный путевой журнал... 1826 года.

¹Броневский Семен Богданович (1786-1858) – ген.-губ. Вост. Сибири; в Сибирь прибыл подпоручиком в 1808 г. и здесь прослужил до 1857 г., когда был назначен сенатором в СПб. Еще будучи капитаном, Б. обратил на себя внимание Сперанского, который назначил его, с производством в полковники, начальником Омской области. Император Николай [I], лично узнав Б., назначил его ген.-губ. Вост. Сибири. Ряд мер и учреждений сделал памятным его имя в истории Сибири; так, он первый учредил русские колонии в сибирской степи, организовал военные силы в Вост. Сибири и т.д. В 1823 г. Б. напечатал в Москве в 2-х частях «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». – Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1992. – Т.2. – 558.

²Бухария – Бухарский эмират, эмиры поддерживали в рассматриваемый период дружественные отношения с Россией.

³Кашгария – восточный Туркестан.

Михаил Путинцев о протоиерее Стефане Яковлевиче Знаменском

К числу приснопамятных подвижников благочестия и видных деятелей на поприще служения Церкви Христовой в стране Сибирской принадлежит скончавшийся в 1876 году настоятель Воскресенского собора в гор. Омске, протоиерей Стефан Иаковлевич Знаменский. Почивший отец протоиерей был один из лучших представителей сибирского духовенства нынешнего¹ столетия, стоявший на высоте своего призвания, глубоко-уважаемый и любимый всеми, кто только знал его и имел с ним какие либо сношения: архипастыри, высшее светское начальство края, духовенство, миряне всех сословий, даже иноверцы отдавали справедливую дань уважения высоким качествам его поистине праведной души. О таких людях отрадно и назидательно вспоминать, и тем отраднее, что в наш бедный верою и благочестием век не часто встречаются такие светлые личности, какою был о. Стефан Знаменский. Предлагаем вниманию благочестивых читателей несколько сведений о жизни и подвижничестве незабвенного служителя алтаря Господня. Протоиерей Стефан Иаковлевич Знаменский – природный сибиряк, сын священника Барнаульского округа Томской губернии. Родился он в 1804 году, и богословское образование получил в Тобольской духовной семинарии, где кончил курс в 1824 году с званием

студента. В семинарии молодой Знаменский отличался добрым поведением, значительными успехами в науках и в особенности в изучении древних языков, преимущественно же еврейского, которым впоследствии владел в совершенстве, читая на нем свободно Библию без помощи словаря. Курс, к которому принадлежал о. Стефан Знаменский, был один из самых замечательных в Тобольской семинарии: человек пять из него поступили в гражданскую службу и все после занимали видные места; 24 человека вступили в духовное звание, и из них семеро были уездными протоиереями и первоприсутствующими духовных правлений, один архимандритом и почти все благочинными, – при том все они были один другого лучше по жизни, характеру, способностям, познаниям, честности и благоплодной общественной деятельности. Но о. Стефан Иаковлевич Знаменский был во всех отношениях красою своего курса, подобного которому, по отзыву компетентных в этом случае людей, но прежде, ни после никогда не было в Тобольской семинарии.

Тотчас по окончании курса и по вступлении в брак, Стефан Иаковлевич, 20-ти лет от роду, 15-го сентября 1824 года, архиепископом Тобольским Амвросием II² рукоположен во священника в гор. Барнаул. После Барнаула о. Стефан служил в городах: Кургане, Тобольске, Ялуторовске и, наконец, Омске. Заметим здесь, что только с первого на второе место служения о. Стефан перемещен по собственному желанию, а с прочих мест на другие был перемещаем по воле Тобольских архипастырей, с одной стороны для возвышения по достоинству самого перемещаемого, а с другой – для доставления вящей пользы тому месту или той должности, на которые его перемещали [...].

Кроме обязанностей приходского пастыря, о. Стефан, в продолжении пятидесятилетней службы в священном сане проходил должности: члена консистории и духовных правлений, эконома семинарии, благочинного, миссионера среди раскольников, законоучителя в уездном училище и губернской гимназии, наконец, в последние годы своей жизни, экзаменатора по Закону Божию во всех учебных заведениях г. Омска. Не говорим уже о более мелких побочных должностях, как-то: директора тюремных комитетов, члена разных комиссий и т.п., – ими испещрен послужной список покойного о. протоиерея. За усердное и полезное служение свое Церкви и обществу о. Стефан имел все награды: от набедренного до палицы, и орденов св. Анны 2-й степени с короною и св. Владимира 4-й степени, включительно. В 1839 году, тридцати лет от роду, о. Стефан архиепископом Афанасием произведен в сан протоиерея. В память его пятидесятилетнего служения в священном сане, поднесен был ему в 1874 году омским городским обществом золотой наперсный крест с украшениями. После этого краткого послужного списка о. протоиерея Знаменского, перейдем к описанию его душевных качеств и его свято-подвижнической жизни, насколько все это было доступно наблюдению нашему и всех, знавших почившего и поучавшихся его словом и примером.

[...]

В служении о. Стефан был необыкновенно благоговеем, чем и в присутствующих возбуждал невольное благоговение. Голос он имел довольно тихий, но при служении его в Омском соборе каждое слово возгласа или молитвы его слышались всем внятно и ясно. Служение им всенощных бдений и литургий в Омске не отличалось особенною продолжительностью, так как прихожане собора – люди все военные или чиновные, и если бы утомлять их продолжительными богослужениями, то они совсем перестали бы посещать церковь. Взамен этого служение о. Стефана отличалось стройностью, порядком, неспешным и внятным чтением на клиросе и прекрасным пением певчих. Все это, а в особенности благоговейное служение самого о. протоиерея, привлекало в собор массу богомольцев, во главе которых являлось лучшее просвещеннейшее общество города. Омский собор, при котором о. Стефан служил, до дня кончины своей двадцать два года, в его время имел обширный приход; поэтому после каждого богослужения ежедневно, в особенности в воскресные дни, совершалось в церкви множество треб; молебнов, панихид, крещений младенцев и т.п. Все эти требы о. Стефан совершал благоговейно, неторопливо, по уставу, и всегда приводилось ему уходить домой очень поздно.

От природы он был слабого сложения и в жизни своей не раз подвергался тяжким болезням, почему и был всегда слабый, бледный, тощий и тщедушный, и в преклонных летах так утомлялся при совершении богослужения, особенно литургии, что, по возвращении из церкви, падал в изнеможении на постель. Но отдохнув с час или полчаса, бывал готов на какую угодно службу, на всякое дело. С требою он был готов идти или ехать во всякое время дня и ночи, во всякую погоду и никогда никто не слышал от него ропота или негодования даже тогда, когда его призывали на потребу не в очередь, не в его седмицу. С одинаковым усердием и всегда поспешно отправлялся он и к богатому, и к бедному, к знатному и незнатному, пешком ли с тростью в руках, или в коляске или простой телеге. В домах же местных, например, омских высших властей о. Стефан был исполнителем треб и духовником, хотя многие из этих чиновных лиц и не принадлежали, по месту своего жительства, к соборному приходу. Во время служения своего в городах: Кургане и Ялуторовске, о. Стефан имел приходы, при которых состояло много деревень, отстоявших от города на 15, 20 и 40 верст, и ему приходилось очень часто ездить в эти деревни с требами. Впоследствии он сам рассказывал, что поездки эти крайне утомляли его. «Бывало, повествовал о. Стефан, зимою отслужишь утреню или литургию, устанешь сильно, а тут является мужичек с требою из дальней деревни, верст за 40; требы неотложная, нужно торопиться, и вот прямо из церкви садишься в сани или телегу и едешь; затрясет, закачает тебя в дороге, усталого и голодного, так что выйдешь из экипажа, то тебя во все стороны покачивает, и едва-едва войдешь в избу. После мужички сказывали мне, что, пока они не узнали,

что я в рот не беру никакого вина, видя меня покачивающимся и нетвердым на ногах, частенько думали: эх, выпил, знать, порядком наш батюшка!» При этом старец, улыбаясь, прибавлял: «вот как иногда может в народе составиться мнение о нетрезвости священника! Но это только до времени, всякое дело само себя оправдает». Входя в дома прихожан с требами, о. Стефан всегда находил случай и повод к назидательной беседе, и вот здесь то преимущественно и являлся он учителем своей паствы. Эти домашние беседы его отличались простотою и вместе с тем глубоким назиданием, растворяемые высокою христианскою и отеческою любовию к пасомым, которою непрестанно и ярко горело любвеобильное сердце доброго пастыря. В молодости своей неустанный проповедник слова Божия, о. Стефан в последние годы своей жизни редко поучал прихожан с церковной кафедры, вследствие слабого здоровья и преклонности лет. Но взамен того, как сейчас сказано, он назидал пасомых в частных беседах, в еще более учил всех примером своей строгой и благочестивой жизни.

Искреннее благочестие о. Стефана выражалось во всех его словах и действиях. Самое его лицо, и в особенности прекрасные, задумчивые глаза говорили, что это человек благочестивый и нравственно-чистый в высокой степени. Жизнь о. Стефан вел строгую, а в последние двадцать пять лет подвижническую. От мясной пищи он отказался задолго до своей кончины. Посты, в особенности Великий и Успенский, проводил в строжайшем воздержании, часто довольствуясь в день ломтем черного хлеба и двумя-тремя картофелинами. Вина не употреблял никакого почти всю свою жизнь, разве только иногда в болезни, по предписанию врачей, в качестве лекарства, и то самое малое количество и после усиленных настояний пользовавших его медиков. Любимым его напитком была чистая вода. Даже чаю и кофе вкушал он очень мало. Одежду о. Стефан носил приличную его сану, но никогда не носил богатой одежды: единственную черную атласную ряску можно было на нем видеть только в высокаторжественные дни, например, при представлениях архиерею или генерал-губернатору, а в остальное время, особенно в будни, он ходил в поношенной, но чистой, шерстяной темно-коричневой ряске. Зимой и летом всегда и всюду выходил в камилавке, несмотря на суровые сибирские морозы, и ни летней шляпы, ни зимней шапки, кажется, вовсе не имел, заменяя их, например, в дороге, в разъездах по уезду, суфейкою. Регалии надевал редко, и то по необходимости, в главнейшие высокаторжественные дни. Он, кажется, мало думал об этих регалиях. Однажды в какой то высокаторжественный день, вскоре после получения о. Стефаном ордена св. Владимира 4-й степени, он был приглашен на обед к генерал-губернатору Западной Сибири, генерал-адъютанту А.П.Хрущову. Этот благочестивый и добрейший сановник, глубоко уважавший о. Стефана и знавший о недавнем получении о. протоиереем Владимирского креста, заметил, что на этот раз старец явился без нового знака отличия. – «Отец протоиерей! Вы не по форме одеты», – сказал шутя генерал-губернатор, когда вошел к нему о. Стефан Знаменский. Скромный старец сконфузился, начал оглядывать себя со всех сторон, но никак не мог догадаться, о каком отступлении от формы говорит ему начальник края. – «А где же Ваш орден св. Владимира?», – продолжает допрашивать генерал. Тут только о. Стефан понял, в чем дело, и, низко-пренизко кланяясь и краснея, сказал: «извините, ваше высокопревосходительство, я и забыл надеть орден!» Вот как занимали смиренного старца внешние знаки отличия!.. Он поистине мог с преподобным Сергией сказать о себе: от юности моя не был златоносцем, в старости же наипаче хочу в нищете (и смирении) пребывать³.

Жизнь о. Стефан проводил вообще уединенную, кабинетную. Кроме обычных по церкви, по благочинию и по духовному правлению письменных занятий, он много читал книг духовного содержания и преимущественно св. Писание и творения св. отцев. Духовных журналов и частию газет он выписывал до пятнадцати и все это успевал внимательно перечитывать, несмотря на слабость своих телесных сил и на многосложность служебных обязанностей и трудов. Пишущему эти строки не раз доводилось, вошедши в кабинет о. протоиерея, заставить его стоящим на коленях у стула и читающим книгу. К этому коленопреклонному чтению принуждала о. Стефана тяжкая болезнь: геморрой и боль в пояснице. Быть же без чтения и вообще без умственного занятия старец не мог даже во время сильных припадков его многочисленных недугов. Посещения о. Стефаном знакомых были редки, в качестве неизбежных визитов в великие праздники. Изредка приезжал он побеседовать с покойным законоучителем Сибирского кадетского корпуса, протоиереем Александром Ивановичем Сулоцким, с которым соединяла его сердечная о Христе любовь и дружба. Но у себя в доме о. протоиерей всегда и всех принимал с любовию и радушием.

Мирские стяжания, житейские расчеты, материальные выгоды, а тем более сребролюбие, были совершенно чужды боголюбивой душе о. Стефана. За приходские требы с людей бедных он по большей части не брал никакой платы, а чтобы не возбудить на подобный образ действий ропот своего причта, он часто, отказавшись от вознаграждения за требу, вносил в братскую кружку свои собственные деньги, стараясь все это сделать по возможности тайно. Но сослуживцы его не могли этого не заметить и не один раз просили о. протоиерея, чтобы он не вкладывал в кружку своих денег, но, не стесняясь, по своему усмотрению, брал бы или не брал плату за требу, уверяя его, что они роптать на это не будут. Старец однако редко исполнял такие просьбы своих сослуживцев и продолжал поступать по своему. Состоя много лет первоприсутствующим духовных правлений и благочинным, о. Знаменский никогда не принимал никаких приношений от подведомственного ему духовенства и предложить ему не только деньги, но и в гостинец что-либо из деревенских продуктов, например, масла, ягод, грибов и т.п. – значило бы обидеть старца. Между тем это было в те времена, когда приношения благочинным и членам духовных правлений практиковались в громадных размерах и были как бы узаконены обычаем, служа в

то же время иногда очень тяжелым налогом для духовенства. О. Стефан был человек многосемейный; поэтому, при его чрезвычайной нестяжательности, ему нередко приводилось терпеть нужду и разнообразные лишения. В особенности тяжелы были для него, в материальном отношении, перемещения с места на место, производившиеся, как выше сказано, по воле начальства [...]. Но о. Стефан не роптал ни на распоряжение начальства, без его согласия переводившего его из города в город, ни на лишения, ни на нужду. Он всегда и при всяких обстоятельствах был неизменно благодушен и одинаково искренно благодарил Господа Бога и за благая, и за злая, посылаемая ему в жизни от руки Провидения.

[...] По кончине о. Стефана не осталось никакого капитала, ни даже собственного дома, ибо в Омске он жил в казенном помещении, но осталась от него сиротою дочь, девушка не молодых лет, и осталась без всяких средств к жизни. В память любимого и уважаемого о. протоиерея, прихожане Омского собора собрали порядочную сумму денег, купили для дочери о. Стефана хороший дом, и тем обеспечили ее, так как она, отдавая часть своего дома в наймы и содержа квартирантов-нахлебников, пропитывалась не только безнуждно, но и в скромном довольстве.

Бескорыстный и нестяжательный, о. Стефан всегда находил возможность благотворить другим. Многие из его бедных прихожан с благодарностию вспоминали его, как своего благодетеля. Были целые семейства бедных и сирот, которые исключительно содержались на счет о. Стефана. Но дела эти делались о. протоиереем тайно, и только по его смерти многие из них сделались известны.

Омские епархиальные ведомости. – 1908. – №2. – 15 января. – Часть официальная. – С.28-38⁴.

¹Настоящий биографический очерк написан умершим в 1902 году протоиереем о. Михаилом Путинцевым. Самим автором он предназначался к напечатанию в Епархиальных Ведомостях, но почему то отпечатан не был. Недавно он прислан в редакцию одним из сослуживцев покойного о. протоиерея Путинцева. Как характеристика выдающегося представителя омского духовенства прошлого столетия настоящий биографический очерк имеет историческое значение и мы с удовольствием помещаем его на страницах Епархиальн. Ведомостей. – *Примечание редакции «Омских епархиальных ведомостей».* – Омские епархиальные ведомости. – 10-8. – №2. – 15 января. – Часть неофициальная. – С.28.

²Архиепископ Амвросий II, Рождественский-Вещезеров, управлял Тобольской епархией с 1823 по 1825 г. – *Примечание автора.* – Омские епархиальные ведомости. – 10-8. – №2. – 15 января. – Часть неофициальная. – С.29.

³См. Чет-Минеи. Житие преподобного Сергия Радонежского. 15 сентября. – *Примечание автора.* – Омские епархиальные ведомости. – 10-8. – №2. – 15 января. – Часть неофициальная. – С.35.

⁴В настоящем издании приведена с некоторыми сокращениями лишь первая часть биографического очерка о С.Я.Знаменском. Вторая опубликована в Омских епархиальных ведомостях. – 1908.- №4. – 15 февраля. Часть неофициальная. – С.30-38.

Н.Н. Козьмин о Семене Богдановиче Броневском

... Сам Броневский был причастен к литературе. Он сотрудничал в 20-30-х годах в «земледельческой газете» по сельскохозяйственным вопросам и в своих записках охотно останавливается на обычаях, нравах различных местностей, дает много географических, исторических сведений [...].

Смен Богданович Броневский родился в г. Белеве 24 декабря 1786 года. Не касаясь родословной, мы остановимся на его повести о своем воспитании. «Первоначальный учитель мой русской грамоте, - говорит он, - был дворовый человек наш, Василий Лебедев, и после – Сергей Иванов, которые, при высокой, первозданной нравственности, были малограмотные». Получив от этих «первозданных» учителей первые семена знания и нравственности, Броневский был отдан в Тверское дворянское училище. «Не могу, - пишет он, - себя упрекнуть в особенном стремлении к наукам и прилежанию, но сознаюсь, что в этом училище запало кое-что в мою голову, хотя я был еще и мал. Архаров (начальник края) очень любил батюшку. Кутили на славу». Это была несколько странная атмосфера для воспитания нравственного уклада юноши, для выработки его направления, но она оказала глубокое влияние на него. «Шум и гром без умолку: охота, рысаки и скакуны, цыгане, фабричные песельники и плясуны, сменяясь великолепными балами, не мешали делать дело и славить Великую Екатерину. Все были счастливы и довольны. Пустыми идеями не забивали голов! Вот было время богатырей и торжества». Для продолжения образования Броневский поступил в Шкловский корпус, где начальником состояло близкое к его семье лицо...»Фронт был моею душою, а напоследок – тактика и фортификация...». Броневский посвящает корпусу много страниц, дышащих глубокой симпатией и признательностью... К чести этого корпуса надобно сказать, что воспитание там давалось добросовестно, сообразно цели и назначению... «Всякий знал, что мы службе и она нам необходимы и что непременно должно служить Государю и отечеству каждому дворянину, – и так неизбежно, как жить и умереть...»

По окончании курса в корпусе Броневский поступил на службу в Кавказскую армию... Его приблизил к себе генерал Глазенап, который после ссоры с гр. Гудовичем, был переведен на службу в Сибирь инспектором войск сибирской инспекции и начальником Сибирских линий. Глазенап «в лестных выражениях» предложил

Броневскому ехать с ним в качестве адъютанта. Таким образом попал Броневский в 1808 году в Сибирь, где ему пришлось, постепенно повышаясь, служить вплоть до 1837 года. Броневский сжился, сроднился с Сибирью...

Сибирское общество былых времен заслужило саркастическую, иногда несправедливую жестокую характеристику со стороны известного историка Шапова¹. Оно состояло из двух разрядов лиц: чиновников и более или менее значительного старожилого купечества... Общественных интересов было мало... Было что-то глубоко сонное, спокойное в этой жизни. Но этот патриархальный уклад нравился Броневскому. Кроме того, Сибирь во многом носила печать оригинальности, во многом не походила на Россию, привлекала непосредственное чувство. Вот описание у Броневского омского общества: «Сердечным тревогам был отдых. Здесь жили не то, что в Георгиевске и Екатеринодаре. Тихая семейная жизнь, в чистоте первобытной, подчиненная строгим приличиям. Молодому человеку нельзя, как ныне², завратиться, если позволено будет так выразиться, – у старушек чепцы на головах задвигаются, и так не пройдет. Тогда любили журить – и не всегда мягко. Но вас не отталкивают от себя, и рады, когда вы, не принимая очень серьезно, приходите к ним. Хлебосольство и ласки, – не знаю, не знаю, откуда, зашли в Сибирь! То ли это от патриархальных времен, или другие тому побудительные причины, но, как бы ни было, а это добродетель достойна хвалы и благодарности. Если поддаться, то вас закормят и запоят». Броневский отмечает гуманное отношение к ссыльным, которых называют «несчастливыми». Ни происхождение, ни религия, ни нация не имеют различия в обращении с ними, хотя и часто видимы были разительные доказательства неблагодарности и злодейства некоторых». Отмечая «чистоту», как он выражается, семейных отношений, Броневский останавливается на этой – как сейчас увидим, довольно условной – добродетели». Строгость нравов в семейных кругах, как я уже сказал, по-видимому, ввела в обиход мгновения многих служащих заводить постоянные связи с простолюдинками, дочками солдатскими и мещанками. Связь эта, укрепляясь постепенно привычкой и прижитием детей, делал то, что генералы и штаб-офицеры, вступлением в законный брак, примирялись с совестью. Этим путем простолюдины нередко входили в родню старинных дворянских фамилий. Погрешительность такую, по уважению отдаленности, по необходимости, я извиняю...».

Броневский был и по воспитанию, и по образованию в уровень этому обществу. Он приехал в Сибирь незначительным чиновником, всего адъютантом генерала Глазенапа. Его преданность службе, канцелярская выдержка, беспрекословная исполнительность и благоволение Глазенапа, которого Броневский называет «благодетелем», на современном ему жаргоне, быстро двигали его по служебной лестнице. Постепенно он был назначен начальником штаба отдельного Сибирского корпуса, командующим Сибирским линейным казачьим полком и при образовании Омской области (1823 г.) Омским областным начальником³, занимая одно время (более двух лет) все эти три должности один. «Управление мое, – говорит Броневский, – продолжалось с лишком 5 лет, а командование Сибирским линейным казачьим полком 15 лет. Много поднято трудов, но воспоминание приятно потому более, что будучи под начальством одного за другим корпусных командиров, прежде Глазенапа, потом Капцевича, людей совершенно противоположных характеров, которые, чем более меня познавали, тем доверие их возрастало, – и это был для меня длинный ряд непрерывного одобрения и поощрения».

По приезде своем Глазенап нашел казачье войско распушенным, не обученным; дела велись спустя рукава. И вот началась муштровка войска, увенчавшаяся желанным успехом. В этой муштровке Броневский принимал близкое участие. Он же участвовал в организации школьного дела в войске. По словам Броневского, в его командование «достигнуто уже было, что ни одного безграмотного на службу не поступало». Впрочем, лица, близко знающие омское казачье население, думают, что со стороны Броневского, его уверение является простым самооболащиванием, так как и до сих пор в Сибирском казачьем войске не было безграмотных. С другими сотрудниками Броневский насаждал на сибирскую почву искусство. Он рассказывает об организации военного оркестра, причем отдает дань удивления музыкальным способностям молодых сибиряков, из которых некоторые попали ко двору...

Броневский любил все делать сам, не доверяя помощникам, – поэтому он должен был работать усиленно, напряженно. «Заботливый до излишества характер мой, – пишет он, – не давал покоя от страха что-либо опустить. Начал чувствовать крови к глазам и выбился, так сказать, из сил...»

Громадный опыт и наблюдательный ум давали возможность Броневскому чувствовать несостоятельность многих мероприятий и порядков того времени. Но отсутствие широкого юридического образования делало его бессильным выйти из затруднительного положения. Он был все-таки только воспитанник Шкловского кадетского корпуса, где с особым вниманием изучал фронтальную службу и фортификацию. Вопросы государственного права, права полицейского остались вне сферы его понимания. Броневский не сочувствовал системе военных поселений и видел близко недостатки, несостоятельность системы принудительной ссыльной колонизации, хотя, быть может здесь отразилась антипатия самого императора Николая. Начальник Броневского Капцевич, близкий к Аракчееву человек, был горячий поборник системы военных поселений. «Капцевич был человек редкого усердия к службе, деятельный, до невозможности, взыскательный, малоподобный рачитель государственного интереса, и часто говаривавший, что общее он всегда предпочитает частному... Капцевич признавал систему военных поселений чрезвычайно хорошей политикой... Приехав первый раз в 1820 г. на первый фланг линии осматривать войска, он (Капцевич) увидел прекрасные земли невозделанными и казаков

вовсе не занимающихся хлебопашеством, изъявлял свое удивление! Казаки ему отвечали, что и предки их не занимались земледелием, что они живут промыслами и меною с киргизами, и что служба часто с долговременною отлучкою от домов, не позволяла им сего постоянного занятия. Идея об общественной запашке, кажется, созрела у него еще в Петербурге. Следовательно, решено тому быть – и быть тотчас. По 160 десятин десятин в 3200 кв. саж., из вольной земли нарезано каждому эскадрону; взяты взаймы у крестьян сохи и бороны, наделаны свои, железный прибор привезли с уральских заводов. Лошади и сбруя собственные казаков, и, несмотря на позднее осеннее время, подняты залоги на земле, девственной, не видавшей на себе руки человеческой...»

Броневский долго, как солдат, стоял на посту. Но и его крепкое здоровье не выдержало... «В 1833 году, – говорит Броневский, – я начал чувствовать болезнь в боку, разбитом в несчастном падении с лошадыю. Это случилось на полковом ученье 6-го казачьего полка в форпосте Песчаном...»

С твердым намерением бросить службу поехал он в столицу, но вышло иначе. Император Николай Павлович лично просил Броневского продолжать службу в Сибири...⁴

Козьмин Н.Н. Из прошлого Сибири//Очерки прошлого и настоящего Сибири. – СПб., 1910. – С.34-67.

¹О развитии высших человеческих чувств. Мысли сибиряка при взгляде на нравственные чувства и стремления сибирского общества//Отечественные записки, 1872 №10. С.459-504 и др. – *Примечание автора очерка Н.Н.Козьмина.*

²Т.е. в 40-е годы XIX в. – – *Примечание автора очерка Н.Н.Козьмина.*

³С.Б.Броневский был назначен исправляющим должность начальника Омской области. – *Примечание составителя.*

⁴С.Б.Броневский с 1835 по 1837 гг. служил генерал-губернатором Восточной Сибири. С 22.12. 1838 г. он – сенатор по Межевому департаменту, в 1839 перемещен в 4-й департамент. Умер 14.02 1858 г. – *Примечание автора очерка Н.Н.Козьмина.*

А. Чудовский о Н.Г. Казнакове (1824-1885). Биографический очерк

В достопамятный день двадцатипятилетней годовщины со дня основания Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества мы считаем своею нравственною обязанностью предложить некоторые биографические данные о том, кто призвал к жизни это учреждение и дал ему окончательное устройство, завершившееся «Положением», утвержденным Министром Внутренних Дел 8-го июня 1878 года. Это был Николай Геннадьевич Казнаков.

Происходил он из дворян Тверской губернии (сын генерал-майора) и родился в 1824 году. В 1838 году он был определен в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (ныне Николаевское кавалерийское училище) и, проучившись 2 года в общих классах и 2 года в специально-военных, вступил на службу корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Прослужив в полку 3 года, молодой офицер нашел необходимым пополнить свое образование специальными знаниями и с этой целью в 1845 году поступил в Императорскую Военную Академию (ныне Николаевская Академия Генерального Штаба). Здесь в течение 2-х лет он изучает тактику, историю военного искусства, стратегию, военную географию и статистику, топографию, геодезию, обязанности офицера генерального штаба, артиллерию, фортификацию, новую политическую историю и иностранные языки (французский и немецкий). По окончании в 1847 году курса в академии первым, с награждением большой серебряной медалью, был причислен к генеральному штабу, с производством в ротмистры. В 1850 году был назначен адъютант-профессором тактики в Военной Академии и читал лекции по этому предмету старшим офицерам гвардейского корпуса до 1853 года; в это время он перевел с М.И.Богдановичем соч. Шпехта «Королевство Вестфальское и разрушение его графом Чернышевым» (СПб., 1852 года). С 1853 года по 1861 состоял при Великом Князе Владимире Александровиче, причем 19-го февраля 1855 года получил звание флигель-адъютанта Его Императорского Величества, а в 1858 году был произведен в генерал-майоры, с зачислением в свиту Его Величества. В 1861 году был командирован в Калужскую губернию для наблюдения за введением в действие «Положения о крестьянах» и в этом же году был назначен начальником штаба отдельного Грендерского корпуса. С 184 года по 1866 состоял Киевским губернатором в чине генерал-лейтенанта. В 1867 году назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству. 1-го января 1875 года Николай Геннадьевич был назначен генерал-губернатором Западной Сибири, командующим войсками Западно-Сибирского военного округа и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска.

Итак, дворянин, получивший высшее военное образование, офицер Генерального Штаба, профессор Военной Академии, генерал-адъютант, приближенный к Императорской Фамилии, Николай Геннадьевич занимает наконец высокие административные посты: сперва Киевского губернатора, а потом Западно-Сибирского генерал-губернатора. Какое блестящее прошлое! какая подготовительная школа пройдена лицом, призванным к управлению таким обширным и неустроенным краем, как Западная Сибирь! Печать приветствовала отправление Николая Геннадьевича в Сибирь восторженными отзывами. Учащаяся молодежь подно-

сила ему адресы и напутствовала благопожеланиями предстоявшую ему службу на пользу родного ей края. Его сравнивали со Сперанским, и сравнение это не было пустым словом. Действительно, Николай Геннадьевич был замечательный государственный и общественный деятель, имя которого никогда не изгладится из памяти населения Сибири за все проявленные о ней заботы, не смотря на сравнительно короткое (3-летнее) время управления краем.

Обрисовывать подробно все стороны разнообразной и многотрудной деятельности Николая Геннадьевича мы не станем, так как даже простое перечисление главных ее частей потребовало бы много времени и места. В своем очерке мы укажем лишь на главнейшие его мероприятия, имевшие значение для Западной Сибири.

Будучи глубоко убежден, что ни одна область государственного ведения не может прогрессировать без надлежащего умственного развития населения, без устройства возможно большего количества школ, Николай Геннадьевич, уже с начала управления краем, обратил особенное внимание на несоответствие числа школ и обучающихся в них, по сравнению с количеством населения.

Поэтому первую его заботою было поставить дело народного образования в Сибири в более благоприятные условия. Чтобы уяснить себе значение его заслуг в этом отношении, необходимо напомнить, в каком состоянии находилось школьное дело в Западной Сибири в предшествующее время.

До 1875 года на таком обширном пространстве, какое занимает З. Сибирь, состоящая из двух губерний и двух областей, существовало только 7 средних учебных заведений разных ведомств: Тобольская духовная семинария и мужская гимназия, Омская военная гимназия, Томская духовная семинария и мужская гимназия, Томская и Омская женские гимназии.

Само собою понятно, что эти заведения могли быть доступны или местным жителям, или жителям ближайших к Тобольску, Омску и Томску местностей. Что же касается отдаленных мест, находящихся от этих городов в расстоянии 700-1000 и более верст, то только весьма немногие жители их, обладавшие необходимыми материальными средствами, имели возможность помещать своих детей в гимназиях. Таким образом, для значительной части населения З. Сибири образование в гимназии было совершенно недоступно. Что касается городских и сельских начальных мужских училищ, то хотя они и существовали, в сравнении с средними учебными заведениями, в довольно значительном числе, но мало соответствовали своей цели по недостатку хороших учителей и по ограниченности средств, отпускавшихся на их содержание. В еще более печальном положении было образование девочек. В виду этого, и у родителей, желавших дать детям образование, и у лиц, стоявших во главе управления краем, являлось сознание необходимости увеличения числа средних и низших школ в Западной Сибири, но вопрос об этом, до вступления в управление Западною Сибирью Николая Геннадьевича, представлял из себя лишь *pium desiderium*¹.

В первый же год, по прибытии к месту своего назначения, Н.Г.Казнаков обратил серьезное внимание на устранение такого важного недостатка по народному образованию в управляемом им крае и вошел в Министерство Народного Просвещения с ходатайством об учреждении, по крайней мере, двух новых мужских гимназий; первоначально же просил основать гимназию в Омске, как городе, занимающем наиболее срединное положение и, притом, главном правительственном пункте, где отсутствие местных средств для подготовительного к университету образования составляло тяжелое лишение для многих из служащих чиновников.

Ходатайство было признано в Государственном Совете вполне уважительным, и с 1-го июля 1876 года Высочайше повелено было открыть на счет казны в Омске мужскую гимназию и в Томске реальное училище, а в 1879 г. такое же училище было открыто и в Тюмени на счет подертвований городских обществ и частных лиц, с пособием от казны.

Деятельное попечение прилагал Николай Геннадьевич и к преуспеванию женских школ. Благодаря его содействию, было открыто три женских прогимназии: в 1877 г. в Омске и Барнауле и в 1879 г. в Бийске, где девушки всех сословий, даже дочери бедных родителей, могут получать общее систематическое образование, внося лишь небольшую плату за право учения, от 5 до 15 рублей в год.

Тогда же (в 1877 г.), для подготовки детей офицеров и чиновников Сибирского казачьего войска в Сибирскую военную гимназию, учрежден был в Омске, на войсковые средства, подготовительный пансион.

Поступательное движение вперед учебного дела в Западной Сибири сказалось также в открытии новых городских и сельских приходских училищ и улучшении их в материальном и педагогическом отношениях.

Как замечено выше, существования до Н.Г.Казнакова низшие школы не вполне отвечали своему назначению по недостатку хороших учителей и по ограниченности средств. Понятно, что за вознаграждение от 85 руб. до 100 в год трудно было приискать дельного учителя. Чтобы вывести школы из такого неудовлетворительного состояния, Николаем Геннадьевичем в 1878 г. исходатайствованы были законоположения об улучшении училищной части в селениях государственных крестьян Томской и Тобольской губерний и в бывших горнозаводских селениях Алтайского округа. Этими узаконениями учреждено для приготовления учителей и учительниц в крестьянские школы несколько стипендий в Омской учительской семинарии и Марининской Тобольской женской школе. Расходы на это отнесены на счет земских сборов. Из тех же источников установлено отпускать недостаточным сельским обществам денежное вспомоществование на наем учителей и на учебные пособия в размере до 310 рублей на школу. При этом, сельским учителям, окончившим курс в учительской семинарии,

или учительницам, вышедшим из гимназии и прогимназии, назначено жалованье не менее 200 руб. в год: законоучителям по 60 руб. и на учебные пособия по 50 руб.

Подобные же меры были приняты к улучшению начальных училищ в Сибирском казачьем войске. С этой целью в 1877 г. разрешено было отпускать из войсковых капиталов до 12 тысяч рублей ежегодно, в пособие станичным обществам, на содержание школ и на содержание 10 казачьих стипендиатов в Омской женской гимназии, для приготовления учителей и учительниц в станичные школы. Благодаря этой поддержке из войсковых капиталов, число школ в казачьем войске значительно возросло, плата учителям увеличена, а потому улучшился и учительский состав, который стал быстро пополняться воспитанницами Омской женской гимназии и местных прогимназий, а также воспитанниками Омской учительской семинарии.

Заботясь о развитии в степях гражданственности и сближении кочевых инородцев с прочими населением государства, Николай Геннадьевич самым надежным средством в этом отношении считал распространение образования среди инородческого населения. С этой целью, в 1876 г., по его распоряжению, для обучения киргизских мальчиков русской грамоте и ремеслам, открыты были интернаты в Петропавловске, Кокчетаве, Акмолинске и Устькаменогорске и в 1877 г. – в Омске и Семипалатинске.

Через год открыты были интернаты для киргизских девочек в Петропавловске, Атбасаре, Кокчетаве, Омске и в 1879 г. в Павлодаре и Каркаралинске. Наконец, в это же время, для приготовления возможно большего числа сельских фельдшеров как медицинских, так и ветеринарных, а также сельских повивальных бабок, учреждено восемь специальных школ в Омске, Тобольске и Томске. В этих школах, обеспеченных в учебном и материальном отношении, обучались не только мальчики и девушки из крестьянского и казачьего сословия, но и из киргизского населения.

Кроме размножения средних и низших заведений, просветительная деятельность Николая Геннадьевича ознаменовалась дарованием Сибири рассадника высшего образования, – *университета*. Сибирский университет венчает славу его заботливости на пользу местного образования.

В 1875 году Император Александр II, в неизменной заботливости о нуждах Сибирского края, повелел Казнакову, только что назначенному генерал-губернатором Западной Сибири, подняв уровень общего образования, дать возможность Сибирским уроженцам подготовить из своей среды людей сведующих и, по всестороннему обсуждению вопроса, представить соображения и, по всестороннему обсуждению вопроса, представить соображения об основании общего для всей Сибири университета. Вскоре Николай Геннадьевич представил свои предложения об университете. Представление его было одобрено, и Высочайшим повелением в 16-й день мая 1878 года разрешено открыть в Томске университет, с 4 факультетами: историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским, а 26 августа 1880 г., в день коронавания покойного Царя-Освободителя, совершено была торжественная закладка Томского университета.

Широко образованный и сочувствовавший всем закономерным просветительным начинаниям общества, Николай Геннадьевич принимал живейшее участие в деятельности многих научных и просветительных обществ и учреждений. Наш Географический Отдел – живой свидетель его внимания к ученым учреждениям. Он его основатель, он же был и первый его покровитель. Со дня возникновения Отдела он принял непосредственное участие в организации его. Можно сказать, он жил его жизнью, радовался всякому светлomu явлению в нем, всякому успеху в деле, служить которому призвано это учреждение. Многие из членов Отдела знают и с благодарностью вспоминают то деятельное участие, которое принимал сам покровитель Отдела в трудах по осуществлению научных экспедиций, и руководство по организации их. Всегда встречая живое сочувствие своим трудам со стороны Николая Геннадьевича, Отдел успел совершить не мало крупных предприятий и научных исследований в области географического изучения Азии.

Так, в 1878 году, по его инициативе и при его содействии, были снаряжены экспедиции: Певцова в Монголию и северные провинции Внутреннего Китая, Шаньси и Чжилийскую, для систематического изучения этих стран; – Ядринцева на юг Томской губернии и в горный Алтай; Балкашина – в Туркестан и на границу Китая; Словцова – в Кокчетавский уезд, Орлова – в северную часть Монголии и в 18789 году Хондажевского – на север, для осмотра тундр между Обскою губою и Сургутом.

Не меньше внимания уделял Николай Геннадьевич и другим жгучим нуждам и потребностям края.

Поставив себе задачею содействовать скорейшему экономическому развитию 3. Сибири, он обратил особенное внимание на развитие путей сообщения, улучшение средств сообщения и торговых сношений. Почти в самом начале управления краем он ходатайствовал перед правительством об учреждении особой инспекции путей сообщения а в 1878 году, в виду начавшейся морской торговли Сибири с Европою, на пароходе «Хрущов», принадлежавшем компании Игнатова и Курбатова, совершил поездку в Обскую губу, никем еще из его предшественников не посещенную, для личного ознакомления с условиями речного и морского судоходства. Во время этой поездки он подробно ознакомился с производительными силами Обского бассейна вообще и северной его части в особенности, а также с положением инородцев (самоедов и остяков).

Хотя опытки установить морскую торговлю между 3. Сибирью и Европою, не были вполне удачны, как показала навигация 1879 года, однако Н.Г.Казнаков, вполне разделяя соображения Норденшельда, изложенные в его докладе королю Шведскому, о Карском море, не хотел признать неудачную навигацию 1879 г. за

доказательство невозможности производить торговлю между З. Сибирью и Европою. Поэтому в апреле 1879 года он просил Морское Министерство снарядить специальную экспедицию для исследования Карского моря и северной части Обской губы на морских судах, а с Министерством Финансов вступил в сношение об изучении южной ее части на речных судах, с тем, чтобы всему ее пространству была составлена подробная карта и глубокие фарватеры обставлялись опознавательными знаками. Вместе с тем, в виду недостаточности познания местных шкиперов и лоцманов в управлении судами, Николай Геннадьевич предложил открыть в Тобольске и Тюмени мореходные классы и учредить в Обской губе несколько летних лоцманских станций из более опытных инородцев.

В то же время он поручил топографу Хондажевскому выяснить, насколько возможно предложить колесную дорогу по правому, нагорному берегу Иртыша из Тобольска до села Самарова, находящегося при слиянии Иртыша с Обью, и удобно ли там устроить телеграф.

Как известно, вновь открытый северный путь оказался лишь счастливою случайностью; тем не менее, если бы и установился этот торговый путь, то значение его для З. Сибири, по нашему мнению, совершенно верно выражено в следующих заключительных словах Всеподданнейшего отчета Н.Г.Казнакова за 1878 год: «Состояние производительных сил северных местностей показывает, что возникшая в Обской губе морская торговля едва ли будет пользоваться ими, вследствие того, что все предметы, добываемые на промыслах, или получаются после закрытия навигационного срока, или слишком недоброкачественны, чтобы находить себе сбыт в Западной Европе. Поэтому деятельность морской торговли почти исключительно должна направляться на произведения Западно-Сибирской земледельческой полосы и вывозить в обмен на иностранные товары пшеницу, спирт, кожи, сало и т.п.»

Считая устройство колесных путей в крае одним из лучших средств для экономического развития страны, Николай Геннадьевич предложил Томскому губернатору Супруненко приступить к проложению колесных путей земскими средствами в тех Алтайских местностях, где население с течением времени и при постоянном приливе переселенцев до известной степени увеличилось.

Затем, предполагая открыть в Алтайском крае Змеиногорский и Онгудайский округа для большего надзора за населением и для обеспечения внешней торговли, поручил члену Западно-Сибирского Отдела Географического Общества Павлову-Сильванскому выяснение общего состояния торгового движения в Алтае, а Н.М.Ядринцеву – подробное изучение быта инородцев, занимаемых ими земельных угодий и вообще всех их нужд.

Не мало сделал Николай Геннадьевич и для развития пограничной торговли З. Сибири с Средней Азией и Китайскими владениями. Видя, что пограничная торговля продолжала открывать русским купцам возможность производить крупные торговые дела, он находил полезным способствовать постепенному учреждению пограничных городков, около Чугучака – в Бахтах и у границ Монголии – в Кош-Агаче. Вследствие этого он просил о присоединении к Западной Сибири северной части Сергиопольского округа с торговым путем в Чугучак и с Бахтами, причем поручил сравнить Сергиопольско-Чугучакское сообщение с Кокпектинским, а также обстоятельно исследовать русло Иртыша выше Семипалатинска с озером Нор-Зайсаном. Независимо от этого, он желал выяснить вопросы относительно Акмолинско-Туркестанского пути, учреждения города в Кара-Агаче и возможности обеспечить торговое движение в степи. Последнего он думал достигнуть посредством устройства около степных путей крестьянских селений, а не постоянных домов, как предполагалось прежде. Однако финансовые затруднения помешали Николаю Геннадьевичу вполне осуществить намечавшиеся им задачи для развития торговой деятельности З. Сибири. Тем не менее он успел провести телеграф через степи, из Петропавловска в Кокчетав, Атбасар и Акмолинск (в 1877 г.) и в 1880 г. – от Семипалатинска в Устькаменогорск и Зайсанский пост; установить пароходные рейсы между Тюменью и Семипалатинском, облегчившие, вместе с железною дорогою от Перми до Екатеринбурга, доставку товаров из России к Западному Китаю. Тогда же, для пособия торгующему населению в денежных оборотах, основаны были во многих городах З. Сибири общественные банки. До шестидесятых годов на всю Западную Сибирь был только один городской общественный банк в Томске, но уже к концу семидесятых годов общественные банки, кроме Томска, были еще в 7 городах Западной Сибири.

В длинном ряду мероприятий Николая Геннадьевича, меры к лучшему устройству народного быта занимают не менее видное место.

В числе таких мер заслуживает особого внимания состоявшееся в 1879 году преобразование сельского управления у государственных крестьян Тобольской и Томской губерний, на основании положения 19 февраля 1861 г., которым предоставляется крестьянским обществам значительная самостоятельность в решении своих общественных дел и собственный волостной суд. До этого времени, за исключением Алтайского округа, в остальных местностях Западной Сибири существовало у государственных крестьян управление, при котором административною единицею принималась волость, а не сельское общество. Волостное управление заключалось в единичной власти волостного старшины, да волостного писаря; сельского же управления вовсе не было; сельские старосты не имели никакой власти, и обязанность их ограничивалась исполнением распоряжений волостного начальства и сообщением ему о случившихся происшествиях. Крестьянские сходы были только во-

лостные. Вследствие таких порядков, различные нужды и потребности сельских обществ оставались зачастую без удовлетворения.

Экономические стороны быта сельского населения также были предметом постоянного внимания и забот Николая Геннадьевича. Имея в виду доставить сельским жителям недорогой кредит, необходимый для улучшения их домашнего хозяйства и кустарного производства, а также для приучения их к сбережениям, он настаивал на открытии в крестьянских селениях и казачьих станицах в возможно большем числе ссудосберегательных товариществ.

Нужды казачьего населения и заботы об его экономическом благосостоянии также не были чуждыми для Николая Геннадьевича. При нем было составлено и утверждено много положений, совершенно изменивших гражданский быт и военное устройство Сибирского казачьего войска. Так, в 1880 г., в Сибирском казачьем войске, вместо жеребьевой, введена общая воинская повинность, построенная на основаниях, весьма немногим отличающихся от принятых в уставе 1874 г. об общеобязательной воинской повинности всего русского населения. Эта новая система отбывания воинской повинности представляла для казаков существенное облегчение.

Современники Николая Геннадьевича хорошо помнят его заботы о благосостоянии казачьего населения. Сюда относится изданное в 1877 г. положение о размежевании станиц Сибирского казачьего войска на началах таксации. С введением таксации, нормальный надел в одних станицах может быть увеличен, а в других уменьшен, с тем, чтобы казаки, живущие в различных местных условиях, могли пользоваться равными выгодами.

В то же время было учреждено в казачьих поселениях обязательное страхование жилищ от огня, оказано содействие местным обществам в учреждении ссудосберегательных товариществ; для улучшения коневодства были введены скачки на призы; положено начало учреждению правильного надзора за войсковыми и станичными лесами. Наконец, вследствие энергических ходатайств Николая Геннадьевича, в 1877 году изданы положения об обеспечении казачьих офицеров не только состоящих на службе, но и отставных, – или отводом им земельных участков в потомственное владение, или же пенсиями от казны.

Как человек, беззаветно преданный своему служению, Николай Геннадьевич не мог не обратить внимания и на положение кочевых инородцев.

Заботясь о развитии в степях гражданственности и сближении кочевых инородцев с прочим населением государства, он устроил, как выше было сказано, при каждом уездном управлении интернаты для обучения русской грамоте киргизских мальчиков и девочек. С той же целью в 1878 году был сделан опыт водворения русских крестьян деревнями в хлебородных степных местностях Кокчетавского уезда, причем поселилось до 500 крестьянских семейств, образовавших собою 8 деревень, тогда как раньше допускалась только военная колонизация из казаков.

Из других мероприятий Н.Г.Казнакова, относящихся до степей, достойны упоминаний следующие. В 1880 году был отменен обременительный для киргизов сбор так называемой ремонтной пошлыны, поступавшей в казачий войсковой доход. Отмена ремонтной пошлыны составляет большое облегчение для киргизов, которые теперь приобретают нужные для зимовок казачьи земли во временную аренду с публичных торгов. В том же году, для развития между киргизами земледелия, открыты были, для заимообразного снабжения нуждающихся в деньгах киргизов, две областные ссудные кассы.

Таковы факты из деятельности Николая Геннадьевича Казнакова по управлению Западно-Сибирским краем.

В заключении своего очерка считаем нужным сказать несколько слов о том, как смотрел Николай Геннадьевич на свое положение и обязанности администратора, призванного к управлению таким обширным и неустроенным краем, как Западная Сибирь. Как администратор, Николай Геннадьевич являет собою: с внешней стороны – образец служебной официальности, полной внушительного такта и сознания своих высоких обязанностей; с внутренней – образец внимательного изучения края и заботливого удовлетворения его неотложных нужд; в общем, он высоко держал знамя правой власти и обаянием этой власти стремился внушить, как своим подчиненным, так и обществу, уважение к порядку и закономерной справедливости.

Однако настало время, когда тело перестало повиноваться требованиям духа, напряженные труды и тяжелые заботы расстроили здоровье Николая Геннадьевича; он решил оставить свою должность и просить отставки. Уволенный в 1881 году от занимаемых им должностей и назначенный членом Государственного Совета, он уехал в С.-Петербург, где скончался 12 февраля 1885 года, на 61 году жизни.

Казнаков Н.Г./Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1902. – С.1-13.

¹Напомним, что до образования Западно-Сибирского учебного округа (в 1885 г.) высший надзор и заботы о школьном деле принадлежали генерал-губернатору, которому был подчинен «главный инспектор» училищ. – *Примечание автора.* Pium desiderium (лат.) – в данном случае «благое пожелание»

Великій князь Владимиръ Александровичъ въ Омскѣ въ 1868 году.

Сибирскій генералъ-губернаторъ Кознаковъ, въ своихъ поѣздкахъ съ мѣста службы (изъ Омска) въ Петербургъ, неоднократно докладывалъ при Дворѣ о жаждѣ Сибиряковъ видѣть у себя на родинѣ кого-нибудь изъ Августѣйшихъ особъ. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ въ этомъ отношеніи свой выборъ остановилъ на Великомъ Князѣ Владимирѣ Александровичѣ, котораго и рѣшилъ отправить въ путешествіе по Сибири въ 1868 г. Государыня Императрица Марія Александровна, какъ рассказываютъ, долго боялась отправлять въ невѣдомую Сибирь тогда молодого своего сына-красавца, но въ концѣ концовъ, послѣ убѣдительныхъ доводовъ генералъ-губернатора Кознакова, милостиво согласилась. Обрадованный Кознаковъ о готовящемся посѣщеніи Великаго Князя поспѣшилъ увѣдомить тогдашняго губернатора въ Омскѣ Окольниковъ, а тотъ въ свою очередь, вмѣстѣ съ видными Омичами, дѣятельно занялся приготовленіями къ торжественной встрѣчѣ Великаго Князя. Прежде всего была заново отремонтирована старинная здѣсь Пророко-Ильинская церковь, о пребываніи въ которой Владимира Александровича гласитъ теперь прибитая въ храмѣ золотая доска съ соотвѣтствующею надписью. Впоследствии стѣны этой же старинной церкви были осчастливлены посѣщеніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ бытность Его Наслѣдникомъ.

Городское самоуправленіе и домовладѣльцы дѣятельно работали по соотвѣтствующему украшенію города для приѣма высокаго гостя въ возможномъ великолѣпіи. Степные Киргизы и казаки въ свою очередь расшивали себѣ блестящіе мундиры. И случись такъ, что гладкихъ погоньевъ для этихъ мундировъ въ мѣстныхъ магазинахъ не хватило, а были только погоны съ инициалами „С. К.“ (Сибирскій кадетъ), употреблявшіеся на кадетскихъ мундирахъ; выписать же погоны изъ столицъ было-бы немислимо, такъ какъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, они не поспѣли бы къ сроку. Думали долго, какъ выйти изъ этого затруднительнаго обстоятельства, и въ концѣ концовъ, съ согласія губернатора Окольниковъ, рѣшили, что „С. К.“ можетъ означать также и „Сибирскій Казакъ“, и вотъ потому Киргизы, а также и нѣкоторые казаки, щеголяли во время пребыванія Владимира Александровича въ Омскѣ съ кадетскими погонами на своихъ мундирахъ.

Великій Князь Владимиръ Александровичъ прибылъ въ Омскъ въ жаркій Іюнь мѣсяцъ. Съ противоположнаго городу берега рѣки Иртыша въ самый

городъ высокаго гостя перевезли на роскошно убранной лодкѣ, гребцами въ которой были одѣтыя въ красныя шелковыя рубашки дѣти видныхъ мѣстныхъ купцовъ, все рослые, здоровые ребята. Очевидцы-старожилы рассказываютъ объ удивительномъ явленіи природы, имѣвшемъ мѣсто въ это время. Между тѣмъ, въ то время, когда Великій Князь вошелъ въ лодку, и послѣдняя начала отчаливать отъ берега, совершенно неожиданно налетѣлъ ураганъ. Иртышъ забурился, и плывущую лодку стало бросать на волнахъ, какъ перышко. Стоявшая въ ожиданіи высокаго гостя на городскомъ берегу безчисленная толпа народа такъ и ахнула и съ замираніемъ сердца слѣдила за борьбой гребцовъ со стихіей. Но сильные гребцы, воодушевленные къ тому-же патріотизмомъ, съ честью выдержали стихійное испытаніе, и лодка благополучно пристала къ берегу. Въ это время неожиданная буря также сразу прекратилась, какъ и началась. Вышедшій изъ лодки Великій Князь былъ встрѣченъ радостнымъ оглушительнымъ „ура“, повторявшимся непрерывно и въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по городу. Восторженная толпа радостно стремилась за нимъ. Буквально все населеніе желало видѣть Августѣйшаго гостя. Всѣ загражденія рвались, съ полиціей спорили. „Наши отцы и дѣды не видали великихъ князей, а вы и насъ хотите лишить этого счастья, можетъ-быть единственнаго въ жизни“, роптали тѣ, кого пыталась не пускать полиція. И толпа все притекала и притекала. Великій Князь приказалъ ея не стѣснять. И дѣйствительно, восторженная толпа сама охраняла образцовый порядокъ.

Для Великаго Князя были предложены всевозможныя развлечения. Между прочимъ, и Киргизская „байга“ (туземная скачка на лошадяхъ). Въ кадетскомъ корпусѣ былъ устроенъ балъ, гдѣ Великій Князь танцевалъ съ красавицей-Маклаковой, женой полковника Маклакова, будто-бы до службы въ Омскѣ служившаго въ Петербургѣ въ одномъ полку съ Великимъ Княземъ, въ его ротѣ.

По маршруту высокій гость долженъ былъ прожить въ Омскѣ три дня; но населеніе просило его остаться еще на одинъ день. Телеграфировали о разрѣшеніи въ Петербургъ. Оттуда разрѣшили.

На четвертый день городъ устроилъ пышное всенародное гулянье въ мѣстной загородной рощѣ съ иллюминаціей и фейерверкомъ. Великаго Князя восторженно чествовали. Но, къ сожалѣнію, конецъ гулянья былъ омраченъ ужаснѣйшей грозой и ливнемъ, каковыхъ старожилы ни раньше, ни позже не запомнятъ.

Въ воспоминаніяхъ старожиловъ-Омичей Великій Князь на вѣки запечатлѣлся молодымъ, могучимъ и статнымъ красавцемъ. Наши дѣдушки и бабушки увѣряютъ, что онъ и Омскомъ остался вполне доволенъ, и будто-бы даже сказалъ: „Омскъ городокъ—Москвы уголокъ“. Дѣйствительно Омичи тогда на украшеніе города не поскупились. Тогдашній Омскій градскій голова попросилъ Великаго Князя сдѣлать химическимъ карандашемъ собственноручную подпись Его имени на шлифованномъ камнѣ, который вмѣстѣ съ подписью и теперь хранится въ мѣстной городской управѣ.

ИЗЪ ОМСКОЙ СТРАНЫ.

Полиціймейстеръ Шепелевъ.

Въ пятидесятихъ годахъ въ Омскѣ полиціймейстеромъ былъ нѣкто Шепелевъ. При немъ производилась исключительно одна система наказанія за уголовныя преступленія—это сѣченіе. По разсказамъ старожиловъ, тогда городъ Омскъ представлялъ собою положительно какое-то лобное мѣсто. Въ разныхъ частяхъ города можно было наблюдать, какъ разные чины полиціи розгами сѣкли преступниковъ, при чемъ Шепелевъ проявлялъ особую виртуозность. Случайно выжившія жертвы его жестокости не разъ порывались его убить, и Шепелевъ долженъ былъ принимать мѣры предосторожности для охраненія своей особы.

Мирные обыватели всецѣло находились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Шепелева, и онъ въ буквальный смыслъ завѣдывалъ ихъ нравственною, и даже семейною, жизнью. Сплошь и рядомъ мужья, не поладивши съ женами, шли къ Шепелеву и просили его „проучить“ ихъ женъ, и тотъ „проучалъ“.

Доставалось также бѣднымъ модницамъ-мѣщаночкамъ. Вышли тогда какіе-то не то кринолины, не то какіе-то другіе „робы“, и издумали молодыя мѣщанскія модницы пофорсить, завели себѣ эти моды и начали щеголять. Это не понравилось грозному Шепелеву. Онъ вызвалъ модницъ къ себѣ въ полицію, какъ водится накричалъ на нихъ и сверхъ того заставилъ въ теченіи мѣсяца каждую недѣлю мыть полы въ помѣщеніи полиціи. Бѣдныя модницы, пролившія немало слезъ, конечно, съ тѣхъ поръ далеко запрятали свои модныя платья, и уже долго даже не думали слѣдовать за какими бы то было женскими модами, по грозному внушенію Шепелева составляющими принадлежность женщинъ только чиновничьяго и дворянскаго сословія.

Купеческихъ сынковъ, имѣвшихъ неосторожность покутить, Шепелевъ также не оставлялъ безъ своего воздѣйствія. Обыкновенно, этихъ молодыхъ кутилъ Шепелевъ въ наказаніе заставлялъ на долгое время подметать городскіе улицы и мосты, и притомъ въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, такъ чтобы наказанныхъ видѣло рѣшительно все населеніе. Мало того, метельщикамъ надѣвались еще особія бляхи на шнуркахъ съ надписью: „пьяница“.

Таковъ былъ Омскій полиціймейстеръ Шепелевъ, котораго память въ Омскѣ, какъ это ни странно, осталась увѣковѣченной. При немъ въ Омскѣ было отведено новое кладбище, которое до сихъ поръ и носитъ названіе „Шепелевскаго“. Раскинувшійся около кладбища уже въ самое послѣднее время базаръ получилъ названіе также „Шепелевскаго“. Такъ „рѣка времени“ прихотливо сохраняетъ имена, казалось-бы, подлежація забвенію.

Омскъ, 27 Іюня 1911.

Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ.

ОМИЧЬ НА КОРОНАЦІИ 1856 ГОДА ВЪ МОСКВѢ.

Въ Божѣ почивающій Царь-Освободитель, какъ извѣстно, короновался въ Москвѣ въ 1856 году. Среди прочихъ на коронаціи были и Омичи, изъ которыхъ въ живыхъ теперь уже остались немногіе старики. Одинъ изъ такихъ старичковъ, мѣстный купецъ и крупный домовладѣлецъ, рассказываетъ изъ того памятнаго года любопытный эпизодъ.

Молодымъ разгульнымъ паренемъ былъ онъ тогда въ Москвѣ и вращался въ лучшихъ тогда Московскихъ купеческихъ семьяхъ. То радостное волненіе, которое всегда охватываетъ Москвичей передъ патріотическими празднествами, а въ то время въ особенности, переживалось и Омскимъ купчикомъ вмѣстѣ съ его разгульными товарищами.

Молодежь, разумѣется, любовалась приготовленіями Москвы къ торжественному дню. Заглянули, между прочимъ, и въ Кремль, гдѣ уже было протянуто красное сукно для предстоявшаго шествія къ Успенскому собору. Въ самый же соборъ никого не пускали. Публика толпилась въ почтительномъ разстояніи, и одинъ только военный караулъ стоялъ близко у трона, оберегая его.

Молодежь какъ-то раззодорила Омича. А тотъ не будь плохъ, съ юношескимъ задоромъ вызвался пройти въ закрытый соборъ, и дѣйствительно со смѣлостью отправился по линіи краснаго сукна. Одинъ Богъ знаетъ, что переживалъ тогда смѣльчакъ. Почтительно подошелъ онъ къ полковнику военного караула и объяснилъ ему, что онъ пріѣзжій изъ-далека, изъ Омска, и что онъ пойдеть осмотрѣть приготовленія въ соборѣ. „Вы изъ Омска?“ радостно переспросилъ его полковникъ: „вы конечно, видали тамъ генерала Гасфорта, это-мой дядя“. А Омичъ не только видалъ генерала, но и былъ хорошо знакомъ съ нимъ. Въ Омскѣ купчикъ и его отецъ играли важную роль, а потому и генералъ бывалъ у нихъ, и они у него. Знакомство, такимъ образомъ, у молодого Омича съ начальникомъ караула завязалось быстро, и его пустили въ храмъ. И кромѣ того онъ выхлопоталъ право провести для осмотра дамъ—жену и дочь тогдашняго Московскаго городского голоны Гучкова (увѣряютъ, что это былъ только однофамилецъ нынѣшняго). Къ обѣду торжествующій Омичъ, конечно, попалъ къ Гучковымъ. Дамы отъ него были въ восторгѣ. Мушкетеры-Москвичи были въ полнѣйшемъ презрѣніи. „Эхъ вы, Московскіе, не могли, сколько мы ни просили, показать намъ важныя приготовленія. А вотъ изъ глухой Сибири человѣкъ и легко намъ это устроилъ“.

Такъ иногда далекія знакомства легче открывали двери тамъ, гдѣ были близкіе, да незнакомые. И къ Сибирякамъ вообще въ Европейской Россіи относятся какъ-то снисходительнѣе.

Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ.

Омскъ, 7 Сентября 1911.

XX век.

Город в вихре перемен
(до 1920-х годов)

Забытый герой Русско-японской войны. Послужной список сибирского казачьего офицера Л.И. Волкова

Аннотация: Статья посвящена офицеру Сибирского казачьего войска омичу Леониду Ивановичу Волкову, малоизвестному герою Русско-Японской войны. Выпускник Сибирского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища, хорунжий Волков 2 февраля 1904 г. получает назначение в 8-й Сибирский казачий полк, в котором служит до окончания войны с Японией. За отличия в делах против неприятеля удостоен четырех орденов: Святой Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами. Послужной список Л. И. Волкова публикуется впервые.

Ключевые слова: казачество, сибирские казачьи офицеры, Русско-японская война, Русская армия, героизм.

Леонид Иванович Волков младший брат известного генерал-майора Вячеслава Ивановича Волкова, служившего при А. В. Колчаке. Отец братьев Волковых являлся есаулом Сибирского казачьего войска. Если В. И. Волков родился в Омской станице [1, л. 1], то Л. И. Волков в Семиреченской области [2, 265 об.].

Леонид Иванович прошел всю Русско-Японскую войну (1904 – 1905 гг.) в 8 Сибирском казачьем полку, в передовом кавалерийском отряде младшим офицером 4-й сотни. Начал войну в чине хорунжего, а закончил – в чине сотника. Боевое крещение получил в знаменитой победоносной атаке под железнодорожной станцией Вафангоу 17 мая 1904 г. В этот день 4-я и 6-я сотни 8-го Сибирского казачьего полка уничтожила в рукопашной схватке почти весь японский эскадрон [3].

В послужном списке сотника Волкова отмечается, что он участвовал более чем в десяти стычках с неприятелем, но это не считая тех выматывающих стычек, которые часто разворачивались на линии передовых застав. В качестве примера можно привести заметку подъесаула П. Н. Краснова: «День и ночь на заставах, часто неделями без смены, день и ночь в разъездах казаки истрёпывали свои силы и нервы, изнашивали лошадей и редко слышали себе похвалы. Публика привыкла к этим ежедневно идущим сообщениям о том, что разъезд такой-то имел перестрелку там-то и там-то, вытеснил японцев из такой-то деревни, а потом под напором пехоты противника отошёл назад [4, с. 1256].

Большей частью сибирские казаки несли службу ближней и дальней разведки, службу связи на широком фронте, охраняли фланги, производили усиленные рекогносцировки, прикрывали ночные отходы арьергардов пехоты своими частями [5, с. 141]. При этом «казачьи части несли потери не меньше, чем пехота, но потери эти не были заметны, потому что они были ежедневны и каждый день невелики. Пехота теряла сразу много, казаки теряли каждый день одного, двух своих братьев, – а этих дней было так много!» [4, с. 1256]. Особенно жутковато становилось на линии передовых застав, являвшихся «глазами армии». В любой момент неприятель мог начать наступление. Вот какими чувствами и мыслями делится Командир 4-й сотни В. Е. Долженко, под началом которого служил Л. И. Волков: «Впечатление такое получается, что за нас все прячутся, и состав наш не жалеют. Из лошадей моей напр[имер] сотни, Бог знает, что уже сделали. Люди в очень напряженном состоянии... Был трое суток в сторожевых, заставлял на носу Японцев. Лошади всё это время и не знали что такое это быть без седла» [6]. Как свидетельствует Начальник штаба Сибирской казачьей дивизии полковник Г.А. Данилов с 25-го мая по 5 августа 1904 г. у 8-го Сибирского полка не было ни дня отдыха: «...неделями нельзя было найти время высушить потники, лошади всё время под седлом, осунулись и лица храбрых молодцов: ни выспаться, ни поесть как следует <...> С 25 июля по сегодняшний день [т.е. по 30 июля] каждую ночь приходится выдерживать нападения японцев на все занятые казаками селения: Генджуанцзы, Денцзякоо и Безымянную. Борьба за эти деревни идет прямо лютая. Каждую ночь и каждое утро японцы подбирают своих убитых и раненых и всё же лезут опять <...> Пока все попытки выбить нас отсюда для японцев неудачны» [7, с. 122– 123]. Об этих боях в послужном списке сотника Волкова нет никаких сведений.

К сожалению, из-за постоянных отступлений по приказам высшего начальства, казакам пришлось испытать нравственные испытания. В течение всей войны, длившейся 19 месяцев, русская армия, не терпя от неприятеля крупного поражения, постепенно сдавала ему один рубеж обороны за другим. Но это не отнимало мужества, стойкости и самоотверженности у казаков и офицеров.

За свою героическую службу Л. И. Волков был награжден четырьмя орденами, указанными в послужном списке. После войны Высочайшим приказом от 29 ноября 1906 г. как отличившийся в боях с

японцами, сотник Волков (теперь уже служивший в 1-м Сибирском казачьем полку) был назначен в 3-ю сводную сотню лейб-гвардии Сводно-казачьего полка [8, с. 929], шефом которого являлся Государь Император Николай II.

Эта была честь, которой из числа казаков Сибирского казачьего войска были удостоены всего четыре офицера. Среди них войсковой старшина И. С. Евтин (командир 3-й сводной сотни), есаулы А. И. Белов и А. А. Малыгин. Прибыв на формирование полка, офицеры переименовывались с понижением одного чина в чины лейб-гвардии, но при сохранении старшинства. Поэтому Л. И. Волков как младший офицер Сибирской полусотни был, переименован в гвардии хорунжего [9, с. 149] (а не сотника, как утверждает А. И. Белов, так как в 1906 г. он еще не был подъесаулом) [10, с. 176].

Несмотря на то, что в послужном списке сотника Волкова отмечено, что он «ранен и контужен не был» [2, л. 271], впоследствии он частично оглох от взрывов артиллерийского огня на Японской войне и рёва снарядов, от которого сыпались листья на деревьях [6]. Из-за болезни (глухоты) Л. И. Волкову «пришлось уйти из Гвардии. К 1 января 1913 г. он... состоял в распоряжении атамана 2-го отдела в Омске», но вернулся в строй в Первую мировую войну, а в гражданскую, дослужившись до чина полковника, – находился в распоряжении старшего брата В. И. Волкова [11, с. 344–345].

Ниже приводится послужной список Леонида Ивановича Волкова, составленный 28 января 1906 г.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК Сотника 8-го Сибирского казачьего полка Волкова

I. Чин, имя, отчество и фамилия.	Сотник Леонид Иванович Волков
II. Должность по службе.	Младший офицер.
III. Ордена и знаки отличия.	Кавалер Орденов: Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами.
IV. Когда родился.	11 февраля 1883 года.
V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец.	Сын Есаула уроженец Семиреченской области.
VI. Какого вероисповедания.	Православного.
VII. Где воспитывался.	В Сибирском Кадетском Корпусе и окончил курс в Николаевском кавалерийском училище по I-му разряду.
VIII. Получаемое на службе содержание.	Жалования..... Квартирных..... Фуржых по положению.

IX. ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ: Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия. Всемиловнейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.			
По окончании полного курса наук в Сибирском кадетском корпусе, Циркуляром Главного Управления военно-учебных заведений предназначен в сотню Николаевского кавалерийского училища, куда прибыл и зачислен юнкером рядового звания.....	Го- ды	Месяцы	Чис- ла
Служба на основании ст. 601 кн. XV Св[ода] Воен[ных] Пос[тановлений] 1869 г. изд. 1896 г. считается с.....	900.	Авг.	31.
Переименован в унтер-офицерское звание с	„	Сент.	1.
По окончании полного курса наук в училище по I-му разряду ВЫСОЧАЙШИМ приказом тысяча девятьсот второго года Августа десятого дня произведен в Хорунжий 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка.....	902.	Февр.	17.
Со старшинством.....	„	Авг.	10.
На основании ст. 635 кн. XV Св[ода] Воен[ных] Пос[тановлений] 1869 г. изд. 1896 г. обязан за воспитание в училище прослужить на действительной службе три года.	901.	Авг.	13.
Согласно приказа по Сибирскому казачьему войску 1902 г. за № 143 назначен в сотни 3 Сибирского казачьего полка, расположенные в г. Омске.			
Прибыл и зачислен в 6-ю сотню младшим офицером.....			
Переведен из 6-й сотни в 5-ю сотню.....	902.	Окт.	2.
Распоряжением окружного Штаба командирован на конскую перепись в г. Барнаул, куда и выехал.....	903.	Мар.	4.
Прибыл с военно-конской переписи.....	„	Мая.	29.
В составе 6-й сотни 3 Сибирского казачьего полка был командирован в г. Томск, где находился с по.....	„	Авг.	12.
Согласно телеграммы Атамана 2-го военного отдела по случаю объявления мобилизации командирован в распоряжение войскового Начальства.	„	Сент.	26.
Согласно мобилизационного плана предназначен в 8-й Сибирский казачий полк, куда и прибыл.....	904	Янв.	29.
Назначен Полковым Адъютантом и принял эту должность прик. № 1.	„	Февр.	2.
Выехал из г. Омска в действующую Армию в составе Штаба полка.....			
Переехал Границу Российской ИМПЕРИИ (ст. Маньчжурия).....	„	Апр.	9.

Прибыл в пункт сосредоточения войск в г. Ляоян.....	„	Мая.	1.
Сдал должность полкового Адъютанта и назначен младшим офицером в 4-ю сотню прик. № 97. п. II.....	„	„	7.
Приказом Войскам Маньчжурской Армии № 525. За отличие в делах с Японцами 17 Мая 1904 года награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом прик. № 187 п. IV.....	„	„	8.
ВЫСОЧАЙШИМ приказом переведен в 8-й Сибирский казачий полк...	„	Июля.	25.
ВЫСОЧАЙШИМ приказом утверждено пожалование Ордена Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.....	„	Сент.	2.
Приказом Войскам 1-й Маньчжурской Армии № 26. За отличия в делах против Японцев награжден Орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом № 328 п. IV.....	„	Сент.	6.
Приказом Главнокомандующего № 1036. За отличие в делах против Японцев награжден Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость» прик. № 234 п. III.....		Нояб.	30.
ВЫСОЧАЙШИМ приказом утверждено пожалование Ордена Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом ...	905	Июня.	15.
Приказом Главнокомандующего № 1728 произведен в сотники за выслугу лет.....		„	22.
Со старшинством с.....	„	Авг.	17.
Переехал границу в пределы Российской ИМПЕРИИ ст. Маньчжурия...	„	„	13.
Приказом войскам 1-й Маньчжурской Армии за № 890, за отличия оказанные одновременно в делах против Японцев награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами.....			
Согласно приказанию Штаба Сибирского Военного Округа от 11 Января 1906 г. за № 850 откомандирован от полка в распоряжение Атамана 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска.....		Нояб.	7.
В службе гражданской и по выборам дворянства не служил. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИХ рескриптов и ВЫСОЧАЙШИХ благоволений не получал.	906.	Январ.	12.

Х. БЫТНОСТЬ ВНЕ СЛУЖБЫ:				
а) Во временных отпусках: когда уволен, на какое время явился ли в срок если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительною; б) в бессрочном отпуску, с какого и по какое время; в) для пользования ран: где именно по чьему разрешению, с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) в плену: когда и где взят и когда возвратился на службу; и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.				
		Го- ды	Месяцы	Чи- сла
Уволен в семидневный отпуск с сохранением содержания..... Явился в срок.		903.	Сент.	12.
XI. Холост, или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей, какого они и жена вероисповедания.		Холост.		
XII. Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное.		Не имеет.		
XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе; когда и за что именно: по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке.		Не подвергался.		
XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения сверх прямых обязанностей по В ы с о ч а й ш и м повелениям или от начальства.		Особых поручений сверх [прямых] своих обязанностей по В ы с о ч а й ш е м у повелению и от Начальства не имел.		
В службе этого офицера не было обстоятельств, лишающих его права на знак отличия беспорочной службы, а также отдаляющих срок выслуги к сему знаку. Командир 8 Сибирского казачьего полка, П о л к о в н и к <i>Граф Стенбок</i> Полковой Адъютант, С о т н и к <i>Дорогунин</i>				

	УЧАСТВОВАЛ В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ	Го- ды	Месяцы	Чис- ла
Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии	В деле при ст. В а ф а н г о о	1904.	Мая.	17.
	В бою при ст. В а ф а н г о о	„	Июня.	1-2.
	В деле при д. Ю й ц з я т у н ь	„	„	3.
	В бою под г. К а й д ж о о	„	„	25.

	В сражении при ст. Д а ш и ч а о	„	Июля.	10-12.
	В бою при ст. А й с я н д з я н	„	Авг.	15.
	В Л я о я н с к и х боях	„	„	17-22.
	При К о п и-Я н т а й	„	„	20.
	При дер. Т у м ы н з а	„	„	22.
	В сражении под Б е н с и х у (Ш а х э й с к а я операция)	„	Сент.	25-30.
	В сражении под Мукденом (д. Ч а у х у а н з а й, перевалы: Кулинза, Цаудалинский, Сыдалинский и г. Ф у ш а н)	905	Февр.	11-25
	В усиленной рекогносцировке на дер. Н а н ч е н з а		Марта	29.
	Тоже на город К а ю а н ь		Апреля	8-11
	Тоже на дер. Н а н ч е н з а		Июня.	8.
	Ранен и контужен не был.			
Командир 8 Сибирского казачьего полка, П о л к о в н и к <i>Граф Стенбок</i> Полковой Адъютант, С о т н и к <i>Дорогунин</i>				

Источник: ГИАОО Ф. 67. Оп. 2. Д. 2410. Л. 265–271.

Библиографический список:

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 49705. Л. 1–4 об.
2. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2410. Л. 265– 271.
3. Подробности дела у Вафангоу 17 мая // Иллюстрированная летопись Русско-японской войны. СПб.: Типография А. С. Суворина. 1904. Вып. VI. С. 102–106.
4. Краснов П. Н. Работа конницы в Маньчжурской армии // Летопись войны с Японией. СПб. 1905. № 63. С. 1256–1262.
5. Белов А. И. Сибирская казачья дивизия в боях под Лаояном (воспоминания участника) // Сибирский казак. Харбин. 1934. Вып. 1. С. 139–144.
6. Письмо В. Е. Долженко жене М. Е. Долженко от 29 мая 1904 г. // Семейный архив автора.
7. Данилов Г. А. Сибирская казачья дивизия в походе против Японии в 1904 и 1905 годах (Дневник участника с 2 февраля 1904 года по 30 июля 1905 года). Ташкент: Типо-литография Штаба Туркестанского Военного Округа, 1913. 216 с.
8. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1906. 12 декабря. № 842. С. 929–932.
9. Лейб-гвардии Сводно-Казачий полк // Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1909. С. 149.
10. Белов А. И. Лейб-гвардии Сводно-казачий полк и Сибирская полусотня в нём // Сибирский казак. Харбин. 1934. Вып.1. С. 175–186.
11. Шулдяков В. А. Гибель генерала В. И. Волкова и судьба лиц из его ближайшего окружения // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск, 2011. С. 303–321.

Штрихи к портрету Степного генерал-губернатора и Войскового Наказного Атамана Сибирского казачьего войска Е.О. Шмита

Изучение опыта деятельности регионального звена государственного управления в России на заключительном этапе существования Российской империи, накануне и в годы Первой мировой войны всё более и более привлекает внимание исследователей. В этом отношении фигура Генерал-губернатора нам представляется ключевой. Анализ и характеристика её помогает более глубоко и под несколько иным углом зрения рассмотреть различные аспекты внутренней политики, общественно-политических движений, экономики и культуры на территории того или иного Генерал-губернаторства. Качество управления Степного генерал-губернаторства на протяжении всего его существования (с 1882 по 1917 гг.) во многом зависело от личности генерал-губернатора, его моральных и деловых свойств, уровня приближенности к монаршей особе. К одной из самых спорных и малоизученных фигур Генерал-губернаторов Степного края можно отнести Евгения Оттовича Шмита (31.12.1844–11.10.1915). Он происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Вероисповедания был православного. Образование получил в 1-м кадетском корпусе и 2-ом военном Константиновском училище. За каких-то тридцать шесть лет прошел путь от старшего корнета 12-го гусарского Актырского полка до генерал-лейтенанта и командующего 12-й кавалерийской дивизией. За боевые действия в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. получил Анну 2-й степени и Станислава с мечами. Успел покомандовать Изюмским, 26-м драгунским Бугским и лейб-гвардии Кирасирским полками. В 1891 г. был лично представлен Эрц-Герцегу Австрийскому Францу Фердинанду и был награжден им Австрийским орденом железной короны 2 класса. Перед назначением в Сибирь был помощником командующего Киевским военным округом (с 18.03.1906 г.). За «отличие по службе» на Украине получил 6 декабря 1907 года генерала от кавалерии, а на следующий год, 8 июня,

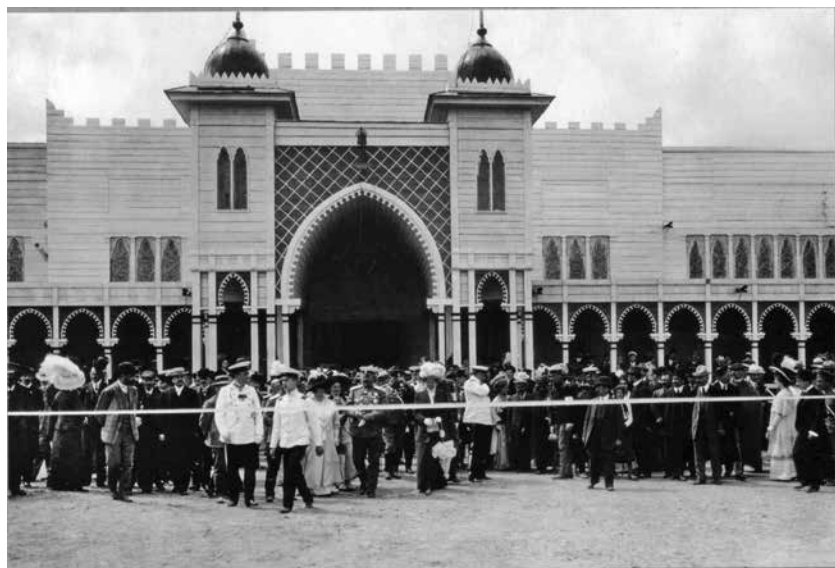

*Генерал-губернатор Степного края
Е.О. Шмит. 1909 г.*

1-ая Зап. Сибирск. Выставка въ Омскѣ.
„Общій № 2-й“.

последовало его Высочайшее назначение в Сибирь. За службу свою имел 10 российских и 6 иностранных наград, в том числе и китайский орден Двойного Дракона звезды 2 класса 3 степени, который 17 июня 1896 г. Высочайше было разрешено принять и носить. Евгений Оттович был женат вторым браком на девице и дочери гвардейского полковника Александре Михайловне Мусмак. От этого брака он имел сына Михаила (род. 22.08.1887 г.), а от первого брака сына Георгия (род. 9.11.1875 г.) и дочь Марию (род. 8.09.1885 г.). Жена и дети были также православного вероисповедания. Управляя Степным краем Е.О. Шмит не только получал по службе годовое содержание размере 18000 руб., но и был удостоен Высочайшей благодарности «за особую энергию и распорядительность проявленные в деле борьбы с чумной эпизоотией», которые способствовали её полному прекращению (30.12.1909 г.). Он также был награждён орденом Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского (6.12.1910 г.) и получил право ношения на груди светло-бронзовой медали в память 300-летия Царствования Дома Романовых (21.02.1913 г.). В данной статье мы коснёмся тех мероприятий в подготовке и проведении которых принимал активное участие Е.О. Шмит, и которые характеризуют его не только как администратора, но и как человека.

Торжественное открытие выставки. 1911 г.

Ещё в феврале 1909 г. правление Омского отделения Московского общества сельского хозяйства ходатайствовало перед городскими властями о разрешении устроить выставку в Омске. Целью проведения которой было- показать развитие Западной Сибири в естественно-историческом и культурно-экономическом отношениях. Для решения организационных вопросов был избран выставочный комитет. Его почётным председателем стал Генерал-губернатор Степного Края Е.О. Шмит, а комиссаром- известный учёный генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев. В марте 1910 г. на проведение выставки было получено согласие правительства. Местом проведения выставки была избрана Семинарская площадь (ныне территория Юнгорода), на которой для этого было отведено 27 десятин земли. На них участвующие в выставке предприятия, торговые фирмы и общества возвели 60 деревянных павильонов, отстроенных в стиле «модерн». 15 июня 1911 года состоялось освящение и торжественное открытие выставки. Церемония мало чем отличалась от современных. Вот что писала об этом событии газета «Омский вестник» за 16 июня 1911 г.: «Открытие первой Западно-Сибирской выставки... Во время молебна все присутствующие торжественной процессией направились в павильоны выставки. Во главе процессии идут распорядители выставочного комитета г.г. В.И. Куприянов, Б.П. Сысоев, Б.А. Смирнов, Проскуряков и главный комиссар выставки Г.Е. Катанаев, за ними епископ Владимир, духовенство, начальник края, губернатор и представители ведомств, за которыми уже следуют остальные участники торжества. По окончании молебна торжество было перенесено в выставочный театр, громадный зал которого был положительно переполнен публикой. Здесь начальник края Е.О. Шмит произнес обширную речь, которой приветствовал открытие Первой Западно-Сибирской выставки, выяснял значение её для Сибири и для Степного края в частности. После него занял трибуну акмолинский губернатор А.Н. Неверов...».

Через неделю после открытия выставки на имя генерал-губернатора Степного края пришли телеграммы от царя и премьер-министра правительства, опубликованные в газетах. Текст первой из них гласил: «Омск. Степному генерал-губернатору. Поручаю Вам передать устроителям выставки Мою искреннюю благодарность за выраженные чувства, верю в пробуждение и быстрое развитие производительных сил края на благо Сибири и всей нашей великой родины. Николай» [1, № 132 за 22 июня]. Текст другой, указывает нам, что оба эти послания были ответными на телеграфные рапорта Е.О. Шмита в столицу. «Счастлив был узнать из телеграммы Вашего Высокопревосходительства» - писал статс-секретарь П.А. Столыпин - «об открытии первой Западно-Сибирской выставки, надеюсь, что она окажется для края мощным двигателем на пути прогресса и культуры. Приветствую всех собравшихся на выставку представителей края, устроителей её и участников, поздравляю и Ваше Высокопревосходительство с осуществлением мероприятия, столь горячо Вами поддержанного» [1, № 133 за 23 июня].

Эскизный проект памятника Александру II в Омске

9 мая 1911 г. в торжественной обстановке Преосвященным Владимиром (Путятой), епископом Омским, в присутствии Войскового наказного атамана Сибирского Казачьего войска генерала от кавалерии Евгения Оттовича Шмита и других начальствующих лиц торжественно была произведена закладка храма во имя небесных покровителей Царской семьи. После закладки генерал Шмит по просьбе станичников отправил Государю телеграмму, в которой говорилось: «Сегодня в Атаманской станице вновь прибывшим епископом Омским Владимиром в присутствии моем и сибирских казаков совершена закладка трехпрестольного хра-

ма во имя святителя Николая Чудотворца, святой царицы Александры и святителя Алексия. Вознося горячие молитвы о здравии и благоденствии Вашего Императорского Величества и всей Царственной Вашей Семьи, сибирские казаки повергают к стопам Вашего Императорского Величества свои горячие верноподданнические чувства беспредельной любви и преданности». В этот же день была получена ответная телеграмма. Государь Император писал следующее: «Благодарю сибирских казаков за молитвы и за выраженные чувства по случаю закладки храма Атаманской станицы, надеюсь, что храм будет построен скоро и украсит станицу своим благолепием. Николай» [2, № 64]. Эти слова Государя оказались пророческими. Через два с небольшим года церковь уже была готова. Следует также отметить, что вышеупомянутая телеграмма от Царя по распоряжению Е. О. Шмита сначала, пока шло строительство, хранилась под стеклом в Троицкой церкви, а затем была передана во вновь возведенный Николаевский храм, где находилась в алтаре как особо чтимая реликвия. Дальнейшая судьба этого уникального исторического документа, к сожалению, неизвестна.

29 августа 1913 г. состоялось торжественное освящение вновь построенного храма. Торжественное освящение храма совпало с днем Всероссийского праздника трезвости. Поэтому, священник Иоанн Попов в своей проповеди призвал верующих воздержаться в этот святой день от горячительных напитков. А Преосвященный Епископ Омский и Павлодарский Андроник (Никольский), ныне почитаемый как священномученик, за Божественной литургией после освящения храма в своей прекрасной проповеди также наставлял православных казаков вести трезвую жизнь. По окончании богослужения состоялась постная трапеза, во время которой на столах не было ни вина, ни водки.

Не последнюю роль сыграл Евгений Оттович и в истории с проектированием и согласованием памятника Царю-Освободителю в г. Омске. 17 мая 1912 г. за № 4512 из Омска в столицу на имя Министра внутренних дел ушло официальное письмо. Его автор, Степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии Е.О. Шмит сообщал вышестоящему начальству о том, что в 1911 г. особое междуведомственное совещание под его председательством обсуждало вопрос о чествовании полувекового юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости. Это собрание единогласно постановило воздвигнуть в Омске памятник Царю-Освободителю. Местом для установки была избрана изначально и окончательно площадь напротив Успенского кафедрального собора, перед предполагаемым к сооружению зданием судебных установлений (ныне Законодательное собрание Омской области). Ориентировочная стоимость памятника исчислялась в 9000 рублей. Эту сумму планировалось собрать путём добровольных пожертвований казённых и общественных учреждений Степного края, торговых и промышленных фирм, а так же частных лиц. К лету 1912 г. было собрано 600 руб. Бывший незадолго до этого в Санкт-Петербурге генерал-губернатор Е.О. Шмит во время аудиенции лично доложил императору Николаю II о предстоящем сооружении памятника Царю-Реформатору в Омске. Государь весьма благосклонно отнёсся к этой идее. Ввиду этого Степной генерал-губернатор просил Министра внутренних дел посодействовать скорейшему «проведению через Академию художеств и утверждению прилагаемых проектов памятника» [3, ЛЛ. 1, 1 об.]. Первоначальный проект памятника (который представлял собой бюст Александру II, установленный на постамент, с пьедесталом, окружённым каменной оградой, с двумя шпильми по бокам и фонарями на углах) был выполнен художником А. Шапочкиным. [3,

ЛЛ. 6-8.] Из Департамента общих дел МВД данное отношение вместе с 10 приложениями было направлено 15 июня 1912 г. в Техническо-строительный комитет МВД. Председатель данного комитета Р.Р. Марфельд вместе со своим сопроводительным письмом направил всю документацию на экспертизу в Императорскую Академию художеств. При этом он просил Академию «... о сообщении ему по этому проекту заключения в возможно непродолжительном времени, в виду особой экстренности дела» [3, Л.3.]. В своём заседании 26 июня 1912 г. специальная Комиссия по рассмотрению проектов при Императорской Академии художеств ознакомилась с проектами памятников Царю-Освободителю, намечаемых в трех городах Российской Империи. Помимо нашего города проектную документацию подали города Балт в Подольской губернии и Семипалатинск. Проекты памятников в этих городах, что называется, прошли на «УРА», а вот омский проект члены комиссии (председателем которой был профессор Л.Н. Бенуа, а членами А.Н. Померанцев, М.П. Боткин, М.Л. Чижов, А.В. Щусев и др. известные личности) забраковали [4, Л.6.]. Нарекание комиссии вызвали идея и композиция. Техническо-строительный комитет МВД полностью согласился с мнением комиссии о неудовлетворительном составлении проекта памятника и своим письмом от 20 июля 1912 г. за № 1502 известил об этом Канцелярию Степного генерал-губернатора [3, ЛЛ.10-11]. 19 февраля 1913 г. Степной генерал-губернатор вторично обращается в вышестоящие инстанции. Теперь он сам, непосредственно, просит Техническо-строительный комитет МВД в скорейшем времени рассмотреть и утвердить вновь составленный проект памятника. В качестве автора второго проекта он привлёк академика архитектуры В. А. Пруссак. Выбор этот был неслучаен. С одной стороны новый автор был столичным архитектором и имел вызывающие уважение звания и регалии, а с другой - он проектировал намечающееся к постройке в нашем городе Здание Судебных Установлений. Прослышав, что и этот проект отклонили, Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит срочно выехал в Санкт-Петербург. Находясь 11 марта того же года в столице, он одобрил переработанный В. А. Пруссак «Проект памятника», уже третий по счёту. Во избежание дальнейших проволочек со стороны петербургских чиновников он добился личной аудиенции у Государя Императора, показал ему проект и заручился Высочайшим одобрением со стороны Николая II.

Сибирское казачество являлось, пожалуй, одно из самых хлопотных подчинённых ему ведомств. Земли казаки имели богатые, но обрабатывать их и вести правильно хозяйство не могли в силу специфики своей службы и сложившегося менталитета. Анализируя данное обстоятельство Е.О. Шмита рассуждал приблизительно так: образование стоит не на должном уровне [2, № 164], руководство и контроль со стороны начальствующих никудашный [2, № 38], а тут еще одолевают человеческие пороки в виде лени и пьянства. Пытаешься как-то помочь, да и в «Приказах по войску» дать дельные советы. И что же? Приезжаешь в станицы и узнаешь, что о твоих распоряжениях слухом не слыхивали [2, № 166]!

Ежегодно, летом, Е.О. Шмит делал объезд подчинённого ему Войска. Во исполнение забытых по Сибирскому казачьему войску приказов, в станицах и посёлках по пути следования начиналось вдоль улиц рытьёям для посадки молодых деревьев непосредственно в сам день проезда. После отъезда Начальника края, они уже увядшие, выбрасывались вон. Так было, например, и в 1910 году, когда во время посещения посёлка Железинского, Евгений Оттович столкнулся с подобным спектаклем, где оторванные от работы поселяне в бутафорски украшенном посёлке встречали его. Сразу обман Шмит конечно же не разглядел. Помогли либералы, поместив на страницах журнала «Сибирские вопросы» анонимную, но до боли колкую и ехидную заметку [5, № 30.С. 37-39]. Пришлось сделать необходимые распоряжения о том, чтобы во время его инспекторских поездок по войску слишком ревностные станичные и поселковые атаманы торжественных встреч ему не делали, дома флагами не украшали, от работ население не отрывали, а встречать его выходили только не занятые работой казаки [6, Л.2].

Впечатления от увиденного Е.О. Шмитом в ходе инспекторских поездок по Войску, как правило соотносились с делопроизводством и отчетностью Войскового хозяйственного правления. В результате чего и появился в 1912 г. «Приказ по Сибирскому казачьему войску за № 106», имевший далеко идущие последствия [7, № 106]. Именно он в некоторой степени усугубил конфронтацию между Войсковым наказным атаманом, с одной стороны, и представителями войсковой администрации, с другой.

Забегая вперед, заметим, что именно это противостояние во многом способствовало удалению Е.О. Шмита в 1915 году с поста Степного генерал-губернатора и назначению его членом Государственного совета. Причина же конфликта, на наш взгляд, простая, как в неугомонной личности Евгения Оттовича, так и в образе жизни сибирских казаков, ставшем для них традиционным. А традиции, как известно, весьма сложно поддаются реформированию!

С начала XX в. положение дел на религиозно-нравственном поприще среди сибирского казачества усугубилось. Давали о себе знать как сектанство, распространившееся на территории Войска, так суеверия, перекочевавшие из крестьянской среды. Эти обстоятельства вызвали не только тревогу у Войсковых Наказных Атаманов, но и заставляли последних обращаться за помощью к местным Архипастырям. Вот что писал Степной генерал-губернатор Е.О. Шмидт, в своём письме на имя Епископа Омского и Акмо-

Епископ Гавриил Голосов

линского Владимира (Путяты) за № 12663 от 17 июля 1912 г.: «Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь! При объезде мною казачьих посёлков в настоящем году, мною замечено, что храмы Божия содержатся не в должном порядке, о чём считаю своим долгом сообщить Вашему Преосвященству. В посёлке Крутойрском в молитвенном доме доски на полу выгнулись, никто за этим не смотрит и не наблюдает. Священник приезжает сюда весьма редко. Кружки на украшения молитвенного дома нет и даже тарелки нет. Церкви и молитвенные дома строятся без ведома и разрешения Войскового Хозяйственного Правления, вопреки закону. От этого происходят неправильности в постройке и убытки для обществ. Казаками посёлка Донского начата постройкою церковь. К сожалению, архитектора, наблюдающего за постройкой, у них не было. Местный благочинный о[тец] Александр Дагаев рекомендовал казакам в качестве наблюдателя крестьянина Воронежской губернии Шустова. В результате постройка начата совершенно неправильно: фундамент недостаточно углублен, стены из тесанного камня сложены крайне небрежно, без надлежащей поливки известью. Нахожу, что благочинный неосторожно рекомендовал Шустова. Население мало развито в религиозном отношении. Мне приходится наблюдать,

что взрослые парни и девушки-невесты не знают заповедей Божиих и общеупотребительных молитв. В видах поднятия религиозного развития, прошу Ваше Преосвященство, не признаете ли возможным сделать распоряжение не венчать молодых людей, не знающих молитв и заповедей Божиих. Крайним невежеством отличается посёлок Азовский, наполненный сектантами разных толков. Представляется желательным особое миссионерское воздействие на население этого посёлка. Священник Ачаирской станицы, живущий там давно, не знает круглых сирот в своём посёлке. Казалось бы, что священники по своему положению должны иметь особое попечение о сиротах. Поручая себя молитвам Вашего Преосвященства, прошу Вас принять уверение в чувствах глубокого уважения к Вам и преданности».

В поисках правды и истины Евгений Оттович порой был непоколебимым максималистом. Это хорошо видно по его роли в деле отправления Епископа Омского и Семипалатинского Гавриила (Голосова) на покой. Осенью 1910 г. по Омску поползли слухи о том, что кафедральный протоиерей Александр Голосов ухаживает за некоторыми своими ученицами. Вскоре и в местной прессе появились известия, что он состоит в любовной переписке и интимных отношениях с некоторыми гимназистками, а его дядя епископ - покрывает его аморальное поведение. Для поддержания авторитета епископа Гавриила по распоряжению Степного генерал-губернатора В. Е. Шмита на редактора издания был наложен административный штраф в размере 200 рублей. Попечителем учебного округа в октябре 1910 года было начато следствие. Его ходом и результатами Шмит живо интересовался. Он даже лично встречался с директором мужской гимназии, который вел это расследование. Итог был неутешителен. Генерал-губернатор вынужден был констатировать, что «обвинения, возводимые прессой на священника Голосова, не только справедливы, но значительно умалчивают о тех подробностях, которые добыты расследованием». Обо всем случившемся Евгений Оттович 30 октября 1910 г. написал в личном письме П. А. Столыпину. «Обращение ко мне епископа Гавриила с просьбой принять административные меры к недопущению...развала православия красноречивее всего говорит о неспособности духа и утрате духовенством всякого нравственного авторитета»-сообщал Шмит и просил Председателя Совета министров «содействовать к скорейшему удалению из пределов края, как священника Голосова, так и самого епископа Гавриила, давно утративших не только авторитет, но и уважение всего населения края и самого духовенства»[8,ЛЛ.2,3].Столыпин просьбу Степного генерал-губернатора поддержал. 8 ноября того же года он направил секретное ходатайство обер-прокурору Синода С. М. Лукьянову. Вмешательство Столыпина оказалось решающим. Через неделю Св. Синод приступил к рассмотрению накопившихся по омскому делу документов. Было решено провести ревизию Омского епархиального управления. Проверяющим был назначен епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан. На основании полученных результатов члены Синода признали полезным освободить епископа Омского и Семипалатинского Гавриила от выполняемых обязанностей и уволить его на покой. Однако, в официальном докладе Николаю II была указана более благовидная причина этому - преклонность лет епископа (72 года). 18 февраля 1911 г. данный доклад был утвержден [9].

В годы Первой мировой войны деятельность, полномочия и функции губернаторской власти изменились. Отныне главной её задачей стало осуществление действий, направленных на успешное проведение

мобилизации, обеспечение армии всем необходимым и поддержания порядка в тылу. В этом отношении, для характеристики Е.О. Шмита, следует упомянуть о двух подписанных им документах. 22 сентября 1914 г. он издаёт «Объявление Главноначальствующего населению Акмолинской и Семипалатинской областей», в котором речь идёт о распространении ложных слухов о неудачах и поражениях на фронте. В данном объявлении в частности говорилось: «[...]легковерные люди сами не понимают того, какой вред приносят они своим блудливым языком в среде малодушных людей склонных при первой неудаче падать духом и заражать других[...] Все телеграммы и письма из действующей армии поступают к адресатам не иначе, как через военно-цензурный комитет, находящийся в подчинении моего Штаба[...]Виновные лица будут подвергнуты заключению в тюрьме дл трёх месяцев, или денежному штрафу до трёх тысяч рублей. Предупреждаю заранее всех любителей и в особенности любительниц сенсационных новостей, сеющих смуту в умах населения, что наказания мною будут налагаться без всякой пощады, не считаясь с общественным положением провинившегося или провинившейся и что фамилии тех лиц, на которых будет налагаться взыскание, будут каждый раз оглашены во всех газетах, издаваемых в Крае[...]»[10,Л.165]. Другим документом является письмо адресованное Акмолинскому губернатору А.Н. Неверову. Датировано оно 16 октября 1914 г.В нём подчеркивая свою «русскость», Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит, носящий, кстати, немецкую фамилию, на чём свет стоит ругает «немецкий сепаратизм» и возмущается тем, что большинство немецких колонистов не говорит по-русски. Он делает распоряжение о том, что бы все немцы у себя в посёлках говорили и вели делопроизводство только по-русски, писали и подписывали прошения на этом же языке, и, чтобы занятия в немецких школах так же велись на языке нашего Отечества, а исключения лишь делались в отношении немецкого языка и Закона Божьего[11,С. 219-221]. Исходя из этого письма, некоторые исследователи даже считают, что именно Е.О. Шмит положил начало ассимиляционной политике в отношении немцев в Сибири[12,С.36].

Вступив в должность Степного генерал-губернатора Е.О. Шмит позиционировал себя как «просвещенного администратора». Время его правления можно условно разделить на мирный и военный периоды. Если в мирный период (с 1910 по 1914 гг.) некоторые его методы управления, построенные по строго военному принципу ассоциировались у окружающих с самодурством, то с началом Первой мировой войны именно они обеспечили успешное проведение мобилизации населения призывного возраста, оказание помощи в размещении раненых воинов в составе эвакуационных госпиталей, эффективное снабжение действующей армии и сохранение порядка в тылу. В 1915 году оставил пост Степного генерал-губернатора в связи с назначением его членом Государственного совета. Умер Евгений Оттович в 1915 г. находясь в Сочи.

Архивные источники и литература

1. Омский вестник.- 1911.
- 2 Приказы по войскам Омского военного округа и Сибирского казачьего войска.- №№ 1-197.- Омск,1911.
3. РГИА. Ф. 1293. Оп. 108. Д. 73.
4. РГИА. Ф.789.Оп.13.Д.94.
5. Из Омской жизни (заметки обывателя) //Сибирские вопросы.- 1910.
6. ГИАОО. Ф.67. Оп.2. Д.2818.
7. Приказы по Сибирскому казачьему войску за 1912 г.- Омск, 1912.
8. РГИА. Ф. 797. Оп. 80. 1910 г. 3 отд. 5 стол. Д. 383.
- 9.Базанова О. Дело протоирея Голосова.
<http://www.promreview.net/moskva/delo- protoiereya-golosova?page=0,7>
10. ГИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 118.
11. Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895-1917 / сост. П.П. Вибе.-Омск: Из-во ОГИК музея, 1999.
12. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект: Монография.- Омск: Из-во ОмГПУ, 2007.

Александр Лосунов

Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа

В исторической науке на современном этапе большое внимание уделяется изучению и восстановлению биографий лиц, оказавшихся по разным причинам участниками политических процессов. Особенный интерес, в отечественной историографии, представляют личности, чья деятельность пришлась на важные и переломные моменты российской истории первой четверти XX в. Так, в последние годы вышло немало работ, подробно освещающих биографии военных, перипетии их судьбы в период Гражданской войны в России [1], [2], [3], [4], [5], [6]. Большое внимание в современной историографии уделяется особенностям военной биографии ряда крупных деятелей, занимавших различные стороны в революционную эпоху [7], [8], [9], [10], [11]. В ряде работ раскрываются ранее малоизвестные аспекты из жизни политиков [12], [13], а также биографии церковных и общественных деятелей [14], [15], [16]. Однако в современной историографии уделяется меньшее внимание революционерам, оказавшим влияние не только на события в масштабах всего государства, но и отдельных его регионов [17], [18], [19], [20], [21], [22].

Константин Андреевич Попов, 1920 г.

Но всё ещё до конца остаются неизвестными аспекты биографий многих революционеров и политических фигур Советской России. К ним можно и отнести жизненный путь Константина Андреевича Попова (1876 1949) активного деятеля омского революционного движения, меньшевика-интернационалиста, присяжного поверенного, гласного Омской городской думы, доктора исторических наук. За свою долгую жизнь ему предстояло пережить несколько арестов, ссылок в Вятскую и Вологодскую губернии, Якутию и один смертный приговор в белом Омске. Несмотря на то, что в советский и постсоветский период выходили публикации, посвящённые его жизни [23], [24], [25], [26], [27], в данной статье ставится цель реконструировать биографию К. А. Попова, привлекая широкий спектр опубликованных и неопубликованных источников, ввести в научный оборот новые сведения, одновременно устранив неточности историографии.

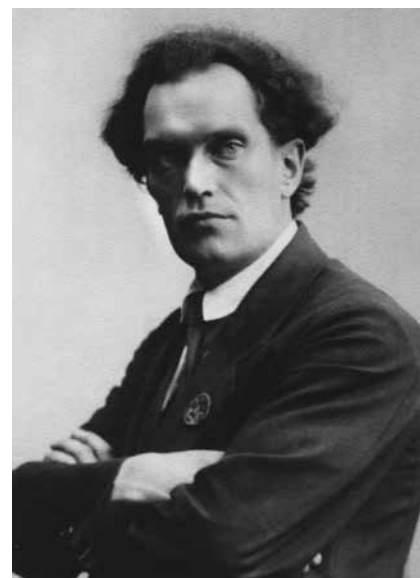
К. А. Попов родился в Омске 17 (29) октября 1876 г. в семье мелкого чиновника [25, с. 152]. В 1894 г. он закончил Омскую первую мужскую гимназию. Ещё гимназистом юный Константин участвует в создании нелегальной ученической библиотеки, для которой переписывал ряд нелегальных изданий [28, л. 2]. Примечательно, что в 1894 г. эту же гимназию закончил и Леонид Иванович Шумиловский (1876 1920), впоследствии революционер, меньшевик. Нет точных сведений об их совместной нелегальной деятельности в период обучения, но исключать её нельзя, учитывая близость интересов. Однако позже, с 21 июня 1918 г. Л. И. Шумиловский являлся заведующим отдела труда Западно-Сибирского комиссариата. С 1 июля 1918 г. он управляющий министерством труда Временного Сибирского правительства. Данную должность он занимал во Временном Всероссийском правительстве (Директории) и Российском правительстве А. В. Колчака. Указом Верховного правителя А. В. Колчака был назначен Министром труда [29, с. 454].

После окончания гимназии К. А. Попов продолжил своё обучение, решив получить юридическое образование. Он уезжает в Юрьев (ныне Тарту) и поступает на юридический факультет Дерптского (Юрьевского) университета, который закончил в 1898 г., став кандидатом права. Во время обучения в университете он не оставляет и общественной деятельности, принимая участие в студенческих дискуссиях и революционных кружках. В университете он знакомится с Виргилием Леоновичем Шанцером (1867 1911), впоследствии одним из активных участников Декабрьского вооружённого восстания 1905 г. в Москве. В университете К. А. Попов и В. Г. Шанцер входили в марксистский кружок, который друг нашего героя вскоре возглавил [30, с. 43]. Их деятельность не осталась незамеченной. Незадолго до окончания учёбы за К. А. Поповым был учреждён негласный надзор полиции. Тем не менее, окончив университет, он получает назначение в Санкт-Петербург на службу в казённую палату. Служба в государственном столичном учреждении была недолгой. Примерно в это время он вступает в РСДРП, затем под псевдонимом «Пётр Федорович» составляет нелегальные листовки и воззвания [28, л. 2]. Согласно материалам департамента полиции К. А. Попов несколько раз передавал рабочим листовки накануне 1 мая [24, с. 110]. В конце апреля 1899 г. он был впервые арестован и помещён в Петропавловскую крепость.

После освобождения, в январе 1900 г. молодой революционер не планировал прекращать свою работу, намереваясь в будущем заниматься политической деятельностью. Но условия для этого были несколько затруднены. Власти запретили ему проживать в Санкт-Петербурге и Москве, в итоге, вынужденно он уезжает в Харьков, где устраивается на работу в службу сборов Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги [31, л. 1]. Параллельно, под псевдонимом «Алексей Петрович», выступал в рабочих кружках, участвуя в работе харьковского комитета РСДРП. Но уже в ноябре 1900 г. жандармерией были произведены аресты членов комитета, вследствие данной акции в тюремном заключении оказался и К. А. Попов. В июне 1901 г. он был отправлен на 4 года в ссылку в Вятскую губернию в Орлов [28, л. 3]. В ссылке ему было запрещено поступать на службу в государственные и общественные учреждения, заниматься педагогической деятельностью. И здесь запретные меры не повлияли на его решения. В рапорте орловского исправника за 1902 г. так говорилось о деятельности К. А. Попова: «Поведения крайне неодобрительного, имеет вредное влияние не только на всех политических ссыльных, но и на молодых людей, которым даёт уроки. Имеет связь с учащимися Татьянинской гимназии, с учителями, оказывая на них влияние» [28, л. 3]. Вскоре жандармерии стало известно о получении К. А. Поповым нелегальных изданий из-за границы и распространении их среди учащихся Орловского городского училища. В 1903 г. он был отправлен на 5 лет в Якутскую ссылку. В Иркутской пересыльной тюрьме он вновь встретился с В. Г. Шанцером, с которым он уже вместе добирался до места ссылки – Олёкминска [25, с. 153].

Благодаря политической амнистии, объявленной 21 октября (3 ноября) 1905 г. освобождение получают многие политические ссыльные и заключённые. В конце ноября 1905 г. К. А. Попов прибывает в Иркутск и принимает участие в работе местной организации РСДРП. От неё он получил мандат на участие в IV съезде РСДРП в Стокгольме, но заболевает тифом, в связи с чем поездка так и не состоялась. Важно отметить, что за свою жизнь К. А. Попов неоднократно серьёзно болел (в том числе тифом, туберкулёзом), но после выздоровления затем вновь включался в работу. Наконец, в августе 1906 г. он прибывает в Омск, свой родной город, как секретарь подпольного комитета РСДРП. В Омске в это время он вновь встретился со своим давним другом и соратником В. Г. Шанцером и познакомился с В. В. Куйбышевым. Параллельно К. А. Попов служил секретарём в Омской городской думе [32, с. 28]. Вскоре он включается в работу по подготовке к созыву V съезда РСДРП, созыву Западно-Сибирской партийной конференции. 20 ноября 1906 г. в Омске начинается своя работа городская конференция РСДРП. Конференция проходила в комнате небольшого, только что построенного деревянного дома по ул. Скаковая (угол улиц Масленникова и Куйбышева, здание снесено). Несмотря на стеснённые условия, в работе конференции принимало участие 38 человек. Начавшаяся конференция шла обычным ходом. Но на тот момент полиции уже было известно о том, что в доме на Скаковой будет проходить незаконное мероприятие. Начальник Омского жандармского управления сообщил приставу Галибину, по агентурным данным об намечающемся мероприятии. Далее неизвестным агентом жандармерии дом был указан приставу. Затем последовало окружение здания полицейскими и арест находившихся в нём участников конференции, среди которых были К. А. Попов, В. Г. Шанцер и В. В. Куйбышев. В доме задержанные предприняли неудачную попытку уничтожить находившиеся у них документы. В распоряжении властей оказались проекты резолюций конференции, экземпляры воззваний и прокламаций, отчёты по кассе Омского комитета РСДРП, несколько социал-демократических газет. По мнению экспертов-графологов, часть резолюций была написана рукой К. А. Попова [33, с. 181-184].

Как позднее вспоминал В. В. Куйбышев, агент, указавший на место проведения конференции, по ошибке или специально дал искажённую информацию. Согласно донесению агента в доме должна была собраться некая боевая дружина, хорошо вооруженная и готовившая экспроприацию [34, с. 20]. По этой причине в задержании принимали участие не только полицейские, но и казаки. Участники конференции были доставлены в полицейское управление, а после в Омскую областную тюрьму. Большинство арестованных были ещё молодыми людьми, 18-20 лет. В силу юношеского максимализма они решили не только не давать никаких показаний, но и в принципе не отвечать на вопросы следствия, не называть фамилии, отказаться от защиты, добиться вывода из зала суда. Но от находившихся с ними опытных революционеров, К. А. Попова и В. Г. Шанцера, поступил разумный совет. Ими было указано, что арестованные члены РСДРП в силу возраста имеют крайне мало опыта, не знают, что такое настоящее тюремное заключение, ссылка, каторга. Их поведение может только спровоцировать приговор к длительным срокам заключения. Тем более, что К. А. Попов и

*Валериан Владимирович
Куйбышев, 1919 г.*

В. Г. Шанцер – выпускники юридического факультета Дерптского (Юрьевского) университета могут грамотно выступить во время судебного заседания [34, с. 23]. Суд состоялся 1 марта 1907 г. В итоге им действительно удалось корректно и спокойно указать на допущенные нарушения. Дело было в том, что обыск производился без присутствия арестованных. Им впоследствии даже не был дан протокол обыска, чтобы его подписать. Посторонних свидетелей кроме полицейских, не было. Кроме того, у некоторых арестованных пропали личные вещи, деньги. Здесь сыграло свою роль и то, что дело было отдано в военный суд по настоянию властей, поскольку они были арестованы как некая боевая дружина. Военному суду власти в итоге так и не дали передать дело в гражданский [34, с. 23]. Благодаря целому ряду факторов все 38 арестованных в итоге были приговорены к одному месяцу заключения [35, с. 26].

После освобождения К. А. Попов был избран делегатом от омской организации на V съезд РСДРП 30 апреля (13 мая) — 19 мая (1 июня) в Лондоне. На съезде он выступал как член большевистской фракции под псевдонимом Степной [36, с. 653]. После возвращения из Лондона в Омск, был вновь подвергнут аресту и сослан в Вологодскую губернию на 2 года. После возвращения из ссылки, какое то время он вёл деятельность в Санкт-Петербурге и в феврале 1910 г. вновь вернулся в Омск, с которым (с небольшим перерывом) будут связаны следующие 12 лет его жизни. Здесь нужно всё-таки подробно остановиться на отношении К. А. Попова к фракциям большевиков и меньшевиков. С одной стороны принято считать, что он являлся меньшевиком [25, с. 156]. В 1920 г. он вступил в РКП (б) [37, с. 382]. Сам герой статьи в анкете отмечал, что в 1899 1900 гг. был «экономистом», в 1901 1903 гг. «искровцем», в 1903 1906 гг. меньшевиком. По мнению А. П. Михеева К. А. Попов примыкал то к большевикам, то меньшевикам [26, л. 211]. На тот момент не везде в провинции существовало чёткое деление по партийным фракциям [38, с. 160]. В 1907 г., как было сказано выше, он являлся членом большевистской фракции. В 1977 г. в Омске, с целью увековечивания памяти, одна из появившихся улиц была названа в его честь. В справках к решению о названии улицы указывалось, что К. А. Попов «старый большевик», член данной фракции с 1906 г. [39, л. 105-109]. Действительно, согласно постановлению ЦКК РКП (б) от 23 января 1923 г. партийный стаж К. А. Попова как большевика восстановлен с 1906 г. По всей вероятности, изначально, как и многие революционеры, он не реагировал по поводу раскола партии на большевиков и меньшевиков. Такая ситуация была характерна тогда для российской провинции, когда многие революционеры после раскола не всегда причисляли к себе к конкретной фракции во избежание ссор, в память о прежней дружбе и деятельности, совместном пребывании в ссылке. Зачастую совместная работа большевиков и меньшевиков в Сибири продолжалась и на протяжении всего 1917 г. [40, с. 48-50]. Как отмечал Л. Д. Троцкий: «Между тем история борьбы большевиков с меньшевиками есть в то же время история непрерывных объединительных попыток» [41, с. 221-222]. Видимо К. А. Попов, находясь вне фракции, на какое то время стал меньшевиком. Но приведённые факты показывают, что в 1906 1907 гг. был в большевистской фракции. Но его данные о его деятельности после 1907 г. показывают, что до вступления в РКП (б) он вновь являлся меньшевиком [40, с. 43].

Вернувшись в родной город К. А. Попов поступает на службу в качестве помощника присяжного поверенного и активно включается в местную общественную жизнь. В 1910 г. в состав редакции газеты «Омский вестник» вошли известные омские социал-демократы, среди которых был и К. А. Попов [42, с. 78]. Издатель газеты Л. И. Корвин-Круковский привлёк их редактированию с целью поднятия тиража газеты. Во время работы в газете социал-демократов (июль ноябрь 1910 г.) её тираж действительно значительно вырос благодаря статьям критически оценивающих российские порядки. Но затем издатель решил прекратить сотрудни-

чество, опасаясь радикального изменения курса. Сыграло роль и то, что представители купеческого сословия были недовольны критикой в их адрес [43, с. 112].

При этом деятельностью К. А. Попова с момента его возвращения в Омск интересовалась не только общественность, но и органы власти. Его фамилия фигурировала в донесении начальника Томского жандармского отделения в Департамент полиции о подготовительной работе социал-демократических групп Омска, Барнаула и

Полицейская управа, Омск, фото 1910 г.

Новониколаевска по учреждению Западно-Сибирского бюро РСДРП от 22 ноября 1910 г. В донесении говорилось о некоем Васильеве, главном действующем человеке в организации бюро, проживающим в Омске. Предполагалось, что под этим псевдонимом скрывался именно К. А. Попов, активно занимающийся политической деятельностью: «Он летом настоящего года приезжал из г. Омска в Барнаул и говорил о созыве общероссийской конференции, о чем, по его словам в Омске получено извещение Центрального Комитета с письмом Троцкого, но и извещение это, и письмо будто бы потеряны (кем то зачитаны)» [44, с. 86].

На следующий год К. А. Попов становится редактором-издателем общественно-литературного журнала «Думы». В апреле 1911 г. ему удалось получить свидетельство от Акмолинского губернатора на право издания журнала в Омске под его ответственной редакцией [45, с. 47]. Редакция располагалась по адресу Часовитинская, д. 35 (ныне начало ул. Пушкина), где находилась квартира К. А. Попова. По сути, члены редакция издавали журнал на собственные средства, которых не всегда хватало. Журнал, который должен был стать еженедельным, просуществовал недолго – с июля по август 1911 г. [46, с. 78]. В газете публиковали свои художественные произведения известные сибирские писатели, в том числе А. Е. Новосёлов и А. С. Сорокин [46, с. 80]. Успело выйти 5 номеров. Историк Н. В. Черепнин считал, что в итоге журнал был закрыт по распоряжению властей [24, с. 112]. В журнале публиковались различные статьи, старающиеся неофициозно рассказать о российской действительности как в столице, так и в провинции, проанализировать причины негативных явлений общественной и бытовой жизни. Уделялось и внимание особенностям Омска, его жителей. Одна из статей начиналась следующей характеристикой горожанина: «Омич, рождённый среди вечной, нудной, наущающей пыли и жары, не привык к большим событиям в своей обывательской жизни. Далеко от центров умственных «схваток» и «счетов», далеко от центров умственной жизни – он индифферентно относится к резким колебаниям в той и другой областях» [47, с. 21]. Журналом была освещена Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка 1911 г. В одной из статей автор сожалел, что рядом с блестящими экспонатами торговых фирм нет какой-либо информации о деревенском населении, о том какими сельскохозяйственными машинами оно пользуется и как это в итоге отражается на их жизни. Автор подчёркивал, что было бы очень важно показать возможности сельского населения для покупки машин в кредит и в рассрочку. В конце следовал вывод, что такой информации и не может быть, поскольку до сих нет общественной организации, которой было бы близко и дорого изучение сибирской деревни [48, с. 12]. Несмотря на скорое закрытие журнала, он пользовался успехом. К нему проявили интерес томские социал-демократы, а позже и жандармерия. В конце августа 1911 г. сотрудники Омского жандармского управления отправили для ознакомления второй номер журнала томским коллегам [49, с. 12].

Несмотря на неудачу с журналом, К. А. Попов не оставил своей деятельности, параллельно подвергаясь слежке и обыскам. В феврале 1913 г. в донесении сотрудника жандармерии значилось, что на квартире К. А. Попова прошло собрание омских социал-демократов. Кроме этого, сообщалось, что помощник присяжного поверенного К. А. Попов предполагал прочесть лекцию в коммерческом клубе «О нормальном отдыхе служащих и ремесленных рабочих по закону от 15.11.1906». Причём в итоге областной администрацией чтение лекции было запрещено [44, с. 146]. 28 июня 1913 г. квартира К. А. Попова была подвергнута сотрудниками жандармерии обыску. Это было вызвано поисками в Омске бежавшего из Нарымского края административного ссыльного Лейзера Зеликсонома, хотя обыск не дал никаких результатов [50, л. 95об.].

Следующие годы прошли для К. А. Попова в работе в обществе «Просвещение», созданного для содействия развития образования населения города [51, с. 55]. 9 февраля 1914 г. проходили выборы в правление общества, на которых 34 голоса из 35 было подано за К. А. Попова. Но он, опасаясь репрессий со стороны властей к данному обществу отказался от данного поста, возглавив в нём комиссию народных чтений. Одновременно он сотрудничал в «Обществе самообразования и физического развития». В этом же году при его содействии было создано «Общество разумных развлечений» для железнодорожных рабочих Атаманского хутора [45, с. 66]. Через какое-то время он, видимо поддавшись на уговоры, согласился возглавить общество «Просвещение», поскольку в документах жандармерии за март 1914 г. он значится как его главный руководитель [50, л. 95об.]. «Общество самообразования и физического развития» и «Просвещение» также не чув-

Дом общества Просвещение, фото 1953 г.

ствовали недостатка во внимании сотрудников жандармерии, которые подчёркивали, что в них активную роль играет наиболее видный омский социал-демократ К. А. Попов, систематически читающий в них лекции по политической экономике [52, л. 6]. Поскольку официальная программа чтений в обществе «Просвещения» затрагивала различные исторические, экономические и юридические вопросы, сотрудники жандармерии сочли, что это даёт широкую возможность придать лекциям нежелательное направление. Вследствие этого, за обществом было продолжено непрерывное агентурное наблюдение [53, л. 85]. Деятельность обществ проходила довольно активно. Как отмечал сотрудник жандармерии, «Общество самообразования и физического развития», едва появившись, уже насчитывает примерно 600 человек [52, л. 5об.].

Наряду с просветительской работой, помощнику присяжного поверенного необходимо было заниматься и другими вещами. Согласно агентурным сведениям по общественному движению в Омске, агент «Одинокий» сообщал, что 5 января 1914 г. в помещении общества «Просвещения» состоялось собрание социал-демократов. Они пришли к заключению о необходимости систематических денежных сборов для создания двух фондов – один для периодической печати, другой для Красного Креста. Казначеем был избран К. А. Попов [54, л. 2об.]. В 1914 г. сотрудниками жандармерии была дана К. А. Попову кличка наблюдения «Чёрный» (видимо из-за цвета волос). Под ней он чаще всего проходил в делах, например в отчёте о наружном наблюдении от 19 мая 1914 г. На нём же собравшиеся (включая К. А. Попова) подчеркнули необходимость сочетания легальной и нелегальной работы [54, л. 42об.]. Но уже летом 1914 г. по омской организации РСДРП был нанесён серьёзный удар. Были проведены обыски у ряда ее членов, во время которых были обнаружены запрещённые издания, вынудив многих отказаться от подпольной деятельности [55, с. 81-82]. Вероятно, здесь сыграли свою роль действия двоих провокаторов, внедрённых в омское подполье в 1910-1914 гг. [56, с. 41]. К. А. Попов не отошёл от политики, скорее наоборот, ещё более погрузившись в неё. Это было связано с тем, что примерно в середине 1914 г. он становится присяжным поверенным и гласным Омской городской думы [57, с. 18]. В агентурном донесении от 31 мая 1914 г. говорилось, что К. А. Попов на собрании социал-демократов, как гласный, просил теперь руководить его думской деятельностью [44, с. 185]. Это было связано с тем, что организации РСДРП на местах постепенно включались в работу, связанную с городским самоуправлением [58, с. 139].

В качестве гласного ему приходилось принимать участие в решении различных вопросов омской жизни. Среди них были постройка новых зданий для учебных заведений, выборы членов попечительских советов, нарушения учебным начальством прав города, выдаче пособия учащимся в Петрограде сибирякам [59, лл. 21об., 112, 123-123об., 126а]. В октябре-декабре 1914 г. в Омской городской думе разбирался вопрос о выдаче пособия за 25 лет учителю Гоголевского училища Н. И. Медведеву. После проверки данных о службе Н. И. Медведева большинство гласных приняло решение отказать в выдаче пособия. На это повлияли и аргументы К. А. Попова, который на основе данных полученной училищной комиссией и городской управы объяснил, что Н. И. Медведев не имеет каких-либо достоинств, кроме срока службы. Так, за годы преподавания от его деятельности пострадали многие учащиеся и коллеги, с которыми он вёл себя некорректно. Более того, по сути, он был осведомителем начальства, в результате чего многие опытные учителя остались без работы [59, л. 233-233а]. На заседании городской думы 3 апреля 1915 г. было единогласно принято предложение К. А. Попова о необходимости оставить в силу закон от 13 октября 1914 г. Согласно этому закону, административные власти должны были прекращать торговлю крепкими напитками, если последует ходатайство городских общественных учреждений. По его мнению, данная мера поставила бы торговлю крепкими напитками в зависимость от городского самоуправления, что являлось очень важным для интересов населения [60, с. 204]. В апреле 1915 г. он принимает участие в работе первого съезда представителей городов Западной Сибири в Омске [61, с. 51]. Доклад был посвящён учреждению областной организации Западно-Сибирских городов [62, л. 9].

13 декабря 1915 г. в обществе «Просвещение» состоялось очередное выступление К. А. Попова на тему войны. С началом войны он занял «пораженческую позицию», много внимание, уделяя антивоенным воззваниям. В своём реферате в тот вечер он обосновывал необходимость прекращения войны [63, с. 71]. На этот же вечер присутствовал и спорил с К. А. Поповым присяжный поверенный, кадет В. А. Жардецкий, впоследствии известный в белом Омске как политический деятель крайне правых взглядов, фанатик диктатуры и поклонник А. В. Колчака [64, с. 234]. Именно в его доме жил недолго А. В. Колчак в середине октября 1918 г., приехав в Омск [65, с. 46]. За данное выступление в январе 1916 г. К. А. Попов был подвергнут обыску и арестован. 13 января 1916 г. постановление об его аресте за антивоенную пропаганду было составлено начальником Омского жандармского управления полковником Н. Н. Козловым [44, с. 203]. Кроме реферата на антивоенную тему, он обвинялся и в том, что 3 января 1916 г. в обществе «Просвещение» зачитал произведение Л. Н. Толстого «Неужели так надо?», которое «по содержанию своему является преступным изданием» [44, с. 204]. Вся деятельность К. А. Попова в этом постановлении была объявлена преступной. О реакции на его арест и заключение сообщалось в сведениях составленных Омским жандармским управлением о настроениях в

Омске и Акмолинской области за январь 1916 г. Из них следовало, что общество разделилось. Было указано, что среди его единомышленников, главным образом, адвокатов, возникло волнение и возмущение арестом. Сначала они даже хотели провести демонстрацию, но в итоге отменили эту акцию. Но в обществе были и те, кто считал арест правильным, поскольку это надолго отобьёт желание просвещать народ [66, л. 3 Зоб.]. 9 февраля 1916 г. вопрос о его судьба обсуждался в стенах Омской городской думы. Было заявлено, что думе будет довольно сложно справляться со своими обязанностями, особенно когда из неполного состава гласных вырываются лучшие работники, как К. А. Попов. Гласный Д. С. Каргалов специально поднял вопрос, что сделала депутация для его освобождения. Частное совещание гласных после заседания думы специально было посвящено вопросу о предполагаемой высылке К. А. Попова из Омска. Гласными было указано, что это вопрос крайне принципиальный, поскольку ныне никто не застрахован от высылки. Было решено выяснить положение К. А. Попова и настаивать на его освобождении и оставлении в Омске как полезного и деятельного работника [67, с. 3]. В итоге, благодаря общественной активности коллег, примерно в середине февраля 1916 г. он был освобождён [68, л. 14].

Уже 8 марта 1916 г. он вновь участвует в работе думы [69, с. 3]. Им была пожертвована сумма на открытие в Омске Народного университета [68, л. 20]. Недавний арест не изменил его убеждений. 5 апреля 1916 г. он участвовал в заседании, на котором обсуждался вопрос об отставке члена Омской городской управы В. И. Пантелеева. Член управы указывал, что за время своей работы постоянно сталкивался с администрацией, ежедневно получая от неё десятки бумаг, оставаясь без обещанной властями помощи, в итоге нарушая план своей работы. На приёме губернатор Акмолинской области П. Н. Масальский-Кошуро решительно заявил В. И. Пантелееву, что отправит его в тюрьму. Гласные осудили поведение губернатора. К. А. Попов предлагал думе без прений выразить протест губернатору за его угрозы, как оскорбительные для гласных [70, с. 2]. 26 апреля 1916 г. он обратил внимание, что в Омске о деятельности городского управления по заготовке продуктов до сих пор недостаточно осведомлено не только население, но и учреждения, из-за чего рождаются слухи. Поэтому он рекомендовал продовольственной комиссии больше времени уделять для знакомства горожан со своей работой [71, л. 20об.]. В этот же день предлагал просить городского голову созвать совещание из всех лиц и организаций, имеющих то или иное отношение к продовольственному делу и обеспечению населения продуктами первой необходимости для более организованной и эффективной работы [71, л. 20 об.]. Интересно, что в списке членов Омской городской думы, учувствовавших в заседании 15 ноября 1916 г., напротив фамилии К. А. Попова было чернилами вписано «дворянин» [66, л. 59об.]. 4 декабря 1916 г. в обществе «Просвещение» им был прочтена лекция «Об устройстве городского самоуправления» [66, л. 66об.].

Необходимо немного сказать о личной жизни К. А. Попова. На фотографии, хранящейся в Историческом архиве Омской области 1921 г. можно увидеть К. А. Попова с женой Софьей Андреевной и тремя детьми 5-8 лет [72]. На данный момент затруднительно назвать время создания семьи. Но судя по всему у К. А. Попова

Делегаты I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в зале Таврического дворца, фото 1917 г.

уже в 1916 г. была жена и трое детей. Судя по телефонным книгам и адресным справочникам К. А. Попов с семьёй часто менял место жительства. В 1913 г. он жил на ул. Часовитинской, на следующий год на ул. Учебной [68, л. 20]. В 1915 г. он проживает на Никольском проспекте (ныне ул. Красных Зорь), в доме № 17 [73, с. 42]. В начале 1916 г. он проживал на ул. Фабричной, в доме № 33 [74, с. 57]. Спустя какое-то время он с семьёй снимает квартиру на той же улице в доме №

Первая мужская гимназия, фото 1896 г.

1 [75, с. 91]. Недалеко от этого места (Фабричная, д. 6) находится особняк, в котором проживал В. И. Волков (генерал-майор с ноября 1918 г.), будущий комендант белого Омска, один из руководителей военного переворота, приведшего А. В. Колчака к власти. Именно в доме В. И. Волкова в октябре-ноябре 1918 г. проживал А. В. Колчак [76, с. 337]. Последний адрес К. А. Попова на конец 1916 г.: ул. Фабричная (ныне основная часть ул. Пушкина), д. 43, кв. 4. [77, л. 261 об.].

О начавшихся февральских событиях 1917 г. в Омске стало известно далеко не сразу. Только 1 марта 1917 г. по телеграфу пришли первые новости из Петрограда. Полная информация о событиях в столице была получена только 2 марта 1917 г. В связи с этим, исполняющий обязанности городского головы Н. М. Галкин официально заявил о свержении царского правительства и организации новой власти. В ночь со 2 на 3 марта 1917 г. в городе был образован территориальный орган Временного правительства – Омский Коалиционный комитет. 3 марта 1917 г. состоялось и первое заседание Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. Открытой баллотировкой председателем Совета был избран К. А. Попов [78, с. 10]. В 1917 г. он станет также председателем Западно-Сибирского объединённого комитета революционной демократии, руководителем Омской объединённой организации РСДРП [37, с. 382]. Совет рабочих и солдатских депутатов был помещён в бывший дворец генерал-губернатора, ставшим «Домом Республики» [79, с. 1.]. На одном из собраний Совета в городской думе 5 марта 1917 г. под председательством К. А. Попова была отмечена важность организации населения для создания и укрепления демократической республики [80, л. 5]. Первое время городской комитет РСДРП не избирался, руководство осуществлялось инициативной группой во главе с К. А. Поповым [78, с. 23]. 29 марта 1917 г. он вновь был избран единогласно председателем Совета [80, л. 29].

В апреле 1917 г. К. А. Попов входил от Совета в Омский коалиционный комитет [78, с. 23]. 29 апреля 1917 г. К. А. Попов совместно с М. Е. Мамаевым выступил на общем собрании Совета о выборах по новому положению. В результате доклада было вынесено постановление о необходимости срочного принятия мер для предоставления избирательных прав всем достигнувшему возраста 18 лет [80, л. 46]. Ранее им было уделено внимание конфликту между рабочими и администрацией Успенского рудника Спасских руд [81, л. 9]. Во время Первого Западно-Сибирского съезда Советов, проходившего в Омске с 30 апреля по 7 мая 1917 г. К. А. Попов был избран председателем президиума. На нём он выступал также с докладом об отношении к войне, не отойдя от позиций меньшевиков-интернационалистов. В докладе подчёркивалось необходимость оказывать давление на Временное правительство, чтобы оно взяло на себя инициативу о переговорах о мире на основах, предлагаемой революционной демократией [78, с. 63]. Одновременно продолжалась и его работа в качестве гласного городской думы. Изначально городские думы по всей стране (не только в Омске) с начала революции становились опорой демократического правительства [82, с. 188]. В июне 1917 г. он находился в Петрограде, принимая участие в работе Первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов [83, с. 252]. 16 августа 1917 г. в своём докладе на Втором Западно-Сибирском съезде Советов он специально подчеркнул необходимость завершения войны, поскольку с этим неразрывно связана судьба демократической революции [84, с. 38]. Но важно отметить, что К. А. Попов являлся сторонником необходимых, но постепенных преобразований в стране. Из-за этого часто проходили весьма бурные споры с другими революционерами. Часто приходилось спорить с большевиком З. И. Лобковым, ставшим в октябре 1917 г. председателем Омского городского комитета РСДРП (б). Во время подобных споров 19-летний З. И. Лобков вёл дискуссию довольно эмоционально и темпераментно [85, с. 40]. 24 октября 1917 г. на заседании в городской думе снова состоялось противостояние с В. А. Жардецким, положительно оценивающим действия Л. Г. Корнилова [78, с. 177].

26 октября 1917 г. в Омске были получены известия из Петрограда о вооружённом восстании и свержении Временного правительства. Обсуждению событий в Петрограде было посвящено заседание Омской

городской думы 27 октября 1917 г. Выступавший К. А. Попов дал свою оценку событиям. Он заявил, что не согласен с большевиками в том, что события в Петрограде являются революцией социальной. Но при этом подчеркнул, что Временное правительство за 7 месяцев само дискредитировало себя и отжило, поскольку ничего не сделало для спасения страны от угрозы справа [78, с. 177]. Тактика большевиков, по его словам, была ошибочной и нецелесообразной в плане скорого осуществления заявленных обещаний. Но в отличие от некоторых гласных он заявил, что не считает события в Петрограде предательством со стороны большевиков [86, с. 4]. На следующий день им была выражена надежда, что переход власти к Советам ускорит заключение мира [87, с. 98]. На заседании городской думы 14 ноября 1917 г. К. А. Попов как представитель думской фракции социал-демократов-интернационалистов изложил её резолюцию. Она заканчивалась призывом к соглашению между центральными органами революционной демократии и центральными комитетами всех социалистических партий и немедленного создания однородной социалистической власти, опирающейся на всю революционную демократию [88, с. 3]. Это было возвращение к идее единого социалистического правительства, выдвинутая впервые в конце августа 1917 г. после поражения Л. Г. Корнилова [89, с. 371]. Но данная идея и после Второго Всероссийского съезда Советов закончилась неудачей [90, с. 10]. 2 декабря 1917 г. К. А. Попов как председатель областного комитета Западной Сибири открыл III Западно-Сибирский съезд Советов [91, л. 1]. Съезд проходил под председательством Н. Н. Яковлева, будущего главы Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири. На данном съезде было объявлено об установлении советской власти на всей территории Западной Сибири [92, л. 15].

В новых условиях не прекращались споры и дискуссии. 19 декабря 1917 г. он резко осудил упразднение омскими властями судебных установлений и арест некоторых служащих Омского окружного суда [93, с. 4]. 18 января 1918 г. он озвучил свой протест по поводу роспуска Омской городской думы, хотя и считал её работу не лишённой серьёзных недостатков. Но предложение о роспуске назвал борьбой против идеи самоуправления [78, с. 286]. 27 января 1918 г. на общем собрании Совета начальник омской Красной гвардии А. Ф. Демьянов в своём докладе отметил и протест К. А. Попова по поводу превышения красногвардейцами полномочий при обысках [94, с. 146]. В первой половине 1918 г. он участвовал в издании газеты «Пролетарий» печатном органе омского комитета социал-демократов интернационалистов. Как и ранее, ему приходилось совмещать личную жизнь с общественно-политической, даже в бытовых вопросах. Из февральского номера «Пролетария» можно было узнать, что секретариат омского комитета рабочей партии социал-демократов интернационалистов и редакция газеты перенесены на Фабричную улицу, д. 43, кв. 4 [95, с. 1]. По этому адресу проживал и К. А. Попов со своей семьёй. Что касается характера издания, то в нём часто публиковались материалы, посвященные критике противников революции. Одновременно в ней помещались материалы, критикующие деятельность большевиков. В данный период К. А. Попов придерживался мнения, что меньшевики-интернационалисты должны участвовать в работе во всех советских учреждениях и комиссиях, кроме революционного трибунала. Согласно его т. з. в революционном трибунале, как органе репрессий, социал-демократам делать нечего [96, с. 4].

7 июня 1918 г. Омск был занят антибольшевистскими войсками. К. А. Попов был вскоре арестован чехословацкой контрразведкой [37, с. 382]. Третий раз он оказался в здании Омской областной тюрьмы. Однако работа К. А. Попова в качестве гласного думы оставила у многих положительные впечатления. 29 июля 1918 г. участники частного совещания Сибирской областной думы приняли решение об отправке телеграммы министру юстиции Временного Сибирского правительства Г. Б. Патушинскому. В письме была просьба ускорить рассмотрение дела К. А. Попова, избранного депутатом от профессиональных учреждений Омска, чтобы он имел возможность принять участие в работе Сибирской областной думы [97, с. 222]. В ответе было сказано, что в данный момент в отношении его проводится следствие в связи с членством в Военно-революционном штабе и участием в Западно-Сибирском объединённом комитете революционной демократии [97, с. 222]. Как сообщала в конце июля 1918 г. пресса, следственная комиссия постановила в порядке охраны государственной безопасности оставить К. А. Попова под арестом сроком на 3 месяца [98, с. 3].

Тюремный замок (Омск), фото 1916 г. (построен в 1859 г.)

Но через 3 месяца освобождения не последовало. К. А. Попов провёл в Омской областной тюрьме около 14 месяцев, затем был переведён из Омска, хотя имел шансы погибнуть от рук правых офицеров в конце 1918 г. В Омске в ночь с 21 по 22 декабря 1918 г. произошло восстание против А. В. Колчака, подготовленное большевистским подпольем. Восстание было подавлено, тем не менее, восставшие освободили около 200 политических заключённых. Освободить К. А. Попова не удалось, поскольку он болел тифом и находился в тифозном бараке. В ночь на 23 декабря 1918 г. группа военных забрала добровольно вернувшихся в тюрьму политических деятелей, связанных с работой Учредительного собрания. Они были расстреляны на берегу Иртыша. К. А. Попова военные собирались забрать из тюрьмы с остальными, но его спасло нахождение в тифозном бараке. Причём данную акцию нельзя назвать самосудом. Как отмечал С. П. Мельгунов, это акция несомненно была кем-то организована [99, с. 48]. Известно, что поручик Ф. А. Барташевский, явившийся в тюрьму за политическими заключёнными, позвонил по телефону с требованием дальнейших указаний, узнав, что К. А. Попов в тифозном бараке [100, с. 222]. Так из-за тифа К. А. Попова не удалось освободить из тюрьмы, из-за него же чуть позже он избежал гибели.

Первую половину 1919 г. он проводит в тюрьме, несмотря на прошлогодние летние заявления газет о том, что арест продлится до 3 месяцев. Как позднее вспоминал его сын, Лев Константинович, он навещал отца в тюрьме вместе с матерью и сёстрами. Об этом говорить пропуск на свидание с арестованным, выданный 6 июля 1919 г. [101, с. 165]. Весной 1919 г. в одной камере с К. А. Поповым находился и его друг, венгерский интернационалист К. Лигети (был расстрелян в Омске в начале июня 1919 г.). Именно К. А. Попову К. Лигети передал текст своего стихотворения-завещания, благодаря этому оно было опубликовано в конце февраля 1920 г. в Иркутске [101, с. 162, 177]. Летом 1919 г. было принято решение перевести К. А. Попова из омской тюрьмы. В августе 1919 г. он был отправлен в Забайкалье. Но в районе станции Слюдянка ему удаётся бежать вместе с несколькими политическими заключёнными [24, с. 112]. Раздобыв фальшивый паспорт, он работает в иркутском подполье до января 1920 г. 7 января 1920 г. иркутским политическим центром он назначен председателем чрезвычайной следственной комиссии, которая вела допрос А. В. Колчака. Так, бывший политический заключённый омской тюрьмы допрашивал бывшего Верховного правителя белой России. Вскоре Политцентр обратился к К. А. Попову с просьбой провести судебное рассмотрение в недельный срок. Ответ звучал так: «Рассмотрев вопрос [...] считаем возможным произвести расследование не менее чем в двухнедельный срок» [102, с. 116]. Существует мнение, что именно К. А. Попов ответственен за высшую меру наказания в отношении А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева [103, с. 117]. Однако данный тезис требует уточнения. Решение о расстреле было принято иркутским военно-революционным комитетом 6 февраля 1920 г. [40, с. 393]. Нет подписи К. А. Попова и под постановлением о расстреле А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева [104, с. 81]. С конца января по апрель 1920 г. К. А. Попов являлся заместителем председателя Иркутской губЧК. В это время по его предложению из иркутской тюрьмы был выпущен генерал-лейтенант Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаев, член Военного совета при Верховном главнокомандующим и председатель Центральной следственной комиссии при военном министерстве [105, с. 498]. 18 апреля 1920 г. арестованные политические деятели бывшего Российского правительства А. В. Колчака в сопровождении К. А. Попова прибыли в Омск [102, с. 267]. К. А. Попов начинает преподавать в Сибирской областной партийной школе, с 1 мая по 16 сентября являлся заместителем заведующего отделом юстиции Сибревкома. Затем получают пост заместителя председателя, а позже председателя Омского губернского исполкома советов. Одновременно занимает должность председателя губернской комиссии по сбору материалов по истории партии и Октябрьской революции [106, с. 299]. Продолжал поддерживать связи с соратниками по общественно-политической деятельности. В 1921 г., в одной из телеграмм в Москву, он даёт положительную характеристику на бывшего эсера А. Н. Котлова, как честного стойкого и последовательного коммуниста, активно боровшегося в годы Гражданской войны с контрреволюцией, приговорённого антибольшевистскими властями заочно к смертной казни [107, л. 501].

В середине 1922 г. К. А. Попов был переведён на работу в Москву, назначен заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП (б). В 1925 г. под редакцией К. А. Попова были изданы протоколы допроса А. В. Колчака. Указав в предисловии, что Верховный правитель сообщил далеко не все сведения о своей политической деятельности, К. А. Попов дал и свою оценку его поведению: «Держался, как военнопленный командир проигравшей кампании армии, и с этой точки зрения держался с большим достоинством. Этим он резко отличался от своих министров, с которыми мне приходилось иметь дело в качестве следователя по делу колчаковского правительства» [108, с. 7]. Но уже с середины 1920-х гг. начинает меняться политическая ситуация в стране. Терпит поражение левая оппозиция в РКП (б). В 1927 г. под общей редакцией К. А. Попова выходит сборник материалов и документов о партийных дискуссиях 1923 г. Сложно точно сказать, насколько итоговое издание было урезано, но аргументы сторонников Л. Д. Троцкого, за редким исключением, не были включены [109]. В одной из работ, изданной в 1929 г., посвящённой вопросам развития революции, также были подвергнуты критике взгляды Л. Д. Троцкого, впрочем, без обвинений во враждебности советскому государству [109, с. 39]. По всей вероятности К. А. Попов осознавал изменение

политического климата, наступление термидорианского переворота, когда часть элит, сформировавшихся в процессе революции, пытается консолидировать свою власть, остановив продолжение революции, которая ей мешает [110, с. 196]. В 1928 г. К. А. Попов оставляет политическую деятельность, перейдя только на научную и преподавательскую работу. Его назначают проректором Института красной профессуры [24, с. 113]. В 1936 г. он получает научную степень доктора исторических наук, преподаёт в Московском государственном университете и Московском государственном историко-архивном институте [37, с. 382]. Интересны воспоминания студентов Московского государственного историко-архивного института, относящиеся к 1938 г. Его описывали как колоритную и хорошо запоминающуюся личность. С одной стороны к тому времени он с трудом ходил. Хотя ему и не всегда удавалось привлечь внимание аудитории, свои лекции по истории партии, в отличие от предыдущего преподавателя он читал не по Краткому курсу [111, с. 56]. Умер Константин Андреевич Попов 5 декабря 1949 г. в Москве.

К. А. Попов прожил жизнь, характерную для многих представителей его поколения, добровольно связав её с политической сферой. Его служба в качестве присяжного поверенного, гласного Омского городской думы заслуживает отдельных публикаций. Жизненный путь был довольно насыщенный, богатый событиями и встречами. Причём его общественная деятельность зачастую проявлялась в разных направлениях. Он проявил себя как юрист, преподаватель, просветитель, управленец. Несмотря на болезни, ссылки и заключение под стражу царскими и антибольшевистскими властями, угрозу ареста со стороны сталинистского режима, К. А. Попов до конца жизни старался продолжать свою работу, пусть и в разных сферах. В итоге, несмотря на политические перипетии 1930-х гг., он не загнал себя в казённые рамки ради достижения успехов в карьере, стараясь сохранять убеждения, сформировавшиеся в молодости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петин Д. И. Биографические источники в практической генеалогии: примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии П. П. Мозера // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 294 314.
2. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. – 2015. № 3. – С. 288 306.
3. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. – 2016. № 3. С. 266 299.
4. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. – 2016. № 3. С. 249 282.
5. Петин Д. И. Николай Рогозин: офицер-деникинец в условиях Советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114 138.
6. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор генштаба Н. Н. Артамонов (1872 1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. – 2017. № 3. – С. 274 300.
7. Ганин А. В. Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Исследования по истории России. – Т. 16. – М., 2014. – С. 205 294.
8. Ганин А. В. Новые материалы к биографии черногорца на русской службе генерала А. С. Бакича // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской культуры и письменности. – Оренбург, 2015. – С. 43 47.
9. Ганин А. В. Александр Владимирович Сливинский // Вопросы истории. – 2015. № 12. – С. 19 45.
10. Ганин А. В. Командарм Андрей Снесарев: ария восточного гостя // Родина. – 2016. № 1. – С. 36 39.
11. Ганин А. В. Генерал-майор Николай Зарин: Убрали овес, готовимся молотить... // Родина. – 2017. № 11. – С. 36 41.
12. Лобанов В. Б., Пученков А. С. Авантюра Ивана Сорокина // Родина. – 2011. № 2. – С. 62 66.
13. Иванов А. А., Пученков А. С. «Не откажите дать место следующим строчкам...»: неизвестные заметки В. М. Пуришкевича периода Гражданской войны // Новейшая история России. – 2012. № 1. – С. 231 235.
14. Сушко А. В. Роль В. И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. № 4-1. – С. 142 145.
15. Сушко А. В. Служение и подвиг священника Василия Феофановича Инфатьева // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. – 2016. № 1. – С. 129 134.
16. Сушко А. В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В. Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2017. № 3. С. 5 8.
17. Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. – М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005. – 576 с.
18. Штырбул А. А. Никита Ефимович Ишмаев: Историко-биографическое исследование: [Монография] /

Под ред. С. В. Новикова / Предисловие Н.М. Колычева. – Омск: Изд-во: ИП Макшеева Е. А.. – 2009. – 60 с.

19. Дементьев А. П., Березин А. И. Политическая биография эсера А. Ф. Сергеева // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25-26 окт. 2017 г. /М-во культуры Ом. обл., БУ ИСА; М-во образования и науки Рос. Федерации, ОмГУ; [редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) и др.]. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 101 108.

20. Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. – 720 с.

21. Шляпникова И. А. Александр Шляпников и его время. Россия на пути к февралю 1917 года. – М.: Новый хронограф, 2016. – 1064 с.

22. Бадиков Р. А. Военно-управленческая деятельность Г. Х. Эйхе в период Гражданской войны на востоке России (1918 -1921 гг.) / [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Челябинск, 2017. – 410 с.

23. Яковлев Н. Н. Константин Андреевич Попов // Вопросы истории КПСС. – 1966. № 12. – С. 97 100.

24. Черепнин Н. В. Константин Андреевич Попов // Вопросы истории КПСС. – 1977. № 3. – С. 110 114.

25. Шумилов А. Попов Константин Андреевич // За власть Советов! – Омск: Кн. изд-во, 1987. – Вып. 2. – С. 152 158.

26. Михеев А. П. Попов Константин Андреевич // Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – М.: Отечество, 1994. – 1994. – С. 211.

27. Шишкин В. И. Попов Константин Андреевич // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – С. 653.

28. ГИАОО. Ф. Р-1654. Оп. 1. Д. 130.

29. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 // Под ред. акад. А. Н. Яковлева; отв. ред. В. И. Шишкин. – М: МФД, 2003. – 672 с.

30. Виноградов С. Ф. Его звали Маратом. – М.: «Московский рабочий», 1967. – 208 с.

31. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 1654.

32. Виноградов-Ягодин Ф. Г. Из жизни В. В. Куйбышева // Каторга и ссылка. – 1935. № 1 (116). С. 22-36.

33. Революционное движение в Омске в годы Первой русской революции. – Омск: Омское книжное издательство, 1957. – 304 с.

34. Куйбышев В. В. Эпизоды из моей жизни (Воспоминания). – Алма-Ата: «Казахстан», 1972. – 100 с.

35. Валериан Владимирович Куйбышев: Биография. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.

36. Пятый съезд РСДРП. Май-июнь 1907 г.: Протоколы. — Под редакцией Ем. Ярославского. — М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. — XXXII + 878 с.: ил.

37. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сборник документов. Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Изд-е 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2015. 421 с.

38. Шиловский М. В. Степной край на начальной стадии политической модернизации. Рец. на кн.: Буктугова Р. С. Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX в.. Кокшетау, 2006. 296 с. // Вестник Омского университета. – 2007. № 1. – С. 159 161.

39. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4232.

40. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917 1920 гг. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 428 с.

41. Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Тт. 1 2. – М.: Панорама, 1991. – 624 с.

42. Воробьев В. В. Газета «Омский вестник» в 1909 1914 гг. // 280 лет Омску: история и современность. Тезисы докладов и сообщений научной конференции / Под ред. А. П. Толочко. – Омск: Омский государственный университет, 1996. – 180 с.

43. Николаев В. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка (Окончание) // Каторга и ссылка. – 1928. № 6 (43). С. 96-122.

44. Революционное движение на территории Омской области. 1907–1917 гг.: Документы. Материалы. Хроника. Омск: Изд-во Омского университета, 1988. – 222 с.

45. Букин А. Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905 1917): монография. – Минобрнауки России, ОмГТУ. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. – 116 с.

46. Родионов Ю. П. Об идейно-политическом направлении омского журнала «Думы» // История Западной Сибири в дореволюционный период: Омская областная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посвященная 110-летию Омского государственного исторического и литературного музея: Тез. Докл. – Омск: Изд-во Омского университета, 1988. – 86 с.

47. Глан Местная жизнь // Думы (Омск). 1911. № 1. – июль.

48. Вий П. Выставка и общественные организации // Думы (Омск). – 1911. № 4. – август.

49. Самосудов В. М. Социал-демократическое подполье и революционное движение в Омске и области в годы нового революционного подъёма (1910 1914). – Омск, 1970. – 28 с.

50. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 436.
51. Весь Омск. Справочник-указатель на 1913 год. – Омск, «ИРТЫШЬ», 1913. 127 с.
52. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 59.
53. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84.
54. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 541.
55. Макаrchук С. В. Состояние и характер социал-демократического движения в Омске (1914 – февраль 1917 гг.) // 280 лет Омску: история и современность. Тезисы докладов и сообщений научной конференции / Под ред. А. П. Толочко. – Омск: Омский государственный университет, 1996. – 180 с.
56. Плотников А. Е., Набиуллина Г. В. Социал-демократическая ссылка в Омске (1907 1914 гг.) // Революционная и общественная деятельность ссыльных большевиков в Сибири (1903 – февраль 1917 гг.): опыт, историография, источниковедение: Межвуз. тем. сб. науч. тр. / Под ред. Э. Ш. Хазиахметова. – Омск: Омский университет, 1989. – 125 с.
57. Памятная книга Акмолинской области на 1915 год. – Омск, 1915. – 75 с.
58. Макаrchук С. В. Городское самоуправление в теории и практике российских социал-демократов. 1905 1917 гг. // Местное самоуправление в Сибири XIX XX веков. Сборник материалов региональной научной конференции. – Новосибирск, «Сибирский хронограф», 2004. – 205 с.
59. ГИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 27.
60. ГИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28.
61. Еперина Е. Г. Омск в годы Первой мировой войны: документы в фондах ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: Сб. науч. трудов / Мин-во культуры Омской области; ОГИК музей; Науч. ред. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. – Омск: ОГИК музей, 2014. – 314 с.
62. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 652.
63. Макаrchук С. В. Первая мировая война и социал-демократическое подполье в Тобольской губернии и Акмолинской области // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1-1 (61). – С. 68 71.
64. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 672 с. +вкл. 24 с.
65. Шишкин В. И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. – 2008. № 10. – С. 42 62.
66. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88.
67. Городская дума // Омский телеграф. – 1916. № 34. – 12 февраля.
68. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 1883.
69. Городская дума // Омский телеграф. – 1916. № 55. – 10 марта.
70. П. Н. Масальский и городское самоуправление // Омский вестник. № 79. – 7 апреля.
71. ГИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 30.
72. ГИАОО. Фотофонд. № 024438.
73. Список абонентов Омской телефонной сети на 1915 год. – Томск: «ЭНЕРГИЯ». – 77 с.
74. Список абонентов Омской телефонной сети на 1916 год. – Омск: Художественная типография. – 98 с.
75. Памятная книга Акмолинской области на 1916 год. – Омск, 1916. – 144 с.
76. Ильин И. С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914 1920. [подгот. текста, вступ. Ст. В. П. Жобер, примеч. В. П. Жобер и К. В. Чащина, разработка карт-схем Т. В. Русиной]. – М.: Книжница: Русский путь, 2016. – 480 с.
77. ГИАОО. Ф. 374. Оп. 2. Д. 2.
78. Кокоулин В. Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 – май 1918 г.). – Новосибирск, 2016. 404 с.
79. Известия Омского Совета рабочих и военных депутатов. – 1917. № 3. – 15 марта.
80. ГИАОО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 1.
81. ГИАОО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 14.
82. Тетерин В. И. Трансформация местной системы самоуправления Пермской губернии в условиях революции (март 1917 – апрель 1918 г.) / [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пермь, 2016. – 253 с.
83. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. – Т. 1. / Подгот. к печати В. Н. Рахметов; С предисл. Я. А. Яковлева. – М. Л., 1930. – 484 с.
84. Западно-Сибирский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Протокол мандатной комиссии; Протоколы заседаний 2-го Западно-Сибирского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 11 20 августа 1917 года. — Омск, 1917. — 99 с..
85. Познанский В. С. Сибирский красный генерал. – Новосибирск: «Наука», 1972. – 269 с.
86. Городская дума // Дело Сибири. – 1917. № 25. – 29 октября.
87. Михеев А. П. Между эпохами (основные политические события в Омске в октябре ноябре 1917 г. по

материалам периодической печати) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: Сб. науч. трудов / Мин-во культуры Омской области; ОГИК музей; Науч. ред. П. П. Вибе; Сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. – Омск: ОГИК музей, 2016. – 362 с.

88. Городская дума // Сибирская речь. – 1917. № 145. – 16 ноября.
89. Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. – М.: ООО «Родина МЕ-ДИА», 2014. – 452 с.
90. Соболев Л. Г. Однородное социалистическое правительство в России 1917 г.: нереализованная возможность или историческая иллюзия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2007. № 2. – С. 3–11.
91. ГИАОО. Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 1.
92. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 2427.
93. Городская дума // Сибирская речь. – 1917. № 67. – 21 декабря.
94. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (май 1917 г. – май 1918 г.). Сборник документальных материалов. – Омск: Омское областное книжное издательство, 1958. – 277 с.
95. К сведению товарищей // Пролетарий. – 1917. № 7. – 15 января.
96. О работе в Совете и советских учреждениях // Пролетарий. – 1917. № 7. – 15 января.
97. Тимебулатов Д. Р. Пенитенциарная система Западной Сибири при антибольшевистских правительствах (май 1918 – декабрь 1919 гг.) / [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Кемерово, 2017. – 306 с.
98. Хроника // Заря. – 1918. – № 35. – 25 июля.
99. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 книгах. Книга вторая: Часть III. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 496 с.
100. Омские события при Колчаке. С Предисловием М. М. Константинова // Красный архив. – 1924. № 7. С. 201–246.
101. Дунаевский А. М. Подлинная история Кароя Лигети. Документальная повесть. – М.: Воениздат, 1969. – 192 с.
102. Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 591 с.
103. С Колчаком, против Колчака: крат. биограф. слов.: крат. указ. учреждений и организаций: крат. указ. лит. по истории Гражд. Войны в Сибири / сост. и науч. ред. А. В. Квакин. – М.: Аграф, 2007. – 448 с.
104. Шишкин В. И. Расстрел адмирала Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 1998. № 2. – С. 76–84.
105. Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб отд-ния Рос. акад. наук; Отв. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А. Л. Посадсков. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. – 544 с.
106. Шумилов А. И. Состав сибирских испартов в 1920-середине 1930-х гг. // Двадцать вторые апрельские экономические чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Под ред. В. А. Ковалёва, А. И. Ковалёва, 2016. – С. 298–302.
107. ГИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 17.
108. Допрос Колчака. – Л.: Гиз, 1925. – 230 с.
109. Дискуссия 1923 года. Документы и материалы / Ред. К. А. Попов. – М.-Л.: Госиздат, 1927. – 311 с.
110. Попов. К., Резвушкин Я. О перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. М.-Л.: Госиздат, 1929. – 472 с.
111. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. – 320 с.
112. Павленко Н. Воспоминания историка // Родина. – 2009. № 8. – С. 55–57.

Максим Стельмак

Данный материал впервые был опубликован на страницах Вестника Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4 (20). С. 137–145

Королева омской торговли

В сборнике «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», изданного в Санкт-Петербурге в 1903 г. в статье про Омск отмечалось – магазин Шаниной лучший в ряду торговых домов Любинского проспекта.

Магазин построила известная «королева омской торговли» Мария Шанина, которая благодаря своим деловым качествам стала единственной женщиной-купчихой 1-й гильдии в Омске.

Мария Александровна родилась в Омске 26 марта 1864 году в семье купца 2-й гильдии Александра Егоровича Накладова. Окончив церковно-приходскую школу, дочь помогала своему отцу торговать дёгтем в семейной лавке под горой на Мокринском форштадте. В 17 лет Мария вышла замуж за 29-летнего вдовца купца первой гильдии Михаила Никаноровича Шанина, и семейная лавка стала её приданным. Михаил Шанин был почетным потомственным гражданином города Вязники Владимирской губернии. В этом старинном городе на реке Клязьма находился центр льнообрабатывающей промышленности и, соответственно, процветала торговля тканями.

Михаил Никанорович после женитьбы решил остаться в Омске, где имел собственный магазин хлопчатобумажных и шерстяных тканей и представлял интересы богатого поволжского купца Дерова. Объединение капиталов позволило Шаниным в 1896 году выкупить у города земельный участок, где стояла дегтярная лавка для строительства большого магазина. Но вскоре муж умирает, и 33-летней купчихе пришлось вести дела самостоятельно. Видя деловую хватку Шаниной, Дернов передал ей торговые дела её покойного мужа Михаила Никаноровича за 200 тыс. руб. с рассрочкой оплаты на два года.

*Мария Шанина с дочерью
(по некоторым данным с внучкой)*

Дом на горе

Место под будущий торговый дом находилось на склоне горы на восточной стороне Любинского проспекта (ул. Ленина), который к началу XX века был уже весь застроен кирпичными магазинами и конторами, которые сегодня все как один считаются памятниками архитектуры.

Здесь же на горе с 1867 года стояла часовня во имя иконы Божьей Матери Иверской (разрушена в 1928 г., восстановлена в 1996 г.). А на западной стороне ещё зеленела Любина роща (названа в память о рано умершей жене генерал-губернатора Г. Гасфорта Любови Федоровны).

Здание магазина Шаниной архитектурно сформировало угол, образованный от пересечения двух улиц – Любинского проспекта (ул. Ленина, 5) и Гасфортовской (ул. К. Либкнехта). Мария Шанина заказала проект одному из лучших омских архитекторов Иллиодору Геннадьевичу Хворинову (1835-1914 г.). Талантливый зодчий после окончания

Строительного училища Главного управления Санкт-Петербурга работал в Пермской губернии и в Нижнем Новгороде, где проектировал Ярмарочный гостиный двор. В Омск Хворинов приехал 59-летним опытным архитектором.

Магазин Шаниной – один из его первых значительных проектов из кирпича в нашем городе. Затем будут не менее известные здания Драматического театра (1901-1904 г.г.), пожарной каланчи (1914г.) и др.

Архитектор, выполняя заказ Марии Шаниной, удачно вписался в сложные ландшафтные условия

Магазин М.А. Шаниной, начало XX века

Магазин Шаниной. Галантерейное отделение

ными украшениями, сложными, завершающими карниз элементами – вазонами и балюстрадой и увенчаны разнообразными по форме куполами и башенками. Вероятно, такое архитектурное оформление в стиле эклектики с элементами барокко должно было показать состоятельность хозяйки и привлекать покупателей в магазин. И, действительно, магазин Шаниной стал украшением Любинского проспекта.

Первоначально лестница на гору заканчивалась площадкой, огражденной кованной металлической решеткой. Здесь находился вход в торговый зал второго этажа с Любинского проспекта. А со стороны горки здание заканчивалось глухой стеной без окон. По-видимому, данное архитектурное решение связано с тем, что буквально в нескольких метрах от магазина стояла часовня и считалась не этичным делать выход из торгового заведения прямо к храму.

В 50-е годы площадку ликвидировали, а вместо входа сделали окно, а вход в торговые залы магазина на втором этаже сделали со стороны бывшей часовни. Большие витринные стекла закупились в Австрии. Для их защиты в ночное время опускались жалюзи с металлическими прорезным узором в верхней части. Такая конструкция применялась впервые – конкуренты довольствовались традиционными ставнями.

Внутренние залы отличались простором и были соединены друг с другом, что позволяло покупателям не выходя из здания обойти все отделы в магазине. Потолок подпирали ионические колонны с каннелюрами (вертикальный желобок на колонне). Вечером торговые площади освещались электрическими трех- и шести-ламповыми люстрами с плафонами в виде колокольчиков, что было редкостью в начале века. Электроэнергия подавалась от собственного электрогенератора на Гасфортской улице. Вдоль стен тянулись деревянные шкафы с товаром, а перед ними располагались большие столы-прилавки и венские стулья для покупателей. Общая площадь помещений превышала 3 тыс. кв. метров.

С нагорной части слева от лестницы в утопленную часть здания вел переход в виде мостика с кованной фигурной решеткой. Здесь находилась квартира Шаниной. В бывших жилых покоях теперь торговые залы.

Большому магазину требовался склад и его построили из кирпича в один этаж тут же на горе (нач. XX века, памятник архитектуры: арх. И.Г. Хворин, пл. Дзержинского, 1а). В отличие от магазина склады-лабазы служили по назначению недолго – с 1947 по 2005 годы здесь находился городской радиоузел, а затем одно из государственных учреждений.

Торговля без перерыва

Торжественное открытие магазина состоялось 12 сентября 1900 г. В больших торговых залах около 80 приказчиков торговали оптом и в розницу тканями, готовым платьем, обувью, головными уборами, часами, золотыми и серебряными изделиями, галантереей и даже билетами в театр и на концерты. Со стороны часовни в здании располагался фотосалон З.И. Ждановой, а на втором этаже от центрального входа – нотариус.

За мануфактурой Шанина ездила в Москву, где закупала товар у крупнейших московских фирм, в частности, у «Э. Циндель и К», Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К». Купчиха была одним из самых крупных клиентов Московских торговых рядов на Любинском проспекте.

Шанинский магазин славился дешевыми распродажами в Фомину неделю (за неделю до Пасхи), которые поэтому получили название «Фоминская дешевка». Здесь со скидкой в 20 % можно было купить товары

– под горой здание двухэтажное, а на горе – одноэтажное. На срезанном южном углу здания находится главный вход. Роль козырька выполняет балкон с ограждениями в виде изящной кованой узорной стальной решетки. По краям балконную дверь украшают полуколонны.

В плане здание напоминает трапецию с отходящими от него прямоугольниками. Композиционное решение обоих главных фасадов почти идентично и отличается лишь протяженностью.

Фасады здания нарядны и подчеркнута перегружены леп-

зимнего ассортимента (шубы и меха). В её магазине по каталогам можно было заказать товары из-за границы. Здесь так же проводились публичная демонстрация новых моделей одежды. Одеваться в магазине Шаниной считалось престижным.

Так как в начале XX века в Омске швейных фабрик ещё не было, то хороший доход приносила торговля готовым платьем. Учитывая сей факт, предприимчивая купчиха открыла рядом на Яцкинской улице (сейчас ул. Николая Бударина) швейную мастерскую, где 25 лучших портных Омска по парижским каталогам шили мужские, дамские костюмы и верхнее платье. Кроме того, белошвейки-надомницы занимались стачиванием самих платьев и прочих нарядов, осуществляли их отделку, обмётывали петли, изготавливали и пришивали пуговицы. Мастерская давала в год до 15 тыс. руб. дохода. Магазин в 1915-1916 годах имел оборот 2 млн. 30 тыс. руб., причем прибыль, только за 1916 год, составила 216 тыс. рублей. Филиалы универмага работали в Петропавловске, Павлодаре и Семипалатинске. Здесь одни из первых в городе появились кассовые аппараты.

На этой же стороне Любинского проспекта в 1910-е годы Мария Шанина, с целью расширения торговли, приобрела двухэтажный кирпичный дом у купца Ильи Чирикова (постройка конца XIX века, ул. Ленина 11, напротив подземного перехода). Всю прибыль от торговли Шанина вкладывала в приобретение недвижимости в Москве, Воронеже, Павлодаре, Семипалатинске. Только в Омске ей принадлежало восемь домов и две конюшни в Казачьем и Мокринском форштадтах, дача с тремя домами в Старой Загородной роще, заимка с домом в Чукреевке на левом берегу Иртыша, дача в Крыму и доходные дома в Москве.

Благотворительные дела Марии Шаниной

Как и многие купцы, Мария Шанина занималась благотворительностью. На её содержании находилось 11 детских приютов и школ. Купчиха была членом правления Ольгинского приюта трудолюбия для детей сирот (ул. Интернациональная, 25, ныне епархиальное управление), для которых жертвовала одежду и вещи. В 1916 году Мария Александровна способствовала открытию Омского коммерческого института. В Москве в качестве посланницы от Омского биржевого комитета она встречалась с предпринимателями, склоняя их к пожертвованиям в пользу института. В том же году она пожертвовала 25 тыс. руб. на создание Народного университета, но его так и не успели открыть из-за революционных событий 1917 года. Купчиха жертвовала

средства и на благоустройство города. Так в 1906 году она выделила на мощение Любинского проспекта 651 рубль.

Шанина помогала жертвам землетрясения в Казахстане, выделяла средства на ремонт здания Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества на ул. Музейная, 3. Мария Шанина была первой женщиной Омска, вступившей в Российское медицинское общество, не будучи врачом. Она этим гордилась и жертвовала омским больницам бинты, мануфактуру и инструменты.

В 1910 году купчиха внесла 150 рублей на проведение в Омске в 1911 году Первой Западно-Сибирской вы-

Покупатели ожидают открытие магазина Шаниной на Фоминскую неделю (фото начала XX века)

Дом Шаниной ул. (ул. Либкнехта, 10). Современный вид

*Мадам М.А. Шанина (скульптура у магазина).
Современный вид*

ставки сельского хозяйства, промышленности и торговли, в которой сама не участвовала. 16 марта 1912 года в День хлебного колоса, организованного Омским отделом Московского общества сельского хозяйства в пользу голодающих Акмолинской области, Шанина пожертвовала 25 рублей и мануфактуру.

К своим служащим Шанина относилась с уважением и заботой. Так одного из приказчиков, страдающего алкоголизмом, купчиха не уволила, а отправила на лечение в Томск.

Мария Александровна любила искусство, собирала картины, знала многих артистов, помогала становлению Омского музыкального общества и финансировала благотворительные концерты.

Учитывая активную деятельность купчихи, как члена благотворительного общества, царское правительство наградило Марию Шанину малой золотой медалью на Станиславовской ленте, а Омская городская дума присвоила ей звание Почетной гражданки Омска.

В браке у Шаниной родилось восемь дочерей, но только три из них выжили, и все они окончили женскую гимназию. Варвара и Екатерина вышли замуж за врачей. После национализации магазинов и мастерской, Шанина не сбежала за границу, а в 1920 году уехала в Москву к дочери Вере. Перед отъездом из Омска, купчиха всем своим служащим выдала жалование золотыми монетами царской чеканки. В том же

году Шанина умерла, предположительно, от тифа.

После муниципализации бывший магазин Шаниной был отдан под инфекционную больницу. Затем в нём размещались Колхозстрой, Сибторг, Центропечать и даже библиотека им. А.С. Пушкина (1922-1923 гг.). В 30-е годы второй этаж занимала областная прокуратура. Наконец, в 1935 году здание стали использовать по его первоначальному предназначению и открыли универмаг. В 50-х годах здесь находился автомагазин. В 70-х годах бывший магазин Шаниной стал филиалом главного универмага Омска – ЦУМа (1904 г. арх. О. В. Дессин, Московские торговые ряды, ул. Ленина, 14). Во второй половине 80-х этот памятник архитектуры был известен как самый крупный центр комиссионной торговли в Омске, где продавались импортные вещи. Сейчас эти престижные торговые площади занимает торговый дом «Любинский», на первом этаже которого торгуют ювелирными изделиями.

Список используемой литературы

1. Энциклопедия города Омска. Том 3. Кн. 2. Омск, 2011. С. 613.
2. Энциклопедический словарь по истории купечества и Коммерции Сибири. Том 2. Новосибирск, 2012. С. 406-407.
3. Панасенков В.Н. Магазин Марии Шаниной // Стройгазета. Омск. 2007. № 17. 14.05.2007. С. 38-39.
4. «Сибирский Лейпциг». «Омск торгово-промышленный начала 20-го века» Набор открыток. Омск. ИГ «Лошадь Пржевальского». 2013.

Владимир Панасенков

Арон Лепп и другие

Стоял июнь 1902 года. Пассажирский поезд прибыл по расписанию на станцию Омск-Пост под вечер. Остановка была около трёх часов, так как локомотив заправлялся водой. Несколько пассажиров вышли из тёмно-зелёных вагонов на платформу и вели между собой разговор на непонятном языке. Это были голландские меннониты, они общались на родном языке (идиш).

От них отделился человек в тёмном костюме, вероятно, это был староста. Он встретился с начальником станции, стал с ним общаться и переводить речь своим соплеменникам. После разговора с начальником он дал команду выходить из вагонов.

На перрон высыпали пассажиры, усталые от многодневной езды в качающихся из стороны в сторону вагонах. Женщины были в чёрных накидках и чепчиках на голове, мужчины – в европейских костюмах. Среди приехавших были дети: мальчики в костюмах с воротничком-стойкой и в ботиночках, и девочки в платьях в клеточку и в туфельках. Они стояли группками и с любопытством разглядывали полустанок с раскиданными по обе стороны железной дороги домишками.

Возле некоторых домов росли молодые тополя и кусты. У саманных сараев копошились белые куры и петухи. На лужайках возле домов паслись коровы и овцы. С северной стороны от станции стоял берёзовый лес. Жители противоположного берега Иртыша переправлялись сюда на лодках, собирали грибы, ягоды и косили траву для своих животных. Вдали виднелась широкая река. Рельсы однопутной линии, по которым они приехали из Екатеринославской губернии, уходили к мосту и там исчезали.

Рядом с мостом был виден шпалозавод с высокой кирпичной гранёной трубой. На другом берегу реки виднелись какие-то строения; как позже выяснилось, это был пригородный Атаманский хутор. До отъезда в Сибирь братское общество меннонитов получило из Министерства государственных имуществ разрешение на переезд в Сибирь. На железнодорожной станции города Екатеринослава они выхлопотали себе вагоны дешёвого тарифа, а багаж отправили раньше, товарным поездом, так как он двигался малой скоростью.

Часть прибывших семей временно поселили возле станции, в недавно отстроенных домах общины меннонитов. Через несколько дней на станцию прибыл состав с багажом новых поселенцев – с животными, телегами и другим скарбом. Вскоре на нарезанных усадьбах переселенцы приступили к строительству временных землянок с пристроенными сараями.

С начала XX века на левом берегу Иртыша заречное поселение (Выселки) городского типа стало быстро развиваться, сюда устремились разные мастера своего дела. Для строительства требовался материал – кирпич, лес и многое другое. Создавались кирпичные, лесопильные и другие предприятия.

С древних времён человечество мигрирует по миру в поисках благодатной среды обитания. Община голландских меннонитов, проживающая на юге России, разрослась. Не стало хватать земли, арендная плата выросла до трёхсот рублей за десятину. Хозяйства колонистов в 65 десятин, выделенные по указу Екатерины II, подорожали до 25 тысяч рублей. Другой причиной переселения стали неурожай и голод 1891–92 гг. в Европейской России. Усилились ограничения религиозных свобод, ужесточился контроль со стороны властей над воспитанием детей. Основополагающим канонем вероисповедания меннонитов является сознательное крещение по вере, отказ от военной службы и присяги.

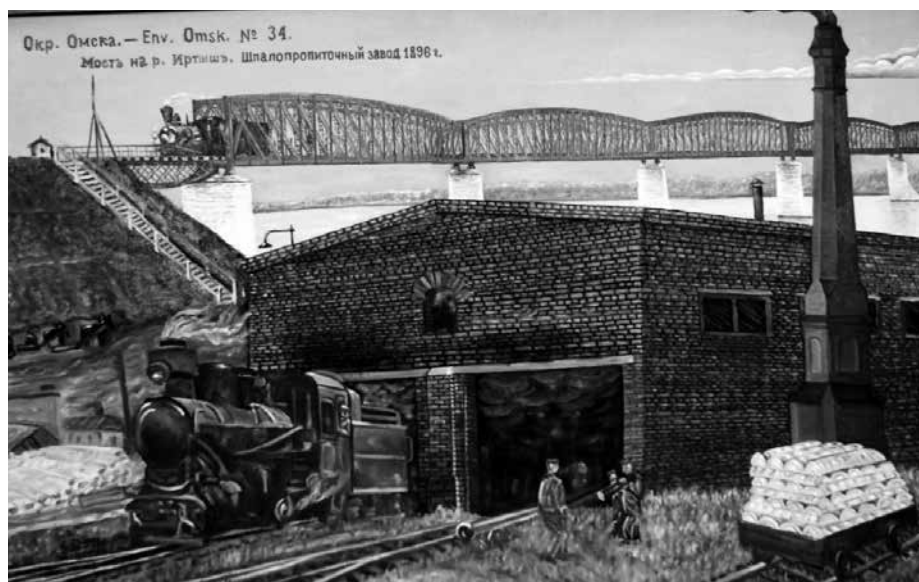
До 1905 года в Сибири отношение к немецким переселенцам-собственникам было доброжелательное. Они селились компактными группами, изолированно от окружающего населения, и жили обособленно между соплеменниками, чаще всего объединяясь по профессиональному признаку.

Согласно Степному Положению (Свод Законов, том II, издание 1892 г.), закон весьма категорически защищал весь Степной край от вторжения и заселения иностранцами, кроме тех, которые приобретали или арендовали землю.

Обществу меннонитов повезло, что они приехали на омскую землю прежде, чем начались неурядицы. Переселенческое управ-

Пассажирский поезд на станции Омск-Пост. Фото Буланже 1894 г.

Шпалопропиточный завод. Реконструкция фотографии С.И. Здора. 2018 год

ление определило им место жительства в заречном (Выселки) месте станицы Атаманской. Это протестантское общество было нежелательно среди православных жителей города Омска.

В версте от станции Омск-Пост немцы приобрели усадьбы у предпринимателя Иоганна Петровича Исаака и организовали немецкую колонию, сейчас это территория Немецкого посёлка. Исаак, выходец из Хортицкой волости Екатеринославской губернии, стал одним из наиболее крупных арендаторов-меннонитов.

Выдержка из книги «Офицерские участки Сибирского казачьего войска»: «Иоганн Исаак и другие поселяне-собственники приобрели земельный надел за № 92 войскового старшины Николая Дмитриевича Чукреева – 940 десятин станицы Атаманской. Продан участок земли по купчей крепости, совершённой у старшего нотариуса Тартышева в городе Омске в 1905 году: Абраму Винсу – 100 дес.; Иоганну Петровичу Исааку – 400 дес.; Корнелиусу Валлу – 160 дес.; Петру Фризену – 240 дес.; Бертраду Мартыновичу Дирксену – 40 дес. Всего у Чукреева было 1341 десятина 24 сажени, удобной 1330 дес. 1350 саж. (2880,9 м.п.). Межевание было утверждено землемером Раменским в 1905 году».

Арон Лепп

Один из прибывших меннонитов – Арон Лепп, поселянин-собственник из селения Кичкас Хортицкой волости Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии, приобрёл у Иоганна Исаака несколько усадеб земли общей площадью 20222,39 кв. м (приведены данные 1935 года. Лепп был из наиболее состоятельных меннонитов Хортицкой волости:

- **квартал № 127**, усадьба за № 21, площадь 2344,70 кв. метров (современные улицы – Инженерная, 2 и угол 22 Декабря, 2);
- **квартал № 221**, усадьба № 5, площадь 1782,21 кв. метров (улица Седова, 21). На этом месте Лепп создал чугунно-литейный механический завод «Азия» (А.А. Лепп и К°) с подсобными строениями. Заведующим заводом был поставлен Андреас Корнелий Яковлевич – земляк Леппа;
- **в квартале № 187** Лепп построил двухэтажный каменный дом-общежитие, который просуществовал до 1980 годов;
- **в квартале № 224**, на усадьбе № 1 площадью 16095,48 кв. метров, построил двухэтажный кирпичный дом (улицы 22 Декабря, Муромцева, Граничная);
- **в квартале № 225**, на усадьбе № 1 площадью 5584,96 кв. метров, общество меннонитов построило рубленый молитвенный дом с башенкой (по улице Инженерная, 1, и 22-го Декабря). В 1923 году здание муниципализировали, в нём расположился уездный комитет РКП (б), кабинет секретаря Ново-Омска. В 1941 году здесь открыли ясли № 14 от Мелькомбината, здание просуществовало до 1970 года.

Усадьба Якова Леппа

Первоначально на усадьбе № 21 братья Арон и Яков Леппы построили большой одноэтажный кирпичный дом (который существует до настоящего времени) и подсобные строения площадью 227 кв. метров. Братья со своими семьями жили в этом доме.

Младший брат Яков в 1907 году во дворе построил мыловаренный завод. Оборудование мыловарни состояло из трёх котлов и форм, дровяной печи и каменной ступки. В первое время на заводе работали три человека; мастером на мыловарне был сам хозяин, ему помогали двое наёмных рабочих, которые производили мыло. При его производстве использовался говяжий, свиной или бараний жир, льняное масло. Процедура варки мыла не менялась столетиями. Продукция Леппа была по карману простому люду и использовалась в основном в пределах данной местности.

Из справочного источника: «Яков Лепп владел паровой крупчатой мельницей в 1911 году, находившейся близ станции Омск-Пост».

На собственном свободном участке Яковом был заложен сад. Посадку деревьев произвели весной, зная, что молодые деревца лучше адаптируются в тёплый период. Чтобы сад служил долго, использовали местные районированные сорта, так как они были более устойчивы к болезням, вредителям, изменениям погоды, и дольше плодоносили. Обходиться своими фруктами, овощами и ягодами характерно для поселенцев, прибывших из южных местностей.

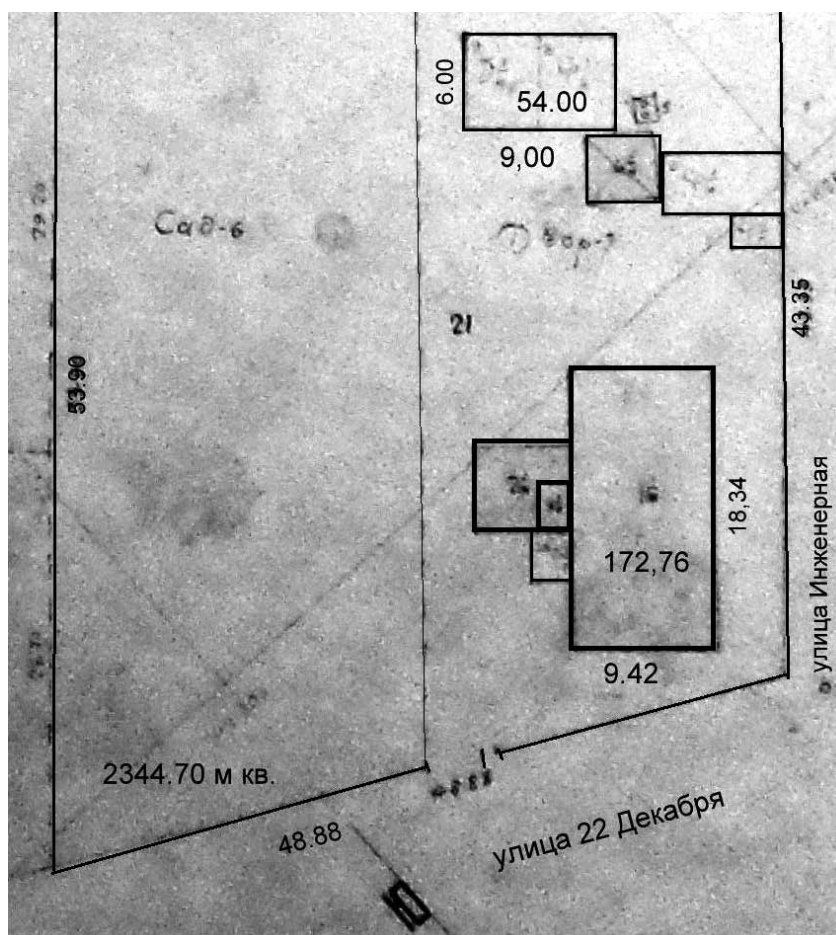
В советское время в этом здании разместился Уездный комитет РКП(б), кабинет секретаря. С 1932 года – Кировское отделение Государственного банка.

Административный совет общины братских меннонитов Немецкой колонии возглавил староста – Арон Лепп. Он был избран большинством голосов членов местного административного совета на один год. Его наделили определёнными полномочиями для обеспечения порядка в поселении. Он представлял интересы общины в местных высших органах власти, и все предписания поступали к нему. Староста ходатайствовал по делам межевания земельных участков и планировки в немецкой колонии. Никому из членов общины не позволялось продать свою усадьбу инородцу, иноверцу или человеку с плохой репутацией, нужно было получить согласие общины.

В немецкой колонии была выстроена система разных предприятий, которые дополняли друг друга в профильном отношении: завод шорно-седельных изделий; чугуно-литейный и механический завод «Азия»; гужевое предприятие; кузнечное; мыловаренное; кирпичный завод Хобеца обеспечивал кирпичом бурное строительство нового поселения.

Из материнской колонии Хортицкой волости сюда пригласили разных мастеров, знающих своё дело. Центральным местом в этой колонии являлась школа, где обучались не только дети меннонитов, но и представители других вероисповеданий. По выходным и праздникам там проходили собрания евангелистов-меннонитов.

Из рассказа моей бабушки Агаты Реймер: «Школа в Куломзино была открыта нелегально (власти не давали разрешения) в 1910 году в арендованном здании. Поэтому основное здание школы с паровым отоплением строилось как контора Леппа». С приходом Новой власти в 1919 году здание школы было занято

Фрагмент квартала № 127, усадьба № 21. Из архива В.К. Шеля, 2019 г.

Школа в Немецкой колонии с первым учителем И. И. Вильямс. Фото 1 мая 1910 г. Второй ряд, с правой стороны, дочери Арона Леппа – Сусанна 10 и Маргарита 13 лет.

Железнодорожные рабочие восстанавливают паровое отопление школы в 1921 г.

*Школа в Куломзино.
Фотография из архива Л. Я. Кичигиной. 1956 г.*

военными, которые разморозили водяное отопление, и только с передачей здания под школу в 1921 году отопление восстановили.

Яков Гиберт и Пётр Фризен

Яков Гиберт и Пётр Фризен организовали завод шорно-седельных изделий и упряжи из кожи. Для производства этих изделий они применяли натуральную кожу, специальную тесьму и канаты, войлок, древесные материалы, а металлические детали приобретали у Леппа. В производстве шорно-седельных товаров использовали сыромять, выделанную особым способом из шкур крупного рогатого скота и свиней. Её употребляли главным образом в виде ремней, носящих различные названия. Делали и хомуты – основную часть упряжи лошади, служащую для тяговых усилий повозки.

На заводе делали сёдла различных типов: верховые кавалерийские, верховые казачьи, скаковые, вольтижировочные (для обучения верховой езде) и вьючные.

В советское время на базе бывшего завода Якова Гиберта и Петра Фризена работала артель, а потом промкомбинат (РПК) Кировского района.

*Бывший завод Гиберта Я. и Фризена П.
Фотореконструкция В.К. Шеля, 2019 г.*

Предприниматель Артус

Дом Артуса (последнее время Школа № 48). Фото В.К. Шеля, 2009 г.

Дом Артуса (в последнее время Школа № 48). Фото Шеля В.К. 2009 г.

Предприниматель Артус организовал гужевое товарищество и нанял ломовых извозчиков по доставке различных грузов, а также кучеров для выездных услуг. Он построил для лошадей конюшни. В Европе он приобрёл лошадей-тяжеловозов, которые перевозили за раз 100 пудов груза.

В детстве я жил в Кировске и наблюдал за этими могучими лошадьми, которые по своей массе превосходили другие породы. Ноги были покрыты длинной шерстью, передвигались лошади, не спеша, так как груза на телеге или в са-

нях было много. В советское время на этой усадьбе конюшню переоборудовали под поликлинику № 5.

Сам хозяин Артус с семьёй жил через дорогу, в собственном одноэтажном кирпичном доме с паровым отоплением. В советское время, в 1923 году, Ново-Омский коммунальный отдел во главе с начальником городской уездной милиции провёл осмотр дома Артуса с целью его муниципализации и передачи под канцелярию уездной милиции.

Предприниматель Арон Лепп

Прогрессивный предприниматель своего времени Арон Лепп на земле станицы Атаманской в 1905 году арендовал с последующим выкупом офицерский участок Фалелеева. На нём Лепп задумал строительство мельницы возле железной дороги, чтобы в будущем было легче сбывать свою продукцию. Он организовал строительство четырёхэтажной мельницы. Это было самое крупное здание на левом берегу Иртыша, оно располагалось южнее железнодорожной станции Омск-Пост.

Привожу документ: «До 1907 года Арон Аронович Лепп – поселянин-собственник Екатеринославской губернии – арендовал участок земли № 99 – 120 десятин 2185 сажень у есаула Григория Петровича Фалелеева, а затем выкупил его. Межевание участка было утверждено в 1907 году Платоновым Яковом Васильевичем».

При строительстве мельницы и доставке материалов использовали тягловую силу. Всё оборудование для мельницы завезли из Германии. Её сердцем была приобретённая машина в 240 лошадиных сил, которая работала на угле, её обслуживали кочегары. Этот локомобиль приводил в движение через трансмиссию всё оборудование мельницы много лет. Для машины требовалась охлаждённая вода, поэтому для двух котлов имелась градирня – устройство для охлаждения воды. Скважина артезианского колодца давала мало воды, к тому же она была солоноватая. Насос работал сутками и затрачивал много энергии, а подавал всего по два ведра в минуту (120 вёдер в час), а нужно было девять вёдер для пополнения. На мельнице был и паровой котёл, который обогревал площадь в 102 кв. метра.

Как сказано выше, мельница работала на немецком оборудовании, но не имела средств механизации по транспортировке зерна и готовой продукции. Вместо этого работали 60 грузчиков и 40 ломовых лошадей. Первоначально на мельнице всего работало 90 рабочих. По тем временам мельница считалась самым крупным мукомольным предприятием Ново-Омска, производительность составляла в сутки 4000 пудов (64 тонны). С каждым годом она наращивала производство. Мельница работала на разных помолах – пшеница, рожь, горох, просо, овёс.

Завод «Азия»

На чугунно-литейном и механическом заводе «Азия» у Леппа работало 125 рабочих. Они вырабатывали парные повозки и гвозди, которые пользовались большим спросом. Новейшее оборудование для своего завода Лепп закупил в Голландии и Германии. Дела на заводе шли успешно. Предлагаю читателю познакомиться с оснащением завода в 1910 году:

- **небольшая электрическая станция;**
- **слесарная мастерская**, оборудованная станками – токарными, сверлильными и строгальными;
- **в кузнице** 9 горнов, штамповочные станки и т. д.;
- **в литейке** – верстак формовщика, вагранка (при крупном литье вагранка за один раз могла выдавать 100–200 пудов чугуна, а при мелком – 80–90 пудов);
- **деревообделочная мастерская**, оборудованная верстаками, токарными и строгальными станками. В складах хранились веялки, плуги, ходки и т. д.

Для рабочих завода на этой же улице, в квартале № 187, Лепп построил двухэтажное каменное общежитие, которое просуществовало до 1980 годов.

Из архива известно: «В 1915 году крупный предприниматель города Омска Рандруп Серен Христианович получил станки с закрывшегося механического завода «Лепп и Ко». Так как завод Рандрупа работал на военные заказы напряжённо, и не хватало оборудования».

Завод «Азия». Фотоархив Г. Г. Эрлинековой, 2015 г.

Собственный дом

В квартале № 224, на усадьбе № 1 площадью 16095,48 кв. метров, Лепп построил для своей семьи красивый двухэтажный кирпичный дом, крытый железом, с паровым отоплением, по тем временам это был прогресс для Сибири. Дом получился размером 21,34х17, площадью 364 кв. метра. Вход в здание был со стороны двора, на первый этаж – под каменной лестницей, а на второй нужно было подниматься по боковой маршевой лестнице.

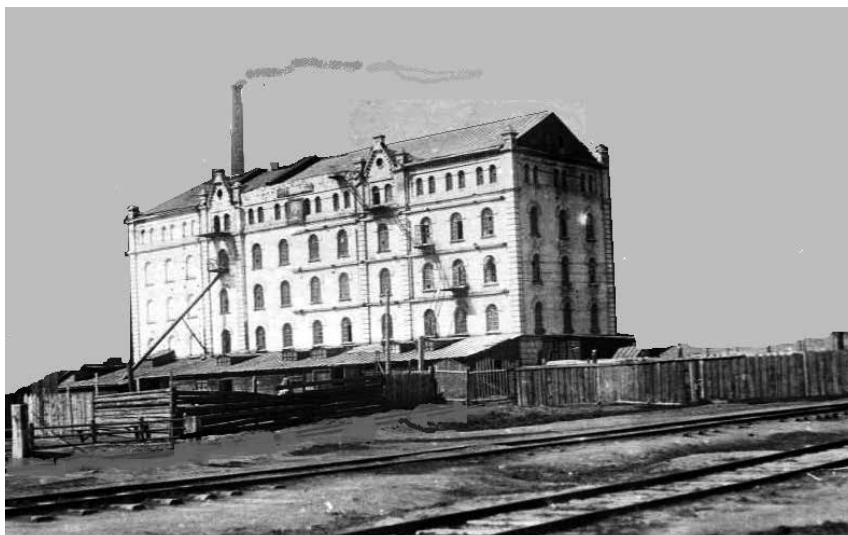
В ограде были постройки, крытые железом – рубленый флигель, тесовый сарай на каменном фундаменте. Колодец располагался посреди ограды. Клозет и выгребная яма находились с правой стороны, за флигелем. Всего на участке было застроено 728 кв. метров. На оставшейся площади усадьбы был разбит большой фруктовый сад.

Арон Аронович Лепп и его семья были верующими, и это им давало терпение, силу, радость в трудные дни. Состав семьи: жена Екатерина, дочери – Екатерина, Елена, Маргарита и Сусанна (Маргарита и Сусанна были одними из первых учениц школы в Куломзино).

Муниципализация дома Леппа во второй раз произошла 11 апреля 1923 года. «Мы, нижеподписавшиеся техник Ново-Омского Коммунального отдела Дмитрий Груздев и зам. хозяйством Ново-Омского уездного исполкома, совместно проводили осмотр дома, находящегося в гор. Ново-Омске по Муромцевской улице, по его муниципализации. Оценочная стоимость 53120 рублей (в довоенных рублях)».

Мельница Арона Ароновича Леппа

После трёх лет строительства, в 1908 году, на левом берегу Иртыша появилась белокаменная мельница-замок Леппа. За несколько вёрст необъятных степных просторов виднелось красивое четырёхэтажное здание с высокой кирпичной дымящейся трубой. С мельницы был слышен шум работающих вальцов и рассевов. Построенная мельница стала приносить хозяину доход, попутно владелец занимался и мучной торговлей. Арон Лепп состоял учредителем на бирже станции Омск-Пост.

Мельница А. А. Леппа построена в 1908 году. Из фотоархива В.К. Шеля

Один из рабочих вспоминал:

«На моей памяти, на мельнице Леппа в кузнеце работал мой отец. Он пропадал там с утра до вечера, и, кроме этого, были постоянные сверхурочные работы. Это одна из первых мельниц в Сибири по количеству и качеству выработки разных сортов муки. При наличии обычной тогда эксплуатации суточная выработка доходила до 5000 пудов (80 тонн). Суточный расход топлива – 450 пудов каменного угля.

Константин Леонгарт рассказывал: «В то время мельница Леппа работала с помощью котельного паровика, который крутил трансмиссию (ременная передача) с первого до четвёртого этажа. Мельница производила несколько тысяч пудов муки в сутки. Для нормального выпуска продукции нужны помольные партии, зерно хранилось в деревянных ёмкостях, так называемых силосах. В одном зерно было очень хорошего качества, в другом похуже и в третьем – плохое. Эти партии смешивали и получали нормальную продукцию».

В 1914 году из-за долгов и начавшейся мировой войны у Леппа начались всевозможные проблемы, так как он был подданным враждебного государства – Голландии. Он был вынужден продать дёшево мельницу наследникам Ивана Петровича Колокольниковца – тюменским купцам I гильдии. В 1915 году новые хозяева заложили рядом строительство более крупной мельницы.

Сам Лепп продолжал управлять чугуно-литейным и механическим заводом, но дела у него пошли плохо. В справочнике «Весь Омск» за 1913 год записано: «Завод Леппа, Товарищество «Азия», вырабатывал парные повозки».

Лепп оставил за долги кредиторам чугуно-литейный завод, два дома с усадьбами, и участок земли в несколько десятин, а также всю домашнюю обстановку. Из-за разорения Леппа пострадал завод Якова Мартиновича Гиберта и Петра Петровича Фризена.

Выезд семьи Леппа в Америку

В архиве Омской области имеется дело с прошениями на имя Степного генерал-губернатора Евгения Оттоновича Шмита о выдаче заграничных паспортов в 1915 году жителю Омска «Леппу Арону Ароновичу – поселянину-собственнику, проживающему в Ново-Омске при станции Куломзино Омской железной дороги – для выезда в Голландию 16 апреля 1915 года по семейным и коммерческим делам».

Лепп в своём заявлении пишет: «Проживаю в Ново-Омске, где имею чугунно-литейный и механический завод. Паспортная книжка: выдана Хортицким волостным правлением Екатеринославской губернии Екатеринославского уезда селения Кичкас. Я родился в 1861 году 5 сентября. Вероисповедание меннонитское. Место жительства Омск, Россия.

Место прибытия: Лос-Анджелес – Калифорния.

Семейное положение: от первой жены Екатерины дети – Екатерина, Елена, Маргарита, Сусанна. Ещё записана жена Агафья (Дик) и сын Арон 1 год (р. 10 мая 1914), это от второй жены, т. к. девочки уже взрослые, Маргарите 17 лет, Сусанне 14 лет». Главе семейства Арону Ароновичу Леппу на момент миграции было 54 года. Порт отправления Кристиан (Christiania), название судна United States «Соединенные Штаты». Имя приглашающего – Якоб Лепп (р. 1875) – брат Арона, имя встречающего – Сузанна Пеннер (Лепп). Семья прибыла к сестре Арона».

Лос-Анджелес, Калифорния

С 1820 года Лос-Анджелес – светское поселение в Калифорнии, в котором проживало 650 человек. После провозглашения независимости Мексики Лос-Анджелес непродолжительное время входил в её состав. После поражения Мексики в американо-мексиканской войне город перешёл к США по мирному договору 1848 года. В 1850 году Лос-Анджелес получил официальный статус города. В 1876 году компания Southern Pacific завершила строительство железной дороги до Лос-Анджелеса. Цитрусовое плодоводство, особенно выращивание апельсинов, скоро стало основой местного хозяйства. За последние сорок лет XIX века население выросло до 100 тысяч человек. В 1892 году в районе города были обнаружены залежи нефти, и к 1923 году на район Лос-Анджелеса приходилась четверть всего мирового производства этого углеводорода. В 1913 году Уильям Малхолланд завершил строительство акведука, который обеспечил водой растущий Лос-Анджелес. С 1920-х годов в Лос-Анджелесе быстрыми темпами начала развиваться авиационная промышленность, стали открываться киностудии.

О жизни и деятельности Леппа в эмиграции мне не известно. Согласно архивным данным Америки, Лепп Арон Аронович умер в 1935 году. Захоронение главы семейства совершено на Эвергринском кладбище Лос-Анджелеса, округ Лос-Анджелес, Калифорния, США.

Андреас Корнелий Яковлевич

В архиве Омской области есть дело, в нём записано: «Андреас Корнелий Яковлевич 1874 г. р. 26 августа, вероисповедание меннонитское – поселанин-собственник, проживающий в Ново-Омске при станции Куломзино Омской железной дороги. Для выезда в Швецию в 1915 году, для поправления здоровья семьи. Заведующий Чугунно-литейного завода «А. А. Лепп и К°». Паспортная книжка выдана Хортицким волостным правлением Екатеринославской губернии, и уезда селения Кичкас. Семья: жена Екатерина, дети – Яков, Корнелий, Екатерина, Мария, Елизавета».

Судьба предприятий и домов Немецкого поселка

19 ноября 2019 года исполняется 100 лет, когда в Немецкий посёлок пришла Советская власть. После Гражданской войны и муниципализации предприятий и домов прошло немного времени, Новая власть быстро «проела» созданное предпринимателями и хозяевами. Бурно развивающиеся заводы и фабрики пришли в упадок. Дома бывших хозяев, занятые арендаторами, без текущих ремонтов стали ветхими. Некогда успешная промышленность ещё долгое время не могла достичь довоенного уровня 1913 года.

С приходом в 1993 году новой власти произошли опять глобальные проблемы в России. Предприятия начали закрываться из-за того, что не выдерживали натиска зарубежных конкурентов, заполонивших рынок более дешёвыми и качественными товарами. Люди стали покидать свои дома в поисках работы в других местах, и Немецкий посёлок захирел.

Крах «республиканского романтика» омского купца Николая Машинского

Купеческий род

Тарские и омские купцы Машинские происходили из крестьян Бердской волости Барнаульского уезда Томской губернии. У тарского купца 3-й гильдии Алексея Машинского и жены Марии было три сына Степан Алексеевич, Петр Алексеевич и Кирилл Алексеевич – все тарские купцы 3-й гильдии. У последнего в 1842 году родился сын Николай Кириллович, который, окончив уездное училище, продолжил дело отца и стал владельцем кожевенного завода в Таре. В 1894 году товарооборот кожи и мануфактуры купца составил 200 тыс. руб.

Николай Кириллович состоял во 2-й купеческой гильдии и владел двумя домами на Базарной площади. Н.К. Машинский считался одним из самых влиятельных и состоятельных тарских купцов конца XIX начала XX веков, и поэтому обыватели называли его миллионером. В 1912 году купец подвергся вымогательству, но был защищен полицией. Далее следы его теряются.

*Машинский
Николай Николаевич
(1867-1947)*

*Машинская
Елена Константиновна
(1869-1944)*

В 1866 году у Николая Кирилловича и его жены Татьяны Алексеевны (р. 1848) родился сын Николай, который так же занялся торговлей мануфактурой. У наследников Н. Лоскутова Николай Кириллович Машинский приобрел в Таре дворовое место, где выстроил двухэтажный кирпичный особняк (впоследствии в нем была биржа). В 1902-1903 годах предприниматель продал дело в Таре за 105 млн. руб. и на эти деньги открыл магазины в Омске: в городском торговом корпусе (Ленина, 3) на Базарной площади напротив театра и на Любинском проспекте, 8 (вероятно, это дом Ф.М. Чириковой (с башенкой), совр. адрес ул. Ленина, 13). Кроме того, купец продолжал торговать в Таре маслом, мебелью, готовым платьем, шапками, шляпами и мануфактурой.

Совместно с маслоторговцем Гормсеном занимался поставками сливочного масла в Европу и в частности в Англию. Машинский первым в Омске перевел своих приказчиков с повременной оплаты на 5-процентную оплату от выручки, что стимулировало работу сотрудников. Накануне Первой мировой войны его торговый оборот составлял около 1 млн. 700 тыс. руб., а общее состояние оценивалось в 350 тыс. рублей, в результате чего Николай Николаевич вошёл в тройку крупнейших предпринимателей Омска.

Купец организовал торговлю в Каинске и в Ново-Николаевске (ныне Новосибирск). Справочник по городу Ново-Николаевску за 1912 год опубликовал следующую рекламу:

«Оптовый склад мануфактурных товаров Н.Н. Машинского (из Омска). Цены фабричных складов. Отделение: Ново-Николаевск, Гудимовская ул. Дом сибирского банка. Омск, Базарная площадь. Тара».

В 1897 году Н.Н. Машинский был городским головой Тары, а в начале XX века избирался гласным Омской городской думы, но ее собрания посещал редко. Купец также входил в ряд комиссий и общественных комитетов.

В годы Первой мировой войны, получив выгодный заказ от интендантства на сапоги для армии, Н.Н. Машинский организовал кожевенное производство в ауле Каржас на берегу реки Замарайки. Это старейшее в Омске предприятие по выделке кож отмечено на карте Омска 1884 года. Николай Машинский на паях с предпринимателем гласным городской думы Василием Пшеничниковым наняли подрядчиков братьев Гутермахеров, которые реконструировали старое производство. Вскоре вдоль левого берега Иртыша около завода вырос овчинно-шубный поселок (в простонародье «Шубняк»), который для рабочих выстроил Машинский.

В 1916 году один из его кожевенных заводов ежемесячно выпускал до двух тысяч пар сапог. Производство было выгодным, при норме прибыли в 20 % чистый доход составил 600 тыс. рублей. Так как во время гражданской войны хозяева завода сбежали за границу, то новая власть в конце 1919 года бесхозное предприятие национализировала и дала новое название: «1-й государственный кожзавод Памяти 14 ноября 1919 года». В 1923 году он стал называться Государственный кожевенный завод № 1, с 1925 года – овчинно-шубный завод, а с 1956 года – Омская овчинно-меховая фабрика.

В 1976 году основное производство перенесли в Старый Кировск на 3-ю Казахстанскую улицу, а в старом корпусе стали шить крытые брезентом меховые куртки. Не выдержав конкуренции с китайским товаром, фабрика закрылась на рубеже веков, превратившись в оптово-розничный склад-магазин хозяйственных товаров, и став местом дислокации многочисленных арендаторов. Старый трехэтажный кирпичный корпус и двухэтажная деревянная контора на левом берегу Иртыша хорошо сохранились (ул. 3 Енисейская, 30д) и видны с моста им. 60-летия Победы за жилым комплексом «Аванград».

Бывший кожзавод Машинского, (ул. 3 Енисейская, 30д). Современный вид

Жена купца Елена Константиновна, дочь ташкентского чиновника Кузнецова, окончила женскую гимназию и в 1903 году состояла действительным членом Омского общества вспомоществования нуждающимся ученицам 3-й Омской женской гимназии О.Я. Хвориновой на ул. Ильинской (здание сохранилось и является памятником архитектуры, ныне входит в Диагностический центр, ул. Ильинская, 9). Её муж, известный омский архитектор Илиодор Геннадьевич Хворин (1835-1914), был частым гостем в купеческой семье. Машинские воспитывали шестерых сыновей (Сергей, Владимир, Константин, Борис, Николай, Георгий) и двоих дочерей (Ольга (1900-1997) и Татьяна (1902-1993)). Дочери как раз учились в гимназии Хвориновой.

Борис Машинский (1898-1989) в 1919 году был студентом Томского университета и работал в фирме отца. Летом того же года Борис сопровождал в Швецию и Англию крупную партию конского волоса и козьей шерсти, отправленную Северным морским путем.

Семья Машинских жила в собственном двухэтажном с цокольным этажом кирпичном особняке по адресу ул. Симоновская, 16 (8 Марта, квартал № 622), который отличался необычной лепниной на фасаде. Неизвестный опытный мастер изобразил пауков в паутине, диких жуков, стилизованные цветы и головки львов под карнизом. Широкая лестница вела в сад на высоком берегу Иртыша.

В 1918-1919 годах помещений в переполненном беженцами городе катастрофически не хватало, и Машинский предоставил свой кабинет представителю чехословацкого правительства майору Йозефу Кошеку. К нему делали визиты министр обороны генерал Штефаник и председатель Красного Креста доктор Геринг.

Порядком обветшавший дом Машинских был снесен в начале 70-х годов в связи со строительством на этом месте шестиэтажного белого административного корпуса Территориального строительного объединения «Омскстрой» (современный адрес ул. 8 Марта, 8, ныне это офисный центр). В настоящее время бывшая ул. Симоновская полностью застроена.

Кроме того, Н.Н. Машинский имел 4-этажный Г-образный краснокирпичный доходный дом (1916 г.п.) на Атаманской, 38 (Ленина), образующий угол с ул. Плотниковской, 14 (Валианова). Это был Торговый дом Тов-ва «Домовладелец» Н.Н. Машинского. Во время Первой Мировой войны в здании располагался 175 военный госпиталь, где наряду с русскими солдатами лечились чехословаки.

Этому же товариществу принадлежал не менее внушительный по объёму 4-этажный краснокирпичный угловой Г-образный дом по адресу ул. Комиссаровская, 18

Особняк Машинских на ул. Симоновской (ул. 8 марта). Снесен в 1970-х гг.

Лестница в сад из дома Машинского

(старый № 26) / Степана Разина, 8. Ныне это жилой дом с филиалом клиники «Ультрамед». Причем, здание вначале было 2-х этажным со стильными оконными проёмами. Вероятно, после его приобретения, Машинский надстроил два этажа, что заметно по разнице в цвете кирпича. Архитектурный стиль оформления верхних окон созвучен с домом на Атаманской, 38. Единые архитектурные решения позволяют сделать предположение, что надстройку и дом на Атаманской, 38 проектировал один архитектор

примерно в одно время (1914-1915 гг.). Оба здания хорошо сохранились и поставлены на охрану как памятники архитектуры.

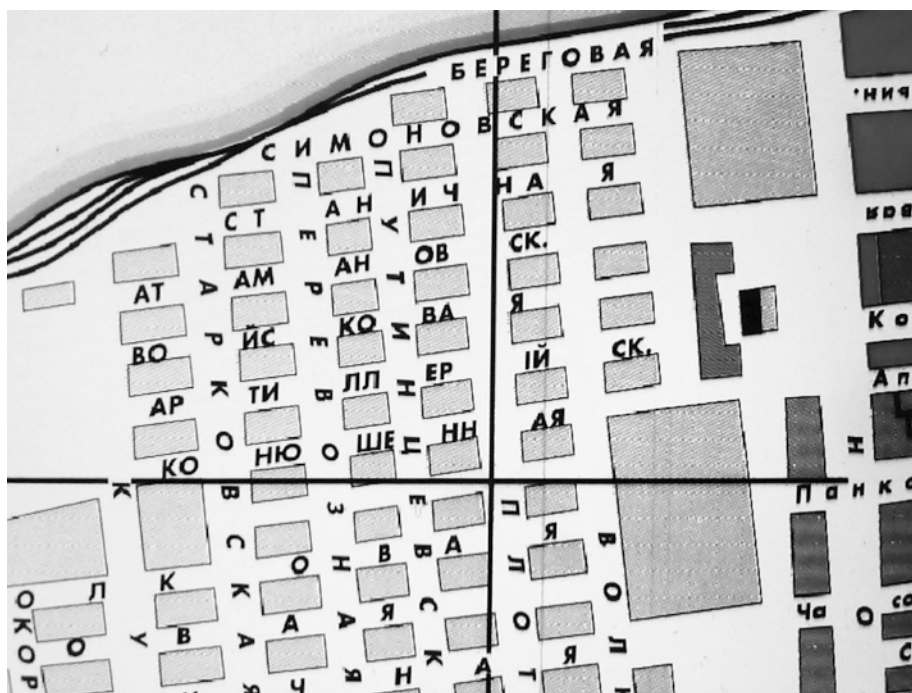
«Тихий центр» Казачьего форштадта

Адрес особняка Н.Н. Машинского на ул. Симоновской, 16 упоминается в первом телефонном справочнике «Весь Омск» за 1911 год, однако дом мог быть перестроен, или возведен заново в более позднее время. Вообще, этот район, ограниченный с севера Кадетским корпусом, с запада – правым берегом Иртыша (ныне южная часть Куйбышевского пляжа), с востока – Атаманской улицей (после революции ул. Республики, в настоящее время ул. Ленина) и с юга улицей Перевозной (Масленникова), являлся, говоря современным языком, «Тихим центром». Здесь в 12-ти небольших прямоугольных кварталах селились богатые люди. Вероятно, это было самое престижное место для жилья в Казачьем форштадте.

Например, два угловых дома по адресам Симоновская, 9 (8 Марта) / Волковская, 4 (Съездовская) и Волковская, 8 / Станичная, 10 (Комиссаровская) в одном квартале принадлежали богатой омской купчихе 1-й гильдии Марии Александровне Шаниной – владелице знаменитого магазина на Любинском проспекте. До настоящего времени дома не сохранились, на этом месте стоит 5-этажный жилой дом по ул. Съездовская, 4.

Омский кондитер купец 2-й гильдии Иван Степанович Зонов владел одноэтажным деревянным домом на ул. Станичной, 15 (Комиссаровской). В этом же квартале на углу Плотниковской, 11 и Атаманской, 36 находилась его одноэтажная пекарня, вплотную пристроенная к 3-этажной частной гимназии М.В. Каеш (Атаманская, 34). После революции здесь была школа им. 1 Мая (ныне Центр творчества «Созвездие»). В списке муниципализированных домов за 1923 год за Зоновым числились оба дома, так что не исключено, что между революциями 1917 года кондитер по дешёвке купил и корпус частной гимназии. В 30-е годы здание бывшей пекарни надстроили вторым этажом и передали школе им. 1 Мая, и оба здания получили единый адрес Ленина, 36. Все три дома сохранились и поставлены на охрану, как памятники архитектуры.

Два дома по адресу ул. Атаманская, 24 и 26 (не сохранились) принадлежали Хаиму Вульфовичу Левину. В первом

«Тихий центр» Казачьего форштадта (план 1917 г.)

доме по данным из телефонного справочника за 1916 год располагалась аптека.

По сведениям омского искусствоведа Жанны Хахатовой на углу улиц Плотниковской, 5 (ныне Валиханова, 3) и Станичной, 14 в 1915 году казачий полковник Александр Григорьевич Михайлов купил у другого офицера Георгия Леонтьевича Буланже (сына известного общественного деятеля, организатора музыкального общества и фотографа Леонтия Станиславовича Буланже) земельный участок с домом. И всего за год на этом месте полковник построил красивый с балконами оштукатуренный 4-этажный доходный дом в стиле модерн. Здание стало архитектурной доминантой «Тихого центра», поставлено на охрану, как памятником архитектуры, и в настоящее время его площади занимает городской департамент культуры.

Бывший доходный дом Машинских угол Атаманской, 38 и Плотниковской, 14 (ныне ул. Валиханова)

Михайлову также принадлежал рядом стоящий дом по ул. Станичная, 12 (на этом месте сейчас гаражи).

На углу улиц Русиновской, 6 (Короленко) и Станичной, 2 (Комиссаровская) располагался дом, записанный на Людмилу Кулагу – жену известного омского фотографа И. М. Кулага. Дом конфисковали в 1923 году (не сохранился). На этом месте сейчас 4-этажный жилой дом довоенной постройки (ул. Комиссаровская, 2). Кулага во время НЭПа имел «Артистическую фотографию» рядом с кинематографом «Гигант» на Советской (сейчас ул. Партизанская). Там же попутно можно было купить фотоматериалы, парфюмерию, табак, музыкальные инструменты и канцелярские принадлежности.

По Атаманской улице проходила линия городского водопровода с ответвлениями на Волковскую (Съездовская), Плотниковскую (Валиханова) и Путинцевскую (Ст. Разина) улицы, от которых очищенная вода поступала во многие, стоящие на этих улицах, особняки. Электричество можно было получать от ветряной электростанции на Ильинской около Кадетского корпуса. Улицы Симоновская (8 Марта) и Станичная (Комиссаровская) были короткими – начинались от Кадетского корпуса и шли на юг до берега Иртыша и поэтому были малопроезжими, что обеспечивало комфортную тишину стоящих на них усадеб. Тоже можно сказать и об улицах Волковская (Съездовская), Плотниковская (Валиханова) и Путинцева (Ст. Разина), которые выходили на берег реки.

На ул. Перевозной (Масленникова) находилась пристань, от которой на лодках осуществлялся перевоз на левый берег Иртыша, что и определило название улицы, а в 1959 году в ее продолжение был построен Ленинградский мост. Николай Машинский наверняка пользовался водным видом транспорта, так как его кожевенные заводы находились на другом берегу Иртыша. Рядом с «Тихим центром» в шаговой доступности находились Городской сад, кадетский корпус, генерал-губернаторский дворец, Свято-Никольский Казачий собор, польский костел и мечеть. Мощеная Атаманская (Ленина) улица через железный мост вела к богатому магазинами Любинскому проспекту.

Многие владельцы усадеб в «тихом центре» имели телефоны. Так в усадьбе Николая Машинского на Симоновской, 16 был установлен телефон № 4-49, а в его магазине на Любинском проспекте – телефон с блатным № 1-00.

Крах «Тихого центра»

После Февральской революции 1917 года среди омских богатеев наметились две тенденции в поведении. Опасаясь смуты после падения монархии, одни начали быстро распродавать движимое и недвижимое имущество и с вырученными средствами поспешили уехать за границу. Так поступили владельцы крупных мельниц Колокольников и Жернаков, хозяин лучшей бани в городе Коробейников и многие более мелкие предприниматели.

Другие коммерсанты опрометчиво считали, что после падения монархии Учредительное собрание законно выберет республиканскую форму правления и для российского предпринимательства откроются новые возможности и перспективы. И жизнь будет не хуже, чем во Французской республике. Они надеялись, что Временное правительство сумеет провести эти реформы мирным путем. И поэтому предприимчивые купцы с республиканскими взглядами стали спешно скупать по дешевке выставленную на продажу недвижимость. В городе росла инфляция, и оставшиеся в Омске коммерсанты, стремясь спасти денежные накопления от обесценивания, конвертировали их в земельные участки и дома.

К ним относился и Николай Николаевич Мишинский, который все свои доходы вложил в недвижимость, причем он покупал ее в основном в «Тихом центре». Так, если телефонный справочник за 1916 год сообщал о двух домах Н.Н. Машинского на Симоновской, 16 (8 Марта) и Атаманской, 38 (Ленина), то на следующий год у оборотистого купца 1-й гильдии в собственности оказалось еще 10 участков с недвижимостью по адресам:

- Войсковая, 28 (Театральная), рядом с ул. Перевозная (Масленникова),
- дом на Станичной, 24 (Комиссаровская),
- угловой 4-х этажный кирпичный дом на Станичной, 26 (ныне Комиссаровская, 18) / Ст. Разина, 8,
- Плотниковская, 2 (Валиханова). Участок выходит на берег Иртыша, а дом смотрит фасадом через дорогу на главную усадьбу Машинских по ул. Симоновская, 16,
- Симоновская, 22 (участок выходит на берег Иртыша),
- угловой дом на Симоновской, 24 / Путинцевская, 1 (бывший дом Семена Семеновича Рысева – известного коммерсанта и гласного Городской думы),
- Атаманская, 9,
- угловой дом на Атаманской, 11 / Волковская, 15, (Съездовская)
- Атаманская, 35,
- Фабричная, 40 (Пушкина).

Вероятно, все дома входили в Товарищество «Домовладелец».

Причем, у Н.Н. Машинского четыре участка (ул. Симоновская, 16, 22, 24 и ул. Плотниковская, 2) выходили на высокий берег Иртыша, откуда открывался великолепный вид на Куломзино (Старый Кировск) и степные просторы. Три последних участка являлись смежными и вероятно были объединены. Для «захвата» всего престижного квартала (№ 623) в границах улиц Плотниковская – Симоновская – Путинцевская Машинскому оставалось купить только участок по адресу ул. Симоновская, 18.

Но грянула Октябрьская революция 1917 года. А вскоре «уставший» большевистский караул под командованием «матроса-партизана Железняк» разогнал Учредительное собрание, похоронив надежду на мирный исход реформ. После большевистского переворота прошло несколько относительно спокойных месяцев советской власти, затем гражданская война, совпавшая с периодом правления адмирала А.В. Колчака, и, наконец, с 14 ноября 1919 года в Омске окончательно установилась советская власть.

«Республиканские романтики»

Осенью 1919 года приобретатели дешевой недвижимости – «республиканские романтики», в том числе и семья Николая Машинского, – спасаясь от большевиков, были вынуждены бросить все дома с имуществом и бежать на Восток по Транссибу с отступающими чехословацкими легионерами и Колчаком. Некоторые, как например, крупнейший владелец городской недвижимости на Втором Взвозе (Гагарина) Павел Алексеевич Липатников, решили покориться судьбе и рискнули остаться в городе. Но, вскоре, у тех и других недвижимость была отобрана безо всякой компенсации. Это называлось муниципализацией.

Все указанные выше дома Николая Машинского, Марии Шаниной, Ивана Зонова, Александра Михайлова и других богачей из «Тихого центра» были муниципализированы в мае 1923 года. Казачий полковник Михайлов явно не успел окупить вложенные в доходный дом немалые средства (возможно, это были кредиты) и судьба его не известна. Дом Машинских на Симоновской, 16 вероятно был муниципализирован раньше, так как он был брошен и пустовал в виду бегства хозяев в ноябре 1919 года. Другие доходные дома были заняты квартирантами, и поэтому их судьба решалась в 1923 году.

Судьба многих домовладельцев оказалась незавидна. Павел Липатников воспринял муниципализацию как стихийное бедствие. В одночасье оставшийся без собственности, бывший богатый домовладелец покорился судьбе, ни во что не вмешивался, до конца своих дней жил в доме у дочери и выращивал огурцы на огороде.

Мария Шанина тяжело заболела и в 1920 году умерла на руках дочери в Москве. Историк генерал Георгий Катанаев жил в плохо отапливаемом флигеле своего бывшего дома на ул. Блохинской (Булатова), где и умер в 1921 году от недоедания и холода, сидя за столом и заканчивая письмо-послание потомкам. Известный предприниматель, аргоном и конезаводчик Филипп Штумпф лишился единственного дома на ул. Плотниковской (Валиханова, 10, ныне музей К. Белова) и заимки (ныне село Троицкое за Старым Кировском), жил у знакомых на той же улице и скончался от сердечного приступа в 1921 году и даже могилы его не осталось.

В мае 1923 года советская власть муниципализировала дом на ул. Фабричной, 66 (Пушкина) у некой купчихи Второй гильдии Машинской Марии Львовны, которая вероятно является родственником кому-то из фамилии Машинских. Ее дом располагался следом через ул. Плотниковскую (Валиханова) за 2-этажным кирпичным домом Анны Андреевой Волковой (жена полковника С.В. Волкова), где до переворота в октябре-

ноябре 1918 года жил А.В. Колчак (сейчас здание занимает военкомат). Её дом тоже муниципализировали в это же время.

На ул. Пушкина, 26 (угол с Почтовой) ныне радует глаз двухэтажный деревянный особнячок – бывший доходный дом (1906-1912 гг. постройки) некоего И.Ф. Машинского – тоже из этого знаменитого купеческого рода. Через два квартала на той же стороне по старому адресу Фабричная, 40 (где-то в районе пересечения с ул. Чкалова) находился еще один большой дом Николая Николаевича Машинского. Оба здания также были муниципализированы в 1923 году.

Те, кто уехали из России за границу, продлили себе жизнь. Например, владельца бани Вячеслава Васильевича Коробейникова артисты Омского государственного русского народного хора встретили на гастролях в Австралии в г. Перт в 1964 году. После концерта древний седой старичок интересовался у омичей, жива ли его банька.

Николай Машинский с семьей из Владивостока эвакуировался сначала в Японию, затем были Китай, Чехословакия и, наконец, Машинские осели в Дрездене, где еще до войны купец изучал новые технологии окраски кожи. Дочь Ольга поступила в Дрезденскую академию художеств.

На жизнь в эмиграции вполне хватало, так как еще перед бегством из Омска Машинскому удалось вывезти на Запад и реализовать вагон товарной кожи. А вырученные средства были размещены в высокодоходные акции американских банков. Но в октябре 1929 года случился биржевой крах Уолл-Стрита, в результате чего банки лопнули и некогда прибыльные акции превратились в фантики. Пришлось переехать в более дешевую Прагу, где предприниматель практически с нуля начал торговать чаем. К этому времени Николай Машинский уже получал пенсию. Круг его общения с эмигрантами был не велик, но это были русские профессора.

Окидывая взглядом события столетней давности, напрашивается вывод, что национализация предприятий и недвижимости у старых владельцев не привела к росту промышленности и повышению уровня жизни населения в 20-х годах. Наоборот, оставшись без опытных руководителей и специалистов, многие заводы и мельницы пришли в упадок или просто закрылись. Конфискат быстро проели. Новое строительство почти не велось. А об экспорте масла в Европу уже не могло быть и речи. И еще долго достижения советской промышленности сравнивали показателями последнего довоенного 1913 года.

Список основной использованной литературы:

1. В.К. Шель, В.И. Селюк «Муниципализированный фонд города Омска 1923-1925 годов». Справочник. Омск, 2014;
2. А.Г. Киселев «Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов)». Омск, 1995;
3. «Улицы Омска». Справочник. Омск, 2008;
4. «Историческая энциклопедия Сибири», Новосибирск, 2010;
5. «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири», Том 2. Новосибирск, 2013;
6. «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири». Новосибирск, 1996. Т. 3, кн. 1. С. 90–92.
7. Справочники-указатели «Весь Омск» за 1911 и 1913 годы;
8. Списки абонентов Омской телефонной сети за 1916 и 1923 годы;
9. Справочник по городу Ново-Николаевску за 1912 год;
10. Ляля Туманова (Машинская) «Рассказ от первого лица» «Русское слово» № 2 за 2013. Прага.
11. Планы Омска 1884, 1912, 1917, 1923, 1927, 1940 и 2018 годов.
12. Исторические фотографии дома на Симоновской из музея омских железнодорожников, фотопортреты и фото дома Машинского с крыльцом – из журнала «Русское слово» № 8 за 2014 г. (Прага), современные фото автора.

Владимир Панасенков

Алексей Ганшин – красный коммерсант

Многим поколениям омичей знакомо здание мединститута, что находится на улице Ленина, на склоне «горы», но не все знают, что до революции этот памятник архитектуры служил торговым домом известных предпринимателей Овсянниковых и Ганшиных. Судьба последнего весьма интересна.

В октябре 1901 года на торгах, организованных Городской управой, представительница фабрично-торгового товарищества Пелагея Павловна Ганшина купила самый большой участок в Любиной роще (на горке) по 25 руб. 5 коп. за квадратную сажень (ок. 4,5 кв. м). Однако областное начальство посчитало эту цену заниженной, и в январе 1902 года отменило сделку. Ганшины начали тяжбу. Дело дошло до Правительствующего Сената, который и решил спор в пользу товарищества. Этим и была вызвана задержка строительства. В течение 1905-1906 гг. здание было построено (ул. Ленина, 12), в 1911 году сын Ганшина завершил архитектурный ансамбль, пристроив двухэтажное здание по Музейной улице. Помимо великолепных фасадов универмаг был примечателен своими роскошными интерьерами с богатой белоснежной лепниной, люстрами и зеркалами. Кованные украшения здания – балконные и надкарнизные ажурные решетки, перила и консоли над входом – изготавливались на местном заводе К.В. Куликова [1].

Алексей Ганшин

Так на северо-западной стороне Любинского проспекта появилось прекрасное здание Товарищества «Братья Овсянниковы и Ганшин с сыновьями». Товарищество имело фабрики в Юрьеве-Польском Владимирской губернии и магазины оптовой и розничной торговли в Петропавловске (ныне республика Казахстан). В магазинах Товарищества продавалось всё, от булавок до автомобилей: граммофоны и галоши, мануфактура и готовые платья, галантерея, мебель и другие товары [2].

Вход в магазин Ганшина был как со стороны Любинского проспекта, так и со стороны Музейной. Часть помещений арендовала фирма резиновых изделий «Проводник» и «Граммфон».

Привлекательностью своих фасадов торговое здание спорило с Московскими торговыми рядами. Обилием форм и мотивов архитектурных стилей — классицизма, ренессанса, модернизма — отмечены фасады, выходящие на три улицы: Гасфордовскую (К. Либкнехта), Любинский пр. (Ленина) и Музейную [3].

Добавим, что с 1921 года по настоящее время помещения заняты главным корпусом Омского государственного медицинского университета.

Искусствоведы называют это строение домом Алексея Ганшина, так как именно его сыновья вели дела в Омском представительстве. И, благодаря Ганшиным, этот памятник истории и культуры украшает историческую часть Омска.

Кто же был этот человек, заказавший проект лучшему омскому архитектору И.Г. Хворинову (1835-1914)? Упоминание и фотоснимки здания мы находим в альбоме «Старый Омск» [4]. Однако биография предпринимателя остаётся для омичей «белым пятном».

Дом Ганшина 1906 г.

Алексей Александрович принадлежал к купеческой династии Ганшиных, бизнес которых был основан ещё в начале XIX века. Дата его рождения – ок. 1874 года. Инициативный молодой человек с отличием окончил Московское коммерческое училище и самостоятельно выучил три языка (английский, французский и немецкий), что позволяло вести дела с иностранными партнерами без переводчика. Позднее Алексей окончил химический факультет Петербургского технологического института.

Наряду с этим (семейная торговля шла успешно) молодой человек увлекался революционными

идеями, посещал социал-демократический кружок. Подружился там со ставшими впоследствии известными революционерами: Кржижановским, Старковым, Красиным, Кудрявским, Крупской, Невзоровыми и др.

В 1893 году в Санкт-Петербург окончательно переселился из Самары В.И. Ульянов и тоже стал членом этого кружка.

Во время поездок в Москву, где с 1870 года жили его родители, Алексей Ганшин познакомился с сестрой Владимира Ильича Анной Ильиничной и её мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым, а затем и с матерью – Марией Александровной Ульяновой. Интересно, что революционер Марк Тимофеевич Елизаров (1863–1919) в 1913–1914 годах жил и работал в Омске в страховом обществе «Саламандра», чьё здание находилось рядом с торговым домом Ганшина на Гасфордовской улице (ныне ул. Карла Либкнехта). Елизаров вошёл в историю тем, что летом 1917 года в его квартире в Петрограде тайно проживал вернувшийся из эмиграции В.И. Ленин [5].

В 1894 году В.И. Ленин написал свою первую крупную работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами?». Ни одна легальная типография не соглашалась печатать такой труд. И тогда к делу подключились Алексей Ганшин и его троюродные братья Масленниковы. Они тайно за свой счёт отпечатали брошюру в своём имении Горки Переяславские. Именно сюда в том же 1894 году Владимир Ильич привёз окончание рукописи. В дальнейшем они же печатали прокламации и другие партийные материалы.

Данная работа не осталась незамеченной для полиции. В 1895 году А.А. Ганшин и братья Масленниковы были арестованы за революционную деятельность и около 9 месяцев провели в Таганской тюрьме. Затем Алексей был сослан в г. Слободской Вятской губернии. Во время ссылки он познакомился с Ф.Э. Дзержинским, жившим неподалеку. Спустя много лет дети Ганшина, ссылаясь на воспоминания отца, рассказывали, что он помог Железному Феликсу бежать из ссылки. Отец Алексея Александровича хлопотал за сына и добился досрочного его освобождения под гласный надзор полиции. В 1902 году Ганшин выезжал за границу, для передачи денег на издание нелегальной марксистской газеты «Искра», которая в тот год печаталась в Мюнхене и Лондоне. Это говорит об особом доверии революционеров к коммерсанту Ганшину.

В 39 лет Алексей женился во второй раз на гувернантке своей дочери Леночки. Жили они дружно и счастливо. Растили дочь и семерых сыновей. Предприятие и десятки универмагов по всей стране успешно работали под руководством опытных управляющих и приносили стабильные доходы.

Любопытно отношение тех, кто трудился на фабриках Ганшиных. Вот о чём поведал бывший рабочий Бельковской фабрики К.А. Глазков: «Я лично знал Ганшина. Он, будучи хозяином фабрики, выдавал всем семьям, отцы которых служили в армии, из своего лабаза по 5 пудов (ок. 82 кг) белой муки, оказывал помощь в приобретении коровы, лошади». Вероятно, поэтому рабочие не громили и не жгли имение и фабрики Ганшиных, как их же магазины.

Но вот грянул 1917-й! И Ганшиных ждала та же участь, что и всех зажиточных россиян того времени. После Октябрьской революции все их предприятия и магазины были национализированы.

Омский универмаг в 1921 году Губисполком передал в распоряжение Западно-Сибирского медицинского института (ныне ОмГМУ), но в 20-е годы на первом этаже здания по-прежнему размещались магазины.

Алексей Александрович сначала оказался не у дел, но довольно скоро получил приглашение председателя Главного Управления текстильными предприятиями страны В.П. Ногина принять участие в организации и работе технического отдела управления. Так началась новая жизнь инженера А.А. Ганшина. В Москве он принял участие в совещании, где друзья его юности В.И. Ленин и Г.М. Кржижановский обсуждали вопросы электрификации страны — план ГОЭЛРО.

С 1924 года А.А. Ганшин, занимая руководящие посты, восстанавливал фабрики, руководил строительством новых предприятий. Последнее место его работы — лесохимический отдел Мособлхимпромсоюза. Пригодился диплом химика. Он уже был персональным пенсионером, но по-прежнему работал и часто выезжал в командировки. В одной из них простудился, заболел и после тяжелой операции 3 сентября 1940 года умер в московской больнице [6]. В отличие от многих других купцов судьба Алексея Ганшина в советское время сложилась вполне благополучно, а его доходный дом вот уже более ста лет является украшением Любинского проспекта.

Список используемой литературы:

1. Торжество эклектики // Архитектура и строительство. № 7-8. 2012. С. 82-83.
2. Панасенков В.Н. Памятник поздней эклектики // Строй-газета. № 11, 02.04.2007. С. 38-39.
3. Девятьярова И., Селюк В. Прогулки по старому Омску. Омск, 1991. С. 15.
4. Старый Омск. Омск, 2000. С. 136 и 225.
5. Омский историко-краеведческий словарь. М. 1994 С. 80.
6. Казимирчик А. Лениниана петропавловского купца. 1.11.2016. <https://pkzsk.info/Leniniana/petropavlovskogo купца/>.

Рзянин Даниил Тимофеевич

Занимаясь в архиве Омской области, я обнаружил папки с кварталами Кировского района г. Омска за 1935 год. Меня заинтересовали первые жители, так как в детстве я жил на улице Фабричной в старинном доме, который был построен в 1909 году моим прадедом Куликовым Алексеем Ивановичем – мещанином, баптистом по вере. Прадед родился в 1853 году в деревне Селезнёвка Ново-Покровской волости Пугачёвского уезда Самарской губернии. Алексей Иванович женился на Ксении Петровне, 1859 года рождения. В 1880 году у них родился сын МIRON. Когда МIRONу Алексеевичу исполнилось 20 лет, он присмотрел себе невесту из другой деревни Марию Васильевну Кондрашову, 1872 года рождения. Через год, в 1901 году, у них родилась дочь Анна, а в 1905 году – Люба, моя бабушка. Девочки подросли, и их отдали в меннонитскую школу, а через некоторое время – в частную гимназию Марии Павловны Эйнарвич.

МIRON Куликов умер в сентябре 1934 года и был похоронен на Старом Кировском кладбище.

Далее меня интересовало, а у кого прадед приобрёл усадьбу – как оказалось, у Рзянина Даниила Тимофеевича. В то время он был предпринимателем, имел агентурно-комиссионную контору и занимался продажей земельных участков в Ново-Омске (вошёл в состав Омска в 1935 году, ныне Старый Кировск на левом берегу Иртыша).

Рзянин Даниил Тимофеевич

Рзянина Евдокия Платоновна

Рзянин Даниил Тимофеевич – переселенец из Самарской губернии. Родился в 1861 году на селе возле городка Чапаевск (современное название) в Мордовии. В тех местах проживала в основном народность «эрзя», отсюда и фамилия Рзянин.

Его отец Тимофей был просвещённым человеком – путешествовал по Алтаю и Гималаям, изучал народную медицину. Даниил, как и его отец, многое познал: увлёкся Тибетом, йогой, медициной и гомеопатией. Предприниматель получил высшее техническое образование, так как работал инженером и грамотно организовал своё производство. Даниил Тимофеевич участвовал в двух экспедициях на Тибет от Омского отделения Императорского русского географического общества, но этот факт нигде в источниках не зафиксирован.

Правнук Сергей Рзянин писал: «То, что он был грамотным и образованным, сомнений нет, владел несколькими языками. У него были инженерные знания, так как он предлагал проект судна на подводных крыльях для плавания по Иртышу, да и техникой занимался. Вначале на паях построил водяную мельницу, но что-то не получилось. Позднее на своей усадьбе построил паровую мельницу. В то же время был купцом. До революции участвовал в двух экспедициях в Тибет. Кроме научных задач, группе ставились задачи разведки торговых путей и товарообмена. Там он «заболел» гомеопатией, и последние годы жизни лечил людей и имел успех в Одессе».

Генеральный план заречного поселения до 1908 года

Так как Рзянин активно занимался предпринимательской деятельностью, то его фамилия неоднократно появлялась в дореволюционной печати.

Реклама. «Для фабрик и заводов нет лучшего места как предлагаемый участок Рзянина и Ко, где узел трёх железных дорог пересекается с главной водной артерией Западной Сибири реки Иртыш. В 1911 году на участке Рзянина и Ко по Главной улице будет построена собственная железнодорожная ветка как подъездной путь к складам и амбарам. В Ново-Омске, на участке, принадлежащем Д.Т. Рзянину, С.М. Топалову и Ко, в центре участка Рзянина, Топалова и Ко расположена станция Омск-Пост (ст. Куломзино, ныне ст. Карбышево – авт.), которая есть узел трёх железных дорог Сибирской, Тюменской, проектируемой Семипалатинской. Этот участок является единственной из частновладельческих дорожною веткою со станцией Омск-Пост, есть центр хлебной торговли для экспорта за границу для всей местности по левому берегу Иртыша, и представляет в высшей степени благоприятные условия для разви-

тия обширного торгово-промышленного центра.

За короткое время в Ново-Омске выстроено 4 крупных паровых мельницы, 5 кирпичных заводов, из них 2 с гофманскими печами, 4 громадных лесных склада с миллионными оборотами. На участке Рзянина, Топалова и Ко предложена постройка железнодорожных вагонных мастерских с многочисленным штатом рабочих и мастеровых. За полтора года в Ново-Омске построено 300 жилых домов, не считая хлебных амбаров, лесных складов и других промышленных предприятий. Земельные участки продаются по цене от 1 рубля за квадратную сажень и выше. Допускается рассрочка.

Адрес для писем: Омск, почтовый ящик № 5, Рзянину. Для телеграмм: Омск Рзянину. Телефон № 566 и 231*.

Прошу не смешивать с Товариществом «Ново-Омск» Познера».

Условия продажи: у владельца Д. Т. Рзянина, Топалова и Ко Ново-Омск Рзянинская, ул. собственный дом при мельнице. Телефон № 566. Адрес для писем Даниилу Тимофеевичу Рзянину. Телеграммой Омск – Рзянину.

Генеральный план при бирже и взаимном банке. (Омск, Сибирская типография Н. А. Носкова, Томская ул., 3)

Правнук Юрий Рзянин утверждает: «Кусок земли в незаселенном в ту пору заречье семья приобрела в начале 20 века, и прадед утверждал о перспективности освоения пустующих земель – это точно. Бабушка Зина, дочь Даниила, часто говорила, что отец оказался прав, про востребованность пустойшей».

Из архивных данных известно, что Рзянин приобрел:

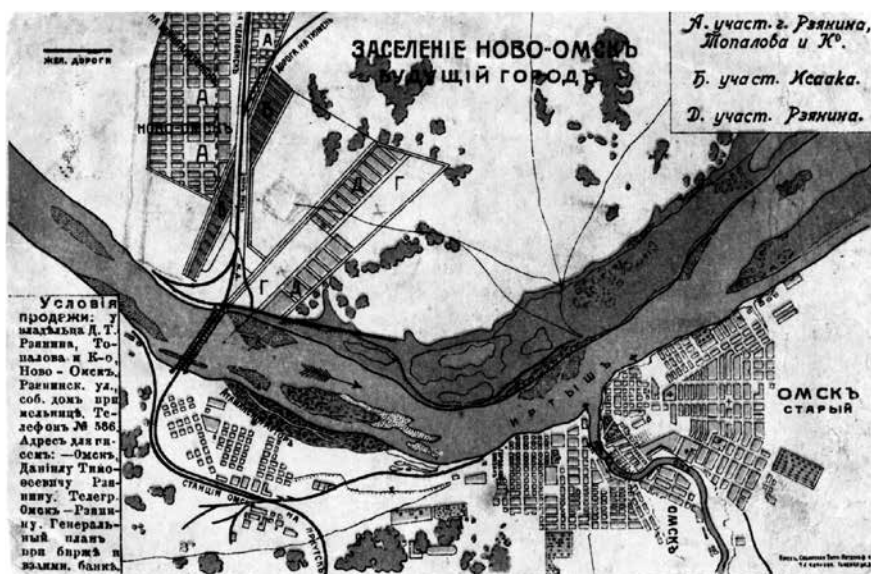
– участок № 94 вдовы зауряд-хорунжего Христины Сергеевны Солнцевой;

– 150 десятин земли в станице Атаманской. Другой участок № 95 хорунжего Фомы Яковлевича Плотникова;

– 464 десятины в пос. Ново-Омске станицы Атаманской. Продан участок Д. Т. Рзянину, С. М. Топалову и Ко». Межевание утверждено топографом Платановым в 1907 году.

В период подготовки к Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке (состоялась в 1911 году в Омске) Даниил Рзянин в 1909 году предлагал разместить выставку на своих участках земли бесплатно, а посетителей возить через Иртыш на лодках, но этот вариант организационный комитет не принял.

Дом Даниила Рзянина располагался в Ново-Омске и был большим, так как два отдельных строения соединили 12-метровым залом. Предприниматель любил театр, и как раз в этом зале часто ставились домашние спектакли с привлечением родственников и друзей. Перед домом хозяин посадил сад, а улица, на которой он жил, называлась Рзянинская. В советское время территория усадьбы с садом стала парком, который со временем превратился в городской (ныне сад им. Кирова), а начинающуюся от сада

План Ново-Омска, начало XX века

Сад им. С.М. Кирова, часть бывшей усадьбы Даниила Рзянина.

улицу с 1922 года называли Садовой (ныне Суворова).

В статье омской газеты «Рабочий путь» за 11 августа 1921 года есть подтверждение сказанному выше: «Ново-Омской молодёжи совершенно негде развлекаться. Местом сбора был единственный сад Рзянина, но и там ей теперь не дают собираться. Нет театра, нет спортклубов. Союз молодёжи не проявляет достаточной инициативности. Необходимо парторганизациям и культурно-просветительным учреждениям обратить на это серьёзное внимание и использовать энергию и энтузиазм молодёжи для поднятия их развития, и привлечь их к делу, нужному Республике». Труженик В. Коновалов.

Кинотеатр имени 22 Декабря 1918 г. (фото 1946 г.)

Учитывая пожелания трудящихся, местные власти организовали в бывшем саду Рзянина рабочий клуб «Восход», приспособив для этого здание мучного склада и крупчатой мельницы.

Подтверждение этому мне удалось найти в газете «Рабочий путь» за 1929 год, где был помещён рисунок рабочего клуба «Восход», которой по конструкции напоминал здание мельницы с мучным складом. Квартальная планировка Ново-Омска 1935 года показала, что эта мельница-клуб стояла на усадьбе Рзянина, между улиц Садовая и Почтовая. В память о Куломзинском восстании клуб получил название «22 Декабря 1918 года». В дальнейшем он стал кинотеатром с этим же именем. В 70-х годах кинотеатр переехал в новое здание на улицу Суворова, а старое снесли.

Семья Даниила Рзянина

Жена Даниила Тимофеевича Рзянина (Коломыцева) Евдокия Платоновна (1857–1956) – переселенка из Новочеркасска. У них было 7 детей. После революции она жила на улице Шкроевская (ныне ул. Куйбышева). В семье было три сына – Арсений, Николай и Сергей, один из них учился в коммерческом училище. Четыре дочери Рзянина – Мария, Зинаида, Ольга и Надежда – получали образование в женской гимназии.

Старший сын Арсений Даниилович (примерно 1890 г. р.) ушёл добровольцем на Первую Мировую войну и пропал без вести в 1917 году.

Отец Даниил был противником участия России в войне и даже написал письмо Николаю II по этому поводу.

Средний сын Николай был призван в армию, но на фронт не попал, служил на Дальнем Востоке до 1917 года. С 1941 по 1945 годы участвовал в Великой Отечественной войне, умер в 1969 году в Ленинабаде.

Мария Данииловна, старшая дочь, родилась в 1894 году в Омске, до революции успела окончить Первые Высшие женские медицинские курсы в городе Харькове и всю жизнь проработала врачом в забытом богом городишке Ура-Тюбе в Таджикистане. Скончалась в 1978 году в Ленинабаде.

Зинаида Данииловна родилась в Омске весной 1896 года, умерла в апреле 1980 года в селе Васильевка Чуйской области Киргизской ССР.

Семейная фотография Рзяниных, слева сидит Сергей Тимофеевич

Ольга Данииловна (1898–1980) родилась в Ново-Омске и судьба её пока не известна.

Младшая сестра Надежда Данииловна также родилась в Омске и вышла замуж за В. Касаткина – учителя Омского 1-го Высшего начального училища г. Омска. С 1915 года Касаткин стал заведующим училищем в Куломзино. Его кандидатура была рекомендована Константином Васильевичем Филипповым – директором Народных училищ города Омска. Но меннонитов, дети которых там учились, эта кандидатура не устраивала, и они старались от него избавиться.

По поводу конфликта Касаткин писал в отчёте следующее: *«Немцы-учителя не стеснялись средствами и старались всунуть палки в колеса. Прежде всего, им нужно было посеять раздор между мной и русскими учителями, а потом и указать учебному начальству на мою неуживчивость... Это дало бы им возможность избавиться от меня. Агитация против меня велась открыто. Не скрывая, говорили инспектору, что они все-таки добьются его увольнения или перевода, будут писать в МНП».*

Надежда Данииловна умерла в 70-х во Фрунзе (ныне Бишкек), её дочь Нина Касаткина скончалась там же в 2000 году.

Из архивных документов известно: До революции на левом берегу Иртыша существовали мельницы – Ременникова Георгия Ильича (тюкалинский купец II гильдии), Емельянова Архипа Иустиновича, Жернакова Василия Лавровича (тюменский купец I гильдии) и Арона Ароновича Леппа. Последний владел самой крупной мельницей. Для монтажа и обслуживания мельничного оборудования, вероятно, Лепп нанимал инженера Даниила Рзянина.

Рзянин не только занимался решением технических вопросов, но и как предприниматель организовал фирму «Рзянин Даниил Тимофеевич и Ко» для торговли с Европой: мукой, сливочным маслом и другими товарами (в основном с Германией). Взамен получал из Европы сельскохозяйственный инвентарь, швейные машинки, велосипеды и прочие товары.

Предприниматель держал специальный текущий счет в Волжско-Камском банке в 1912 году 31000 рублей, при товарном обеспечении 32400 рублей.

Кроме того, фирма «Рзянин Даниил Тимофеевич и Ко» владела крупчатой мельницей, торговала мукой оптом на Центральном базаре, а в Ново-Омске зерном (1913 г.).

Вопрос о присоединении Ново-Омска к Омску начал подниматься в 1910-х годах, что нашло своё отражение в печати и документах Омской городской думы.

Сообщение о рассмотрении комиссией Омской городской управы вопроса о присоединении к городу поселка Ново-Омск: *«В четверг, 5 марта 1915 года, в помещении городского управления состоялось соединенное заседание городских комиссий по вопросу о присоединении к городу Ново-Омска. Принципиально собранием признано желательным присоединение, но способы присоединения вызвали разногласие. Решено вновь запросить владельцев земель Ново-Омска о представлении более реальных предложений, после чего вновь подвергнуть вопрос обсуждению».*

Газета «Омский телеграф». – 1915. – 7 марта. – № 15

Выписка из журнала 9-го очередного собрания Омской городской думы о присоединении к Омску Ново-Омска (6 июня 1917 г.):

Городской голова объявил, что рассмотрению подлежит заявление о присоединении к городу населения Ново-Омска и доложил, что за подписью Познера, Хобец, К. Белевича, Д. Миссена, Батюшкина, Д. Рзянина,

Ф. Штумпфа и управляющего Омским отделом Сибирского Торгового банка А. Скороходова в городское управление поступило заявление следующего содержания: *«Мы, нижеподписавшиеся, владея землями, входящими в состав поселения Ново-Омск, а также улицами и площадями среди селитебных мест, нами проданы другим лицам, заявляем о своем желании быть включенными в черту города Омска. Выработку условий по присоединению наших земель к городу оставляем до совместного обсуждения с Городской думой и другими заинтересованными в данном вопросе учреждениями».*

Для предварительного обсуждения этого вопроса была созвана 5 июня сего 1917 г. муниципально-социальная секция с участием Городской управы и представителей от лиц, подавших заявление. На заседание секции прибыло всего три члена, и потому решения вопроса по существу не было. Секция только ознакомилась с наличным составом поселения Ново-Омск, его возможными доходами, площадью земельных участков и т. д. По приглашению городского головы гласный Григорьев А. И. подробно ознакомил Думу с этими материалами.

Городская управа в заседании своем 6 июня 1917 г. также обсуждала то заявление, причем имея в виду, что предлагаемые к присоединению земельные участки состоят из селитебной земли и не имеют выгона, что нужда этого поселения неизбежно предстоит заботиться приобретением выгонной земли, что удаленность его от города и неудобства сообщения с ним через реку Иртыш внесут осложнения в управлении и заведывании хозяйством этого поселения как

части города, и вызовет значительные расходы на содержание необходимых учреждений врачебно-санитарных, просветительных и т. д., которые не будут покрываться доходами в течение долгих лет.

Городская управа высказалась против присоединения к городу этого поселения, за исключением члена управы В. Б. Чернавина, который по этому вопросу остался при своем мнении, ввиду того, что поселение Ново-Омска имеет, по его мнению, много данных для развития в нем промышленных предприятий, что, отказываясь от присоединения Ново-Омска к Омску, город лишает себя возможности репрезентовать в будущем распределение фабрик и заводов на местах, предполагаемых ныне городу и поселению и тем избежать вредной для себя конкуренции. Эти соображения служат основанием считать присоединение желательным.

По выслушании доложенного, некоторые гласные заявили, что о присоединении Ново-Омска ходатайствует только часть владельцев земельных участков, поэтому заявление это по существу рассматривать не может. Дума единогласно согласилась с этим указанием. На основании состоявшихся решений по с т а н о в л е н о: принимая во внимание, что ходатайство о присоединении к городу поселения Ново-Омск возбуждено только частью владельцев земельными участками и не имеет данных, удостоверяющих согласие остальных на присоединение, считать рассмотрение возбужденного вопроса недостигающим цели. (ГАОО. Ф. 172. Оп. I. Д. 492. Л. 412-412 об. Копия)

В конце лета 1919 года армия Колчака начала отступать по всему фронту. Наблюдая эту трагическую ситуацию, Даниил Рзянин 20 августа 1919 года пишет отчаянное письмо Верховному правителю Александру Васильевичу Колчаку, в котором вскрывает причины неудач и предлагает пути решения проблем:

«Ваше превосходительство. Видя Ваши неустанные труды, направленные к благу отечества и зная в то же время, что в руках Ваших сосредоточена большая власть и широкий простор для инициативы, я решил просить Вас терпеливо выслушать меня, человека из народа, хорошо знающего народную душу, его чаяния и помыслы.

Еще при начале войны с Германией я жалел, что не имел возможности доложить императору Николаю II, что война эта будет гибельной для России и роковой для него самого, если не будут предприняты смелые реформы, могущие поднять дух армии, влить успокоение в ряды ее. И действительно, мы знаем, что солдаты массами сдавались в плен, массами убегали в тыл, никакие воззвания к их гражданскому мужеству, к их гражданской чести не действовали, никакие обещания полноправия в Учредительном собрании или угрозы в лишении этих прав не производили желательного впечатления, и дезертирство продолжалось (Учредительное собрание интересуется лишь фабричных рабочих и то под влиянием вожаков, которые разлагают их, внушая чуждые идеи Запада, а крестьянину надо лишь равные со всеми права), следовательно, в обещаниях не хватало чего-то существенного. Вот об этом существенном я и хочу доложить Вашему превосходительству.

Рабочие и чиновники железной дороги имеют различные льготы и преимущества: они считаются на государственной службе, освобождены от воинской повинности, получают солидное содержание, в случае увечья обеспечены пенсией или достаточным единовременным пособием. Положение старших чинов еще более завидное: кроме приличного жалованья, они получают квартирные, а самое главное, никто из них не рискует каждую минуту расстаться с жизнью. Солдат же сплошь и рядом жертвует своей жизнью, оставляя после себя необеспеченную семью или еще хуже – является домой с потерянными здоровьем и ложится лишним бременем на семью. На службе же он получает всего лишь 60 рублей в месяц, тогда как табак стоит 50 рублей фунт, а семья его получает исправно грошовые пайки. Так же плохо обеспечены и высшие чины: полковник получает 1100 рублей в месяц, это не более 25 рублей по прежнему времени. Платите щедро воинам, дайте офицерам и солдатам, участвующим активно в сражениях настоящей войны с большевиками, хорошее жалованье: солдатам минимально 1000 рублей в месяц, офицерам от 5-ти до 10 тысяч в месяц, обеспечьте их семьи пенсией в размере жалованья, в случае смерти или увечья, и измените для воинов закон, уменьшающий пенсии против жалованья (разве месяц под пулями не равняется 35 лет спокойной службы в тылу?). Кроме того, все солдаты, участвующие в настоящей войне, по окончании войны должны быть оделены землей каждому по 15 десятин (ведь дают же отруба крестьянам бесплатно). Результат ярко скажется. Это все, что не хватает нашей армии, я смело говорю об этом.

Пусть не пугается министр финансов колоссальных денежных затрат. Внутренний долг государству не страшен, он легко может быть ликвидирован. Гораздо дороже может обойтись государству междоусобица, если она затянется, не говоря уже о хищениях и грабежах, ее сопровождающих, и о миллионных потерях молодых жизней, что выше всякой оценки. Жалованье, ввиду отсутствия наличной валюты, будет выдаваться не полностью, сейчас только частью, остальное же будет считаться долгом государства и будет выдаваться рентой через каждые 6 месяцев: не из 4-х, а из 8-ми процентов годовых. Со временем рента будет обменена на валюту. Не нужно жалеть денег тому, кто кладет жизнь за спасение России. Никто не согла-

сится продать жизнь свою за жалование и пенсию, следовательно, пенсия слишком малая цена воину, пусть финансисты это помнят.

Россия неисчислимо богата. Из одного леса можно покрыть весь долг государства, если его не тащить сырьем за границу, а подвергать химической обработке на местах, не говоря об иных бесчисленных сырых продуктах и ископаемых, высокоценных в переработке. Но не место об этом говорить подробно, общих указаний достаточно. Я старый заводчик и промышленник, и достаточно сведущ во всем этом, и потому-то я легко смотрю на внутреннюю задолженность России, и в состоянии указать, откуда возможно извлечь такую доходность, которая может покрыть долг государства.

Примите уверенное и глубокое к Вам почтение Д. Рзянин.

[P.S.] Приветствую Ваш разумный приказ о призвании городского населения в ряды армии, что не только увеличит ее количество, но и усилит морально как акт, исполненный справедливости.

Адрес: Ново-Омск. Д.Т. Рзянину. Собственный дом».

(Письмо из домашнего архива правнука Сергея Рзянина)

Советская власть пришла в Ново-Омск 14 ноября 1919 года. Не дожидаясь экспроприации, Рзянин добровольно передал новой власти своё мукомольное предприятие и мыловарню, а сам работал инженером на одном из предприятий. Вероятно, оба объекта ранее принадлежали выходцу из Голландии предпринимателю Якову Ароновичу Леппу, покинувшему Ново-Омск в конце 1914 года и обосновавшемуся в Америке.

По воспоминаниям правнука, после «падения» Колчака в Омске было очень трудно жить. Система коммунального хозяйства была разрушена. Топливо для печей и продукты питания были в дефиците. Шли аресты бывших колчаковцев. В этих условиях Рзянин отправил всю семью в Ташкент к каким-то знакомым по предпринимательской деятельности (до революции он активно торговал с Туркестаном). В Ташкенте также были и дальние родственники, какие-то Рзянины, но о них ничего не известно.

После окончания гражданской войны Омск захлестнули театральные страсти. Один за другим открывались театры: «Показательный», «Интернациональный», «Рабочий», «Интимный». Заезжие артисты и режиссёры из Москвы и Ленинграда ставили спектакли в разных жанрах. Будучи заядлым театралом, Даниил Рзянин бывал на премьерах и был в курсе всех театральных новинок. На этой почве интеллигентный и высоко эрудированный бывший предприниматель познакомился с Полиной Бурэ – лирической актрисой Второго Западносибирского синтетического театра в Омске (первый был в г. Красноярске). В театре ставили оперетту, драму и оперу – этаким синтез жанров.

По воспоминаниям бывшего художественного руководителя театра Владимира Торского, записанным омским историком театрального дела Светланой Яневской, Полина Бурэ была способной и талантливой актрисой, игравшей в спектаклях разных жанров, что соответствовало профилю Синтетического театра. Её имя фигурирует в спектаклях театрального сезона 1931-1932 годов. В то время ей было около 30 лет. Знакомство на почве театра привело к тому, что Рзянин, семья которого уже давно обосновалась в Ташкенте, стал жить с молодой артисткой.

После «угара» НЭПа усилились репрессии в отношении бывших купцов, чиновников и офицеров. А Рзянина как известного омского предпринимателя знали многие. Где-то после 1932 года Даниил Рзянин и Полина Бурэ решили начать новую жизнь и уехали из Омска в Новосибирск. Для бывшего владельца паровой мельницы и земельных участков в Куломзино переезд в новую быстро растущую столицу Западной Сибири казался шансом избежать ареста в надвигающейся волне сталинских репрессий. Новосибирск быстро рос и становился главным административным центром Западной Сибири, здесь было проще затеряться.

Затем Рзянин переехал в Одессу, где и умер вместе с младшим сыном Сергеем в 1938 году. Вероятно, они были репрессированы. А причиной ареста могло послужить попавшее в органы подбострастное письмо Рзянина адмиралу Колчаку. Не исключено, что младший сын Сергей Рзянин в гражданскую войну служил у белых, и поэтому о его жизни родственникам практически ничего не известно.

Так трагически оборвалась жизнь некогда известного омского предпринимателя Даниила Рзянина. В память о нём остался только заложенный в начале XX века сад при усадьбе, сохранившийся до наших дней в урезанном виде под наименованием «Сад им. Кирова». И неплохо бы это место отметить мемориальной доской, чтобы омичи знали, кто заложил этот зелёный уголок отдыха.

Рзяниных приехало в Омск несколько семей по переселению, в основном родственники, точно известно, что одного из них звали Сергей Тимофеевич.

Потомки Рзяниных разъехались по всему Советскому Союзу, но некоторые остались в Омске и в Ново-Омске: Мульчины, Волковские, Дворовенко, Ровда.

Михаил Бубнов – первый скульптор дореволюционного Омска

В истории архитектурного Омска яркой страницей выделяются дореволюционные постройки. Пышный декор фасадов доходных домов, контор, банков и учреждений радует глаз и привлекает внимание туристов. А их внутренняя отделка, там, где она сохранилась, не уступает фасадам. По качеству проработки деталей и по технике исполнения многие скульптурные и лепные композиции являются настоящим произведением декоративно-прикладного искусства. Недаром все эти здания признаны памятниками архитектуры и подлежат охране и реставрации.

Авторы архитектурных проектов дореволюционных построек во многих случаях известны, а вот о тех, кто занимался отделкой фасадов и внутренних помещений известно мало. Яркий, но короткий след в каменной летописи Омска оставил выпускник Пражской академии художеств скульптор Владимир Винклер. Чешский ваятель пробыл в Омске менее четырех лет. Сдавсь в русский плен осенью 1914 г., бывший офицер Австро-Венгерской армии уже летом 1918 г. покинул Омск. Имена же других мастеров до недавнего времени практически не были известны.

Михаил Иванович Бубнов

Неожиданная находка

В 1982 г., занимаясь очисткой от набелов потолочной лепнины в жилом одноэтажном доме купца Коробейникова (ул. Пушкина, 6, ныне филиал музея «Либеров-центр»), известный омский реставратор Игорь Коновалов обнаружил на обратной стороне гипсовой отливки розетки автограф мастера – «Михаилъ Бубновъ, 9.X.1908». Такие же розетки были обнаружены в здании Товарищества братьев Овсянниковых и Ганьшиных (1906 г., ул. Ленина, 12, ныне Медакадемия). Но самое удивительное заключается в том, что точно такая же лепнина украшает доходный дом на Арбате, 4 рядом с рестораном «Прага» в Москве!

Каждый мастер для формования лепнины делает свои шаблоны и модели. И в каждом таком изделии проявляются свойственный мастеру индивидуальный стиль и почерк. Поэтому для профессионалов-реставраторов не составляет большого труда идентифицировать работу того или иного лепщика.

Долгое время о Михаиле Бубнове было лишь известно, что он много лет трудился на омских стройках и умер в конце 50-х годов. Путем краеведческих изысканий автору удалось найти дочь лепщика Валентину, что помогло приоткрыть ранее неизвестные страницы жизни омского ваятеля.

Мастер-самоучка из села Собакино

Михаил Иванович Бубнов родился 21 ноября 1886 г. в селе Собакино, Арзамасского уезда Нижегородской губернии в бедной крестьянской семье. Мальчик проявил не дюжие способности к учению и окончил церковно-приходскую школу с золотой медалью, выпущенной к столетию со дня рождения Пушкина. Но продолжить обучение не пришлось. Земельные наделы у селян были крошечные, да и земля плохо кормила, поэтому малоземельные мастеровые мужики собирались в артели и отправлялись на заработки на чужбину. И Михаил, начиная с 14 лет, тоже стал работать в строительной артели, выезжая в Москву и в крупные губернские города.

Следует заметить, что в то время не существовало крупных строительных трестов и объединений с дипломированными специалистами в современном понимании этого слова. Строительством занимались специализированные артели плотников, каменщиков, лепщиков, землекопов и т.д., которых по необходимости нанимал главный подрядчик. В артелях мастера занимались самообразованием, на практике оттачивая мастерство и приемы работы, сами изготавливали различные приспособления и приобретали необходимые инструменты. Секреты мастерства передавались по наследству и ученикам.

У мастера-самоучки Михаила Бубнова рано проявился талант лепщика. Сын крестьянина быстро осваивал искусство изготовления моделей по собственным эскизам, совершенствовал приемы формовки и отливки декоративных орнаментов и фигур. Экспериментально подбирал оптимальные формовочные составы. По воспоминаниям дочери, Бубнов имел математический склад ума. Самостоятельно изучал геометрию и физику и до конца жизни жалел, что не удалось получить системного образования. Работая в Москве и в старинных городах России, Бубнов знакомится с лучшими образцами деревянного и каменно-

го зодчества, в т.ч. и храмового, работает с архитекторами и художниками, заказчиками и подрядчиками.

Набравшись опыта, молодой мастер собирает собственную артель лепщиков из земляков и начинает поиск заказов. Но конкуренция на строительном рынке высока, и получить выгодный подряд на отделку особняка для новоявленной бригады оказалось весьма сложным делом. Поэтому артельщики решили попытаться счастья в Сибири [1].

Омские работы мастера

Быстро развивающийся губернский Омск в начале XX века переживал строительный бум. Богатое купечество, возводя жилые и торговые дома, соревновалось друг с другом в роскоши интерьеров и фасадов. Своих строителей не хватало и, поэтому, на заработки в Омск съезжались мастера из центральных губерний России. Опытным подрядчиком считался земляк Бубнова из соседней деревни Озёрки Собакинской волости Нижегородской губернии крестьянин по происхождению Михаил Андреевич Кузнецов (1867 г.р.). В д. Озёрки родилась мать М.А. Бубнова. На конкурсной основе он получил заказы на строительство таких крупных кирпичных объектов, как Шкроевское высшее начальное училище (1907-1908 г.г., ул. Куйбышева, 48, ныне музей «Искусство Омска») и Пожарная каланча (1914 г.). Так что нижегородцы знали дорогу в Омск.

Артель Михаила Бубнова стала наведываться в Омск на летние заработки, так как строительство в те времена велось только в теплое время года. По-видимому, одним из первых заказов артели стала отделка интерьеров в 1906 г. на строительстве уже упомянутого торгового дома Овсянниковых и Ганшиных. Затем их нанял В.В. Коробейников для отделки своего жилого дома и стоящей напротив дорогой трехэтажной элитной бани на ул. Часовитинской (1910 г., ул. Пушкина, 17, сейчас прокуратура г. Омска).

В фасадах «храма воды» неизвестный архитектор создал композицию с использованием декоративных мотивов европейских дворцов, а Бубнов мастерски ее исполнил. Карниз подпирают восемь одинаковых кариатид – женских фигур, каждая из которых держит в левой руке струнный музыкальный инструмент и вазу на голове. В отличие от Винклера, с его западноевропейскими традициями детальной прорисовки всех мускулов человеческого тела и черт лица, Михаил Бубнов создал скульптуры в духе русского лубочного стиля. Его кариатиды напоминают дородных курносых деревенских красавиц с круглыми лицами, пухлыми щеками и губами, и большими глазами – распространенный тип русских женщин в средней полосе России, откуда и вышел сам лепщик-самоучка. Это были первые скульптуры в оформлении фасадов в Омске.

По мнению Игоря Коновалова и искусствоведа Виктора Касьянова, многие детали парадной лестницы в бане Коробейникова совпадают с декором в доме Липатникова на ул. Гагарина, 22. Рука Бубнова заметна на таких известных памятниках архитектуры, как особняк Батюшкиных на Иртышской наб., 9, магазин Шаниной на ул. Ленина, 5, дом Шухмана на ул. Ленина, 17а, гостиница «Россия» и кинотеатр «Кристалл-Паласс» (2-й этаж вестибюля) на ул. Ленина, 18, контора братьев Эльворти (ул. Тарская, 6), дом Кадыша (ул. Думская, 5) [2,3].

Бубновский декор в стиле эклектики специалисты находят в камерном особняке на ул. 30 лет ВЛКСМ, 17 и в доме по адресу ул. Степная, 30. Фасады этих строений насыщены ангелами, кариатидами, вазонами с фруктами, маскаронами, что соответствовало вкусам того времени [4].

Одновременно с баней Коробейникова в 1910 г. на ул. Костельной (не сохранилась) был возведен 3-этажный доходный дом строительного подрядчика из крестьян Кузнецова Михаила Андреевича и купца Липатникова Павла Алексеевича (пр. Маркса, 4а, ныне музыкальное училище им. В.Я. Шебалина). На фасаде по обеим сторонам фронтона заметны полуразрушенные женские скульптуры. Они очень похожи на аналогичные фигуры, которые были на бане Коробейникова (утрачены во время ремонта в 1990-е гг.).

В мае 2015 г. во время ремонта крыши бывшего дома Кузнецова-Липатникова появилась возможность обследовать бетонные фигуры вблизи. На скульптуре, расположенной в южной

Здание бани В.В. Коробейникова (ул. Пушкина, 17). Современный вид

части фронтона, со стороны крыши автором статьи и искусствоведом В.П. Касьяновым была обнаружена полустертая художественно выполненная надпись из двух букв «МИ», которые, по мнению Виктора Петровича, являются инициалами лепщика фигур Михаила Ивановича Бубнова [5].

Собственный дом

Постоянно имея большие объемы работ, Бубнов решил в 1914 г. обосноваться в Омске, тем более что его тетка Анна Ивановна – сестра отца – была замужем за строительным подрядчиком мещанином Михаилом Андреевичем Кузнецовым (тоже из Нижегородской губернии), начинающим строить свое кирпичное производство. Земельный участок артельщик приобрел на восточной окраине города в Новослободском форштадте на четной стороне только что намеченной Енисейской улицы недалеко от левого берега Оми. Дальше уже шла маленькая рощица, скотобойни, салотопни, скотомогильник и свалочное место. Здесь селился рабочий и мастеровой люд.

Выбор места определялся не только дешевизной участка, но и тем, что его родственник Кузнецов рядом недалеко от Оми к 1917 г. построил кирпичный завод, в советское время известный под № 9.

Долгое время сложно было разобраться: тройные тески Кузнецовы – это два лица, или один человек. Автору удалось выяснить, что это разные люди, хотя оба были родом из Нижегородской губернии и оба занимались строительством. Истину помог найти Список омских городских избирателей за 1913 год.

Так владелец кирпичного завода и муж тетки лепщика Бубнова мещанин М.А. Кузнецов, 48 лет, православный, гласный городской думы, владелец дома стоимостью в 13020 руб. по адресу ул. Вагинская, 15 в списке избирателей шел под № 693. А другой М.А. Кузнецов, крестьянин, 46 лет, имеющий в совместной собственности с купцом П.А. Липатниковым уже упомянутый доходный дом стоимостью 66595 руб. на ул. Костельной, 7, отмечен в этом же списке под № 580 [6].

Но вернемся к Михаилу Бубнову. Одноэтажный насыпной дом лепщика на Енисейской, переименованной в 1920 г. в 17 Линию, выделялся среди других тем, что был высоким и оштукатуренным как снаружи, так и внутри. Многие же вообще строили землянки. Слева свой домик колотил строитель, а справа – рабочий скотобойни.

В просторном дворе все лето стоял верстак, на котором лепщик изготавливал модели. Модельный фонд и инструменты хранились здесь же на полках высокого сеновала. Привычные к крестьянскому труду, Бубновы держали скотину и садили огород. Воду брали из собственного глубокого колодца. Лошади в хозяйстве не было – летом на работу артельщик ездил на редком для того времени собственном велосипеде, а зимой – ходил пешком через весь город.

Построенный по собственному проекту, 5-стенный дом сохранился и находится на 17 Линии, 32. Здесь Михаил вместе с женой Варварой, привезенной из родного Собакино, прожил всю свою жизнь. Варвара работала на кухне в доме у Кузнецовых на ул. Вагинской, а затем на его кирпичном заводе диспетчером на телефоне. Позднее занималась домашним хозяйством и умерла в 1974 г.

Губернаторский заказ

Оттачивая свое мастерство, и качественно выполняя заказы на отделочные работы, лепщику Бубнову приходит известность. Его артели поручают самые ответственные работы. Так, степной генерал-губернатор Евгений Шмит нанял Бубнова для ремонта потолочной лепнины в помещениях своего Генерал-губернаторского дворца (ул. Ленина, 23, ныне музей изобразительных искусств им. Врубеля). Когда Михаила вели по дворцу к месту работы, то лепщик с непривычки поскользнулся на натертом до блеска паркетном полу одного из залов и рассыпал ведро с алебастром. Иного бы сразу выгнали – ведь простых смертных в резиденцию губернатора и командующего войсками Омского военного округа во-

Лепная скульптура на бане Коробейникова (работа артели М.И. Бубнова, 1910 г.)

Лепная скульптура на здании компании Эльворти (ул. Тарская, 6)

обще не пускали. Однако Бубнова даже не отругали – слуги подчистили паркет, и мастер продолжил свою работу.

Перед отступлением колчаковских войск осенью 1919 г. белогвардейцы экспроприировали хороших лошадей. Проезжая по линиям, казачий патруль заметил подводу, на которой Бубнов в солдатской гимнастерке ехал на скотобойню за кормом для своих свиней. Предчувствуя угрозу, Михаил соскочил с телеги и захромал, прикинувшись инвалидом. Всадники со злостью отстегали Бубнова нагайкой, но лошадь не забрали.

В 20-х годах крупное строительство в городе практически не велось, а то, что возводилось – клубы и производственные здания, уже не требовало лепнины – в архитектуре господствовал конструктивизм с его плоскими фасадами и прямыми линиями. Новое направление в зодчестве подчинялось идеалам простоты, демократичности и целесообразности. В таком мире искусство Бубнова и его модели оказались не востребованным. Да и некогда уважительное слово «лепщик» стало постепенно выходить из употребления. Ему на смену пришло более приземленное и грубое – «штукатур». Но артель не распалась. Только теперь она занималась обычным ремонтом зданий, квартир и частных домов.

ЧП на главной чекистской стройке

В 1935 году областное управление НКВД надумало расширяться. Так как новое здание строить дорого, то решили надстроить бывший архиерейский дом и здание духовной консистории, построенные на Соборной площади в 1904 году по эскизам арх. Е.Л. Морозова. Проект единого здания выполнил арх. Е.Н. Семенов, впоследствии погибший на фронте Великой Отечественной войны. А расчет и облицовку колонн, капителей и фасадов поручили артели Бубнова, как имевшей большой еще дореволюционный опыт по этой части. Прозванное в народе «Серым домом», здание поражало своей строгостью и монументальностью, что отвечало духу и значению грозного ведомства.

Во время строительства зловещего дома произошло несчастье – под Бубновым разрушились самодельные леса и он упал, повредив позвоночник. Пришлось долго лежать в гипсе дома. В этот период область как раз выполняла сталинский план по искоренению «врагов народа». Добрались даже до лежащего Бубнова. Артельщику припомнили родство с заводчиком Кузнецовым, хотя тот умер от инфаркта еще в 1918 году, и поэтому его кирпичный завод без проблем был национализирован. Чекисты обыскали весь дом, но никаких буржуйских драгоценностей не нашли, кроме детской копилки с полтинниками – 50-копеечными монетами. Ее и конфисковали. Возможно, главу семьи не тронули только потому, что он лежал без движения в гипсе, и с ним просто не хотели возиться. Так несчастье спасло жизнь талантливому лепщику.

Второе творческое рождение мастера

Казалось искусство лепнины ушло безвозвратно, но в начале 50-х годов в архитектурную моду ворвался «сталинский ампир». Монументальные здания на основных магистралях стали строить с арками и колоннами, а фасады украшать пышными лепными композициями с цветочными розетками, гирляндами плодов, венками и корзинами с колосьями. Возврат к классицизму и барокко символизировал гордость народа-победителя и наступающее, как тогда казалось, процветание и изобилие. И опять настало время Бубнова – появилась достойная мастера работа. После десятилетий забвения его опыт и талант снова востребованы, хотя здоровье и силы были уже на исходе.

Работая штукатуром в тресте «Омскстрой», Бубнов получает медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медаль «Ветеран труда» и нагрудный знак «Отличник социалистического соревнования Министрства городского и сельского строительства СССР».

Маска доме Кадыша (ул. Думская, 5)

Скульптура на доме Кузнецова-Липатникова (пр. Маркса, 4а)

А в 1955 г. его избирают депутатом Омского горсовета. Известность передовика к этому времени шагнула далеко за пределы строительного треста. Как талантливого мастера знал Бубнова Первый секретарь обкома КПСС Е.П. Колущинский, доверивший ему реставрацию лепнины в залах обкома (1917 г., ул. Красный Путь, 1, ныне Законодательное Собрание области).

Передовик отказался от квартиры

Михаил Иванович всегда был скромным работающим человеком и никогда для себя ничего не просил. Он даже в отпуске почти никогда не отдыхал. Ему уже шел 70-й год, когда он штукатурил 5-этажный 170-метровый жилой дом на пр. Маркса, 10, что напротив «Голубого огонька». И здесь же ему предлагали 3-комнатную квартиру, но известный строитель отказался от бесплатного благоустроенного жилья – говорил, что «улица слишком шумная». Затем Бубнов работал на отделке жилого дома по ул. 10 лет Октября, 48, известного омичам по книжному магазину «Подписные издания». Мастеру опять предложили на втором этаже 2-комнатную квартиру, стены которой он же и штукатурил. Но ветеран и на этот раз отказался – привык к своему дому на 17 Линии, да и куда девать большое хозяйство – модели, лекала и инструменты.

В 71 год «знатный штукатур», как назвала его газета «Омский строитель» за 2 октября 1956 г., ушел на пенсию. Последним его объектом стал сданный в 1957 г. кинотеатр им. Маяковского. Кстати, на этом здании и закончилась короткая архитектурная эпоха сталинского ампира – наступало хрущевское время типового строительства, где лепнине и колоннам уже не было места. Михаил Бубнов умер в декабре 1959 г. и был похоронен на Старо-Восточном кладбище [7].

Многолетнее творчество Михаила Бубнова еще мало изучено, а ведь его работы во многом определяли лицо омской архитектуры начала XX века. Многие здания, в отделке которых принимала участие артель Бубнова, считаются памятниками архитектуры именно из-за красоты фасадов. Сегодня доброе имя легендарного лепщика и первого скульптора дореволюционного Омска возвращается из забвения, и при городском музее «Искусство Омска» работает студия лепки им. М.И. Бубнова.

Список используемой литературы

1. Панасенков В.Н. Михаил Бубнов – новая страница архитектурной летописи Омска // Стройка. Омский выпуск. 2011. 21 января, 28 января, 4 февраля (№ 1, 2, 3). С. 8-10.
2. Касьянов В.П. Роль скульпторов М.И. Бубнова и В.Ф. Винклера в формировании облика Омска. // Декабрьские диалоги. Материалы научной конференции памяти Ф.В. Мелёхина. Омск. 2013. С.89-91
3. Касьянов В.П. Скульптурное оформление Омска 1900-1917 годов. Документальный фильм. Студия Victori. Омск. 2009.
4. Касьянов В.П. Роль скульпторов Бубнова и Винклера в формировании скульптурного образа Омска. Документальный фильм. Студия Victori. Омск. 2012.
5. Панасенков В.Н. Доходный дом Кузнецова-Липатникова // Декабрьские диалоги. Материалы научной конференции памяти Ф.В. Мелёхина. Омск. 2015.
6. Список омских городских избирателей, составленный к выборам гласных Городской Думы на четырехлетие 1914-1918 гг. Омск. 1913.
7. Омский некрополь. Старейшие кладбища. Омск. 2018. С. 373.

Владимир Панасенков

Судья Вячеслав Едличко – собиранитель произведений искусства и меценат

Если культурные сообщества, организуемые в Омске беженцами, умножались и укреплялись, то для местной культуры 1919 год начался с потерь. Умер председатель Общества художников В. В. Едличко. Его омский коллега и литератор, редактор газеты «Сибирская речь» А. И. Булдеев писал в некрологе:

«Вчера похоронили Вячеслава Вячеславовича Едличко, скончавшегося после тяжелой продолжительной болезни. Мысль как-то не мирится с тем, что Вячеслав Вячеславович, этот неутомимый, постоянно полный энергии человек, умер. Вячеслав Вячеславович всю свою жизнь провел на службе по судебному ведомству. Последнее время он был старшим председателем Омской судебной палаты. На этом посту он встретил революцию, которая не пощадила его и выбросила за борт привычной служебной деятельности. Можно безошибочно сказать, что Вячеслав Вячеславович, был смят и раздавлен революцией. Я говорю не о том, что Вячеслав Вячеславович, человек старой государственной школы был насильственно лишен возможности отдавать всего себя любимой службе, которая для него была почти личным делом, до такой степени он сросся с нею всем своим существом, нет, я разумею чисто общественную и политическую сторону всей нашей смуты, которая разрушением всех ценностей – духовных, культурных и материальных, – загнала всех русских людей, где можно было лишь умирать, а не жить.

Сколько я помню горячих речей, самого искреннего пафоса патриотизма, которым горел покойный Вячеслав Вячеславович, во время бесед о страшных событиях прошлого года.

Вячеслав Вячеславович, был пламенный русский человек, и в суждениях, мыслях, беседах он никогда не забывал вечно больной темы о России.

В Вячеславе Вячеславовиче всегда говорила широкая натура русского человека. Он никогда не был чиновником в специфическом смысле этого слова. Он был слишком талантлив, слишком ярок для того, чтобы втиснуться в футляр. Как начальник бывал часто суров, но, кто понимал его, отлично усваивал, что в этой суровости выражалась идея требования дела от подчиненных и сослуживцев, служебная дисциплина, назначение которой русская интеллигенция оценила только после кровавых уроков революции.

Но вместе с тем Вячеславу Вячеславовичу были весьма свойственны движения неподдельной доброты и внимания к людям, черты, делавшие его не только милым, но и обаятельным.

В своей деятельности Вячеслав Вячеславович не ограничивался одной государственной службой, но отдавал себя и общественной работе. Он был деятельным членом общества Красного Креста, Археологического общества, Общества искусства и др.

О приверженности В. В. искусству следует сказать особо. В. В. был художник по натуре. Он любил красоту и в природе, и в искусстве. Он умел ценить и понимать художественные произведения и сам являлся любителем-коллекционером различных предметов искусства.

Всесторонняя натура Вячеслава Вячеславовича находила себе удовлетворение в религии. Он был верующий человек, истинный сын Православной церкви.

Яркая личность В. В. сказала до конца. Уже полуразрушенный, прикованный к смертному одру, он интересуется всеми событиями политической и культурной жизни. Непослушной рукой пишет письмо в редакцию (на имя В. А. Жардецкого) [1] о необходимости создания фонда чехословацких стипендий, пишет стихи религиозного и патриотического содержания. Посылает многим знакомым подарки на память о себе. И это

*В.В. Едличко в кругу коллег. Снимок около 1916 г.
Омский государственный историко-краеведческий музей*

делается в промежутках между повторяющимися ударами. Последнего удара он не смог уже вынести. Крепкое сердце продолжало биться уже после потери сознания. Так он жил несколько дней. Вячеслава Вячеславовича не стало, но образ его с нами, с теми, кто его знал и понимал. Да почит в мире! Вечная ему память! [Булдеев А.И. В. В. Едличко // Сибирская речь (Омск). 1919. № 16. 11(24) января. С. 3].

Художественная коллекция В.В. Едличко в омских музеях

Юрист, старший председатель Омской Судебной палаты, тайный советник Вячеслав Вячеславович Едличко (1857–1919) был известен в Сибири как собиратель произведений искусства и меценат. Учредитель омского Общества художников и любителей изящных искусств Степного края, председатель его правления, он финансировал деятельность Общества и завещал свое собрание городу, для развития культуры которого он так много сделал и в котором завершил свой земной путь.

В.В. Едличко происходил из семьи австрийского подданного Венцеслава Венцеславовича Едличка (Jedliczka), учителя музыки Полтавского института благородных девиц. Его дядя Алоиз Вячеславович Едличка (1821–1894) – украинский композитор и музыкальный педагог чешского происхождения. Его двоюродный брат Эрнест Алоизович (1855–1904), пианист и музыкальный педагог, широко популяризовавший русскую музыку в Германии/1/. Брат сибирского мецената Святослав Вячеславович Едличко в 1910-е гг. служил в Москве в Судебной палате.

В.В. Едличко – выпускник юридического факультета Петербургского университета. Он учился в университете в те же годы, что и выдающийся художник, уроженец Омска М.А. Врубель. Не исключена возможность их знакомства. В Омск В.В. Едличко приехал в 1912 г. после службы в Симбирске, Перми, Ташкенте, Ашхабаде /2/. Вполне вероятно, что именно Вячеславу Вячеславовичу принадлежит идея создания в 1912 г. в Омске художественного объединения имени М.А. Врубеля, которое через четыре года выросло в возглавляемое им Общество художников и любителей изящных искусств Степного края (ОХЛИИСК). На средства мецената зимой 1916–1917 гг. в Общественном собрании устраивались рисовальные вечера, сбор средств от которых поступал в фонд будущей художественно-промышленной школы. В 1916 и 1917 гг. им были организованы весенние выставки сибирских художников. В них участвовали и местные владельцы произведений искусства. Сам В.В. Едличко экспонировал пейзажи Ю.Ю. Клевера «Сломанная береза» (сейчас в ООМИИ им. М.А. Врубеля с названием «Утро в лесу») и В.К. Пурвита «Весна» (сейчас в Латвийском Национальном художественном музее), акварель Е.М. Бём (местонахождение неизвестно), бронзового оленя французского скульптора-анималиста К. Фратена и др. Цельностью темы отличалась коллекция произведений декоративно-прикладного восточного искусства, основу которой В.В. Едличко, возможно, заложил во время службы в Ташкенте и Ашхабаде. Каталог выставки ОХЛИИСК 1917 г. дает о ней некоторое представление: «198. Азиатские ручной

работы вышивки шелком; 199. Столик самаркандской работы. 200. Персидской работы павлин. 201. Кокандской работы кумганы. 202. Бронза» /3/. Старые каталоги информативно скупы. Небрежность в их составлении, а порой и опечатки создают трудности для идентификации экспонатов. Надежными источниками для этого являются архивные фотографии. Именно они помогли обнаружить в фондохранилищах ООМИИ им. М.А. Врубеля и ОГИК музея художественные предметы из собрания В.В. Едличко.

В марте, 1917 г., после революционных событий, В.В. Едличко был арестован вместе с генерал-губернатором Степного края Н.А. Сухомлиновым и другими «начальствующими лицами» и отправлен в Петроград. Министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского извещали в военной телеграмме: «Вреднейшая, крупная по местным условиям фигура реакции... Человек большой активности, объективно опасен в переходные момен-

Комната в доме В.В. Едличко. Снимок 1910 г.
Омский государственный историко-краеведческий музей

ты установления нового строя... Арест вызван прямыми требованиями государственной безопасности» /4/. При А.Ф. Керенском началось разрушение прежней судебной системы, и судебные деятели массами удалялись со службы без всяких объяснений, иногда на основании телеграммы какого-нибудь присяжного поверенного. Так произошло и с В.В. Едличко. Приказом Временного правительства он был уволен с должности старшего председателя Омской Судебной палаты /5/. В июне ему разрешено было вернуться в Омск.

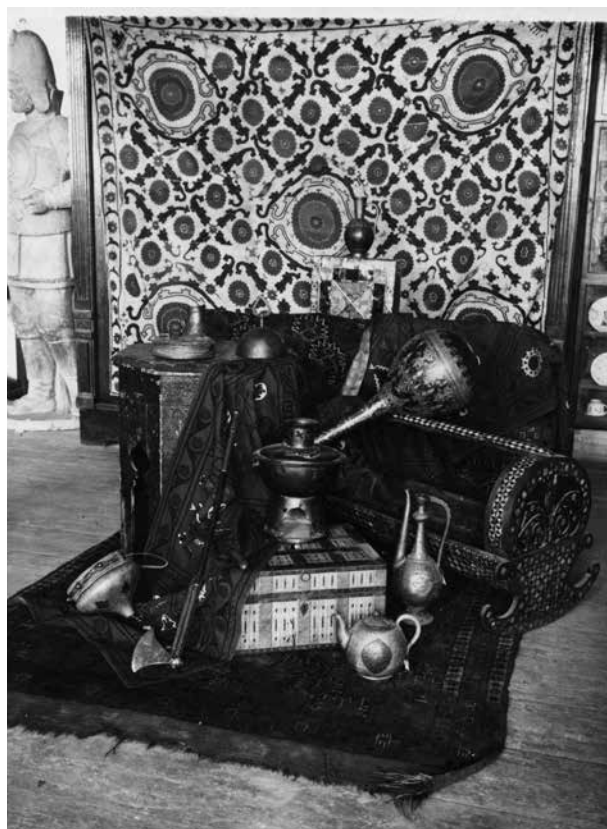
Отстраненный от службы, В.В. Едличко продолжает заниматься общественной работой: участвует в деятельности общества Красного Креста, археологической комиссии Западно-Сибирского Отдела Русского Географического общества (ЗСОРО), целью которой было сохранение памятников истории и искусства, и по-прежнему возглавляет ОХЛИИСК.

Но социально-политические условия тех дней были неблагоприятными для занятий искусством. В мае 1918 г. Едличко составляет для ОХЛИИСК письмо, в котором пишет: «...если Обществу удастся добиться, чтобы для музея Общества было отведено помещение бывшего дома Акмолинского губернатора, мною будут переданы этому музею по особому списку те картины и предметы искусства, художества и древности, которые я в течение своей жизни собирал в России, Туркестане и Сибири, за исключением незначительного количества, составляющего мою личную и семейную ценность» /6/. Однако, к осени 1918 г. в белом Омске, каждый день принимавшем тысячи беженцев и эвакуированные ведомства, при острейшем дефиците жилья решить вопрос со зданием в городе было невозможно. Не дожидаясь исполнения поставленного им условия и чувствуя, что здоровье оставляет его, Едличко передает ОХЛИИСК свою коллекцию, которая, вероятно, с этого времени и до начала 1920 г. хранилась в музее ЗСОРО (списки не обнаружены). Принадлежавшие сановнику личные вещи были также оставлены в музее Географического общества /7/.

В январе 1919 г. В.В. Едличко умер. Редактор газеты «Сибирская речь» и коллега покойного А.И. Булдеев писал в некрологе: «Вчера похоронили Вячеслава Вячеслава Едличко, скончавшегося после тяжелой продолжительной болезни. Мысль как-то не мирится с тем, что В. В., этот неутомимый, постоянно полный энергии человек умер. Всю свою жизнь он провел на службе по судебному ведомству. Последнее время он был старшим председателем Омской судебной палаты. На этом посту В. В. встретил революцию, которая не пощадила его и выбросила за борт привычной служебной деятельности. Можно безошибочно сказать, что В. В. был смят и раздавлен революцией. Я говорю не о том, что В. В. человек старой государственной школы был насильственно лишен возможности отдавать всего себя любимой службе, которая для него была почти личным делом, до такой степени он сросся с ней всем своим существом. Нет, я разумею чисто общественную и политическую сторону всей нашей смуты, которая разрушением всех ценностей – духовных, культурных и материальных – загнала всех русских людей в душный склеп, где можно было лишь умирать, а не жить» /8/.

Между тем Общество художников не сдавалось и в трудные годы Гражданской войны продолжало решать задачи, намеченные в совместной работе с В.В. Едличко. Собравшись через месяц после кончины своего руководителя на очередное заседание, члены ОХЛИИСК избрали комиссию для выработки проекта художественно-промышленной школы имени М.А. Врубеля, которую предполагалось устроить осенью текущего, 1919 года /9/. Во вновь созданном художественном музее решили поместить портрет В. В. Едличко для увековечения его памяти. Но время распорядилось иначе. Осенью 1919 года колчаковская армия и ведомства белой столицы отступили на восток. Художественно-промышленную школу (позднее – художественно-промышленный техникум им. М.А. Врубеля, или Худпром) открыли осенью 1920 г. в советском Омске. Портрету В.В. Едличко места в нем не нашлось: в почете были другие герои.

Коллекция художественных произведений В.В. Едличко в первой половине 1920 г. поступила в музей Худпрома, сформированный исключительно на основе местных источников. Музейное собрание (более тысячи произведений разных видов и жанров) помогало будущим художникам производства знакомиться с историей искусства и основами художественного мастерства на подлинных произведениях.

Восточная коллекция В. В. Едличко в музее Худпрома. Начало 1920-х. ООМИИ имени М.А. Врубеля

Кумган. XIX в. Средняя Азия. Медь, бирюза, чеканка (из тонких листов меди), гравировка, ручное изготовление. Выс. 23,5 см, диаметр 6,5 см. Омский государственный историко-краеведческий музей

Кумган. XIX в. Средняя Азия. Медь, бирюза, чеканка (из тонких листов меди), гравировка, ручное изготовление. Выс. 23,5 см, диаметр 6,5 см. Омский государственный историко-краеведческий музей

В ЗСОРГО остались предметы быта из семьи Едличко и других крупных чиновников Омска. В 1920 г. в подвале музея хранилась одежда и вещи В.В. Едличко (сюртук, фрак статский, фирменный шитый мундир, китель, жилетки, сорочки, манжеты, чиновничьи шпаги парадные, гимнастический прибор, театральный бинокль), а также пять печатей, университетский значок, настольная бронзовая медаль в честь 300-летия Царствования Дома Романовых, которую В.В. Едличко получил 16 июня 1914 г./10/. Особую ценность в этом списке представляли «два золотых креста Владимира» и четыре «нагрудные звезды». Вероятно, имелись в виду награды высокого чиновника: ордена Святого равноапостольного князя Владимира 2 и 3 степеней, ордена Святого Станислава 1 степени, ордена Святой Анны 1 степени, персидский орден Льва и Солнца 1 степени с зеленой лентой, орден Бухарской золотой звезды /11/. В 1922 г., отмечая недостатки в

работе музея ЗСОРГО (разрушающееся здание, отсутствие инвентарных книг), старый большевик, известный историк В.Д. Вегман писал: «вернувшись в Сибирь, советская власть нашла музей в хаотическом состоянии. <...> Кроме белогвардейской литературы, которую некоторые предусмотрительные молодцы припрятали

Клевер Ю.Ю. Утро в лесу. Холст, масло. ООММ имени М.А. Врубеля

в подвалах, в музее хранились и такие «ценности», как – подумайте только! – штаны Сухомлинова (бывшего Омского генерал-губернатора, а впоследствии военного министра, продавшего во время войны Россию немцам) и шляпа Едличко (известного негодяя, бывшего председателя Судебной палаты) /12/.

Вслед за этим, в 1923 г., музей ЗСОИРГО был передан в структуру другого ведомства – Губернского отдела народного образования и стал именоваться Западно-Сибирским краевым музеем. Оценки В.Д. Вегмана в известной степени развязали руки музейному руководству, решившему в период НЭПа проблемы с выплатой заработной платы сотрудникам. Многие предметы быта, принадлежавшие семьям известных и почитаемых в городе людей, в том числе и Едличко, были определены как «имущество, не имеющее значения экспонатов» и выдавались в качестве жалования. Среди них – «вицмундир поношенный», китель, жилетки и смокинг, сундук с разными мелочами, отрез китайской материи, скатерти, а также многочисленные предметы из «буржуйских» столовых приборов: вилки, ложки, вазочки для мороженого, блюбочки для варенья, пивные и винные бокалы, ликерные и коньячные рюмки, хрустальные стаканы для воды и многое др. Имущество распродавалось разным организациям. Так, в Сибнаробраз, вероятно, для театра и рабочих клубов, были переданы фрак, цилиндры, шляпы, треуголки. Шкаф и письменный стол «Жакоб» отдали в кооператив «Медуза», в рабочий Дворец – две русские драпировки, подушку вышитую, ковер текинский /13/.

В лучшем положении находилась коллекция В.В. Едличко, переданная в музей Худпрома. Фотография начала 1920-х гг. запечатлела уголок музейного интерьера с композицией, составленной из предметов восточного искусства на фоне шелкового сузани с крупными розетками. После закрытия Худпрома в 1930г. коллекция перешла в Западно-Сибирский краевой музей (ныне – историко-краеведческий). В трудные для всех музеев страны 1930–1940-е гг. некоторые вещи были утрачены (погибли или украдены). В частности, – ковры сузани, так эффектно представленные на архивных снимках. В 1940 г. при выделении из состава краеведческого музея художественного отдела (ныне музей им. М.А. Врубеля) коллекция неравномерно разделилась. При этом предыдущее местонахождение произведений искусства, имя их собирателя и владельца В. В. Едличко были на многие десятилетия забыты. Источником поступления предметов в хранилищах документах обычно указывается музей Худпрома или экспедиционные сборы членов ЗСОИРГО.

По старым фотографиям специально для этой статьи автору совместно с главным хранителем фондов ОГИК музея О.Н. Артемьевой и хранителем музейных предметов К.Ю. Шолудько удалось выявить в ОГИК музее произведения искусства, принадлежавшие В.В. Едличко. Вероятно, в запасниках есть и другие предметы, «опознать» которые помогут счастливо обнаруженные архивные источники. Изучение коллекции замечательного сибирского мецената продолжается.

Примечания

1. Павловский И.Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава, 1912. С. 69–70.
2. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 84. Лист 1–6 об.
3. Общество художников и любителей изящных искусств Степного края. Осенняя выставка. Омск, 1917. С. 12.
4. ГИАОО. Ф. 661. Оп. 1. Д. 44. Л. 14.
5. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 84. Л. 31.
6. ГИАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 37. Л. 16–17. Отчет ОХЛИИСК. 1918. [Сост. Б.В. Трувеллер].
7. ГИАОО. Ф. 300. Оп. 2. Д. 1. Л. 69.
8. Булдеев А.И. В.В. Едличко // Сибирская речь. 1919. 11(24) января.
9. В Обществе художников и любителей изящных искусств // Сибирская речь. 1919. 25 (12) февраля.
10. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 84. Л. 21; Ф. 86. Оп. 2. Д. 272. Л. 9–9об.
11. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 84. Л. 5 об. – 6 об.
12. Вегман В. Надо спасти культурную ценность // Рабочий путь. 1922. 15 декабря.
13. Безродная О. А. Западно-Сибирский краевой музей (1921 – 1934 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2013. № 18. С. 33.

Ирина Девятьярова

Генерал и поэт – два портрета из галереи Белой столицы

Омск, волей исторических обстоятельств ставший столицей Белой России, стал центром притяжения для многих нетривиальных людей с очень большим потенциалом – и творческим и военным. Среди них были два весьма незаурядных молодых человека, чьи имена сегодня большинству омичей, увы, ничего не скажут.

Сибирский Наполеон Алексей Гришин-Алмазов

Его звезда ярко вспыхнула на небосклоне в 1918 году. И также быстро со-
рвалась вниз стремительным метеором. Боевой офицер-артиллерист, участник двух войн Алексей Гришин был одной из главных фигур антибольшевистского сопротивления в Сибири.

Он родился 24 ноября 1880 года в Тамбове в небогатой дворянской семье. Окончил Воронежский кадетский корпус, потом – Михайловское артиллерийское училище и вскоре в чине подпоручика оказался на фронте. Молодой офицер участвовал в одном из самых ожесточенных сражений Русско-японской войны — в битве под Ляояном. А после войны остался на Дальнем Востоке, продолжив службу в частях Восточно-Сибирского и Приамурского военных округов. На протяжении шести лет он возглавлял команду разведчиков и учебную команду.

В Первую мировую Алексей Гришин сначала руководил службой связи, потом уже в чине капитана командовал батареей и артиллерийским дивизионом, которые всегда были на передовой. И сам никогда не оставался в стороне – это видно по его многочисленным наградам, среди которых есть и Георгиевский крест, врученный за личную храбрость.

Октябрьский переворот подполковник Гришин не принял. Новой властью был арестован, но вскоре его отпустили на все четыре стороны, уволив из армии. Так в конце зимы – начале весны 1918 года он оказался в хорошо знакомой ему Сибири – в Новониколаевске (нынешнем Новосибирске)

По воспоминаниям современников этот «еще совсем молодой человек, ушедший с войны в чине подполковника, отличался ясностью ума, точностью и краткостью слога». Он поставил себе непростую задачу объединить различные по взглядам антибольшевистские подпольные ячейки. И весьма в этом преуспел – превратив неоформленные объединения, которые повсюду создавали офицеры, недовольные происходящим в стране, в настоящую тайную организацию. Самая мощная организация, кстати, была в Омске — в ней состояло три тысячи человек. Взяв себе новую фамилию – Алмазов, с удостоверением сотрудника кооперативной организации «Закупсбыт» энергичный офицер ездил по Транссибу, посещая все крупные сибирские города. Его супруга Мария выступала на сцене, собирая средства в пользу нуждающихся. Эта деятельность была прекрасным прикрытием для сибирского белого подполья.

Весной 1918 года Гришин-Алмазов становится главой военного штаба при подпольном Западно-Сибирском комиссариате Временного правительства Сибири. Он сумел договориться о совместном выступлении против большевиков с расположившимися в районе Новониколаевска командирами чешских частей. В ночь с 25 на 26 мая в Новониколаевске начался мятеж чехов, поддержанный подпольщиками Гришина-Алмазова. Уже к 12 часам дня 26 мая коммунистическая власть в Новониколаевске была свергнута. На следующий день была объявлена мобилизация офицеров, в Томск отправили роту в двести с лишним человек в помощь тамошним антибольшевистским силам. 31 мая Томск был освобожден из-под власти большевиков. За ним последовали Омск, Петропавловск, Курган, Челябинск, Ишим, Павлодар, Семипалатинск, Барнаул, Бийск, Красноярск, Ачинск. Это стало возможным во многом благодаря недюжинным организаторским качествам молодого полковника и его сподвижников.

С утра 28 мая Гришин-Алмазов (он оставил двойную фамилию, поскольку многие знали его именно как Алмазова) вступает в командование вновь формирующейся Западно-Сибирской армией.

В июне Алексей Николаевич переезжает в Омск, куда по его решению переносится штаб округа. Он сосредотачивает в своих руках огромную власть, занимая сразу две должности – военного министра и командующего Сибирской армией. К тому моменту антибольшевистские силы добились успеха на огромном пространстве от Челябинска на западе до Читы на востоке. В знак «воздаяния военных заслуг» в июле 1918-го 38-летний командующий был произведен в генерал-майоры.

Гришин-Алмазов был сторонником решительных действий. Вот фраза из одного из его приказов по Сибирской армии: «Каждый военный начальник должен помнить на театре войны все средства, ведущие к цели,

одинаково хороши и законны... Победителя вообще не судят ни любящие родную землю, ни современники, ни благоразумные потомки».

Правительство Сибири принципиально не хотело возвращаться к форме одежды и знакам различия старой Императорской армии, потому сибиряки носили либо старое обмундирование либо гражданскую одежду. Но Гришин-Алмазов хотел превратить толпу добровольцев в настоящую армию. Он отдал приказ о введении знаков различия Сибирской армии; бело-зеленая ленточка на околышке фуражки вместо кокарды и такой же расцветки нарукавный шеврон на правом рукаве углом вниз. Затем появился приказ по Военному ведомству о введении в армии нарукавного знака для различия чинов.

Впрочем, делами армии деятельный генерал не ограничивался – он активно участвовал и в политической жизни. Алексей Николаевич очень быстро перестал изображать демократа. И в высказываниях более не стеснялся – заявлял, что народовластие сейчас несвоевременно, нужна сильная власть. Председателя Совета министров Вологодского называл «бесцветной личностью» и вел за его спиной переговоры с генералом Хорватом.

Его активная деятельность раздражала многих. Но были и доброжелатели, Генерал Д. В. Филатьев писал впоследствии: «энергию и организаторские способности он выявил недюжинные и оказался вполне на своем месте». А вот мнение управляющего делами Временного Сибирского правительства Г. К. Гинса: «Я не знал в Омске военного, который бы годился больше, чем Гришин, для управления военным министерством в демократическом кабинете». Многие в Сибири называли Гришина-Алмазова «Сибирским Бонопартом», но, как говорили соратники, беда была в том, что Бонопарту было еще слишком рано появляться на сибирском горизонте.

Однако генерал предпочитал не ждать, а действовать. Гинс отмечал: «недостатком Гришина была его самоуверенность. Он был убежден в неспособности всех прочих конкурировать с его влиянием и значением в военных кругах. Он игнорировал министров Сибирского правительства, забывая, что это может вооружить их против него, и действительно нажил себе врагов... Все это происходило исключительно из-за молодой самовлюбленности генерала»[1].

Военный министр постоянно был в разъездах. В середине июля Гришин-Алмазов прибывает в Челябинск для встречи с представителями Чехословацкого командования, Комитета членов Учредительного собрания и антибольшевистской Народной армии, образовавшейся к тому времени в Поволжье, по вопросу создания единого командования и совместных действий против красных. Но договориться не удается. В конце августа состоялось второе Челябинское совещание, но бурные дебаты о создании всероссийской власти, вновь завершились ничем. Все сошлись на том, что в Уфе состоится государственное совещание, на котором все наконец будет решено.

В начале сентября «неудобный генерал» был отправлен в отставку. Поводом стал конфликт с английским консулом Престоном. На банкете, последовавшем за совещанием в Челябинске командующий Сибирской армией спровоцировал дипломатический скандал, заявив публично: «Еще вопрос, кто в ком больше нуждается: Россия в союзниках или союзники в России». Со своей отставкой Алексей Николаевич не согласился и намекнул коллегам-министрам, что через два дня Временного Сибирского правительства уже не будет. Возле квартиры, где жил Вологодский на всякий случай была усилена охрана. Но генералы, с которыми у Гришина-Алмазова были весьма непростые отношения, отказались его поддержать.

Георгий Гинс так описывал эти события: «Поздно ночью к моей квартире подъехал автомобиль. Раздался звонок. Гришин-Алмазов просит меня к себе. Ворча на судьбу политического деятеля, не знающего покоя ни днем ни ночью, но чувствуя неловкость отказа человеку, которого удаляют, я решил поехать. У Гришина я встретил Михайлова, Пепеляева (покойного премьера) и Павловского (как оказалось потом, авантюриста, выдавшего себя за представителя Франции). Гришин объяснил мне, что он находится в затруднении, как поступить. Обратиться за поддержкой к войскам он не хочет. Обратиться за поддержкой к войскам он не хочет. В городе собрано много новобранцев. Всякая попытка сопротивления власти, спор между генералами сразу развратили бы эту молодежь. Желание Гришина одно – оформить все так, чтобы не повторялась корниловская история. Гришин решил послать письмо Вологодскому с уведомлением, что он не считает себя законно уволенным, пока не получит приказ об увольнении, и до тех пор не сдаст командование армией. Это решение было всеми одобрено... Впоследствии мне сообщили, что Гришин делал попытку призвать на помощь одну часть, но его распоряжение было перехвачено. Я считаю это сообщение похожим на правду. Я с большим сожалением вспоминаю об этом способном человеке, который так подходил, по моему мнению, ко времени, но... *amicus Plato sed magis amicus veritas* – недостаточная солидность толкала его в авантюристы. Сибирские эсеры и Сибирское правительство окончательно толкнули его на этот путь, лишив Сибирь одного из наиболее любивших ее офицеров»[2].

А ведь всего за три месяца командования Сибирской армией Гришин-Алмазов довел ее численность до 60 тысяч бойцов при 70 орудиях и 184 пулеметах, положил начало ее объединению с Народной армией КОМУЧа и освободил от большевистской власти почти всю Сибирь.

Новое назначение «по полевой легкой артиллерии с назначением состоять в распоряжении Совета министров» Алексей Николаевич воспринял как личное оскорбление и вскоре покинул Сибирь. Его супруга

осталась в Омске - по справочникам 1919 года видно, что она по-прежнему жила в квартире в здании военного министерства. Там Мария Александровна организовала нечто вроде политического салона. Алексей Николаевич вел с женой активную переписку, просил ее регулярно напоминать о нем и его заслугах, делать все, чтобы в Омске его не забыли. Судя по всему, он предполагал вернуться.

Многие историки отмечают, что если бы Гришин-Алмазов вел себя более сдержанно, он мог бы остаться в Омске. А при таком раскладе вполне вероятно, что верховным правителем, диктатором в итоге стал бы не Колчак, а Гришин-Алмазов. Но не случилось. Алексей Николаевич отправился в Добровольческую армию, которая вела боевые действия на юге России. В декабре 1918-го он при поддержке французских интервентов выбил из Одессы петлюровцев и стал управлять городом в качестве военного губернатора.

Ему удавалось вроде бы заведомо невозможное. За несколько дней до того как Гришин-Алмазов стал диктатором в Одессе, он встретился с солдатами их разбитого большевиками отрядов Добровольческой армии, которые в Одесском порту захватили корабль «Саратов» и собирались уходить в Крым. И они подчинились его приказу и вместо бегства отправились сражаться - против большевиков, украинцев и примыкавших к ним прочих захватчиков Одессы.

Владимир Шульгин вспоминал: «Саратовцы дрались прекрасно, но были малочисленны. К концу дня Гришин-Алмазов пришел ко мне:

- Формально мы победили, но потери есть. Если мы продержимся ночь, за завтрашний день я ручаюсь.

В это время явился адъютант Гришина-Алмазова, который был при нем неотлучно, кроме времени, когда сидел на гауптвахте.

- Ваше превосходительство, там один офицер, очень взволнованный, добивается увидеть вас немедленно.

- Просите.

Вошел офицер действительно совершенно, как у нас говорят, «расхристанный». Он махал руками в воздухе, поддерживая «расхристанные» слова.

- Ваше превосходительство! Мы окружены со всех сторон. Противник дал нам для сдачи 10 минут.

Гришин-Алмазов холодно смотрел на взволнованного офицера. И сказал спокойно:

- Отчего вы так волнуетесь, поручик?

И вслед за этим загремел:

- Что это, доклад или истерика? Потрудитесь прийти в себя!

Это действовало. Руки и ноги поручика успокоились, и он повторил уже без истерики то, что сказал раньше.

И Гришин-Алмазов успокоился и сказал:

- Вы говорите, что окружены со всех сторон. Но как же вы прорвались? Вот что. Возвращайтесь к посланному вас полковнику и скажите вашему начальнику: «Генерал Гришин-Алмазов, выслушав, что противник дал вам для сдачи 10 минут, приказал: дать противнику для сдачи 5 минут».

- Ваше превосходительство!

- Ступайте.

Поручик повернулся по-военному и пошел.

Я повторил вроде поручика:

- И что вы делаете, Алексей Николаевич?

Он ответил:

- Другого я ничего не мог сделать. У меня нет ни одного человека в резерве, кроме моего адъютанта. Я послал им порцию дерзости. Я хорошо изучил психику гражданской войны. «Дерзким» Бог помогает» [3].

Через некоторое время явился адъютант и доложил: « По телефону звонят, что противник, которому было дано 5 минут для сдачи, сдался».

Гришин-Алмазов начал настоящую войну с местными уголовниками. Порядок наводил весьма жесткими методами – бандитов расстреливали на месте.

Гришин-Алмазов много общался с людьми искусства. Тэффи так писала о «молодом сероглазом губернаторе»: «Собеседником он был милым и приятным. Любил говорить фразами одного персонажа из «Леона Дрея» Юшкевича: Удобно ли вам в этой комнате? Подчеркиваю: «вам». Есть у вас книги для чтения? Подчеркиваю: «для». Словом, был чрезвычайно любезен. Время для него было трудное»

Но судьба вновь отвела ему только несколько месяцев – в марте 1919-го «одесский диктатор» был отстранен от должности французским генералом Франше д'Эспере. А вскоре в город вошли красноармейцы.

В начале мая 1919 г. во главе военной делегации, состоявшей из 16 офицеров и 25 солдат, А. Н. Гришин-Алмазов выехал в Сибирь. Он возглавил специальную военную миссию, отправленную Деникиным к адмиралу Колчаку – вопрос координации действий для белых продолжал оставаться актуальным. Миссия должна была переправиться на пароходе «Лейла» через Каспийское море и затем добраться до ставки Верховного правителя. Но 5 мая пароход был перехвачен эсминцем «Карл Либкнехт». Генерал заперся в каюте, сжег бу-

маги, которые при нем были, а после застрелился. Иван Бунин, живший в Одессе в период губернаторства Гришина-Алмазова, в «Окаянных днях» назвал сообщение о его гибели «ужасной вестью».

Ответа на вопрос, как развивались бы события, если бы миссия Гришина-Алмазова все-таки добралась до Сибири, а значит, до Омска, мы никогда не узнаем. Ясно только одно - при таком повороте история легко могла бы пойти по другому сценарию...

Трубадур белой столицы Георгий Маслов

В 1919 году в обреченной белой столице молодой поэт Георгий Маслов воспевал знаменитую красавицу пушкинских времен Аврору Шернваль, даму, которую Баратынский именовал «соименницей зари». А в омском театре драмы по странному совпадению играли «Принцессу Грезу» – спектакль по пьесе Эдмона Ростана, в основу которой легла история трубадура Джауфре Рюделя. Джауфре влюбился в графиню Триполийскую и стал слагать песни, посвященные ей, услышав от пилигримов о ее красоте и добродетели.. На поэму «Аврора» Георгия Маслова вдохновил портрет прекрасной дамы, когда-то случайно увиденный в лавке букиниста на Литейном..

Классический книжный мальчик Георгий Маслов родился весной 1895 года в городе Моршанске Пензенской губернии в семье подпоручика Юхновского резервного батальона. Потом Масловы переехали в Симбирск. Георгий прекрасно учился и очень много читал. Гимназию он окончил с серебряной медалью. В 1913 молодой человек легко поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университет и стал участником Пушкинского семинария, который вел историк литературы Семен Венгеров.

Молодой человек «казалось, и жил только Пушкиным, и недалек был от чувственного обмана: увидеть на площади или у набережной его самого. Дельвиг и Баратынский тоже стали для него ощутимы до физического чувства их стихов» [3], – напишет потом Юрий Тынянов.

Юноша из провинции, бывший по духу истинным петербуржцем, занимался изучением пушкинского стиха и сам писал стихи – сдержанные и строгие, восхищавшие всех своей сложной простотой, полные аристократизмом Северной Пальмиры. Молодой поэт сумел оживить красивую традицию пушкинских времен, которая казалась уже безвозвратно ушедшей:

*О мой ямб, звонконогий мой конь,
Непокорный рабам Буцефал,
Я смогу укротить твой огонь, -
Я свободным и дерзостным стал!*

О его стихах – сдержанных и строгих одобрительно отзывался Николай Гумилев. Он относил их к направлению, которое определял как «позабытое со времен Пушкина благородное искусство просто и правильно писать стихи».

Поэт Всеволод Рождественский в своих мемуарах вспоминал: «Мы слушаем поэта Георгия Маслова ... Он стоит у стены, несколько сутулый, с насмешливым заостренным лицом; прямые, закинутые назад волосы, придают ему подлинно поэтический вид».

Но в любимом Петербурге Георгию было суждено прожить всего четыре года, свое кандидатское сочинение о лицейских стихах Пушкина он так и не закончил.

Через несколько месяцев после Февральской революции Георгий и его супруга – юная поэтесса Елена Тагер, также увлеченная поэзией Пушкина, отправились в Симбирск, к родным Георгия - заниматься выборами в Учредительное собрание.

В Симбирске поэт вступил в Добровольческую армию, участвовал в организации добровольческих отрядов, осенью вместе с отступающими частями чехословацкого корпуса добрался до Омска и поступил рядовым в армию Колчака. Потом служил в Егерском батальоне Ставки Верховного главнокомандующего, стал помощником начальника политического отделения Особого отдела Управления делами Верховного Правителя и Совета министров.

Тогда в столицу Сибири съехались те, кто не принял Октябрьскую революцию. Здесь собралось много поэтов и писателей - Алексей Ремезов, Степан Кондурушкин, Алексей Толстой, Наталья Крандиевская, Сергей Ауслендер, Мария Моравская, Иван Олигер...

Творческая жизнь в столице белой России не замирала ни на минуту – вопреки всем трагическим обстоятельствам. Георгий жил в убогом жилище на Каинской улице, которое Леонид Мартынов потом назвал «нищей кельей аскета», в «страшной, хотя и вполне аккуратной пустоте» полуподвала. И писал стихи, на изломе эпох оставшись верен единожды выбранному пути. Прекрасные и полные трагической обреченности. Кстати, именно он назвал Омск «приютом благородных муз»

*Пора стряхнуть с души усталость
Тоски и страха тяжкий груз,
Когда страна изгнания стала
Приютом благородных муз.
Здесь вечно полон скифский кубок,
Поэтов – словно певчих птиц!*

*А сколько шелестящих юбок,
Дразнящих талий, тонких лиц!
От мира затворясь упрямо,
Как от безжалостной зимы,
Трагичный вызов Вальсингама,
Целуясь, повторяем мы.*

Он выступал на вечерах в Гарнизонном собрании, его стихи охотно печатали в городских газетах. Георгий писал, что даже сейчас весна остается весной, о памяти, которая дает силы жить...

*Того не пугают пули,
Кто изведал мёд земной;
Хорошо, что хоть в карауле
Ты дышишь милой весной.*

Георгий Маслов был настоящим трубадуром белого города – поэтом и рыцарем, как исторические средневековые трубадуры. Он вел себя как рыцарь. Свою поэтическую хронику с символическим названием «Кольцо» – хронику безумия, в которое погрузилась страна, поэт продолжал публиковать, даже когда стало ясно, что кольцо неотвратимо сжимается и надеяться не на что.

*Кому судить кровавый опыт
Сулящих рай в кольце штыков?
Хватает голоса на шепот
У митинговых крикунов.
Кто были горячи и юны,
Могилы обрели себе!*

*Из-за границы шлют трибуны
Неустрасимый зов к борьбе!
Но нам нет времени, иная
У нас, веселая борьба –
Бродяги, в ожиданье рая,
Громят спиртные погреба*

Потом в своей новелле «Пушкинист и футурист» Леонид Мартынов вспоминал: «Я даже прямо сказал ему, что фронт, как известно, уже на Тоболе, все знают, что разговоры о взятии Москвы – вздор и как бы ему, Георгию Маслову не пришлось задуматься о том, чтоб его кто-нибудь спасал... Он ответил, что именно теперь было бы для него бесчестьем спрятаться в нору и замолчать»[5].

Он до конца сражался, как мог – словом. И писал, отшлифовывая каждую строку, свою изысканно-утонченную поэму «Аврора», посвященную прекрасной даме, над которой явно тяготел какой-то рок. Первый ее жених умер до свадьбы. Потом Аврора вышла замуж за богача графа Павла Демидова. И через четыре года осталась вдовой. Второй ее брак с Андреем Карамзиным, сыном известного писателя, казался бы, обещал Авроре счастье, но оно вновь не сбылось – в 1854 году Андрей Карамзин был убит на Крымской войне.

Желая увидеть свою далекую любовь, Джауфре Рюдель отправился в Палестину, в дороге заболел и умер в Триполи – на руках у возлюбленной. Судьба воспевавшего Аврору Шернваль поэта сложилась иначе и одновременно похоже.

В декабре 1919 года войска Колчака оставили Омск. В дороге Георгий заболел сыпным тифом, и в Красноярске его сняли с поезда. Он умер на больничной койке в тифозном бараке. Где погребён — неизвестно. Верный своей далекой любви перед смертью он еще выправлял свою поэму «Аврора».

*Я не забуду наши встречи,
Кудрей крутые завитки,
И беломраморные плечи,
И взгляд, исполненный тоски.*

*И под глазами роковыми,
Нежданной песнею горя,
Твержу пленительное имя,
Сияющее как заря.*

Они оба могли бы сделать больше, если бы им было отпущено больше времени. Но сделанного ими уже достаточно для того, чтобы остаться в истории. И будет справедливо, если в Омске на зданиях, связанных с ними – на здании Военного собрания, где находилась квартира Гришина-Алмазова, и здании представительства товарищества «Треугольник», где во времена Белой столицы в комнате №16 действовал литературно-художественный кружок, настоящей звездой которого был Георгий Маслов, появятся мемориальные доски.

Примечания

1. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. М, Крафт+, 2007. С. 189
2. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. М, Крафт+, 2007. 197-200
3. Шульгин В. Последний очевидец. М.: Олма-пресс, 2002. С.471-472
4. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. - С. 136
5. Леонид Мартынов. Черты сходства. Современник, 1982 г. С 27

Барон Таубе – организатор красной армии в сибир

Александр Александрович Таубе родился 9 августа 1864 года на ст. Крюково (ныне г. Зеленоград) под Москвой в дворянской семье инженера-путейца, который строил первую в России Николаевскую дорогу из Петербурга в Москву. Семья была небогатой и не имела ни поместий, ни иного недвижимого имущества, но имела отношение к древнему немецкому дворянскому роду из Вестфалии, чьи выходцы появились в Эстляндии и Ливонии семь веков назад. Так род фон Таубе происходил от Дитриха Иоганна Таубе, переселившегося в 1221 году из Падерборна в Ливонию. Грамотой польского короля Сигизмунда-Августа в 1572 году Иоганн фон Таубе возведен, с нисходящим потомством, в баронское достоинство Польского королевства. Еще один представитель этого рода Иоганн-Георг фон Таубе грамотой римского императора Фердинанда III от 19 июня 1638 года был возведен с нисходящим потомством в баронское достоинство Римской империи. В Российской империи высочайше утвержденным 28 декабря 1870 года мнением Государственного совета за дворянской фамилией фон Таубе признан баронский титул [1]. В начале XX века в России (Эстляндия) были известны три баронские линии Таубе, в Швеции две графских и одна баронская (шведский историк Карл Таубе), в Германии две баронских. К Эстляндской линии баронов Таубе принадлежал М. А. Таубе (1824 – 1910), служивший в Омске степным генерал-губернатором.

А.А. Таубе до Октябрьской революции, 1917 г.

Впервые фамилия Таубе (Taube) появилась при дворе Ивана Грозного около 1567 года. Иоганн Таубе был выдающимся авантюристом XVI века, который «хитрой лестью» вошел в доверие и стал главным советником русского царя в ливонских делах. А когда афёра не удалась, Иоганн Таубе сбежал к польскому королю, где написал историю Ливонского ордена, а заодно и выдал все тайны московского двора.

Отдельные представители рода Таубе проявили себя на русской военной службе. Так, генерал-лейтенант барон Максим Максимович Таубе (1783 – 1849) прославился как участник Русско-Турецких войн 1807 и 1811 годов и был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В Отечественную войну 1812 года М. М. Таубе сражался под Лейпцигом, участвовал в освобождении Гамбурга и во взятии Парижа. В 1839 году Таубе служил Кавказским гражданским губернатором в звании генерал-лейтенанта и в 1839 году был назначен сенатором. Больших успехов на флоте достиг вице-адмирал, генерал-адъютант, член Адмиралтейского совета барон Василий Фёдорович Таубе (1817 – 1880). [2].

Воодушевленный примером знаменитых предков, Александр Александрович Таубе тоже пошел по военной стезе и получил прекрасное военное образование. В 11-летнем возрасте в 1875 году А. А. Таубе был принят во 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, затем была учеба в Михайловском артиллерийском училище и в Академии генерального штаба.

На стыке XIX и XX веков, уже в звании подполковника, Таубе служил при штабе Омского военного округа офицером для особых поручений. Здесь в 1898 году у Александра Александровича и его жены Натальи Михайловны родилась дочь Мария. В это время (с октября 1889 по июль 1900 года) Степным генерал-губернатором, командующим войсками Омского (с 1897 года – Сибирского) военного округа и наказным атаманом Сибирского казачьего войска служил другой Таубе – Максим Антонович. До Омска М. А. Таубе служил начальником Николаевского кавалерийского училища, в 1849 году участвовал в походе в Венгрию и Трансильванию, затем временно командовал войсками Киевского военного округа [3].

В те же годы в Омске на железной дороге инженером работал младший брат подполковника – Владимир Александрович Таубе. Здесь же служил ещё один инженер-путеец из рода Таубе – Карл Фердинандович, а членом Акмолинского областного суда по городским делам присутствия и гласным Омской городской Думы состоял титулярный советник Константин Таубе. Тут впору говорить об омском клане балтийских баронов Таубе.

У Александра Таубе был ещё старший брат (1869 г.р.) Михаил. Закончив Санкт-Петербургский университет, брат занимал должность профессора по кафедре международного права, а затем стал ректором

вуза. Революцию Михаил Таубе не принял и эмигрировал, но в белогвардейские организации не входил и в антисоветских акциях не участвовал.

Но самая трагичная судьба была у Александра Таубе. В Русско-японскую войну в 1904-1905 годах барон командовал пехотным полком. В 1907 году полковнику присвоили звание ген.-майора и направили в Иркутск. В Первую мировую войну 21 декабря 1915 года у фольварка Тартак-Болимовский А.А. Таубе был тяжело контужен разрывом тяжёлого снаряда в голову и правую часть тела. Далее был госпиталь и по выздоровлению назначение в Омск, что нашло отражение в газете «Омский телеграф» за 19 июня 1916 года: «Новый начальник штаба. Прибыл начальник штаба Омского военного округа генерал-лейтенант барон А.А. фон Таубе» [4].

Жилой дом офицеров штаба (ул. Таубе, 10)

Начальник штаба Омского военного округа

Штаб округа находился в Крепости на Штабной улице в двухэтажном краснокирпичном доме 1915 года постройки (ныне Музей воинской славы омичей, ул. Таубе, 7). Здесь на втором этаже находился служебный кабинет начальника штаба с телефоном № 1-05. Летом 1964 года на фасаде здания бывшего штаба установлена мемориальная доска в память о А.А. Таубе. На другой стороне улицы в том же 1914 году для старших офицеров штаба возвели 8-квартирный двухэтажный краснокирпичный дом (ул. Таубе, 10). Вероятно, начальник штаба жил в этом доме в служебной квартире. Начальник штаба был на правах заместителя командующего Омским военным округом. Так как в гарнизонах процветали антивоенные настроения, командование считало А.А. Таубе слабым начальником штаба, вяло боровшимся с антивоенными настроениями в подотчётных гарнизонах.

Когда 2 марта 1917 года пришло сообщение об отречении Николая II, в городе возникла совершенно непонятная для генералов новая властная структура – Совет рабочих депутатов, который организовал в кинотеатре «Гигант» солдатский митинг. От командования округа на съедение возбуждённой толпе послали генерала Таубе. Все остальные сказали либо больными, либо слишком занятыми. Выступая на митинге перед солдатами, Таубе заявил, что раз государь-император отрекся, то против новой власти не должно быть никаких возражений, и нет власти выше общенародной.

Аресты верхушки старой власти прошли незаметно, и никто в их защиту не выступил. 10 марта 1917 года войска Омского гарнизона принесли присягу Временному правительству. Но Таубе высказался против курса Керенского на продолжение войны до победного конца, что сблизило его с большевиками. В мае 1917 года А.А. Таубе поддержал решение Западно-Сибирского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о создании Военно-окружного комитета (ВОКом), призванного контролировать приказы штаба округа. В мае 1917 года омские большевики обратились к Таубе за помощью в создании вооружённых отрядов рабочих.

По распоряжению Таубе большевики получили для красногвардейцев дефицитные патроны. По этому поводу офицеры открыто возмущались, что «чумазные с Атаманского хутора» по прихоти начальника штаба округа палят, сколько им вздумается, а для отправляемых на фронт солдат, каждый патрон «на учёте». Фактически это было начало создания Красной армии. С 5 июня 1917 года барон Таубе стал исполнять обязанности командующего Омского военного округа и начальника Омского гарнизона. С лёгкой руки большевика Н.Н. Яковлева Таубе стали называть «сибирским красным генералом».

Временное правительство считало Омский военный округ худшим в России, которым командует «большевистский вассал», и вызвало Таубе в Петроград «на разборку». Но в результате Октябрьского переворота 1917 года Временное правительство пало, и барон вернулся в Омск убежденным большевиком.

Красная армия барона Таубе

В канун нового 1918 года при Омском Совете был создан отдел социалистической армии и Красной гвардии, который размещался в здании бывшего военно-окружного суда, и здесь же теперь находился кабинет А.А. Таубе (ул. Спартаковская, 9).

Таким образом, уже в январе 1918 года беспартийный барон Таубе, обладая огромным опытом военной службы на высших должностях в царской армии, начал самостоятельно формировать в Сибири регулярную Красную Армию с новым уставом, строем и артиллерией!

Вскоре на Всесибирском съезде Советов в Иркутске были созданы высший советский орган «Центросибирь» и Военный комиссариат Сибири «Сибвоенкомат», начштабом которого был утвержден Таубе. В марте 1918 года барон без семьи из Омска отбыл на службу в Иркутск, где его назначили начальником Главного штаба командования Красной Армии в Сибири.

Разработанный А.А. Таубе общий план создания Сибирской Красной Армии лёг в основу докладной записки председателя Центросибири Н.Н. Яковлева, отправленной в апреле 1918 года В. И. Ленину. Председатель Совнаркома ответил: «Одобрю планы подготовки и мобилизации».

Сибирская Красная армия, разбросанная на различных фронтах на тысячи километров, нуждалась в пополнении, но, мобилизация провалилась и боеприпасов не хватало. В этих условиях держать фронт стало невозможно, поэтому в августе 1918 года армия была распущена, а командиры и бойцы ушли в тайгу для ведения партизанской войны. Таубе выдали липовый документ на имя бывшего полковника А. А. Тураева и отправили в Москву с донесением В.И. Ленину о военном положении в Сибири.

Пленение генерала Таубе

Таубе из Забайкалья выбирался вместе с партией золотоискателя инженера Утенко. 2 сентября 1818 года в г. Бодайбо у золотоискателей проверили документы, и начальник местного гарнизона полковник Данишевский сразу узнал в Тураеве «большевистского главковерха» Таубе, о чём тот час доложил в Омск. Головорез атаман Иван Красильников, которому были подчинены белые части в Бодайбо, хотел забрать арестованных комиссаров и командиров для расправы. Но приказ белогвардейского командующего войсками Иркутского военного округа полковника А. В. Элерц-Усова (расстрелян по приговору трибунала 5-й Красной армии 9 сентября 1920 г.) со ссылкой на приказ самого Гайды, заставил атамана отменить казнь и отправить арестантов и Таубе в Иркутск.

По достоинству оценив организаторские и военные качества красного генерала, Гайда пытался склонить Таубе к сотрудничеству и предлагал ему любой пост в штабе Восточного фронта, или, в крайнем случае, место преподавателя во вновь созданной Военной академии в Екатеринбурге, но барон ответил: «Мои седины и контуженные ноги не позволяют мне идти на склоне лет в лагерь интервентов и врагов трудящихся России. С бандитами мне не по пути». И Таубе вторично был вынесен смертный приговор.

Но тут неожиданно вмешался случай. По воспоминаниям большевика М.Г. Александрова, белогвардейцы красного генерала «тоже хотели расстрелять, но чехи не дали». Как оказалось, начштаба чехословацко-

го корпуса генерал-майор Дитерихс, проводя расследование убийства царской семьи в Екатеринбурге, решил, что к этому делу причастен Таубе и затребовал его к себе для допроса.

7 ноября 1918 года Таубе поместили в Екатеринбургскую тюрьму. По воспоминаниям большевика Халтурина, содержание заключённых было жестоким: «Днём приходили чехи, казаки. Снимали бельё, брюки, фуражки и били, а ночью приходили и уводили расстреливать некоторых товарищей. От переполнения, голодовки и сырости в тюрьме пошла эпидемия сыпного тифа. Умирать стали от тифа десятками, без всякой помощи. С мёртвого снимали всё, а снятое с мёртвого продавали уго-

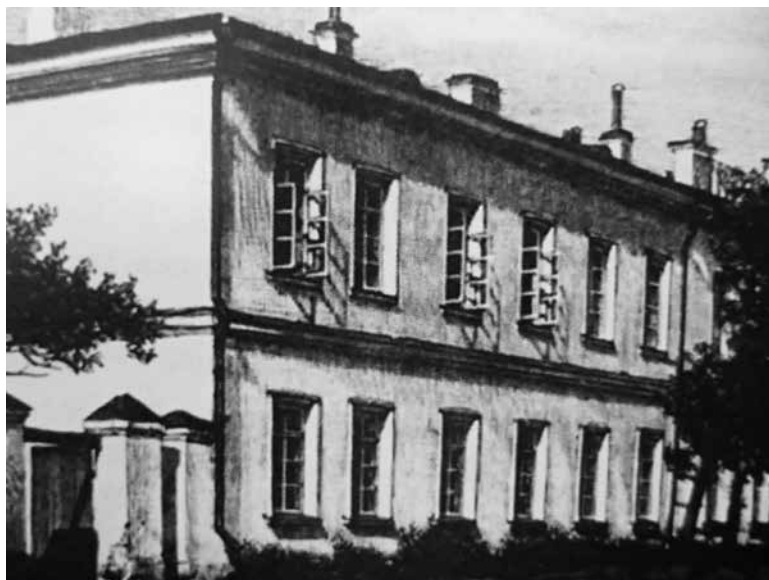

Здание штаба Омского военного округа (ул. Таубе, 7)

ловные на рынке». Старого генерала заковали в кандалы, смертный приговор ему опять подтвердили, и чуть было не привели его в исполнение третий раз.

Шанс на спасение

Но неожиданно Таубе помыли, приодели и привели на встречу с группой молодых офицеров из числа его бывших подчинённых, прибывших из Омска, с целью перевербовать «красного генерала». Как оказалось, «Самый старший по возрасту среди командного состава генерал-лейтенант Вячеслав Андреевич Сахаров на совещании в Омске обратился ко всем генералам и Главному военному совету с заявлением немедленно освободить А.А. Таубе с полной реабилитацией. В заявлении в частности говорилось, что «Генерал Таубе стал жертвой со стороны Керенского, и что тоже самое испытал лично Сахаров, в свою бытность начальником управления по квартирному довольствию войск Казанского военного округа, откуда был изгнан по мотивам приверженности к старому режиму. От Таубе требовали должного порядка и дисциплины в войсках округа, хотя сами у себя в Петрограде попустительствовали общему развалу. Когда в Омске положение продолжало ухудшаться, в округ присылались на ответственные посты явно некомпетентные лица, в лучшем случае пригодные для поддержания порядка в уборных дешёвых публичных домов. Впечатлительный Таубе не мог в силу своих убеждений принять за чистую монету подобное узурпаторство со стороны петроградских авантюристов и в качестве меры противодействия Керенскому использовал по тактическим соображениям большевистский актив, чем в конечном итоге противопоставил себя здравому смыслу». М.В. Ханжин весной и летом 1919 года командовал Западной армией Колчака, в январе 1920 года бежал в Китай. В 1945 году арестован органами СМЕРШ в Маньчжурии, 10 лет провёл в тюрьмах и лагерях и умер в 1961 году в Джамбуле в возрасте 90 лет!

*Здание, где в 1918 г. находился кабинет А.А. Таубе
(ул. Спартаковская, 9)*

Служение Таубе большевикам Сахаров относил к роковому стечению обстоятельств. Вячеслав Андреевич призвал всех образумиться и восстановить попорченную справедливость. Заявление В.А. Сахарова произвело в кругах ставки сильное впечатление и поставило колчаковских офицеров перед трудным выбором. В дополнение к этому, генерал Дитерихс написал рапорт Верховному правителю, в котором отказался от выдвинутых обвинений и тоже потребовал реабилитации Таубе, сославшись на то, что версия участия последнего в убийстве царской семьи была подкинута чехами и не подтвердилась. На одной чаше весов легендарной фигуры Таубе была яростная борьба с белыми и чехами в течение одного 1918 года, а на другой – его баронское происхождение, высокое положение, безупречная служба и служение отечеству в

царской армии в течение всей жизни. В результате омское руководство с согласия самого Колчака (небывалый случай!) приняло решение помиловать А. А. Таубе на условиях покаяния!

На встрече в тюрьме Таубе предлагали высокую должность в штабе и участие в реорганизации Сибирской армии с единственным условием: признать ошибкой работу на большевиков и покаяться. Но Таубе не захотел менять сделанный в ноябре 1917 года выбор: служить большевикам! Молодые офицеры вернулись в Омск ни с чем. А Таубе в очередной раз поставили в очередь на расстрел.

Однако колчаковские генералы не успокоились, посчитав, что посылка «безответственных лиц выпуска Керенского» была ошибкой. Старшие офицеры снова направили в Екатеринбург новую авторитетную делегацию на этот раз старых генералов, знакомых Таубе по службе в царской армии.

Делегация поспела вовремя, Таубе опять расковали, приодели и на этот раз из тюрьмы доставили на беседу в комфортабельный штабной вагон на ст. Екатеринбург, в котором были пять прибывших из Омска некогда царских, а ныне колчаковских генералов. Бывшие соратники по службе взывали к разуму генерала и в случае согласия, обещали доставить его в Омск со всеми воинскими почестями. Красный генерал и на это раз отверг все заманчивые предложения и тем самым отказался от шанса спасти свою жизнь. Он остался верен коммунистической идее до конца! В подавленном настроении генеральская

делегация покинула Екатеринбург, а Таубе опять заковали в кандалы, лишили прогулок и бани и в пятый раз хотели расстрелять.

Гибель Александра Таубе

Но, в екатеринбургской тюрьме продолжала разрастаться эпидемия, и, опасаясь за здоровье расстрельной команды, казни заключённых 5-го отделения смертников приостановили. В то же время, без медицинской помощи и ухода, заболевшие арестанты быстро умирали. По воспоминаниям заключённого В. Н. Чепалова, надзиратели, боясь заразиться тифом, запирали больных в отдельные камеры, а с наступлением смерти, самые «отмороженные» уголовники раздевали покойников и относили их в баню, превращённую в мертвецкую. Тифозную одежду с ведома охраны на рынке меняли на самогон, которым по возвращении «дезинфицировались» вместе с надзирателями и конвойными.

Во второй половине января 1919 года великий патриот России 55-летний Александр Александрович Таубе умер от тифа. К моменту освобождения Екатеринбурга Красной армией от страшной болезни погибли практически все узники 5 отделения, поэтому день и обстоятельства смерти уточнять было не у кого. Газеты «Правда» и «Известия» за 30 июля 1919 года опубликовали некролог: «Смерть генерала Таубе. В Екатеринбургской тюрьме, до занятия города красными, умер красный генерал Таубе. <...> Умер генерал как-то странно: его нашли мертвым на полу бани и ограбленным».

Тогда же в Новониколаевке от тифа умер старший сын генерала Александр. Колчаковская разведка всё-таки выяснила, что Таубе младший был связан с большевистским подпольем и через сестру Марию тайно сообщал красным партизанам о предстоящих карательных операциях. Но когда пришли его арестовывать, штабс-капитан уже был в предсмертном тифозном бреду. А вслед за ним умерла и жена генерала Наталья Михайловна. Дети А. А. Таубе Анна, Михаил и Владимир тоже заболели, и их ожидала та же участь, но город освободила Красная Армия. Больных детей Таубе нашли, поместили в больницу и выходили.

Их судьба сложилась следующим образом. Болезненная Анна умерла в 30-е годы. Младший сын Владимир закончил в Москве Стрелково-тактические курсы командного состава РККА «Выстрел» и погиб на фронте в Великую Отечественную войну. Михаил Таубе после окончания Томского артиллерийского училища служил в погранвойсках, воевал на фронте, преподавал в Алма-атинском училище КГБ. Был награждён четырьмя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Ленина и другими наградами. Выйдя на пенсию, жил в Ленинграде.

Дочь Мария вступила в ВКП(б) и работала секретарём Закаменского райкома партии в Новосибирске. Затем Мария Александровна окончила Коммунистический университет в Москве, была на партийной работе, преподавала философию. Умерла в возрасте 75 лет.

Младший брат генерала инженер-путеец Владимир Александрович Таубе был аполитичен и в революции и Гражданской войне не участвовал. При царизме, при Керенском, при красных, потом при белых, а потом опять при красных он работал на строительстве Алтайской железной дороги – рельсовый путь нужен был всем. И В. А. Таубе объяснял, что строит дорогу «для блага края и всей будущей России». Будучи авторитетным специалистом по строительству железных дорог, В. А. Таубе работал в Наркомате (а затем в Министерстве) путей сообщения СССР, имел правительственные награды, получил звание «Почётный железнодорожник» и ушёл из жизни персональным пенсионером союзного значения [5].

Список основной литературы

1. Сергей Васильевич. Княжеские, графские и баронские роды Российской империи. Словарь-справочник. М.: «Ломоносов», 2019. С. 143.
2. Половцев А.А. Биографический словарь. С.-П. 1896-1918. Т. 26. С. 363-384.
3. Эйхвальд В. В. Омские немцы. Исторический путеводитель. Омск: «Золотой тираж», 2018. С. 66.
4. Шихатов И. П. На государственной службе. Омск: «Лео», 2002. С. 37-38.
5. Познанский В. С. Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1978.

Владимир Панасенков

Военный инженер и педагог генерал-майор Н.Е. Вараксин (1862-1937) – современник трагического века

Для многих представителей российской интеллигенции события во-енно-революционного периода 1917–1920 гг., трансформировавшие наше общество, повлекли фатальный исход. Далеко не все из тех людей, кто составлял интеллектуальную элиту страны, смогли разобраться в политических реалиях времени, а попытка многих встроиться в советскую действительность в 1920–1930-х гг. зачастую оборачивалась трагедией. В этом отношении, на наш взгляд, заслуживает подробного внимания судьба генерал-майора Николая Евгеньевича Вараксина – кадрового военного инженера, последовательно служившего в Русской императорской, белой, Красной армиях, а затем в советских образовательных учреждениях, ставшего в итоге жертвой «Большого террора».

Значительная часть жизни и профессионального пути этого человека была связана с Омском. В современной историографии отмечается высокий интерес к судьбам офицеров и генералов Генерального Штаба, служившим в годы Гражданской войны, на стороне каждой из противоборствовавших сторон. Об отдельных персоналиях известен ряд биографических публикаций, созданных в междисциплинарном видении – на стыке социальной и персонифицированной истории [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Но при этом, в отличие от служивших в РККА бывших генштабистов, должного внимания исследователей, на наш взгляд, практически лишены пока многие представители других (более узких) военных специальностей. Их судьбы, подчас, не менее колоритны.

Возрождению светлого имени Н. Е. Вараксина мы обязаны, прежде всего, омскому искусствоведу А. Н. Гуменюк. В её работах, посвящённых архитектуре Омска рубежа XIX–XX вв., освещены отдельные аспекты профессиональной деятельности Н. Е. Вараксина в контексте его вклада в формирование архитектурного облика Омска [8; 9; 10; 11; 12]. Краткие обзоры биографии Н. Е. Вараксина также представлены в современной исследовательской и научно-справочной литературе, посвящённой истории Гражданской войны на востоке России и генералитету [13, с. 418; 14, с. 60; 15, с. 229; 16, с. 546]. Однако детализированного биографического исследования об этом человеке нет. На данную лаку историографии в одной из своих недавних работ указывает и А. Н. Гуменюк [12, с. 379]. Авторами статьи был выявлен комплекс неопубликованных исторических источников, его основ составили биографические и следственные документы, а также материалы делопроизводства, находящиеся в составе учётно-проверочного и архивного уголовного дел советских органов государственной безопасности в отношении Н. Е. Вараксина (из фондов архива Управления ФСБ России по Омской области). Значительный массив сведений был извлечён из дореволюционных актовых записей и документов по личному составу советских учреждений, где служил герой статьи, а также из материалов делопроизводства по вопросу пребывания Н. Е. Вараксина на особом учёте бывших белых и лишения его избирательных прав (из фондов Исторического архива Омской области). Данный комплекс источников отличается высокой информативностью и репрезентативностью. Благодаря изучению указанных документов мы достигли поставленных целей: во-первых, проведена максимально подробная реконструкция жизненного пути военного инженера Н. Е. Вараксина; а во-вторых, проанализирован опыт встраивания его, как бывшего белого офицера, в советское общество. Согласно актовой записи, сделанной в метрической книге Войсковой казачьей Николаевской церкви (ныне Никольский казачий собор).

Николай Евгеньевич Вараксин родился 12/24 ноября 1862 г. в Омске в православной семье помощника Омского окружного казначея, коллежского регистратора Евгения Андреевича Вараксина и его жены Елизаветы Николаевны [17, л. 375 об.–376]. Юный Николай получил начальную подготовку в лучшем на тот период образовательном учреждении региона – Сибирской военной гимназии (впоследствии Сибирский/Омский кадетский корпус), куда был зачислен 12 августа 1874 г. во 2-й класс «своекоштным пансионером». Кадет Вараксин учился успешно, за что по выпуску 24 июля 1880 г. был отмечен похвальным листом и подарком. После получения начального образования талантливому юноше рекомендовали продолжить обучение в военном училище [18, л. 2 об.; 19, л. 47 об., 48 об., 49]. Примечательно, что кадет Вараксин изначально предполагался к распределению в расположенное в Москве 3-е Александровское военное училище, готовившее офицеров пехоты [20, л. 393]. Но в итоге он направился в Санкт-Петербург, где и вступил на военную службу,

Николай Евгеньевич
Вараксин

став 1 сентября 1880 г. юнкером Николаевского инженерного училища. Этот выбор полностью предопределил всю его дальнейшую карьеру и её «небоевой характер».

В ноябре 1882 г. Н. Е. Вараксин был произведён в унтер-офицеры. А 12 августа 1883 г. наш герой был выпущен подпоручиком в дислоцированный в Киеве 6-й Сапёрный батальон, куда молодой офицер в декабре 1883 г. прибыл для прохождения службы [21, л. 18 об., 26 об.]. Но уже совсем скоро Николай Евгеньевич был переведён в родную Сибирь: 27 февраля 1884 г. он получил назначение в Омск исправляющим дела старшего офицера во вновь сформированной Западно-Сибирской сапёрной роте. Служба его шла успешно: 27 июля 1885 г. Николай Евгеньевич был произведён в поручики, а 21 декабря 1886 г. по выслуге лет пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени. В мае 1887 г. талантливый офицер, стремясь повысить свой образовательный ценз, вновь оказался в Санкт-Петербурге, став слушателем Николаевской инженерной академии. Окончив её по 1-му разряду с присвоением квалификационного звания «военный инженер», уже, будучи штабс-капитаном, наш герой 22 мая 1890 г. был направлен в распоряжение Главного инженерного управления Военного министерства (далее – ГИУ), откуда через месяц он получил предписание следовать для прохождения службы в Омскую инженерную дистанцию на должность производителя работ.

Служа в Омске, Николай Евгеньевич занимался проверкой и составлением смет, проектов, отчётов. В марте 1893 г. Николай Вараксин за усердную службу получил чин капитана, а 2 марта 1894 г. – был пожалован орденом Святой Анны 3-й степени [21, л. 16, 27 об., 28 об.]. В мае-сентябре 1894 г. капитан Вараксин, вновь состоя в распоряжении ГИУ, выполнял сложное и ответственное задание. Он руководил партией для изыскания подъездного колёсного пути в горной местности в пределах Бийского уезда Томской губернии между Онгудаем и Кош-Агачем, о чем офицер представил отчёт и проект комитету Сибирской железной дороги [22; л. 8–8 об.]. В 1896–1897 гг. по поручению ГИУ капитан Вараксин производил исследование, анализ и определение нагревательной способности каменных углей Экибастузских копий.

После чего он наш герой, отмеченный в 1897 г. за ревностную службу орденом Святого Станислава 2-й степени, вновь вернулся в Омск офицером Омской дистанции пути, с 6 июля 1899 г. Н. Е. Вараксин получил должность штаб-офицера для поручений Омской инженерной дистанции, а с 8 февраля 1900 г. – следующую должность старшего штаб-офицера [21, л. 30]. В этот период Вараксин, являясь с 1895 г. также Омским городским архитектором (вплоть до 1901 г.), прославился своим участием в возведении нескольких зданий, сохранившихся и поныне, ставших визитными карточками Омска и имеющих статус памятников архитектуры. В частности, по инженерным расчётам Н. Е. Вараксина были построены здания Омской городской думы, Омской казённой палаты и казначейства, Омского отделения Государственного банка, Успенского кафедрального собора [22, л. 8–8 об.].

Поскольку вклад Н. Е. Вараксина в формирование архитектурного облика Омска подробно рассмотрен в трудах А. Н. Гуменюк, мы этот аспект приводим лишь обзорно. В описанный выше период важные события произошли и в личной жизни Вараксина: 16/28 августа 1896 г. он обзавёлся собственной семьёй. Его избранницей стала дочь губернского секретаря 21-летняя Анна Андреевна Мейман [23; л. 106 об.–107]. В августе 1897 г. у супругов родился первенец Сергей [24, л. 64 об.–65]. А в июне 1901 г. у четы Вараксиных появился второй сын – Владимир [25, л. 44 об.–45].

9 апреля 1900 г. Н. Е. Вараксин, состоя уже в чине подполковника, получил назначение начальником Семипалатинской инженерной дистанции. Одновременно с этим он исполнял общественную должность почётного мирового судьи Семипалатинского окружного суда. Служа в Семипалатинске, военный инженер Вараксин получил в марте 1904 г. полковничий чин («за отличие»), а также был пожалован орденами: в декабре 1901 г. – Святой Анны 2-й степени и декабре 1906 г. – Святого Владимира 4-й степени [21; л. 30]. Помимо основных мероприятий по линии ГИУ Вараксин производил работы по постройке в Семипалатинске, Зайсане и Павлодаре ряда административных зданий – отделения Государственного банка, женской гимназии, церквей, водопровода и др. [21; л. 8–8 об.].

О событиях Первой русской революции 1905–1907 гг., заставших Николая Евгеньевича в Семипалатинске, сам он в советской анкете 1920 г. написал: «К революции относился безразлично, так как был занят службой» [21; л. 2]. Учитывая итоги профессиональной деятельности нашего героя, мы можем утверждать, что он высказался здесь вполне искренне. После Русско-японской войны в Генеральном Штабе обсуждался вопрос укрепления возможностей обороны Русско-Китайской границы. Из офицеров Генерального Штаба с этой целью была создана комиссия, куда, как опытный специалист по военноинженерному делу, вошёл и полковник Вараксин. Комиссия в мае-июне 1908 г. совершила полевую поездку. Вернувшись из командировки, наш герой получил предписание следовать в Елизаветград (ныне Кропивницкий), где недолгий период (с 20 марта по октябрь 1909 г.) он возглавлял Елизаветградскую инженерную дистанцию. Затем вплоть до февраля 1914 г. полковник Вараксин оставался в должности начальника Семипалатинского отдела по квартирному довольствию войск. За службу наш герой продолжал получать награды. Так, в декабре 1910 г. он был пожалован

орденом Святого Владимира 3-й степени, а в 1913 г. получил право ношения юбилейной медали «В память 300-летия царствования дома Романовых» [21; л. 31–31 об.].

Незадолго до начала Первой мировой войны уже умудрённый службой военный инженер Вараксин был назначен помощником начальника окружного управления по квартирному довольствию войск Московского военного округа. Вскоре после перевода в Москву 6 апреля 1914 г. наш герой был произведён в генерал-майоры («за отличие»), а служба его здесь ещё дважды была отмечена орденами – Святого Станислава 1-й степени (1915 г.) и Святой Анны 1-й степени (1916 г.). В июле 1917 г. Н. Е. Вараксина командировали в Хабаровск для исправления обязанностей начальника инженерного управления Приамурского военного округа. Генерал поспешил исполнить предписание, оставив семью в Москве. К месту назначения он прибыл 6 сентября 1917 г., но уже 3 октября по болезни Николай Евгеньевич был уволен в отставку [21; л. 4, 33]. Затянувшееся нездоровье (воспаление лёгких, осложнившееся с плевритом) не позволило Николаю Евгеньевичу вернуться к родным. Лишь в мае 1918 г. он выехал обратно в Москву, но из-за мятежа Чехословацкого корпуса к июлю 1918 г. смог доехать лишь до Омска, где вынужденно остался.

В начале августа 1918 г. отставной генерал-майор Вараксин был мобилизован в белую Сибирскую армию с назначением членом Сибирского военного совещания и зачислением в резерв чинов при штабе Западно-Сибирского военного округа. С 31 января 1919 г. генерал-майор Вараксин был старшим приёмщиком отдела снабжения ГИУ, а с 31 июля 1919 г. – стал исполняющим дела начальника окружного инженерного управления Западно-Сибирского военного округа. Уже в августе он был переведён в Томск в распоряжение начальника окружного военно-инженерного управления. Как позднее отмечал Н. Е. Вараксин: «после эвакуации Омска окружное военно-инженерное управление перестало функционировать. Часть служащих была направлена в Иркутск, так как туда должны были эвакуировать окружное военно-инженерное управление» [21, л. 33, 54 об., 55; 26, л. 21].

Однако отступать с белой армией из Томска генерал Вараксин не стал; причина этого решения так и осталась нам до конца неясной. 20 декабря 1919 г. в Томске была восстановлена советская власть. В городе и его окрестностях состоялась капитуляция и массовая сдача сразу нескольких соединений белой армии в плен частям РККА. Среди 36 пленённых тогда генералов оказался и Н. Е. Вараксин [27]. Сразу после установления советской власти комендантом Томска была объявлена обязательная регистрация всех бывших офицеров, находившихся в городе [28]. Н. Е. Вараксин встал на учёт в Томском уездном военкомате, после чего был задержан на 4 дня. Но уже 27 декабря 1919 г. Николая Евгеньевича назначили начальником Томского инженерного управления, а затем направили в распоряжение помощника Главнокомандующего Восточным фронтом, откуда по ходатайству И. Л. Дзевятловского в конце января 1920 г. Николай Евгеньевич был переведён в Омское окружное военно-инженерное управление (далее – ОБИУ), где получил сначала должность старшего инженера технической инспекции.

В марте 1920 г. военспец Вараксин возглавил отделение складов и мастерских ОБИУ, а вскоре стал начальником инженерно-технического и лесозаготовительного отдела ОБИУ [21, л. 33, 55]. Всего в рядах РККА военный инженер Вараксин прослужил 21 месяц. Он в начале апреля 1920 г. успешно прошёл аттестационную комиссию и был рекомендован к службе в ОБИУ [29].

Однако не всё в красноармейской службе у Вараксина было гладко. Так, 23 апреля 1920 г. Николай Евгеньевич был арестован Омской губЧК. Получив типовое обвинение «за службу в белой армии», он был заключён в концентрационный лагерь. Спустя месяц, 26 мая 1920 г., Омская губЧК проведя следствие, предложила Н.Е. Вараксина освободить, но при условии его обязательного направления обратно на службу в ОБИУ [21, л. 1 об., 17, 18 об., 34–34 об.].

В тот период в одной из анкет, отвечая на «политический блок вопросов», бывший белый генерал, видимо опасаясь за себя и близких, указывал весьма тенденциозную и почти нейтральную формулировку: «В данный момент считаю необходимым мир для восстановления нормальной жизни» [21, л. 2 об.]. Управление Начальника инженеров Сибири 19 сентября 1921 г., наряду с другими, дислоцированными в Омске органами РККА, было переведено в Новониколаевск (ныне Новосибирск). Но наш герой, ссылаясь на возраст, усталость и слабое здоровье, попросил оставить его в Омске, назначив к иному месту службы. Опытного военного инженера направили преподавать инженерное дело одновременно в инженерную школу младшего комсостава 29-й дивизии и в Высшую военную школу Сибири. В последнем из названных заведений сослуживцами Н. Е. Вараксина стали видные специалисты военного дела – В. И. Кедрин, Н. Н. Артамонов, П. П. Голышев и др.

В январе 1923 г. Высшая военная школа Сибири была расформирована, а 60-летний военспец Вараксин на основании своего рапорта был уволен в отставку и снят с военного учёта [21, л. 8, 17–17 об., 20, 25]. Так для героя нашей статьи началась штатская жизнь, в которой он успешно реализовывал себя на педагогической стезе, став преподавателем Сибирского художественно-промышленного института (техникума). Одним из тех, кто рекомендовал тогда Н. Е. Вараксина в качестве преподавателя, был П. П. Голышев – во-

енный инженер, бывший сослуживец нашего героя по ГИУ (в колчаковской армии), а затем ОВИУ и ВВШС (в РККА) [22, л. 1 об.].

Спектр дисциплин (теоретических и практических), которые преподавал Н. Е. Вараксин своим студентам, наглядно демонстрирует глубину и широту его познаний – строительная механика, теория и проекция теней, математика и технология материалов и др. [22, л. 1 об.; 30, л. 1, 4]. Об этом же свидетельствует в мемуарах известный омский художник К. П. Белов [31, с. 84]. Одна из характеристик нашего героя середины 1920-х гг. одновременно лаконично и наглядно сообщает о Николае Евгеньевиче следующее: «Любит своё дело и знает его. Умеет подойти к учащимся» [30, л. 5]. Один из учеников нашего героя – Б. М. Надеждин – вспоминал о Н. Е. Вараксине, как о человеке очень спокойном, мягком и добродушном [12, с. 378].

С момента перехода на гражданскую службу Н. Е. Вараксин вступил в ряды профильных общественных организаций – Союз строительных рабочих, Союз работников просвещения. Но до конца жизни Николай Евгеньевич оставался беспартийным [30, л. 1 об.]. В 1930 г. (с упразднением Омского худпрома) Н. Е. Вараксин перешёл на работу в Омский коммунально-строительный техникум, возглавив там ревизионную комиссию, а затем став секретарём государственной аттестационной комиссии. Но служба его здесь не была столь продолжительна. В 1933 г. Н. Е. Вараксин подал руководству прошение о своём увольнении на заслуженный отдых и уже с 1934 г. значился на пенсии [22, л. 3, 4, 7]. Принадлежность героя нашей статьи к категории «бывших людей» типичным образом отразилась на его судьбе. В тот период органы ВЧК–ОГПУ уделяли особое внимание гласному и негласному контролю над бывшими белогвардейцами [32, с. 126–146, 220–221]. Как бывший офицер, Н. Е. Вараксин с момента перехода на советскую службу состоял на особом учёте в органах ВЧК–ОГПУ по месту службы, а затем проживания. Герой нашей статьи лично и через Омский губвоенкомат подавал в Омский губотдел ОГПУ мотивированные ходатайства о своём снятии с особого учёта. Но на основании того, что бывший белый генерал Вараксин проходил по агентурным разработкам омских чекистов, 15 октября 1924 г. в поданных в отношении него ходатайствах было отказано [21, л. 42; 33, л. 244; 34, л. 56]. Однако, в конечном счёте, Н. Е. Вараксин всё же был снят с особого учёта бывших белых в Омском окротделе ОГПУ. Точную дату этого события нам установить не удалось. Очевиднее всего, это произошло в кампанию по массовому снятию бывших белогвардейцев с особого учёта в 1925–1926 гг. В частности, известно, что на 1 декабря 1926 г. Вараксин в Омском окротделе ОГПУ уже не значился как «особоучётник» [35, л. 3]. Политические притеснения коснулись Николая Евгеньевича и в другом отношении. В проходившую в середине 1920-х гг. кампанию по массовому лишению бывших белогвардейцев избирательных прав Н. Е. Вараксин оказался в числе «лишенцев». Но 13 января 1927 г. постановлением Омской городской избирательной комиссии Николай Евгеньевич, на основании поданного им личного заявления, к выборам всё же был допущен и из списков «лишенцев» исключён [36, л. 6; 37, л. 166 об.]. Стоит сказать, что практика восстановления избирательных прав бывшим белым имела особенности в каждом индивидуальном случае [38]. Подчеркнём, что тогда, подобно герою нашей статьи, в категории «лишенцев» на короткий период оказались видные представители интеллектуальной элиты Омска, служившие в годы Гражданской войны в белой армии – среди них топограф и геодезист Н. Д. Павлов (бывший генерал-майор), финансист Н. Н. Артамонов (бывший генерал-майор), инженер П. П. Голышев (бывший полковник), биолог К. Е. Мурашкинский (бывший чиновник военного времени), математик А. Л. Иозефер (бывший подпоручик).

Все они благополучно и скоро восстановили свои избирательные права [36, л. 7, 7 об., 18 об.; 37, л. 167 об.]. В 1935 г. в жизни Н. Е. Вараксина произошла большая трагедия: по решению Омского облисполкома в массовую кампанию по сносу культовых зданий был уничтожен Успенский кафедральный собор – одна из архитектурных жемчужин дореволюционного Омска, являвшаяся, пожалуй, самым масштабным зданием, возведённым при участии Вараксина. (Собор восстановили в 2007 г.). Очевидцы указывали, что Николай Евгеньевич не раз приходил на руины разрушенного детища; пожилой человек, не скрывая своих горьких слез, рыдал [12, с. 379; 39, с. 58]. Все описанные выше коллизии политической жизни советского общества для интеллектуальной элиты страны были предтечей гораздо более трагического времени. Представители бывшего офицерства стали в этом отношении особой категорией среди тех, кто попал в 1930-е гг. в жернова массовых репрессий. Так, 21 июля 1937 г. в дом Н. Е. Вараксина прибыли сотрудники НКВД. Они арестовали пожилого человека, но проведя обыск, ничего подозрительного найти у Николая Евгеньевича не смогли, изъяв лишь паспорт и 9 писем [40; т. 1, л. 38, 39]. Вараксин оказался арестован по печально известному сфабрикованному делу о подпольной антисоветской организации «во главе» с Н. Н. Артамоновым [7, л. 291, 292, 298; 32, с. 134–138; 41, с. 29–30]. На следующий день после ареста Н. Е. Вараксина стали допрашивать. На предъявленное обвинение Николай Евгеньевич сначала отвечал коротко и категорично: «Я уже ранее давал показания, что в контрреволюционной офицерской организации не состоял и не состою, а также ничего об её существовании не знаю» [40; т. 1, л. 41]. Наш герой указывал на допросах, что действительно в его окружении имеется немало бывших офицеров. Среди них он называл штабс-капитана В. С. Неведимова, подполковника В. А. Завьялова, генерал-майора Н. Н. Артамонова и др. При этом, подследственный Вараксин подчёр-

кивал, что с последним он познакомился в 1919 г., в Омском военно-окружном совете. Но при этом Николай Евгеньевич утверждал, что с «главой офицерского заговора» Н. Н. Артамоновым он всегда общался лишь весьма поверхностно «на уровне приветствий и шаблонных вопросов» [40; т. 1, л. 41, 41 об.]. Но уже вскоре, оказавшись под жёстким давлением следствия, 29 сентября 1937 г. пожилой человек, как многие остальные арестованные по тому делу, дал «признательные показания», оклеветав себя и других арестованных по «делу Артамонова»: «Больше скрывать о контрреволюционной организации я не в силах. В неё был вовлечён подполковником Завьяловым, но практической работы не вёл в силу возраста» [40; т. 1, л. 45]. В итоге, основываясь на «показаниях» Н. Н. Артамонова и Д. Г. Катанаева, Н. Е. Вараксин был «изобличён» следствием, как член областного руководящего центра контрреволюционной организации, организовавший до 20 боевых офицерских ячеек, проводивший вредительство и готовивший вооружённое восстание против советской власти. «Винность» нашего героя представлялась «в воззрениях следствия» полностью очевидной. Тройка УНКВД по Омской области, рассмотрев следственное дело III-го отдела УГБ УНКВД по Омской области по обвинению Н. Е. Вараксина, 25 октября 1937 г. постановила применить в качестве меры наказания расстрел. Приговор был приведён в исполнение 28 октября 1937 г. [40; т. 1, л. 50; 40, т. 5, л. 151; 42, с. 35].

Николай Евгеньевич Вараксин не дожил до 75 лет чуть менее месяца. В 1956 г. в рамках внутриведомственной проверки дело о подпольной антисоветской организации «во главе» с Н. Н. Артамоновым и её «участниками» было пересмотрено. Материалы проверки были изучены прокуратурой и судебными органами. В итоге, президиум Омского областного суда 29 ноября 1956 г. полностью реабилитировал Н. Е. Вараксина за отсутствием состава преступления. Суд, в частности, обратил особое внимание, что обвинение лиц, привлечённых по делу 1937 г., было построено на противоречивых материалах, ложных показаниях, сфальсифицированных документах дела, а также на неправдоподобных признаниях отдельными осуждёнными своей вины в предъявленном обвинении [40; т. 7, л. 388, 391 об.]. Так, спустя 19 лет, Николаю Евгеньевичу Вараксину было возвращено его честное имя.

В ходе подготовки работы удалось выявить некоторые сведения о семье Вараксина. Так, удалось установить, что супруга Николая Евгеньевича ушла из жизни к 1922 г. Старший сын – Сергей – недолго служил в годы Гражданской войны в РККА, в 1921 г. умер [21, л. 2, 20 об.]. Младший сын – Владимир (1901–1980) – отслужив в РККА, работал в Сибирском округе путей сообщения, но в итоге пошёл по стопам отца, окончив архитектурное отделение Сибирского художественно-промышленного техникума [21, л. 1; 40, т. 1, л. 38; 43, л. 2]. Впоследствии он стал знаменитым советским архитектором, педагогом, Заслуженным строителем БССР.

На момент ареста Н. Е. Вараксина с ним вместе жили его престарелые сестры: Анна (портниха, инвалид), Ольга (бывшая служащая), Мария (вдова телеграфного чиновника) [21, л. 45; 40, т. 1, л. 45]. Родной брат героя нашей статьи – Дмитрий – окончил Сибирский кадетский корпус (1883 г.) и 2-е Константиновское военное училище (1885 г.) [20, с. 394], служил в Русской императорской армии, состоя на 1917 г. в чине подполковника. В 1920-е – 1930-е гг. он жил в Харбине, служил до 1935 г. на КВЖД, после чего перебрался в Льеж (Бельгия), где и проживал на 1937 г. Но, как указывал Вараксин, с братом он отношений не поддерживал, а переписку с Д. Е. Вараксиным вела его сестра Анна [40; т. 1, л. 43, 49, 49 об.].

Биографические исследования об участниках Гражданской войны в Сибири остаются всё ещё безмерным, но весьма содержательным полем для научной деятельности, давая самые широкие представления об эпохе. Как показывает опыт проведения исторических форумов, современное сообщество исследователей подчёркивает необходимость продолжения выявления, публикации и популяризации источников о военнореволюционном периоде 1917–1922 гг., обращаясь, в том числе, к судьбам офицерства [44, с. 480; 45, с. 24–25; 46, с. 60].

Реконструировав жизненный путь героя статьи, мы можем отметить, что он, несмотря на принадлежность к профессии военного, благодаря своей «небоевой» специализации, знаниям и талантам, стал знаменитым мирным созидателем. На наш взгляд, фигура Н. Е. Вараксина является одним из примеров, ломающих распространённые в массовом сознании стереотипные представления о политизированности участников Гражданской войны, их категоричной принадлежности только к одному из противоборствовавших лагерей. Генерала Вараксина, павшего жертвой массовых политических репрессий, мы обоснованно можем называть современником трагического века, ведь в его жизненном пути зеркально отразились все военные и политические коллизии времени.

Увы, попытки Н. Е. Вараксина в 1920-е – 1930-е гг. «уйти от политики» и нивелировать в глазах советской власти свою «принадлежность» к «враждебному антисоветскому элементу», оказались тщетны. Тем не менее, герой статьи за годы военной и гражданской службы всё же смог оставить после себя бессмертные творения архитектуры и поколение учеников, пополнивших ряды советской технической интеллигенции и продолживших славное дело русской инженерной мысли.

Литература

1. Ганин А. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. – 2005. – № 3. – С. 28–32.
2. Ганин А. В. Командарм Андрей Снесарев: ария восточного гостя // Родина. – 2016. – № 1. – С. 36–39.
3. Гефнер О. В. У истоков сибирской геодезической науки: Никифор Демьянович Павлов (1867–1929) // Вестник Омского университета. – 2014. – № 2. – С. 203–206.
4. Гефнер О. В. Становление геодезической науки в Омске во второй половине XIX – начале XX в.: вклад Военного ведомства // Вестник Омского государственного аграрного университета. – 2017. – № 4. – С. 263–269.
5. Каминский В. В., Веремченко В. А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. – 2016. – № 3. – С. 64–83.
6. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А.В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. – 2016. – № 3. – С. 266–299.
7. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. – 2017. – № 3. – С. 274–300.
8. Гуменюк А. Возвращая забытое имя... // Омская правда (Омск). – 1990. – 23 марта.
9. Гуменюк А. Н. К вопросу о «возрожденном» классицизме конца XIX – начала XX вв. в Омске. Городской архитектор Н. Е. Вараксин. // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования: материалы областной научной конференции. – Омск, 1993. – С. 13–15.
10. Гуменюк А. Н. «Русский стиль» в архитектуре Омска второй половины XIX – начала XX в. Столичные интерпретации и местная специфика // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 118–125.
11. Гуменюк А. Н. Казенная палата и губернское казначейство. К истории застройки Соборной площади в Омске // Динамика систем, механизмов и машин. – 2009. – № 5. – С. 55–58.
12. Гуменюк А. Н. Н. Е. Вараксин. Инженер императорской армии –преподаватель советского худпрома // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.). – Омск: ОГИК музеев, 2017. – С. 375–379.
13. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 613 с.
14. Волков С. В. Генералитет Российской империи, энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. – Т. 1: А–К. – М.: Центрполиграф, 2009. – 756 с.
15. Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. – М.: Русский путь, 2003. – 240 с.
16. Энциклопедия Омской области: в 2 т. / под общ. ред. В. Н. Русакова. – Т. 1: А–М. – Омск: Омское книжн. изд-во, 2010. – 591 с.
17. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 16. Оп. 4. Д. 16. 1168 л.
18. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 174. 96 л.
19. Там же. Д. 190. 55 л.
20. Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус. 1813–1938. – Шанхай: Издание Общества бывших воспитанников 1-го Сибирского Кадетского Корпуса в Шанхае, 1940. – 415 с.
21. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 55043.
22. ГИАОО. Ф. Р–143. Оп. 1. Д. 186. 17 л.
23. Там же. 16. Оп. 6. Д. 508. 169 л.
24. Там же. Д. 509. 161 л.
25. Там же. Д. 533. 179 л.
26. Там же. Ф. Р–1781. Оп. 1. Д. 3. 25 л.
27. Капитуляция колчаковской армии // Советская Сибирь (Омск). – 1920. – 4 янв.
28. Регистрация офицеров белой армии // Знамя революции (Томск). – 1919. – 27 дек.
29. Объявление // Советская Сибирь (Омск). – 1920. – 4 апр.
30. ГИАОО. Ф. Р–318. Оп. 2. Д. 261. 5 л.
31. О моей жизни / Кондратий Белов, народный художник России. – Омск: ЛЕО, 2005. – 158 с.
32. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье: монография. – Омск: ОмГТУ, 2017. – 280 с.
33. ГИАОО. Ф. Р–1519. Оп. 1. Д. 1. 551 л.
34. Там же. Д. 2. 168 л.

Наталья Жукова, Дмитрий Петин

Данный материал впервые был опубликован на страницах Вестника Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4 (20). С. 137–145.

«Яшка. Моя жизнь: крестьянка, офицер, ссыльная»

*Марш, вперед, вперед на бой,
Женщины-солдаты!
Звук лихой зовет вас в бой,
Вздрыгнут супостаты!*

(Из песни 1-го Петроградского женского батальона)

«Яшка. Моя жизнь: крестьянка, офицер, ссыльная». Под таким названием журналист Исаак Дон Левин по рассказам М. Л. Бочкаревой написал о ее жизни книгу, которая вышла в свет в 1919 году в США и была переведена на несколько языков. В России, по понятным причинам, она увидела свет только в 1993 году в журнале «Дружба народов», в рубрике «Повторение не пройденного», электронную копию которого в Центр изучения истории Гражданской войны предоставил в 2013 году Государственный архив Томской области.

Мария Бочкарева

В архиве Управления ФСБ России по Омской области в настоящее время рассекречено значительное количество документов, касающихся различных сфер жизни Сибири и Омского Прииртышья, в частности. Одними из интереснейших архивных документов, периода восстановления советской власти после середины ноября 1919 г., являются следственные материалы о М. Л. Бочкаревой, копии которых также поступили в Центр изучения истории Гражданской войны в виде электронных образов из архива Управления ФСБ России по Омской области в 2013 году.

Среди героев Первой мировой войны Мария Леонтьевна Бочкарева занимает особое место. К сожалению, её имя, также как имена других героев Первой мировой войны, долгие десятилетия было незаслуженно забыто. Единственная женщина –полный георгиевский кавалер, одна из первых русских женщин-офицеров, создавшая первый в истории российской армии женский батальон смерти.

Её удостоивали аудиенцией президент США Вудро Вильсон, король Англии Георг V, на неё делали ставку Николай II, М. Родзянко, А. Ф. Керенский, ею восхищались А. А. Брусилов, Л. Г. Корнилов и А. И. Деникин.

Верховный правитель адмирал А. В. Колчак принял её в личной резиденции и предложил сформировать женский военно-санитарный отряд. Отъезд Колчака из Омска Бочкарева расценила как предательство и добровольно явилась к местным властям в Томске, которые взяли с

неё подписку о невыезде. А через несколько дней 31-летняя Бочкарева была взята под стражу чекистами.

В данной публикации мы приводим архивные документы, в которых освещаются последние полгода жизни М. Л. Бочкаревой после ареста (с 22 декабря 1919 г. по 15 мая 1920 г.). Скупые канцелярские строки протоколов допросов, постановлений и заключений воссоздают самый трагический период жизни этой необыкновенной героической женщины.

№ 1

Удостоверение, выданное М. Л. Бочкарёвой

Томск

22 декабря 1919 г.

Дано сие гражданке Марии Леонтьевне Бочкаревой в том, что ей разрешается проживать в городе Томске, что подписью с приложением печати удостоверения.

Пом.[ощник] коменданта

[неразборчивая подпись]

Адъютант

[неразборчивая подпись]

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 9. Машинопись. Рукопись. Подлинник. Печать. Печатный бланк.

№ 2

Постановление Следственной комиссии при особом отделе 5-ой армии

[Омск]

8 января 1920 г.

Следственная комиссия при особом отделении № 1 5-ой армии, рассмотрев дело гражданки Бочкаревой

Марии, которая обвинялась в организации Санитарного добровольческого отряда, использовала свое имя для добровольческой агитации.

Постановила: направить в распоряжение Особ[ого]отдела 5-ой армии.

Начальн.[ик] особ.[ого]отд.[ела]

[неразборчивая подпись]

Старший следователь

[неразборчивая подпись]

Следователь, производящий дознание

Подовец

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 5. Машинопись. Рукопись. Подлинник. Печать.

№ 3

Постановление Юридического отдела Томской чрезвычайной комиссии

[Томск]

11 марта 1920 г.

Дежурным следователем Томской Чрезвычайной комиссии был сделан доклад коллегии Юридического отдела по делу арестованной гр.[ажданки] Бочкаревой, причём постановлено дело по обвинению в службе у белых продолжать, обвиняемую направить в тюрьму.

Заведующий Юридическим отделом Чека

[неразборчивая подпись]

Заместитель завед.[ующего].юрид.[ическим]отд.[елом]

[подпись отсутствует]

Следователь

[подпись отсутствует]

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 18. Машинопись. Рукопись. Подлинник.

№ 4

Постановление особого отдела ВЧК 5 армии

[Томск]

28 марта 1920 г.

Следователь особого отдела ВЧК 5 армии Ландышев, рассмотрев настоящее дело постановил: дело принять к производству, привлечь в качестве обвиняемой поручика Марию Леонтьевну Бочкареву, предъявив ей обвинение в качестве организатора добровольческого санитарного отряда для Колчака в Омске и меру пресечения избрать в отношении её содержание под стражей до окончания следствия.

Военный следователь

Ландышев

Постановление мне объявлено, в чём подписуюсь

Бочкарева

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 20. Машинопись. Рукопись. Подлинник.

№ 5

Анкета М. Л. Бочкарёвой

[Томск]

Март 1920 г.

Вопросы	Ответы
1. Фамилия, имя и отчество	Мария Леонтьевна Бочкарева
2. Губерния, уезд, волость, город, село	Томск
3. Возраст	Тридцать один год
4. Образование	Не имеет
5. Состав семьи	Отец, мать, 4 сестры
6. Местожителство	Томск
7. Должность в царской армии	В 1915 г. – 25 батальон на австро-германском фронте, в 1917 г. – командир женского батальона смерти
8. Должность в Колчаковской армии	Формирование санитарного отряда
9. Вступил в Колчаковскую армию добровольцем или мобилизован	Не служила, имела чин поручика
10. Принимал ли участие в карательных отрядах	-
11. Профессия в мирное время	Крестьянка, хлебопашество
12. Занимал ли выборные должности	Нет
13. Состоял ли членом в политической партии	Ни в какой
14. Подвергался ли преследованию при царе, Керенском, Колчаке и за что	–
15. Какую помощь может оказать советской власти в борьбе с Колчаком	Заведующая госпиталем или сестра милосердия
Подпись	Бочкарева

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 1-1об. Машинопись. Рукопись. Подлинник.

№ 6**Окончательный протокол опроса М. Л. Бочкаревой**

Красноярск

5 апреля 1920 г.

1. Командир женского добровольческого ударного батальона смерти.
 2. Начальница женского добровольческого санитарного отряда армии Колчака.
 Допрос проводил военный следователь особого отдела ВЧК 5 армии Поболотин.
Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 25. Рукопись. Подлинник.

№ 7**Постановление особого отдела ВЧК 5 армии**

[Красноярск]

6 апреля 1920 г.

Следователь Особого Отдела ВЧК 5 армии Поболотин, рассмотрев настоящее дело, постановил: принять к производству, привлечь в качестве обвиняемой Марию Бочкареву, командира женского добровольческого отряда, предъявив ей обвинение в службе в армии Колчака, формирование добровольческого санитарного отряда, агитации с целью вербовки женщин в отряд Колчака и меру пресечения избрать в отношении ее содержание под охраной до окончания разбора дела судом.

Военный следователь

Поболотин

Постановление мне объявлено, о чем подписуюсь

*Бочкарева**Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 34. Машинопись. Рукопись. Подлинник.***№ 8****Заключение к делу № 796**

[Красноярск]

17 апреля 1920 г.

Я, военный следователь особого отдела ВЧК при армии Поболотин, рассмотрев дело бывшего поручика армии Керенского и Колчака Марии Леонтьевны Бочкаревой – 31 г.[ода], по обвинению ее по должности офицера армии Колчака (добровольца) в том, что она своей добровольной службой Керенскому образовала 1-й женский ударный добровольческий батальон, который принимал участие в борьбе с Советской властью в Петрограде. После свержения власти Керенского Бочкарева, будучи непримиримым врагом Советской власти, являясь сторонницей политики генерала Корнилова, отправилась в Америку, где имела свидание с президентом Америки Вильсоном и своим появлением в Америке, в Сан-Франциско, будировала на американские пролетарские массы как мученица за идеал справедливости, в действительности являясь другом империалистов и капиталистов. Бочкарева из Америки приехала в Англию и через богатую суфражистку добилась свидания с военным министром Англии, который ей и устроил свидание с королем Англии. На слова короля Англии: «Вы русский офицер и должны отправиться в Архангельск и служить родине», Бочкарева ответила: «слушаюсь», будучи при этом в полной офицерской форме и при орденах. Поехала в Архангельск, где и вращалась среди английского и русского белогвардейского командования, являя собой добровольческого агитатора. Бочкарева из Архангельска появляется в Омске и на свидании с Колчаком и с командующим добровольческих отрядов генералом Голицыным дает свое согласие на формирование добровольческого женского санитарного отряда имени поручика Бочкаревой. Участвует в театре, выступая с агитационным призывом вступать женщинам добровольно в ее отряд. Организация этого отряда Бочкаревой доведена до конца. Она становится начальником этого отряда, который согласно приказу, прикомандировывается к добровольческому отряду Святого креста и Зеленого знамени.

Преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана (см.[отри] протокол допроса окончательный и приказ № 65 от 11 ноября 1919 г.[ода]) Бочкареву, как непримиримого и злейшего врага Рабоче-Крестьянской Республики, полагаю передать на распоряжение начальника особого отдела ВЧК при 5 армии.

Справка: вещественных доказательств – нет.

Следователь особого отдела ВЧК при 5 армии

*Поболотин**Резолюция: Бочкареву Марию Леонтьевну расстрелять. Павлуновский. Шимановский. 15 мая 1920 года.*

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 35-35об. Машинопись. Рукопись. Подлинник. Печать.

№ 9**Постановление Следственной комиссии при Особом отделе 5 армии**

[Красноярск]

21 апреля 1920 г.

Следственная комиссия при Особом отделе 5 армии, рассмотрев дело гражданки Бочкаревой Марии Леонтьевны, бывшего поручика, обвиняемой в добровольной службе в рядах армии Колчака, формировании женских батальонов и вражде к РСФСР, постановила: для большей информации дело вместе с личностью обвиняемой направить в особый отдел ВЧК в г.[ород] Москву.

Начальник особого отдела [неразборчивая подпись]
 Заведующий следственным отделом [неразборчивая подпись]
Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 36. Машинопись. Рукопись. Подлинник.

№ 10**Заключение Прокурора Омской области**

[Омск]

8 января 1992 г.

УТВЕРЖДАЮ

Прокурор Омской области Государственный советник юстиции 3 класса Ю. А. Якунин

9 января 1992 г.

В отношении Бочкаревой Марии Леонтьевны по материалам уголовного дела (арх.[ивный] номер 09-45).

Фамилия, имя, отчество: Бочкарева Мария Леонтьевна

Дата и год рождения: 1889 г.[од]

Место рождения: г.[ород] Томск

Место работы и должность до ареста: не работала

Данные о родственниках: в г.[ороде] Томске проживали родители, отцу 70 лет, матери 69 лет. Имеет сестру 15 лет. Других данных нет.

Дата, статья и фабула предъявлявшего обвинения, когда и каким органом вынесено решение по делу: Постановлением Омской Губернской ЧрезвычайнойК[омиссии] от 15 мая 1920 года определен расстрел. В деле нет документов о приведении приговора в исполнение. Обвинение не предъявлялось. Свидетели по этому делу не допрашивались. Из заключения по делу усматривается, что обвинение М. Л. Бочкаревой основывалось только на её показаниях, из которых видно, что она в 1914 году добровольно участвовала в 1-й Мировой войне, была неоднократно ранена, награждена Георгиевскими крестами 4-х степеней, имела другие награды. Во время 1-ой революции по распоряжению Временного правительства была командиром женского «батальона смерти». Была контужена. Приехала в Омск по поводу отставки и по предложению Колчака организовала санитарный отряд.

Бочкарева Мария Леонтьевна полностью реабилитирована в соответствии с законом РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

Помощник прокурора области

ст.[арший] советник юстиции

[неразборчивая подпись]

СОГЛАСЕН:

Ст.[арший] помощник прокурора области

советник юстиции

Ю.И. Симонов

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. П-4. Д. 12950. Л. 36-36 об. Машинопись. Рукопись. Подлинник.

Несмотря на то, что в соответствии с законом РСФСР от 18 ноября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» Мария Леонтьевна Бочкарева полностью реабилитирована, остается много вопросов, на которые пока нет ответов:

Почему следственное дело о Бочкаревой, которое было заведено в Томске и затем продолжалось в Красноярске, оказалось в архиве Управления ФСБ России по Омской области?

Почему обвиняемая Бочкарева не направлена в особый отдел ВЧК в Москву, как следует из постановления Следственной комиссией при особом отделе 5 армии?

Почему начальник Особого отдела ВЧК 5 армии И. Павлуновский и его заместитель Шимановский не выполнили это постановление и вынесли резолюцию о расстреле Бочкаревой?

Где справка о приведении приговора в исполнение?

Российский историк, кандидат исторических наук С. В. Дроков считает, что М. Л. Бочкарева не была расстреляна: из Красноярских застенков ее вызволил Исаак Дон Левин. Вместе с ним она уехала в Харбин, где встретила с однополчанином, вдовцом, ставшим ее супругом. Сменив фамилию, Бочкарева до 1927 года проживала на КВЖД, пока не разделила участь русских людей, насильственно депортированных в Советскую Россию. Всю силу неистраченной материнской любви она отдала сыновьям своего мужа, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Как на самом деле закончила свой жизненный путь М. Л. Бочкарева? Возможно, мы когда-нибудь узнаем об этом благодаря появившимся из спецхранов ранее неизвестным архивным документам.

В Центре изучения истории Гражданской войны с одного из стендов на посетителей смотрит усталая, рано постаревшая женщина – М. Л. Бочкарева. Стенд висит в зале, где ее принимал Верховный правитель А. В. Колчак.

Аполлос Всеволодович Катанаев. Штрихи к портрету

«Шел 1890 год. За окном моросил сентябрьский дождь. В здании Войскового хозяйственного правления было сумрачно. В кабинете председателя горела настольная лампа. Было уже поздно, когда полковник Г.Е. Катанаев отложил, наконец, деловые документы. Теперь в конце рабочего дня можно будет не спеша прочитать письмо брата. Оно, однако, оказалось на редкость немногословным и вместе с тем волнующим: «Дорогой Георгий! Приезжай! У меня родился сын. Твой В.К.». Вот так председатель Войскового хозяйственного правления и наиболее известный из историков Сибирского казачьего войска Георгий Ефремович Катанаев узнал, что у него появился племянник, которого счастливые родители нарекли Аполлосом. И мог ли он представить тогда, что спустя 30 лет это родство едва ли не выйдет ему боком, и ему придется приложить немало усилий, чтоб доказать чекистам, что он совсем не тот знаменитый колчаковец» - так повествуют историки-исследователи В.А. Шульдяков и А.М. Лосунов о нашем герое (по моим сведениям данное письмо сохранилось и находится в частной коллекции).[1,с.347]

Аполлос Всеволодович
Катанаев

Аполлос Всеволодович Катанаев, потомственный Сибирский казак станицы Котуркульской родился 2 сентября 1890 года в семье титулярного советника (по некоторым сведениям, бывшего сотника Сибирского казачьего войска) Акмолинской области Всеволода Ефремовича Катанаева (родного брата историка Сибирского казачьего войска, генерал-лейтенанта Г.Е. Катанаева). Отец Аполлоса на 1887 год числился учителем в Щучинской станичной школе, указано и его образование – Алекс. Кадет уч., а также учительницы Татьяны Катанаевой (Петропавловская Женская Прогимназия). Сам Аполлос окончил в 1908 году Сибирский кадетский корпус, а затем, спустя два года, и Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге. После чего служил во 2-Сибирском казачьем полку в Семиречье, а далее – в управлении Атамана 2-го военного отдела в г. Омске. С началом Первой мировой войны его служба протекала в 5 Сибирском казачьем полку[2,с.303]. К концу войны Аполлос Катанаев кавалер орденов: Святой Анны IV степени с надписью за храбрость, III и II степени с мечами; Святого Станислава III степени с мечами и бантом и II степени с мечами. 23 ноября 1917 г. на Всероссийском фронтовом казачьем съезде в Новочеркасске Аполлос Всеволодович был избран членом Совета Союза казачьих войск, как делегат от 4 Сибирского казачьего полка. По некоторым сведениям с 8 ноября 1918 по 22 марта 1918 года Аполлос находился в Добровольческой армии.

В Сибири, против иностранной банковской оккупации эмиссаров США и большевиков, создавались подпольные организации. В одной из которых (по-видимому «Смерть за Родину!») с 10 апреля 1918 года и состоял А.В. Катанаев. После неудачных попыток разоружения чехословаков произошло выступление подпольщиков. Петропавловск стал первым городом в котором рухнула власть большевиков. Она была ликвидирована отрядом В.И. Волкова, который был героем Первой мировой войны, захвативший на Кавказском фронте турецкое знамя под городом Ардаганом. Его ближайшим соратником и помощником и стал Аполлос Катанаев[3,с.139].

В результате восстания, власть большевиков на территории Сибирского казачьего войска была ликвидирована. Важно отметить, что антисоветское подполье существовало самостоятельно, за счет поддержки его местного населения и не зависело от кого-либо. Мятеж «чехов» стал лишь только катализатором, ускорившим события. Стихи того периода, детально и точно характеризующих обстановку, опубликовала газета «Приишимье», выходившая в г. Петропавловске:

*Не слышать собачьих большевистских лаев,
Как рукою сняло вихрь мятежных бурь,
Волкова сподвижник, славный Катанаев,
Из голов дурацких сразу выбил дурь.*

С июня 1918 г. - А.В.Катанаев служит в рядах 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка: вначале помощником командира полка, а затем и самим командующим полком. 6 июля 1918 года под командой подьесаула А. В. Катанаева 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк выступил из Кокчетава в Омск. Во второй половине июля 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк в составе отряда В.И. Волкова

отправляется по железной дороге из Омска на Алтай, где уничтожает большой отряд состоящий из наемников-венгров и уголовного элемента пробивающийся в Туркестан.

Последствия этой операции сам Катанаев в приказе оценил так: «...Разбитые красноармейцы продолжают большими группами шлаться в горах и лесах. Приказываю: самим крестьянам ловить этих разбежавшихся и расстреливать их на месте, так как известно, что эти люди никто иные, как разбойники и грабители. О собравшихся больших шайках доносить на ближайшие казачьи кордоны. Если мною будет замечено уклонение от этого приказа, то я буду принимать самые энергичные меры» [4].

Приказом по Сибирской армии от 21 сентября 1918 года Аполлос Всеволодович производится в есаулы, а приказом от 22 сентября - в войсковые старшины, с утверждением в должности командира полка. Далее, полк несет гарнизонную службу в Омске. Начальником гарнизона Омска являлся упоминаемый нами выше В.И. Волков.

Политическая ситуация в стране менялась стремительно. Если восстание против большевиков первоначально именовалось «Белым». Сохранились даже описания повстанцев с белыми лентами и даже простынями через плечо, то далее... даже название Белая Гвардия было запрещено употреблять [5].

В ноябре 1918 года А.В. Катанаев, вместе с В.И. Волковым и И.Н. Красильниковым в ходе государственного переворота приводят к власти адмирала А.В. Колчака.

Узнав о приходе к власти Колчака, большевики решили перехватить власть у русских патриотов. В Томске была создана группа из П.А.Вавилова, А.А.Масленникова и М.М.Рабиновича, которой руководил Арнольд Нейбут. Это группа специально прибыла в Омск, где начала подкупать рабочих и солдат, планируя организовать свой «переворот». Глава советского правительства Я.М. Свердлов писал Омским большевикам: «Мы ни на минуту не забываем о вас. Посылали многократно деньги, мало – не по нашей вине» [6, с.324]

Восстание в Омске началось 22 декабря 1918 года, но благодаря превентивным действиям колчаковской контрразведки и казаков было разгромлено. Самое деятельное участие в этом деле принял 1 Сибирский казачий полк. Но Аполлос Катанаев, вместе с Волковым и Красильниковым в это время был послан Верховным Правителем А.В. Колчаком со специальной миссией к атаману Семенову в Читу [7, л.8].

С января 1919 года А.В. Катанаев - командир бригады Сибирской казачьей дивизии. Он участвует в разгроме Мариинского и Кустанайского восстаний, поднятых в местах комплектований резерва Ставки Белых. Денежные средства (70 млн. рублей) и оружие – огромным караваном были доставлены А. Джангильдиным несколькими месяцами ранее в пограничную Тургайскую область.

В начале июня 1919 года штаб отряда А.В. Катанаева находился в Боровом. Сам отряд «успешно зачищает от большевистских банд близлежащие территории». Взятых в плен бандитов и наёмников ликвидируют в окрестностях Щучинска. Генерал К.В. Сахаров в своих мемуарах отмечал, что «...руководители интернационала, абсолютные владыки красной армии, напрягали все усилия, чтобы спасти свое положение. Они бросили сотни миллионов золотых рублей и тысячи пропагандистов нам в тыл...» [8, с.90].

В подчинении Катанаева на тот момент казаки «Ермаковцы». В июне-июле 1919 года А.В. Катанаев исправляет должность начальника 1-й Сибирской казачьей дивизии. В июне 1919 года он на фронте, вместе с В.И. Волковым прикрывает отход армии своими частями. С 4 августа 1919 года Аполлос Всеволодович командует 4-й Сибирской казачьей дивизией. 9 сентября 1919 года он участвовал в знаменитой атаке у посёлка Островского, где была разгромлена ударная группировка войск М.Н.Тухачевского. «Катанаев со своим штабом, атаковал и захватил два бивших с повозок пулемета. При этом, попав под пулеметную очередь, был насмерть убит ординарец начдива прапорщик Боярский» - сообщает очевидец того боя. 10 сентября 1919 года за проявленный героизм был награжден орденом Святого Владимира IV степени, а 12 сентября – Георгиевским оружием и крестом IV степени.

Участник Сибирского Ледяного похода, именно Катанаев выведет в Забайкалье остатки Сибирцев. Во время отступления, за Красноярском, генерал Сахаров свою встречу с Катанаевым описал так: «Несколько наших троек и десятка два всадников продвигались в этом тумане почти наугад, без дороги. Целина, глубокий снег и темнота все гуще. Справа редкие звуки выстрелов, слева глубокая, зловещая тишина. Вот в тумане начинают светиться, как мутные пятна масляных фонарей, далекие костры. Все ближе и ближе. Различаем уже группы людей, громаду обоза и массу лошадей. – «Какая часть? Кто такие?» – «Сибирские казаки-и-и», слышится в ответ разрозненный крик с разных мест. – «А вы кто такие?» спохватился чей-то голос. – «Командующий армией.» Останавливаюсь. Подходят ко мне полковники Глебов и Катанаев. Расспрашиваю в чем дело, почему стоят здесь. Оказывается, что это все, что поднялось с Иртыша, из Сибирского, Ермака Тимофеевича, казачьего войска; поднялось и пошло на восток, не желая подчиниться интернационалу. Здесь и войсковое правительство, и воинские части, разрозненный сотни нескольких боевых полков, и семьи, старики, женщины, дети, и больные, и раненые, и войсковая казна. Толпа номадов, точно перенесшаяся за тысячи лет, из великого переселения народов. Больше обозов, чем войска» [9, с.253-254].

С марта 1920 года Катанаев некоторое время командует Сибирским казачьим полком, находящимся в станице Титовской, в пригороде Читы. Весной 1920 года его разжалуют в рядовые, за убийство на банкете офицера-кавалериста, порочащего честь юнкеров. В 1921 году Катанаев находится в Приморье. Здесь, он восстановленный в чине полковника возглавляет Сибирский казачий дивизион и батарею. Е.М. Красноусов позднее напишет: «по-видимому для Атамана Семенова настал момент «решительных действий» и он привлекал в своё окружение решительных и смелых людей, к числу которых, безусловно, принадлежал Катанаев». Далее, он описал принятие Катанаевым подразделения: «Смирно господа офицеры» - слышится команда. К строю подъезжает полковник А.В. Катанаев, одетый ... в штатский костюм, с соломенной шляпой на голове. Мы все знали Катанаева, как нашего доблестного казака, Георгиевского кавалера и начальника дивизии, и только поэтому вероятно не расхохотались. А зрелище было, действительно, комическое. Приветливо поздоровавшись с нами (сняв свою шляпу), Катанаев коротко объявил, что мы идем в Гродеково...Вспоминая это событие сейчас, я думаю, что вид нашей колонны был просто ужасен: впереди на прекрасном горячем жеребце-«душка-штатский», за ним- воинская часть...». В конце декабря 1921 года отряд Катанаева вливают в качестве 5-й сотни в 1-й Сводно-конный полк. Расположились казаки в казармах Спасского гарнизона. Вскоре, Аполлос Катанаев вновь был снят с командования и отправлен на гауптвахту в г. Никольск-Уссурийский, так как возмутился слиянием воинских частей. Далее, Катанаев поддерживает в Приморье правительство братьев Меркуловых, как впрочем и многие сибирские казачьи офицеры. После поражения белых, в декабре 1922 – весной 1923 годов в он служит составе Урало-Егерского отряда и при Управлении по устройству беженцев в Гензане (Корея). К тому времени А.В. Катанаев обзавёлся собственной семьёй. Однако, о его супруге известно немного. Жена Юлия Михайловна родилась в 1897г. Далее сведения об А.В. Катанаеве у нас отрывочны. Известно, что на 1 января 1923 года он служит в составе Дальневосточной казачьей группы в Гензане. Затем он находится в эмиграции на территории Китая. В 1925 г. А.В. Катанаев член-учредитель Казачьего союза в Шанхае. К 1 сентября 1928 года Аполлос Катанаев член казачьей секции Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае. Жизнь его оборвалась в 1930 году. А.В. Катанаев находился в разведке на территории СССР, возвращаясь с задания был выдан предателем и убит в перестрелке на станции Пограничная. Вот такой непростой жизненный путь героя нашего повествования.

Архивные источники и литература

1. Лосунов А. М., Шулдяков В. А. Переворотная команда. // Недбаевские исторические чтения, 31 марта 2007 года, 18 ноября 2008 года: (материалы Первых и Вторых чтений). Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), 2008.
2. Первый Сибирский кадетский Александра I кадетский корпус. ч.II. Шанхай, 1940.
3. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. т. 1 М., ЗАО « Центрполиграф», 2004.
4. Приказ командующего 1-го Сибирского казачьего полка подъесаула А.В. Катанаева. // Голос Сибири. 1919. 17 января.
5. Приказ по Степному корпусу № 13 от 10 июля 1918 года.
6. За власть советов. Воспоминания участников партизанского движения в тылу у Колчака. Документы. – Новосибирск: Новосибирск, ГИЗ, 1947.
7. ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. Л. 8;
8. Сахаров К.В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918—1920 г.). Мюнхен, 1923.
9. Там же.

Константин Сергеев

Дочь генерала Андогского

Впервые о генерале А.И. Андогском автор статьи узнал от омского историка-краеведа Александра Лосунова. В начале нулевых он притащил в редакцию газеты «Криминал-экспресс», которую редактировал автор, свою статью о генерале Андогском. Ему изрядно пришлось попотеть над ней, чтобы привести её в удобочитаемый формат, уж сильно она показалась научной. После выхода материала были высказаны претензии автору: мол, кому нужен твой генерал. Лосунов даже обиделся, хотя обижается он, надо сказать, редко. Но волею судеб, а может, небес эта ситуация имела продолжение...

Генерал А.И. Андогский

После выхода публикации в редакцию явилась молодая дама, которая представилась правнучкой генерала Андогского и даже оставила в редакции свою визитку. Автор статьи Евгений Назаренко, в свою очередь, позвонил Лосунову, извинившись за вышесказанное, предложил ему созвониться с моей гостьей. А потом, уже они вдвоём, отправились в гости к... дочери того самого генерала.

Морозным зимним вечером далекого 2001 года они заглянули на огонёк к двум старикам. Это были Татьяна Александровна и Александр Васильевич Войновы, люди преклонных лет, обоим хорошо за восемьдесят. Жили они в ту пору в небольшом частном домике в конце улицы Герцена. Сейчас их уже нет на белом свете, и этот рассказ – дань уважения и памяти этим незаурядным людям.

О, это были уникальные личности! Особенно Татьяна Александровна, младшая дочь последнего начальника (и профессора) Николаевской военной академии генерала Андогского. Разговор наш главным образом касался судьбы большого семейства Андогских, отца Татьяны Александровны и её собственной. А самовар посреди стола и чашки, куда добрая хозяйка не за-

бывала подливать чай, только способствовал доверительной беседе. Для Евгения Назаренко и Александра Лосунова, тогдашних собеседников Татьяны Александровны и Александра Васильевича, они и сейчас предстают такими же, как будто встреча состоялась буквально вчера...

Из воспоминаний коллеги

Цитировать Википедию теперь становится дурным тоном, посему мы обратимся к более надёжным источникам. В первую очередь – к монументально изданным в 2019 году на 900 страницах мемуарах генерала М.А. Иностранцева, коллеги и сослуживца А.И. Андогского. Оба этих высших офицера были известными военными теоретиками, профессорами Николаевской военной академии. Но при этом отнюдь не кабинетными учеными. За плечами у каждого – участие в Русско-японской и в Первой мировой войнах. И оба побывали в Омске, на службе у Колчака.

Александр Иванович Андогский являлся непосредственным начальником Михаила Александровича Иностранцева, и это предопределило ревностный характер воспоминаний последнего. Генерал Иностранцев в эмиграции жил в Праге, там же в 1938 году умер. В 1919 году познакомился с известным командующим чешских легионов в Сибири Р. Гайдой (поддержал его перед Колчаком в ходе конфликта с начштаба ставки Верховного правителя генералом Д.А. Лебедевым) и по его протекции сумел неплохо устроиться в конце 20-х в Чехословакии – государстве, появившемся на карте Европы по итогам Версальского мира. Так вот, Иностранцев как никто имел возможность оценить деятельность А.И. Андогского на беспокойном посту начальника военной академии, ибо вся она протекала у него на глазах.

В своих впервые изданных в России мемуарах генерал Иностранцев даёт развернутую характеристику Андогскому: «Это был человек умный, хитрый и очень ловкий, обладавший громадным честолюбием и очень большой семьей, ибо женился на разведенной, имевшей уже несколько детей, и прижил с нею еще детей. Супруга его вообще требовала больших средств, а в связи с большой семьей и тем более». И далее: «К положительным качествам Андогского надо отнести удивительную способность приспосабливаться ко всяким обстоятельствам, сыгравшую впоследствии для всей академии весьма полезную роль, и умение оказывать влияние на своих начальников, а также завоевывать себе популярность среди подчиненных. Естественное, что при таких свойствах и малой осведомленности генерала Петерса (тогдашнего начальника академии – Е.Н.) в академических делах и жизни Андогский сразу же приобрел большое влияние на дела курсов и, справедливость требует отметить, до известной степени способствовал устранению тех нежелательных воздействий на академическую работу, которыми мог мешать ей неподготовленный начальник курсов».

И наконец, еще одна обширная цитата из того же Иностранцева, когда он рассказывает о выборах начальника Николаевской военной академии в 1917 году: «Справедливость требует признать, что назначение на эту должность именно Андогского было спасительным для академии в бурное революционное и в наступившее после него еще более обильное подводными камнями – большевистское время. Благодаря исключительной ловкости и гибкости этого человека, неподражаемого в умении влезать в душу, не стеснявшегося в приемах и не брезговавшего, в своих целях, дружбой не только с Керенским, но даже далее и с Троцким-Бронштейном, академия не была разгромлена и уцелела, хотя и навлекши на себя в крайних правых кругах обвинение в «большевизации», потворстве коммунизму и т.д. Несомненно, что своей ловкостью и приношением Андогский прежде всего спасал самого себя, но нельзя не признать, что, спасая себя, он спас и академию, и спас так, как едва ли бы удалось это сделать кому-либо другому».

Все процитированное требуется обстоятельно пояснить, дабы непосвященный читатель понял, о чем речь. Вновь отметим противоречивое отношение генерала-профессора к своему коллеге. Попытка выглядеть беспристрастным сплошь и рядом перемежается с личностным отношением. Примеров тому в мемуарах Иностранцева – масса, но мы не будем углубляться в эту коллизию.

Выборы начальника

Во-первых, и самое главное: что такое была Николаевская военная академия (по-другому еще Академия Генштаба)? И почему ее пришлось спасти Андогскому?

Академия являлась главным центром подготовки общевоинских командиров и специалистов штабной службы. Была основана в 1832 году с курсом обучения на два года. Создание академии положило начало формированию корпуса офицеров Генерального штаба. Первоначальное название – Императорская военная академия, с 1855 года – Николаевская академия Генерального штаба. Преподавание наук велось ordinарными и экстраординарными профессорами и преподавателями. Управление академией вверялось ее начальнику. В общем и целом это было учебное заведение, где готовили элиту русской армии.

В годы Первой мировой войны и последовавших затем революционных событий академию, разумеется, трясло и лихорадило, но она уцелела. Но сначала о том, каким образом Александр Иванович Андогский стал ее начальником. Известный исследователь событий Русской смуты и Гражданской войны, доктор исторических наук Андрей Ганин пишет: «Весной-летом 1917 года в Николаевской военной академии произошла беспрецедентная по своему характеру смена руководства. Начальник академии генерал В.Н. Камнев (Петерс), по слухам, связанный с распутинским окружением, оказался скомпрометирован в связи с подозрениями в злоупотреблениях, позднее не подтвердившимися. Тем не менее, возник вопрос о назначении нового начальника академии».

При старом царском режиме начальник академии, безусловно, назначался. Однако новые демократические веяния с выборностью армейских и прочих комитетов добрались и до такого элитного учреждения, как военная академия. Идея выборов руководителя академии принадлежала военному министру Временного правительства А.И. Гучкову, но утверждать результаты голосования пришлось уже новому главе военного ведомства – А.Ф. Керенскому, решившему, что последнее слово будет все-таки за ним. А.В. Ганин подробно описывает выборы начальника академии, указывая, что фаворитом изначально считался генерал-майор Н.Н. Головин, маститый военный ученый, находившийся в тот момент на румынском фронте.

В противовес ему, сообщает Ганин, «старый профессорско-преподавательский состав академии во главе с генерал-лейтенантом Б.М. Колюбакиным развернул мощную пропаганду назначения кандидата из своей среды, а именно правителя дел академии полковника Андогского. Эта кандидатура у многих вызывала удивление, так как Андогский не был ни генералом, ни профессором (он только ещё писал диссертацию) и был сравнительно молод (40 лет)». Итоги голосования оказались такими. Головин получил 410 голосов, Андогский – 373, остальные кандидаты – гораздо меньше. «В результате голосования победил Головин, однако начальником академии по личному решению военного министра Керенского стал всё-таки Андогский (правда, по окончании войны было обещано провести перевыборы)», – пишет А.В. Ганин. Впрочем, до перевыборов так и не дошло. Первый условно выборный начальник Военной академии стал ее последним начальником. Что до отсутствия диссертации, то она вскоре была успешно защищена Андогским – называется «Встречный бой», неоднократно издана и высоко оценена специалистами. В том же судьбоносном 1917 году, уже при большевиках, Александр Иванович получил звание генерал-майора.

Академическая эпопея

Став начальником академии при Временном правительстве, Андогский остался им и при большевиках. В ноябре 1917 – марте 1918 года он и его коллеги участвовали в качестве военных экспертов на переговорах делегации Советской России с Германией при заключении Брестского мира. Впоследствии это

участие постоянно лыком в строку вменялось в вину Андогскому, а при Колчаке дошло и до открытого разбирательства его дела. Впрочем, об этом еще будет сказано.

М.А. Иностранцев припоминает, что политическая ловкость Андогского, гарантировавшая выживание академии вместе с профессорско-преподавательским составом, выразилась в сотрудничестве с советской властью. Особенно часто Александр Иванович контактировал с наркомом по военным и морским делам Львом Троцким. Начальник академии вел себя достаточно лояльно по отношению к новой власти, призывая коллег не вмешиваться в политику и «держаться язык за зубами». Жизнь, однако, вносила свои коррективы.

В начале 1918 года в связи с обострившейся обстановкой в стране академию решено было эвакуировать. Андогский предлагал отправиться на юг, но Троцкий воспротивился. Академию эвакуировали в Екатеринбург, а затем в Казань. Причем генерал Андогский проявил чрезвычайную заботу о тщательной погрузке обширного имущества учебного заведения, архивов, обеспечении всем необходимым профессоров и их семей, дабы они не испытывали бытовых неудобств. Летом 1918 года основная масса преподавателей и слушателей перешла на сторону захвативших Казань белогвардейских частей народной армии самарского КОМУЧа и Чехословацкого корпуса. Уже в рядах белого движения Николаевская военная академия оказалась в Сибири – в Омске и Томске. А в конце 1919 года эвакуировалась на Дальний Восток – на остров Русский.

Доктор исторических наук Андрей Ганин так оценивает заслуги генерала Андогского в благополучном исходе этого путешествия через всю страну: «Под его руководством академия сравнительно благополучно пережила лихолетье Гражданской войны – несмотря на то, что проделала в самых чудовищных условиях невероятный путь от Петрограда до острова Русский на восточной оконечности России, побывав и у красных, и у белых. Несмотря на всё это, Андогский и его сотрудники сумели сохранить, сберечь для будущих поколений бесценный архив, библиотеку и несколько музеев академии, являющихся достоянием русской истории и культуры. В том числе благодаря этому в наши дни увидели свет уникальные воспоминания военного министра Д.А. Милютина, а исследователи имеют возможность прикоснуться к богатейшему документальному наследию старой академии. И кто знает, что стало бы с академией, окажись тогда во главе её генерал Головин».

Судя по ряду источников, Андогский, оказавшись в Омске, весьма активно выказывал заинтересованность в установлении военной диктатуры взамен аморфной Уфимской директории, приехавшей в город в октябре 1918 года. В этом он был далеко не одинок. 18 ноября к власти пришел А.В. Колчак. Верховный правитель, обозначивший своей целью свержение власти большевиков, начальником ставки Верховного главнокомандующего хотел назначить опытного генштабиста. Выбор его пал на генерала Андогского (последнего активно поддерживал влиятельный омский деятель, министр финансов И.А. Михайлов). Однако у этого решения нашлось немало противников, особенно в правых офицерских кругах. В результате начштаба стал эmissар Корнилова, приехавший из Добровольческой армии в Сибирь Д.А. Лебедев, хотя, по мнению военных, по своим профессиональным качествам он явно уступал Андогскому. Впоследствии это неудачное назначение аукнулось белым неумелым планированием операций на Восточном фронте, в результате которых генерал Лебедев был отстранен от руководства штабом и военным министерством, но катастрофа была уже неотвратима.

Андогского обвинили в сотрудничестве с большевиками и участии в заключении Брестского мира. Была создана комиссия во главе с генерал-лейтенантом Г.Е. Катанаевым, назначенным адмиралом Колчаком председателем Особой комиссии по расследованию деятельности лиц, причастных к большевизму. Георгий Ефремович объективно и тщательно подошел к рассмотрению «дела генерала Андогского». В итоге он был полностью оправдан. И даже назначен на оперативную должность генерал-квартирмейстера при Колчаке. Но белый фронт откатывался все дальше на восток, и вместе с академией в ту же сторону направился Андогский.

Татьяна Александровна рассказывает:

– Мама мне говорила так. Когда по дороге на Дальний Восток наша семья доехала до Иркутска, папа узнал, что в городе находится генерал Катанаев. Он тотчас же нанес ему визит и выразил признательность. Они тепло пообщались. Георгий Ефремович прекрасно понимал, что участие папы и других военных на стороне большевиков в Брест-Литовске было вынужденным, они исполняли представительскую роль...

В кругу семьи

А как в это беспокойное время жила семья Александра Ивановича? Вот тут нам помогут пояснения его младшей дочери.

Семья у генерала Андогского действительно была большой. Женат он был на дочери дворянина Александре Петровне Игнатьевой, по первому браку Родцевич-Плотницкой. В браке родились дети: Вера (06.09.1910), Всеволод (29.03.1914), Татьяна (27.12.1916). На попечении Андогского также находились дети супруги от первого брака: Любовь (17.08.1903), Леонтий (25.12.1904), Ирина (24.08.1906).

Вера, Татьяна и Всеволод Андогские

Итак, послушаем рассказ Татьяны Александровны:

– Когда я появилась на свет, мы жили в Петрограде. Мама родилась в Гродненской губернии, у них там имение находилось. Мой дедушка по материнской линии был помещиком, охотился в Бело-вежской пуще. Он умер, когда маме едва минуло шесть лет. Это был несчастный случай – он оступился и ударился, выходя из коляски. Наверное, о тележную ось. Мама окончила Смольный институт, хорошо знала немецкий язык. Из всех детей живы только я и моя сводная сестра Ирина. Ей за девяносто, живет она в Сан-Франциско в доме престарелых. Но это не такой дом престарелых, как у нас. Там очень комфортно, везде ковры и прекрасный уход сиделок. Ирину там навещала знакомая моей знакомой, в общем, через третьи руки. Вот так мы обменялись весточкой.

Родные со стороны отца – выходцы из Вологодчины. Там есть река Андога, вот на берегу этой реки и появились Андогские. Но проживали они в основном в Великом Новгороде, там и детство у папы прошло. У него было три брата. Один из них, мой дядя Николай Иванович, был известным ученым по медицинской части, труды его изданы даже за границей. А про других братьев отца мало что знаю. Кто-то из них, Алексей или Владимир, как мне передавали, был брошен в шахту в Алапаевске большевиками вместе с великими князьями. И кто-то из них, тоже не помню, был моим крестным.

В 1918 году по Петрограду ходить было страшно, запросто могли ограбить или убить, особенно человека благородного сословия. Маме больше всего из тех дней запомнилось, что все улицы, чуть не по щиколотку, были заплеваны семечками. Однажды ей приспела нужда сходить через город за Любой, которая где-то училась. Она взяла одежду и салоп у служанки. Матросы с винтовками ее остановили на улице: «Салоп-то одела, а рожу все равно пшеничная!» Она так перепугалась, что с тех пор из дому – ни ногой. Люба была любимицей мамы, она ее просто обожала. И надо ж было такому случиться, что Люба умерла от тифа, едва выйдя замуж. Совсем юной, девятнадцати лет.

Кого еще помню? Старшая сестра Вера была замужем за американцем по фамилии Хоппер. В Америке и умерла. Сводный брат Леонтий учился в кадетском корпусе в Харбине, тоже потом уехал в Америку, кажется, на Аляску.

Детство мое прошло в Харбине. В памяти сохранилось много отрывочных воспоминаний. Родители и старшие абсолютно все очень тосковали по России. Няня Пелагея Григорьевна говорила: «И весна здесь не такая, и яблоки не так пахнут». Папу я видела редко. Он был директором реального училища, преподавал, а дома все свободное время работал в своем кабинете. Писал от руки или печатал на машинке. Няня говорила младшим детям: «Не шумите, батюшка барин работает». Но за столом все собирались вместе, во главе стола – папа и далее остальные по ранжиру. Особенных разговоров за обедом не велось. Папа вставал очень рано, в шесть утра. Няня приносила ему чай с яблоками, он бросал кусочки в напиток, это была его излюбленная привычка.

Татьяна Александровна Андогская

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, папа мне колечко на день рождения подарил. А вскоре умер от последствий инсульта. И ведь не старый еще был, всего пятьдесят четыре года. Хоронили его всем училищем, где он трудился, там был объявлен нерабочий день. После папиной смерти приходил наш знакомый полковник Евгений Иванович Гриневский, забрал у мамы архив с документами, но потом почти ничего не вернул. В эмиграции папа был целиком погружен в научную работу, много публиковался в разных изданиях. К белогвардейским организациям и обществам не примыкал, это я точно знаю.

Что касается моей жизни, то где я только в детстве не училась! В разных учебных заведениях – в реальном училище, и еще в одном, его на французский манер называли Конвентом. Сестра Вера потом выписала меня вместе с братом в Шанхай – она уже замужней была, помогала. Жили-то мы после папиной смерти очень скромно, брались за любую работу. А мама осталась в Харбине, там она работала в адресном столе. Когда Вера уехала в Америку, она забрала маму с собой. С тех пор мы не виделись.

На этом месте мы завершим рассказ Татьяны Александровны. В 1945 году Советская армия, разгромив Квантунскую японскую армию, вступила на территорию Маньчжурии. Младшая дочь генерала Андогского стала советской подданной. В годы войны она познакомилась с Александром Васильевичем Войновым, его отец был начальником станции на КВЖД. Две их дочери родились в первой половине пятидесятых, и с ними на руках они из красного Китая поехали в СССР. «Патриотами мы были, на родину потянуло», – вздыхает Александр Васильевич. Родина – поначалу Северный Казахстан – встретила их крестьянской избой, где они с малолетними детьми жили в съемном углу рядом с курами, гусями и свиньями. И совхозным сельмагом, где нельзя было купить самого необходимого. «У меня было впечатление, будто я прыгнула в яму, а где-то там, высоко, голубое небо, но выбраться нет никакой возможности», – припоминает свои ощущения Татьяна Александровна. Со временем она с супругом оказалась в Омске – городе, где когда-то служил у Колчака ее отец. Здесь, в больнице на улице Орджоникидзе, младшая дочь генерала Андогского отработала ровно тридцать лет секретарем-машинисткой. Впрочем, это уже совсем другая история. И другая жизнь.

Могила генерала А.И. Андогского в г. Харбине

Евгений Назаренко

Георгий Сенников – внук Георгия Катанаева

Георгий Иванович Сенников – ученый, писатель, художник. Родился в г. Омске 29 апреля 1923 г. Его родители Сенников Иван Панфилович (5.09.1887– 29.01.1938) и Сенникова Екатерина Всеволодна, урожд. Катанаева (23.11.1887–1938), были работниками Омской телеграфической кампании, где и познакомились. Новорожденный был зарегистрирован в г. Омске по ул. Варламовская, 25 (сейчас ул. Декабристов).¹ К сожалению, после рождения третьего сына Иван Панфилович по неизвестным причинам ушел из семьи и переехал в Ленинград, где работал в должности телеграфиста Датской телеграфической концессии Большого северного телеграфического общества (БСТО). В 1938 г. отец был репрессирован и расстрелян.² Младшего сына своего он никогда не воспитывал, и в автобиографиях Георгий Иванович указывал, что его отец умер в 1923 г. Огромное влияние на сына оказала мать Екатерина Всеволодовна, воспитывавшая ребенка в традициях рода Катанаевых.

Георгий Иванович был назван в честь своего двоюродного деда Георгия Ефремовича Катанаева (22. 04. 1848 – 19.12.1921), известного в Омске историка, этнографа, географа, члена Сибирского отделения Императорского географического общества, генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска, автора книг по истории сибирского казачества, истории Сибири и Омска [5]. Дед Георгия Ивановича Всеволод Ефремович Катанаев (10.02.1856 – ...), родной брат Георгия Ефремовича, был надворным советником и до отставки в 1908 г. работал в Войсковом Хозяйственном правлении Сибирского Казачьего войска [7].³ Имена Георгий и Всеволод для семьи Катанаевых были родовыми, фамильными, передающимися через поколения. Мать Георгия Ивановича Екатерина Всеволодовна Сенникова (урожд. Катанаева) назвала старшего из троих своих сыновей Алексеем, среднего Всеволодом, а младшего Георгием [6].⁴ Между поколениями дедов и внуков родовая традиция имянаречения была зафиксирована в имени и отчестве дяди Георгия Всеволодовича Катанаева [4].

Так как род Катанаевых, участников белого движения под предводительством Колчака, был практически истреблен, мать братьев Сенниковых только через имянаречение могла передать семейные смыслы и родовую «матрицу». Мы можем утверждать, что в личной истории Георгия Ивановича и его автобиографической памяти, выраженной в эго-документах ВОВ и написанных на их основе повестях и рассказах, имя Георгий является, с одной стороны, маркером значимой жизненной темы и, с другой стороны, емким выражением личной концепции судьбы.

С одной стороны, имя Георгий ориентировано на христианского святого и великомученика Георгия Победоносца, воина и покровителя воинов. Этот код имени прочитывается и в судьбе Георгия Ивановича, участника ВОВ, цитировавшего спонтанно по памяти в своем фронтовом дневнике Лермонтовские строки: «Месяц встает, // И тих и покоен, // А юноша-воин // На битву идет». Откуда появляются в голове эти известные

Сенников Г. И. Отряд подводного плавания Тихоокеанского флота (г. Владивосток). 1941–1942 г.

¹ Исторический архив Омской Области (ГИАОО). Фонд 580. Опись 3. Дело 162 т.4. Лист 741, 741 об.

² Ленинградский мартиролог т.8. Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d30/f1.htm> Дата обращения (10.02.2019).

³ В послужном списке помощника делопроизводителя Войскового Хозяйственного правления Сибирского казачьего войска надворного советника Всеволода Ефремовича Катанаева указано, что он «родился 10 февраля 1856 года. Вероисповедания православного. (...) Из штаб-офицерских детей Сибирского казачьего войска. (...) Женат на дочери фельдшера Каменского Татьяне Гавриловне, имеет детей: Екатерину, родившуюся 23 ноября 1887 г.; Аполлосу, родив. 2 сентября 1890 года, Георгия, родив. 31 марта 1894 года; Александру, родив. 16 марта 1898 г. Жена и дети вероисповедания православного, находятся при нем». См. об этом: Послужной список Всеволода Ефремовича Катанаева // Государственный исторический архив Омской области (ГИА-ОО). Фонд 67. Опись 2. Дело 2465. Л.116–118.

⁴ Метрические книги церкви во имя пророка Ильи // Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Фонд 16. Опись 6. Дело № 888. Л. 214–215; Дело 1080. Л. 55–56. Алексей Иванович Сенников (16.03.1910– 06.07.1941) . В метрической книге о его рождении сказано: «Родители: Женщина-чиновник Омской телеграфической кампании девица Екатерина Всеволодовна Катанаева, православная. Восприемники (крестные): Отставной чиновник омского Войскового Хозяйственного правления, надворный Советник Всеволод Ефремович Катанаев и дочь чиновника Александра Всеволодовна Катанаева». Ушел на фронт из п. Тевриз, где, по воспоминаниям Г.И. Сенникова, работал директором школы. Погиб 06.07.41. Похоронен в братской могиле. г. Остров Псковской обл. См. об этом:

строчки Лермонтова? ...» [10, с. 101]⁵ и идентифицировавшего себя с этим «юношей-воином». С другой стороны, Георгий Иванович явно ориентировался на концепцию судьбы своего прославленного деда, ученого и казака, взяв ее за образец.

Георгий Иванович всегда гордился своим дедом и отмечал, что портрет Георгия Ефремовича висит в историко-краеведческом музее г. Омска, и он его там видел. Впечатление от этого портрета, как и благоговение перед масштабом личности деда, хорошо передано в рассказе Г.И. Сенникова «Возвращение»: «И вдруг он остановился, как будто налетел на невидимое препятствие. С противоположной стены зала на него смотрел с портрета крутолобый старик с расчесанной надвое бородой, смотрел внимательно и строго взглядом умных и бесконечно знакомых глаз. Владимир Павлович зябко передернул плечами, пытаясь стряхнуть с себя гипнотизирующую силу этого взгляда, но очарование не проходило. Он мог бы поклясться, что знает этого человека, знает очень близко и очень давно, и в то же время был уверен, что никогда не видел его ни живого, ни мертвого. Он подошел ближе и прочитал под портретом: «Василий Ефимович Катанаев». Катанаев! Это же девичья фамилия его матери. И отчество – Васильевна. А главное – сходство, сходство! Владимир Павлович сжал веки, чтобы унять предательское пощипывание в глазах. И снова вернулся к надписи под портретом: «Крупный ученый – географ, – читал он, – преподаватель военного училища, многолетний председатель Сибирского отделения Всероссийского географического общества»... Далее следовал длинный список трудов ученого» [8, с.4].

«Возвращение» – это автобиографический рассказ, опубликованный в газете «Темиртауский рабочий» (Казахстан) 29 декабря 1962 г. Его появление стало возможным только после разоблачения культа личности Сталина. В рассказе Георгий Иванович описывает реальные события своего детства: болезнь и смерть матери, приезд «Черного ворона» НКВД накануне ее смерти. Внимание НКВД к Сенниковой Екатерине Всеволодовне было обусловлено участием всех ее братьев в гражданской войне на стороне белой армии. Накануне смерти Екатерины Всеволодовны был арестован и позднее расстрелян в Ленинграде в 1938 г. ее муж Иван Панфилович Сенников. Образы двух дедов Георгия Ивановича: Всеволода Ефремовича Катанаева и Георгия Ефремовича Катанаева, умерших еще до рождения автора, объединяются в один: Василия Ефимовича Катанаева. Сохраняются инициалы родного деда.

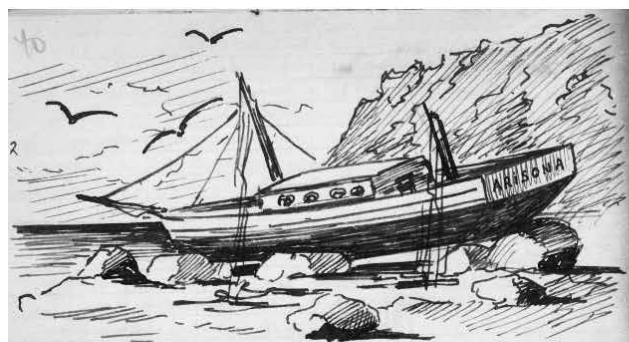
Следует уточнить, что «неинформированность» героя рассказа о своих корнях является художественным вымыслом. Георгий Иванович прекрасно знал, из какой он семьи. Ему была известна трагическая судьба его дядей Катанаевых, казаков Сибирского казачьего войска, участвовавших в белом движении Колчака и либо погибших в гражданскую войну, либо расстрелянных в 1937-38 гг. В Книге Памяти жертв политических репрессий, вышедшей в Омске, упоминаются 7 человек двоюродных и родных дядей Георгия Ивановича [4, с. 242-244].⁶ Особенно выделяется фигура младшего брата Аполлоса Всеволодовича Катанаева, способствовавшего приходу к власти Колчака. Георгий Иванович утверждал: «Все мои дядьки ушли в Харбин», – и до конца жизни надеялся, что кому-то удалось выжить в «мясорубке» гражданской войны. По его воспоминаниям, родная бабушка вышивала Колчаку знамя, была лично знакома с Лениным и не приняла власти большевиков. В тяжелые для подростка 1939-1940 гг. Георгий Иванович, оставшись сиротой, фактически беспризорничал, зачастую голодал, однако окончил школу. В дневнике он вспоминает предвоенный 1940-й год как самый

*Довоенное фото: Сенников Г.И в 9 лет (в центре).
На обороте подпись: Пуцанская В.С.и Сенников Георгий
Иванович. Лето 1932 г. Омск, 1932 г.*

⁵Здесь и далее фронтовые дневники будут цитироваться с указанием № страницы, проставленной рукой автора.

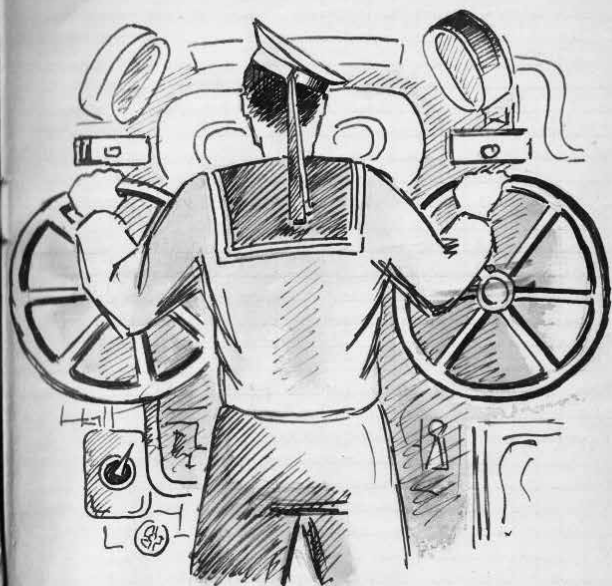
⁶Катанаевы // Забвению не подлежит: книга жертв политических репрессий в 11 тт. Т.10. Омск, 2006. С. 242-244. У братьев Катанаевых (Георгия Ефремовича и Всеволода Ефремовича) на двоих было семеро сыновей, из них только один умер своей смертью, хотя обстоятельства и его смерти неизвестны. Родные дяди Г.И. Сенникова, сыновья надворного советника В.Е. Катанаева: Аполлос Всеволод Катанаев, 1990 г.р., убит в 1930г.; Катанаев Георгий Всеволодович, 1894 г.р., расстрелян в 1920 г. Двоюродные дяди Г.И. Сенникова, сыновья генерал-лейтенанта Г.Е. Катанаева: Катанаев Александр Георгиевич, 1891 г.р., умер в г. Мукдене (Китай) до 1936 г.; Катанаев Владимир Георгиевич, 1897 г.р., репрессирован в 1937г.; Катанаев Дмитрий Георгиевич, 1895 г.р., расстрелян в 1937 г.; Катанаев Николай Георгиевич, 1885 г.р., убит в 1920 г.; Катанаев Константин Георгиевич – кадет 7-го класса Омского кадетского корпуса (1919/1920 уч. год) убит во Владивостоке в 1920 г.

Остров Б. Олений.

Мы совершенно не нужно
бывали там...
Вот возьми! Кем я сейчас
успеваю? Почему я не могу, как
другие: провести время с любовью,
навернуть этой лодкой, не по-
чужо и сказать бы только. Это
позволяет и невозможность в моем пред-
ставлении и благодаря этому, я
выступаю за друзей.

Или и так с ним!
Но это совершенно сказочные
подробности в кибрике. Это та-
кого. Мне всегда хочется ска-
зать: "Кем зачим мы делаем, зачим
переносим своим грузом, без
бесконечного влечения?"
Без в нем, мне много не
видит на этой бесконечности.
Скажи наоборот.

Ким Мс. "Халатик"
О, Ласло.

На горизонтальных
руках в Центральной
части.

Не зря же - Северные!

Страница из фронтового дневника Г.И. Сенникова. Мурманск-Полярное, 1943 г.

148
ищи крестом. И алтарь и крест разбиты.
Мраморные доски по краям алтаря с иже-
ниями видных италийцев: "Генриетта-кавер
Фердинандо..."
И вверху цифра - 1856 г. Но цифры
1941-45 - замаскированы все, хотя и не были на-
писаны на картине...

В изощренном биндиге - вконец
в мешочной стальной кассе. В прорези и-
линейного мундира видны кости ребер. Но
наверху рук вы еще держались за ручки
пулемета.

Все виноградники и близлежащие сады
защипывали, почти всеядны истребитель-
ствам истребителей и били. Вроде
сказки истребителей наших истребителей истре-
бителей. Поднимают траву и по-
кажи нам. В один беспрестанный пролет
взрывает. Иногда ахит итикий свистит, что
предвещает окна в Балаклава.

Балаклава.

Во время "великого сидения" на "М-114"
(тогда "пусть утка летела на утку"
- такое было идиотское задание), все
исключились в море. Взяли дачи и по-
шли в море. Взяли - то есть и де-
лали много было. Я рассказываю эту историю
много раз с удовольствием. Мне нравится не по-
вину. Да я и не требовал этого. Случилось
с охотой, и это так.

Но вдруг моя видна к себе командир лод-
ки и между прочим предложил выйти на де-
шазки. Ой с. Вот что это я
и описал. Но в реку мои, на море я
не был растерянным.

А ведь из этой истории можно извлечь
рогат сдвинуть!

Страница из крымского дневника Г.И. Сенникова. Балаклава, 1946 г.

страшный год в своей жизни, когда «семнадцатилетним мальчишкой, не имея за душой ни пристанища, ни куска хлеба, буквально подыхал с голоду» [11, с. 153].

Из рассказа видно, какое огромное влияние оказала на личность Георгия Ивановича фигура его двоюродного деда. По сути, образ деда, память о нем примиряет рассказчика, в душе которого живет обиженный ребенок, с родным городом Омском. Имя Георгия Ефремовича и его образ поддерживали семью в тяжелые годы после гражданской войны и в годы репрессий, когда род оказался на грани исчезновения. Ориентация на личность и судьбу знаменитого деда выражается, в частности, в том, что после Георгия Ивановича остался большой фонд объемом более девяноста дел в Государственном архиве Пермского края [2], в чем-то аналогичный фонду Г.Е. Катанаева в Историческом архиве Омской области, хотя и гораздо меньший по объему [3]. Здесь собраны не только законченные и незаконченные, рукописные и машинописные сочинения авторов (научные и художественные), но и огромное количество выписок из книг, писем, статей, очерков, эссе и фотографий, в том числе и военных.

Георгий Иванович Сенников относится к тому легендарному поколению, которое отправилось на фронт со школьной скамьи, сменив школьную форму на военную. Двадцатого июня отпраздновали выпускной, а через два дня началась война. В дневнике Георгий Иванович пишет, как уже на следующий день после начала войны он был в военкомате: «На другой же день после объявления войны я пошел в военкомат и потребовал, чтобы меня в самом срочном порядке отправили на фронт. Я тогда только что кончил среднюю школу. Мне было 18 лет, и силы мои бурлили, ища выхода, а сердце требовало подвигов. В военкомате мое требование встретили благосклонно, даже напечатали о моем патриотизме статью в местной газете, но отправили не на фронт, а в глубокий тыл, учиться» [10, с. 157]. Глубокий тыл, куда отправили Георгия Ивановича, – это г. Владивосток, где он учился Учебном Отряде Подводного Плавания Тихоокеанского флота (с 26.06.1941 по 1.06.1942) и получил специальность штурманского электрика. По воспоминаниям, свидетельством об окончании этой школы, в котором были одни пятерки, Георгий Иванович гордился больше, чем дипломом кандидата наук.

Затем его отправили на фронт. Самые страшные годы, 1942- май 1944, Георгий Иванович воевал на Баренцевом море (Северный флот). В мае 1944 г. их экипаж перевели в Крым (Черноморский флот). Демобилизовался в феврале 1947 г. Приведем выписку из военного билета: «Проходил службу в Вооруженных силах Союза ССР с 26.06.1941 по 02.1947 года. Участие на фронтах Великой Отечественной войны с 10.1942 по 05.1945 г.: Северный флот с 10.1942 г по 05.1944 г. в должности электрика штурманского. Черноморский флот с 05.1944 по 05.1945 г. в должности электрика штурманского».

Воевал Георгий Иванович на маленьких подводных лодках класса «Малютка» – «М-107» («Новосибирский комсомолец») и «М-119». «Малютка» – лодка легковесная, почти «игрушечная»: длина корпуса всего сорок четыре метра, толщина бортовой обшивки – восемь миллиметров, один двигатель, два торпедных аппарата. А внутри – девятнадцать человеческих жизней. Лодка эта была предназначена для прибрежных действий в умеренных широтах, никак не для боевых походов в Ледовитом океане. «Консервная банка» – так называли ее матросы. Но эти «банки» доставили немало неприятностей врагу, неоднократно топив судна противника водоизмещением 8 000 тонн.

На флоте за Сенниковым закрепилось прозвище «Студент»: и на фронте он много читал, писал, рисовал. Вот что вспоминает о встрече с Георгием Ивановичем командир подводной лодки «М-119» капитан первого ранга Колосов Константин Михайлович в предисловии к документальной повести Г.И. Сенникова «Выстрел в бухте»:

«Сенников пришел к нам на подводную лодку, когда мы уже были обстрелянными вояками, подводная лодка бывала уже в море, топила вражеские корабли, выходила благополучно из трудных положений, экипаж был сплаванный, дружный. И вот вместо нелепо погибшего, смелого, боевого штурманского электрика Васильева нам предлагают на подводную лодку какого-то мальчишку! Первый разговор о нем у меня произошел с нашим секретарем партийной организации боцманом Потапиным.

– Как, боцман, новичок? – спрашиваю.

– Ему, товарищ командир, игрушечными кораблями в луже играть, а не воевать.

– Что так?

– Уж очень он не военный какой-то.

И правда, вида военного у Сенникова не было. Круглое, смазливое лицо, детские пухлые губы, безукоризненно чистая, наглаженная, ловко подогнанная форма. Команда окрестила его «Студентом», стараясь подчеркнуть этим, что он не военный.

Но в первом же походе наш Студент показал себя очень хорошо. Несмотря на невоенную, мальчишескую внешность, оказался настоящим моряком, смелым бойцом, и сразу же общее мнение команды стало: «Наш, в решительный момент не подведет». А кличка Студент все-таки за ним осталась» [9, с. 5].

Студентом сослуживцы прозвали молодого матроса еще и за страсть к чтению, рисованию и сочинительству. В семье Сенниковых хранятся три тетради его военных и послевоенных дневников. Первый вопрос,

Сенников Г. И. Оленья губа. Холст, масло. 1986г.

Сенников Г.И. Матрос. Холст, масло. 1987

который возникает, когда держишь в руках эти тетради, как матросу вообще удавалось писать в условиях войны. Известно, что ведение дневников на фронте не поощрялось командованием. Но подводники, как и морская пехота, были элитой военно-морского флота. После благополучного возвращения из боевого похода у Георгия Ивановича была возможность читать, писать, рисовать, фотографировать на базе подводников в Полярном (под Мурманском), о чем он неоднократно упоминает в своем дневнике. Штурманский электрик «М-119» обозначает точное место и комментирует условия ведения записей во время войны на Севере. В первой тетради читаем: «Часть команды, не занятая на вахте, укладывается спать, а т.к. отсек мой аккумуляторный, жилой, то я вскоре один остаюсь среди царства сна. Я не сплю (мы на ходу подзаряжаем батарею) и произвожу замеры в обоих ямах». Георгий Иванович вел запись показаний приборов в журнале штурманского электрика и здесь же делал заметки (черновые). В крымских тетрадях он уточняет то место в лодке, где имел возможность уединиться с книгой или дневником: «В четвертом отсеке, под гирокомпасом, у меня есть уютное местечко. Там пропадаю я весь день, читая Роллана. Я не несу ходовой вахты и, если все мои приборы работают нормально, мне нечего делать». Юный матрос пошел на хитрость, чтобы вести дневниковые записи. Сохранился черновик, странички которого спрятаны между страницами журнала штурманского электрика. Многие из этого черновика Георгий Иванович переписал в чистовик. Сделано это не позднее лета 1944 – мая 1946 гг.

Великая Отечественная война для Георгия Ивановича и его поколения являлась не просто историческим знанием, зафиксированным в официальных документах, а личным опытом, автобиографическим фактом, отраженным в эго-документах. Трудно переоценить значимость для исторической науки дневников Сенникова, в которых содержится уникальная информация о гибели лодок и их триумфальных возвращениях с победой, представлены судьбы, истории и характеры матросов и командиров, истории, связанные с участием в войне антифашистов и союзников, как, например, история разведчика норвежца Оги или история любви матроса подводной лодки «С-55» Лелюхина Якова и американки Маргарет, богатая информация о фронтовых бытовых практиках и практиках чтения на войне, а также кладезь матросского юмора и анекдотов, морских традиций и суеверий. Важно, что в дневнике штурманского электрика дана не официальная версия событий, а передается то, что говорили и как понимали события ВОВ простые матросы.

Демобилизовался Георгий Иванович только в феврале 1947 г., а уже в мае этого года в трудовой книжке появляется первая запись о том, что он принят в 4-ую мужскую среднюю школу г. Барнаула учителем русского языка и литературы. В то же время Георгий Иванович поступает в Барнаульский учительский институт, который заканчивает в 1950 году. Затем был Саратовский педагогический (1950-1953 гг.). Все время учебы Георгий Иванович работал учителем, завучем в школах и школьным инспектором. Затем была аспирантура в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена, защита диссертации на тему: «Поэзия А.Н. Радищева» (1964 г.).

В 70-е - 80-е гг. Георгий Иванович возглавлял кафедру русской и зарубежной литературы Магнитогорского педагогического института, а до этого преподавал в Перми. Благодаря незаурядному педагогическому таланту всегда был любим студентами. Вот что писал о нем его ученик, доктор филологических наук, про-

фессор А.П. Власкин: «После войны минуло тридцать лет, а Георгий Иванович вовсе не сделался расслабленным ветераном, годным только на воспоминания. Ему удалось сохранить молодость души и энергичность, любознательность и дух исканий. Он оставался и просто на редкость подтянутым человеком – настоящим мужчиной. Его прямой осанке (явно военной выправки) могли позавидовать молодые парни, спортсмены. И в этой осанке как будто выражалась – да так оно и было – душевная прямота Сенникова. (...) Нас, студентов Магнитогорского пединститута 1970-х годов, Георгий Иванович мог «завести с пол-оборота». Мы с ним и факультетские газеты выпускали – сатирическую, научную, – и творческой группой вокруг него собирались, и заслушивались его, и спорили с ним до хрипоты. С ним это было можно и интересно. Это был *факультатив жизни*, где мы были людьми, а не только студентами» [1].

Великая Отечественная война стала для Георгия Ивановича Сенникова, как и для всего фронтового поколения, событием, формирующим личность. К фронтовым воспоминаниям он возвращался всю свою жизнь в беседах с близкими, в повестях, рассказах и эссе. Характерно, что за год до смерти, словно предчувствуя ее близость, Георгий Иванович снова возвратился к теме войны, как главной теме своей жизни, создав ряд картин, посвященных ей. Многие из воплощенных в этих картинах сюжетов в качестве этюдов содержатся во фронтовых дневниках. В последнюю ночь перед смертью, 22 июня 1987 г., Сенников дописал последнюю свою картину с фатальным сюжетом, на которой спасающийся с горящего судна матрос плывет прямо на глубоководную мину (См. фото 4,5,6,7,8).

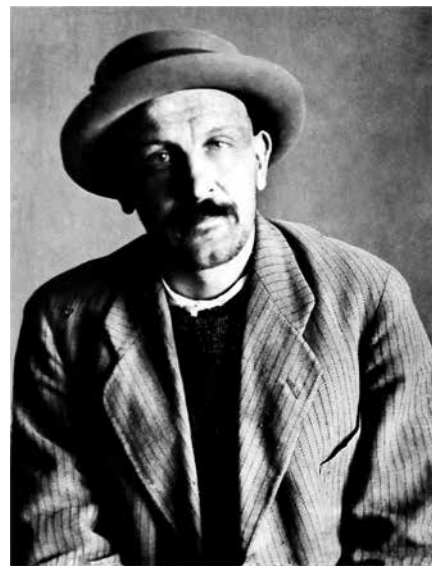
После Георгия Ивановича осталось шестеро детей, множество рисунков и картин маслом, несколько рассказов и две опубликованные повести, а самое главное, три тетради военных дневников. Дневники эти очень искренние, простые, личностные, пронизанные светлым юмором, несут отпечаток его неповторимо жизнелюбивой натуры.

Список литературы:

1. Власкин А.П. Моряк, художник и ученый (Сенников Георгий Иванович) // «Когда соединим слова и руки...»: К 70-летию МаГУ: Очерки о преподавателях и сотрудниках. Магнитогорск, 2002.
2. Документы Сенникова Г.И. – кандидата филологических наук, исследователя творчества писателя-революционера А.Н. Радищева // Государственный архив Пермского края. Фонд Р-1658. Опись № 2. URL: <http://agrarh.permkrai.ru/af/index.php?act=opis&fund=15695&opis=828234> (Дата обращения: 10. 02. 2019).
3. Катанаев Георгий Ефремович, генерал-лейтенант, историк Сибирского казачьего войска в г. Омске // Исторический архив Омской области. Фонд 366. Опись №1. URL: <http://www.iaoo.ru/af/index.php?act=fund&fund=200046507> (Дата обращения: 10. 02. 2019).
4. Катанаевы // Забвению не подлежит: книга жертв политических репрессий в 11 тт. Т.10. Омск, 2006. С. 242-244.
5. Лосунов А.М. Георгий Ефремович Катанаев: его жизнь и деятельность. Историко-биографический очерк // Очерки былого. Г.Е. Катанаев. Историко-биографический очерк / Составители: Н.С. Храпова, Н.С. Жукова, А.М. Лосунов, Л.И. Огородникова. Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2012. С.10-28.
6. Метрические книги церкви во имя пророка Ильи // Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Фонд 16. Опись 6. Дело № 888. Л. 214-215; Дело 1080. Л. 55-56.
7. Послужной список Всеволода Ефремовича Катанаева // Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Фонд 67. Опись 2. Дело 2465. Л.116-118.
8. Сенников Г.И. Возвращение // Темиртауский рабочий. 1962. 29 декабря. С.4.
9. Сенников Г.И. Выстрел в бухте. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1969. 91 с. Режим доступа: <http://submarine-at-war.ru/events/440208m119.html> (Дата обращения : 01.05.2018).
10. Фронтовые записи Сенникова Г. И. // Архив лаборатории народной культуры МГТУ. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 1. 217 с.
11. Фронтовые записи Сенникова Г. И. // Архив лаборатории народной культуры МГТУ. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 2. 158 с.
12. Фронтовые записи Сенникова Г. И. // Архив лаборатории народной культуры МГТУ. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 3. 160 с.

В.А. Жардецкий – один из политических лидеров белой Сибири

Забываемое ныне имя Валентина Александровича Жардецкого (1884–1920) в годы Гражданской войны гремело по всей Сибири. На политическом поприще блестящий омский адвокат, специалист по уголовному праву выдвинулся после Февральской революции во главе Западно-Сибирского комитета Всероссийского союза городов и Омского комитета кадетской партии. После Октября он был одним из активных сторонников выступления юнкеров 2-й Омской школы прапорщиков 1–3 ноября 1917 г., за что поплатился шестимесячным заключением в тюрьме и был освобожден в день вступления в Омск войск чехословацкого корпуса 7 июня 1918 г.

*Валентин Александрович
Жардецкий*

После падения власти большевиков в Сибири он стал одним из предводителей сибирских кадетов, редактором газеты «Сибирская речь» – фактического органа Восточного отдела ЦК кадетской партии. Блестящий оратор и публицист, В.А. Жардецкий стал идеологом правого крыла сибирских кадетов и первым из них публично выступил за военную диктатуру: в июле 1918 г. – на торгово-промышленном съезде, а в августе – на партийной конференции. К концу 1918 г. Жардецкий – товарищ председателя Восточного отдела ЦК партии и идейный вдохновитель нового политического объединения – Омского национально-го блока, объединившего государственно ориентированные общественно-политические структуры. После крушения колчаковского режима он был арестован в Красноярске, куда эвакуировался накануне падения Омска, доставлен в Омск и 7 октября 1920 г. расстрелян [1. С. 165–171; 2. С. 91–95].

Содержательные характеристики Жардецкого дали видный кадетский деятель, будущий лидер «сменовеховцев» Н.В. Устрялов и управделами колчаковского Совета министров Г.К. Гинс. Устрялов вспоминал: «В Омске я застал его фанатиком государственности, злейшим «социалистоедом», свирепым националистом, поклонником диктатуры и пламенным обожателем Колчака. Я... искренне любил его как интересного и бесспорно талантливого человека... Но в то же время... его темперамент, нервность, несдержанность, удручающее отсутствие политического такта вредили не только ему самому, но, к сожалению, и партии» [3]. Схоже оценивал Жардецкого Г.К. Гинс: «Интересный, способный и умный, но фанатичный человек, с искалеченными нервами, крайней неуравновешенностью и несдержанностью, Жардецкий был фанатиком диктатуры и Великой России. С самого момента появления в Омске адмирала он стал его горячим поклонником... Его главным недостатком была отвлеченность мышления, мешавшая ему быть реальным политиком» [4. С. 234].

Публицистика В.А. Жардецкого, к статьям которого в «Сибирской речи» было приковано внимание всей читающей Сибири, рельефно отражает идейную эволюцию кадетской партии в годы революции и Гражданской войны.

Вскоре после Февральской революции основанная в мае 1917 г. газета «Сибирская речь», в которой Жардецкий сразу стал одним из ведущих авторов, одной из первых очнулась от демократической эйфории, охватившей русских либералов после крушения монархии. Уже в мае 1917 г. он писал: «Вот уже третий месяц, как мы пытаемся околдовать, заморозить всю страну прекрасными словами, но что получается из этого, кроме одного говорения? Отечество несет на всех парусах к гибели, к экономическому и финансовому краху, ...а мы в это время, стоя на тонущем корабле, произносим свои заклинательные формулы, выносим резолюции, выкрикиваем лозунги и в этой словесной вакханалии кружимся, словно листья в ноябре» [5. 1917. 27 мая]. Его противниками становятся поборники «углубления революции» – социалистические партии во главе с эсерами.

Фактически центр сибирских кадетов в это время переместился из Томска в Омск. Во главе Омского комитета партии Жардецкий резко осудил активизировавшуюся пропаганду автономии Сибири местными «областниками», заявляя, что для нее нужны такие особенности политического и национального уклада, которыми Сибирь не обладает, поэтому «не может быть и речи о федеративном устройстве Сибири» [5. 1917. 21 мая].

Исключительно опасным он считал разложение армии. «Наш враг, – писал Жардецкий, – сумел под личиной братания и жирных поцелуев усыпить бдительность и деятельность нашей армии». Он призывал не верить демагогии, будто «немецкий пролетариат против войны», добавляя: «Немецкий пролетариат давно уже стал на точку зрения своей империалистической буржуазии и своего обожяемого монарха Вильгельма» [5. 1917. 16 июня].

Сопоставляя российских социалистов с европейскими, В.А. Жардецкий указывал, что последние искони развивались в легальных условиях, поэтому «вопросы государства, права, чувство законности были им не чужды» и в годы мировой войны среди них преобладал патриотизм. В России же «социализм родился и вырос в интеллигентском подполье. Власть гнала его нещадно». Поэтому он «развивался с душой привычного бунтовщика», лишенный «опыта государственной и общественной работы», ненависть к монархии «заслоняла для него Русское государство». Патриотизм чужд российскому социалисту, считал Жардецкий, поскольку «он – гражданин мира и занят осчастливить все человечество». Немногие из них, как Г.В. Плеханов и Б.В. Савинков, ставшие в годы войны на патриотическую позицию, выглядели, по его словам, среди своих товарищей «белыми воронами».

Развенчание социалистов резко расходилось с традиционной позицией кадетов, хотя и критиковавших их за «несбыточные утопии», но считавших союзниками в борьбе с царской властью. Статьи В.А. Жардецкого 1917 г. позволяют проследить, как доминантой в идеологии кадетов постепенно становится идея государственности. Он являлся лидером этого направления в Сибири, развивая идеи автора сборника «Вехи» П.Б. Струве.

Исследуя причины наступающей анархии в условиях демократии, Жардецкий и его единомышленники усматривали одну из них в отсутствии политической культуры: «Общество, привыкшее столетиями ютиться по перегородкам и полицейским камерам, на другой день после отмены сословных и национальных ограничений создало себе новые – партийные и социальные... Первенствующее сословие – дворянство заменено новым первенствующим сословием – рабочим классом». Отмечая свойственный левым партиям прием направлять народную агрессию в социальное русло, они проводили параллель между черносотенными еврейскими погромами до революции и развернувшейся в 1917 г. травлей «буржуев» [5. 1917. 22 августа]. Подмеченная ими тенденция подмены одного сословного строя другим после Февраля проявлялась еще лишь в действиях левых представителей Советов и шедших за ними социальных низов, но после Октября была претворена в жизнь в полном объеме большевиками в форме «диктатуры пролетариата». Однако сам факт обращения на нее внимания за несколько месяцев до переворота говорит о предвидении развития событий, чего упрямо не желали видеть ни левые партии, ни премьер Временного правительства А.Ф. Керенский.

В.А. Жардецкий первым из сибирских кадетов открыто сделал сравнения между дореволюционными и новыми порядками в пользу старых. Он прямо заявлял, что революция развалила не только армию, но и правоохранные органы, ибо старая полиция, беря взятки и чиня произвол, все-таки «худо-бедно справлялась со своими обязанностями», новая же милиция, страдая теми же пороками, совершенно не может справиться [5. 1917. 22 сентября]. Забастовку омских железнодорожников в дни войны он назвал государственной изменой, обвиняя социалистов и предводимые ими Советы, которые «6 месяцев убеждали, что законно пользоваться затруднениями государства и предъявлять во время войны вымогательские требования к правительству... 6 месяцев разжигали аппетиты и усыпляли чувство ответственности перед Россией» [5. 1917. 30 сентября]. «Сибирская речь» аттестовала социалистическую демократию как «революционную обывательщину», которая живет по принципу «на рубль амбиции, на грош амуниции» и «в момент величайшей национальной катастрофы ничего не может произвести, кроме бесконечного словоизлияния».

Ненависть левых к Жардецкому была так высока, что они сочинили по этому поводу куплеты: «О парус корабля кадетского, // Тобою правит мелкий бес, // От Милюкова до Жардецкого – // Какой разительный регресс! // От Петрункевича к лабазникам... // Внемли, читатель, и поверь: // «Сибирской речи» безобразникам «Речь» указала бы на дверь» [6. С. 190] (газета «Речь» – центральный орган кадетской партии до революции).

Предвидя приближение трагической развязки, Жардецкий публикует серию статей, связывающих его идейно-политическую платформу с русской национально-государственной традицией. «Всем нам, русским людям, – писал потомок польского повстанца, – пора сбиваться в одно... Пришла пора, – как встарь, заняться собиранием Руси. Мы слишком рассыпчаты, и вот мы погибаем, и нас берет враг даже не своими войсками, а своими подосланными к нам смутьянами и работой нашего отечественного хулигана... Мы словно стыдимся заступиться за Отечество» [5. 1917. 15 октября].

После бесславного краха Временного правительства Жардецкий писал в дни гибели российской демократии в январе 1918 г.: «Весь пройденный пепелищем путь внушает жуткую мысль: хорош был старый дом наш – Россия», и задавался вопросом: «Не забавно ли в столь прискорбных обстоятельствах твердить затверженные в марте слова: демократия, общественность, завоевания революции, свобода», когда «надо спасти самую возможность государства в России... Довольно болтовни... Может быть, государство Русское ближайших столетий будет весьма далеким от тех широких надежд, в которых мерещилось нам его будущее в марте 1917 года. Но это несравненно лучше, нежели если оно умрет совершенно. И мы можем спасти Россию только при условии, если поймем, что нам не по пути с ее врагами, с ее мстительными па-

сынками – социалистами. Пусть они – потомки Иуды Искарота – идут презренным путем своего духовного предка» [5. 1918. 21 января]. В этом отрывке знаменателен отказ от идеи парламентской демократии в России не на ближайшие даже годы, а на длительный период, возможно, столетия. Это был кардинальный поворот в мировоззрении. В конце 1917 г. с первой полосы «Сибирской речи» исчезает девиз: «Да здравствует парламентарная демократическая республика», под которым газета выходила с момента основания в мае 1917 г.

В 1918 г. В.А. Жардецкий, ранее ведущий журналист «Сибирской речи», становится ее редактором. При нем «правый уклон» газеты усиливается. В ходе дискуссии об устройстве антибольшевистской армии, развернувшейся с началом Гражданской войны и свержением советской власти в Сибири летом 1918 г., газета предупреждала о недопустимости повторения печального опыта «солдатской демократии» Временного правительства и напоминала слова кумира французского либерализма А. Ламартина: «Армия, которая рассуждает, подобна руке, которая стала бы думать» [5. 1918. 4 августа].

Уже в июле 1918 г. на торгово-промышленном съезде в Омске Жардецкий прямо заявил о необходимости «единоличной власти». Всего месяц спустя, в августе это мнение было утверждено резолюцией I Восточной конференции партии. Конференция сформулировала и отношение кадетов к разогнанному большевиками Учредительному собранию, возрождение которого в прежнем виде признала недопустимым. В статье «Пределы соглашательства» «Сибирская речь» указывала, что развал государства и армии и позорный Брестский мир подготовили «не один Ленин и Бронштейн, а и Чхеидзе с Церетели, и Керенский с Черновым» [5. 1918. 5 сентября].

Как идеолог правого крыла сибирских кадетов В.А. Жардецкий скептически смотрел на коалицию с эсерами и социал-демократами: «Принцип коалиции... оказался нежизнеспособным... Правительство, если оно желает и надеется быть работоспособным, должно быть однородным по своему составу» [5. 1918. 12 июля]. Особо его критике подверглись Сибирская областная дума в Томске, самарский Комуч, левое ядро Временного Сибирского правительства в лице Г.Б. Патушинского, В.М. Крутовского, М.Б. Шатилова, А.Е. Новоселова, и уфимская Директория. Кадетских делегатов Уфимского государственного совещания, подписавших акт об учреждении коалиционной Директории, Жардецкий назвал предателями [6. С. 151].

На I Восточной конференции кадетской партии Жардецкий говорил: «Первым членом нашего «символа веры» должна быть Россия, как государство. Идея государственности в России была самой непопулярной идеей: в народе она была непонятной, а в интеллигенции презираемой» [7. 1918. 25 августа]. Развивая мысль о главенстве национального начала над социальным, Жардецкий заимствовал идеи, изложенные еще в 1909 г. авторами сборника «Вехи». Признавая, что в то время они не были оценены по достоинству партией, «Сибирская речь» с горечью писала: «Мы много смеялись над немецким лозунгом «Германия превыше всего», а между тем немцы с этим лозунгом сумели создать сильнейшее государство... мы же со своими широчайшими утопиями обратились в мировое позорище». Пытаясь соединить органичное для кадетов западничество с национализмом, газета утверждала, что одно не противоречит другому, если брать их как сочетание двух здоровых практических начал. Говоря о моральном кризисе русской интеллигенции и призывая ее «отучиться смотреть на свою историю как на что-то исключительно мрачное», изжить неверие и пессимизм, Жардецкий провозглашал: «Спасение от них – только в национализме, который один может одухотворить и нашу полуумершую литературу» [5. 1918. 4 сентября]. Резкое возрастание националистического акцента стало общей тенденцией для кадетов. Говоря о кризисе социалистического интернационализма, они выражали надежду, что в недрах сибирской кооперации зародится «крестьянская партия, чуждая всяких социалистических утопий... и налета эсеровщины», окрыленная национальным духом и способная стать достойным партнером Партии народной свободы.

Осенью 1918 г. кадеты развернули активную деятельность по консолидации государственно ориентированных антисоветских сил и создали Омский национальный блок, в который вошли 14 организаций: политических – кадеты, Национальный союз, энесы и Союз возрождения России, небольшие группы наиболее правых представителей эсеров (группа «Воля народа» Б.В. Савинкова) и меньшевиков (основанная Г.В. Плехановым группа «Единство»), и общественных – Совет съездов торгово-промышленников, военно-промышленные и биржевые комитеты, ряд кооперативов, представители казачьих войск. Идейным вдохновителем блока был В.А. Жардецкий, организатором – Г.К. Гинс. Отделения блока были созданы в Екатеринбурге, Перми, Иркутске, Барнауле и Бийске.

9 ноября 1918 г. на территории востока России, освобожденной от большевиков, был создан Восточный отдел ЦК кадетской партии во главе с В.Н. Пепеляевым. Товарищами председателя были избраны В.А. Жардецкий и А.К. Клафтон. Рупором кадетов стала «Сибирская речь» Жардецкого.

12 ноября 1918 г. Восточный отдел кадетского ЦК по докладу В.Н. Пепеляева принял курс на диктатуру [8. С. 87]. 15–18 ноября в Омске прошла II Восточная конференция кадетской партии. Ее резолюция гласила: «Партия... не только не страшится диктатуры, но при известных обстоятельствах считает ее не-

обходимой... На Уфимском совещании государственные силы допустили ошибку, пойдя на компромисс с негосударственными и антигосударственными элементами». О собравшемся на Урале съезде членов Учредительного собрания, состоявшем в основном из эсеров, говорилось: «Партия не признает государственно-правового характера за съездом членов Учредительного собрания, и самый созыв Учредительного собрания данного состава считает вредным и недопустимым» [7. 1918. 18 ноября]. Газета Жардецкого не жалела для эсеров беспощадных эпитетов, называя их «выкидышами русской революции», «политическими гермафродитами», «мыльными пузырями» и «партией обезьяньего народа бандерлогов» (по «Маугли» Р. Киплинга).

Переворот 18 ноября 1918 г., приведший к власти А.В. Колчака, В.А. Жардецкий всей душой приветствовал, хотя непосредственно в его подготовку, в отличие от В.Н. Пепеляева, посвящен не был. С тех пор он стал одним из трубадуров диктатуры, колчаковским Бояном. «Сибирская речь» создавала адмиралу постоянную рекламу как «русскому Вашингтону», «собирателю Земли Русской» [5. 1919. 15 июня].

Более того, Н.В. Устрялов и В.А. Жардецкий развернули кампанию за усиление диктаторской власти. Впоследствии на суде по делу колчаковских министров в мае 1920 г. председатель Восточного отдела ЦК кадетов А.К. Клафтон говорил, что между ним и Жардецким были серьезные разногласия, последний многих пугал своей бескомпромиссностью [9. С. 168–169]. Будучи апологетом диктатуры, Жардецкий писал: «Теперь всем русским патриотам надлежит помнить, что у них нет иной обязанности, кроме обязанности повиноваться власти Верховного правителя адмирала Колчака» [5. 1919. 18 марта].

В своей публицистике 1919 г. В.А. Жардецкий развивал идеи великодержавного государственного строительства России: «Самоопределение мелких народностей – одно из самых нелепых проявлений русской революции... Оторванные от великой России, они будут жалки и ничтожны, они не найдут в своей среде достаточного количества культурных и технических сил, не смогут самостоятельно построить ни одной железной дороги, открыть ни одной гимназии, ни одного университета» [5. 1919. 4 июня]. «Культурой господствующей, общегосударственной для нас является непоколебимо культура русская, основоположником которой является великорусское племя, а углубителями и дальнейшими творцами – в истинном содружестве все племена России, органично влившиеся в состав российской нации» [5. 1919. 14 января].

В.А. Жардецкий и шедшее за ним крыло партии оказались правее самого Колчака. Так, в сентябре 1919 г. была издана грамота Верховного правителя о созыве Государственного земского совещания – совещательного органа при диктаторе. Еще в процессе обсуждения в «верхах» этого проекта Жардецкий подал А.В. Колчаку записку, в которой настаивал на формировании проектируемого органа исключительно из назначенных членов. Но Верховный правитель отдал предпочтение идее, воспроизводившей принцип старого Государственного совета: половина депутатов подлежала назначению Верховным правителем, вторая половина – избранию, причем расширенные нормы представительства отводились крестьянам и казакам.

«Идея демократии, – писала в связи с этим газета Жардецкого, – должна быть понимаема не в площадном смысле... Наиболее полезное и нужное для народа государственное и общественное устройство – то именно, которое соответствует данному, а не выдуманному уровню его общественного и культурного быта и политического развития... Примерка сшитой не по плечу и бестолковыми портными государственно-правовой одежды была русским народом испытана в 1917 году. Так или иначе, он эту одежду сбросил...». Не поняли этого одни эсеры, вобравшие в себя «всю оскомину русской революционной словесности» [5. 1919. 17 сентября].

В статьях В.А. Жардецкого 1919 года находят место и социально-экономические вопросы, в которых, напротив, проявляется классическая либеральная идеология. Образцом может служить статья «Индивидуализм или социализм?» [5. 1919. 21 марта]. В ней выдающийся оратор и публицист дал развернутое историческое обоснование преимуществ капитализма: «XIX век был временем могучего цветения личного начала... личной самостоятельности, был веком личного почина творчества, ответственности за себя», определил законодательно «наименьшее вторжение государства в область внутренней жизни личности» и «принес человечеству, именно вследствие торжества глубоко производительного личного начала, высшие формы солидарности... в развитии великих государств-наций». Вместе с тем, отмечал автор, развитие капитализма привело к экономической интеграции, «связанности отдельных национальных хозяйств в могучий международный оборот», дало импульс прогрессу техники, производства и росту национальных богатств.

Идеи же социализма В.А. Жардецкий аттестовал как «великий парадокс XIX века», «веру убогих», поскольку имущественное уравнивание лишает человека стимула к труду. Понятие «научный социализм» он называл лишеным смысла и иронически приравнивал к словосочетанию «мудрый идиот». Жардецкий напоминал: именно развитие капитализма породило избыток доходов государства, сделавший возможным социальную помощь неимущим; социалисты же увидели в этом «начало конца индивидуалистического общества» и стали

проповедовать уравнилельно-распределительный строй, который он назвал «раем запуганного бездельника». Автор отмечал, что мировая война породила временное вынужденное государственное регулирование экономики. Но в обстановке прогрессирующей разрухи увлечение социалистическим опытом, по мысли Жардецкого, «угрожает расколотить надолго остатки хозяйственной системы», образец чего, как он считал, дал доведенный до абсурда большевистский эксперимент «военного коммунизма». Он полагал необходимым и закономерным возврат капитализма на круги своя, предсказывая: «Человечество, как феникс из пепла, будет воздвигнуто в новой красоте силами человека, самостоятельной личности, творческой, смелой, отвечающей за себя, свободной и обеспеченной в своей свободе законом».

С другой стороны, в своей публицистике Жардецкий много внимания уделял вопросам религии, что до революции не было свойственно кадетам. Называя революцию «страшным судом над интеллигентщиной», «Сибирская речь» заявляла: «Самый простой путь для того, чтобы перебросить мост от интеллигента к крестьянину, лежит через религию» [5. 1919. 22 марта].

Надежды на церковь и религию усиливаются в переломный период лета и осени 1919 г., когда армия Колчака впервые понесла серьезные поражения. Все чаще среди кадетов звучало мнение, что влияние церкви может оказаться важнее всего остального и даже помощи Антанты, поскольку даст стимул духовному возрождению народа, возврату к «корням». Резко осуждались традиционный интеллигентский атеизм и «академическое» западничество. «Интеллигентский охлос, – писала «Сибирская речь», – не чувствует сердцем истока воды живой... В то время, как крестьянин русский и даже мусульманин поднимает знамя веры, один – святой крест, другой – полумесяц, интеллигенция предпочитает щеголять в гнилых, рваных одеждах «культуры и права»... Народ рассматривается ею сквозь старый хлам книжных доктринерских понятий... И когда крест в его мозолистой руке одолеет всю нечисть и нежить, когда история наденет на него венец победы и воскреснет Святая Русь, интеллигент пойдет в хвосте за победителем» [5. 1919. 27 сентября].

Осенью 1919 г. В.А. Жардецкий сблизился с идеологом «крестового похода» против большевиков, инициатором создания «дружин Святого креста» профессором Д.В. Болдыревым, хотя и отмечал, что сам был недостаточно воцерковлен для принятия на свою совесть его проповедей и не слишком верил в них. Иллюзий же в отношении союзников у Жардецкого не было уже с начала 1919 г., если не раньше [5. 1919. 17 января, 1 марта].

С лета 1919 г. в статьях Жардецкого появляются призывы, важные для понимания его дальнейшей эволюции. Признавая, что сила большевиков – не только в терроре, но и в умело организованной пропаганде, он призывал отвечать достойной контрпропагандой, «удесятерить, довести до максимума возможного напряжения... агитационную работу в прифронтовой полосе», привлечь к этому делу всех журналистов [5. 1919. 11 июня]. В передовой статье «Будем учиться у врагов» говорилось: «Большевики в деле пропаганды своих сумасбродных идей достигли высокого совершенства, и нам не мешает у них усердно учиться, подобно тому как великий Петр учился у шведов» [5. 1919. 26 августа]. В другой статье отмечалось: «Надо признать открыто – мы имеем дело с противником, обладающим огромной энергией и волей, с противником, доведшим идею централизации воли до своего апогея» [5. 1919. 18 июня].

Эти назревшие в исторических реалиях изменения во взглядах восточного круга кадетской партии с августа 1919 г. «ввиду крайней щекотливости и новизны темы... вполне интимно», по словам В.А. Жардецкого, обсуждались им с заместителем председателя Восточного отдела ЦК партии Н.В. Устряловым. «Для нас одинаково было ясно, – говорил впоследствии Жардецкий, – что Гражданская война, раз она не может закончиться победой той или другой стороны, должна быть прекращена, ибо ее продолжение – по выяснившейся международной обстановке – будет только на пользу внешнему миру, заинтересованному в ослаблении России, и целиком во вред России». «Надувательство» со стороны союзников привело Н.В. Устрялова к мысли о «капитуляции перед партией большевиков», которые «помимо своего желания и вопреки даже своей воле, – передавал Жардецкий рассуждения будущего идеолога сменовеховцев, изложенные им публично в 1920 г. уже в эмиграции [10], – ходом вещей при всех своих интернационалистических лозунгах делают уже и будут делать все больше русское национальное дело... Спасение же России заключается в том, чтобы сохранить свою целостность и единство – государственно физиологические моменты самого бытия России... Большевики в этом отношении вне подозрений. Они централисты... и нисколько не склонны поступаться русской, хотя бы и советской, властью над теми или другими частями России» [11. Л. 19–22].

Позиция Жардецкого в отличие от «капитуляции» Устрялова сводилась к попытке переговоров с большевиками о компромиссе. По его мысли, советской власти отдавалась «внешняя» деятельность по социальному разложению западных государств, поскольку «мир победителей осложнен социальными недугами, осложнение которых ослабит размах губительного и разрушительного для России воинствующего империализма великих держав», в обмен на уступки в экономической политике, вытекавшие из приводимых выше постулатов либерализма. «Такая схема идей, – писал Жардецкий, – предполагала внутреннее замире-

ние... и добросовестную взаимную амнистию, целую, если угодно, культуру амнистии и гражданского мира в России...».

Новая мечта Жардецкого рисовалась ему так: «Адм[ирал] Колчак и ген[ерал] Деникин, предлагающие свое оружие московскому правительству... Восточная и Добровольческая армии вместе с Красной в общей массе русской армии в походе на западную нашу границу – сметенные Польша, Латвия, Литва, Финляндия, все украинские, кубанские и кавказские самостийности. Снова Единая Россия, еще грозная перед запутавшимся в интриге миром победителей. Сбереженные сотни тысяч жизней, если не миллионы, и первое движение жизни в обмороке простертой России».

Поскольку этот «фантастический», как он сам его называл, план касался практической политики, Жардецкий попытался обсудить его с адмиралом. Однако Верховный правитель в этот период уже дистанцировался от разговоров на политические темы со своим Бояном. Лишь в начале ноября 1919 г., когда отступление приближалось к Омску и удержание фронта становилось проблематичным, Колчак принял Жардецкого, «хмуро выслушал... и резко оборвал: «Это невозможно. Это фантазии. Гражданская с ними война не может прекратиться» [11. С. 39].

В.А. Жардецкий не дожил до окончательного краха Белого движения. Трудно сказать, как сложилась бы его политическая эволюция дальше, окажись он в эмиграции, но несомненно одно: его яркое публицистическое наследие служит отражением идейной эволюции значительной части кадетской партии и русского офицерства, в части, касавшейся согласования классических принципов либерализма с великодержавным авторитаризмом, составившим основу идеологии белых, а впоследствии во многом использованной и советской властью [12]. Только В.А. Жардецкий пошел в своих рассуждениях дальше и своей партии, и своего времени.

Список источников и литературы:

1. Безродный К.Э. В.А. Жардецкий: «По чувству долга, но без радости надежд» // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты: история и современность. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Омск, 1998. С. 91–95.
2. Безродный К.Э. Новые архивные материалы к биографии В.А. Жардецкого // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. Омск, 2000. С. 165–171.
3. Устрялов Н.В. Белый Омск: дневник колчаковца [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/USTRYALOV/omsk.txt>
4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
5. Сибирская речь (Омск). 1917–1919.
6. Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток: «Свободная Россия», 1921. 216 с.
7. Заря (Омск). 1918–1919.
8. Дневник В.Н. Пепеляева // Красные зори (Иркутск). 1923. № 4. С. 75–90.
9. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. / Отв. ред. В.И. Шишкин. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 672 с.
10. Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин: «Окно», 1920.
11. Архив УФСБ России по Омской области. П-14437.
12. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция правого крыла сибирских кадетов в период революции и гражданской войны (по материалам публицистики В.А. Жардецкого) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 85–90.

**Константин Безродный
Владимир Хандорин**

«Чем путь трудней – тем выше будет честь!..» Доэмигрантский период жизни сибирской казачки поэтессы Марии Волковой (Эйхельбергер)

«Незаурядной Русской поэтессой, певцом казачьей доблести, скорби и неизбывного горя» назвал её выдающийся писатель, военачальник, генерал и донской атаман П.Н. Краснов [1, с. 96]. Действительно, имя Марии Вячеславовны Волковой (1902–1983) стоит в ряду лучших поэтов Русского Зарубежья, и в наше время редкая антология белоэмигрантской поэзии обходится без её стихов. Жизнь и творчество поэтессы неразрывно связаны с Сибирью и городом Омском, а также с Семиречьем.

Стихи Марии Волковой стали «возвращаться в Россию» в середине 90-х годов прошлого XX столетия. Они попали в антологию двухсот лучших поэтов эмиграции [2, с. 139–140, 570, 614]. Отдельные её произведения начали печатать газеты и журналы современного казачьего движения; извлекали их, главным образом, из казачьей белоэмигрантской периодики [см., напр.: 3, с. 13]. Наконец, к столетию со дня рождения поэтессы известный исследователь культурного и духовного наследия казачьей эмиграции Константин Николаевич Хохульников издал в Ростове-на-Дону, в библиотеке «Казачье зарубежье», сборник её избранных стихов под названием «Не растёт ковыль на чужбине!..» [4].

Большой вклад в поиски и популяризацию творческого наследия Марии Волковой внёс семиреченский казак Максим Николаевич Ивлев, писатель, член Союза журналистов России и представитель Союза православных граждан Казахстана в Санкт-Петербурге. В 2000 г. он опубликовал в алма-атинском литературно-художественном журнале «Простор» небольшой очерк о поэтессе и подборку её стихов под общим названием «Певца доблести, скорби и неизбывного горя» [5]. В дальнейшем этот материал переиздавался в казачьей периодике [см., напр.: 6] и на интернет-сайтах. Опубликовав в следующем, 2001-м, году в «Просторе» (№ 3) вторую подборку стихов Марии Волковой, М.Н. Ивлев сделал ещё одно великое дело: нашел и опубликовал в том же алма-атинском журнале неизвестные ранее воспоминания поэтессы, посвященные, правда, в основном эмигрантскому периоду её жизни [7]. Наконец, Максим Николаевич три года назад переиздал извлеченные им из белоэмигрантского сборника «Сибирский казак» (Вып. 1. Харбин, 1934) очерки М.В. Волковой, посвященные тем местам Императорской России, в которых она жила среди сибирских казаков: «Джаркент», «Тышкан», «Верный», «Кокчетав» [8].

Автору этих строк посчастливилось обратиться к творчеству и судьбе Марии Вячеславовны почти двадцать лет назад. Первым результатом стал газетный материал о поэтессе [9], развернутый затем в очерк, изданный в качестве приложения к мартирологу офицеров Сибирского казачьего войска «Мертвые сраму не имут...» [10]. В дальнейшем этот очерк был дважды переиздан: в Западном Казахстане [11] и в одном из роскошных сборников библиотеки альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Последняя публикация была богато проиллюстрирована фотографиями из семейного архива Алексея Владимировича Лобакова (Санкт-Петербург) [12]. Серьезным недостатком исследований 1990-х – 2000-х гг. являлось незнание авторами доэмигрантской биографии поэтессы. Даже не было точно известно, в каком городе она родилась: в Усть-Каменогорске или Джаркенте. Лишь десятилетие назад удалось восстановить основные вехи жизни Марии Волковой в России [13], а также более подробно изучить обстоятельства её участия в Великом Сибирском Ледяном походе белых армий [14].

Последние годы творчеством М.В. Волковой плодотворно занимается исследовательница из г. Усть-Каменогорска (Восточный Казахстан) Ольга Михайловна Тарлыкова – сотрудница областного историко-краеведческого музея. В частности, ей удалось обнаружить метрическую запись о рождении поэтессы [15, л. 22–23], а также мемуары двоюродной сестры Марии Волковой Лидии Александровны Титовой (урожденной Панкратовой); их матери были родными сестрами. Воспоминания Л.А. Титовой, написанные в 1984–1987 гг., сохранились в семейном архиве В.Г. Толстой.

Начав с очерка в «Сибирских огнях» [16], Ольга Михайловна затем выпустила в устькаменогорском издательстве «Медиа-Альянс» книгу о Марии Волковой (правда, тиражом всего 50 экз.) [17] и в том же 2016-м году осуществила её исправленное и проиллюстрированное переиздание. Исследовательской квинтэссенцией «волковской темы» О.М. Тарлыковой стал её прошлогодний очерк в не раз упомянутом алма-атинском журнале «Простор» [18].

*Поэтесса Мария Волкова.
Литва, конец 1920-х – начало
1930-х гг.*

Теперь, после почти двадцати лет поисков и находок, доэмигрантский период жизни поэтессы можно реконструировать более полно.

Мария Вячеславовна Волкова родилась 2 (15) октября 1902 г. в г. Усть-Каменогорске Семипалатинской области Степного генерал-губернаторства. Городок этот являлся центром одноименного уезда, граничившего с Китаем, а также местом расположения Управления 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска. Степное генерал-губернаторство тогда называли «Степной Сибирью». И отец будущей поэтессы – сотник 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка Вячеслав Иванович Волков, и его законная жена Анна Сергеевна – оба были людьми православного вероисповедания. Крестили новорожденную в Троицкой церкви г. Усть-Каменогорска. Таинство крещения совершили протоиерей Александр Сосунов и псаломщик Евгений Пушкарев, а восприемниками в метрической книге храма значились хорунжий Леонид Иванович Волков (младший брат сотника В.И. Волкова) и полковница Елена Сергеевна Шайтанова [18, с. 139]. Елена Сергеевна была супругой полковника Евгения Дмитриевича Шайтанова, командовавшего в 1891–1903 гг. 1-м Сибирским казачьим Ермака Тимофеева полком [19, с. 50–51].

Семья, в которой родилась Мария, была чисто казачьей: сибирско-уральской, – и притом, по местным меркам, достаточно знатной. И по отцовской, и по материнской линии в родне были казачьи генералы, офицеры, чиновники.

История офицерского рода Волковых, к сожалению, пока подробно не изучена. Историк Сибирского казачьего войска генерал Г.Е. Катанаев полагал, что Волковы вели свое начало от одного из казаков дружины Ермака [20, с. 13–14]. Прадедом поэтессы по отцу был чиновник Григорий Петрович Волков (?–1892), видимо, младший брат генерал-лейтенанта Николая Петровича Волкова (1805–1882). Дед Марии есаул Иван Григорьевич Волков, как и его супруга – бабушка по отцу, умерли рано, и к 23 июня 1892 г. три их сына: Михаил (1873–?), Вячеслав (1877–1920) и Леонид (1883–?), – были сиротами. Опекуном мальчиков сначала являлся их дед Григорий Петрович Волков, а после его смерти – тётя, родная сестра отца: Анна Григорьевна Литвинова, проживавшая в собственном доме в Казачьем форштадте Омска [21, л. 83].

Вячеслав Иванович Волков родился 15 сентября 1877 г. (здесь и далее даты по старому стилю) в станице Омской (Казачий форштадт) [22, л. 1]. Когда в 1911 г. Омскую станицу упразднили и слили с городом, Вячеслав и его братья переписались в пригородную станицу Атаманскую, вновь образованную частью казаков-омичей, ранее переселившихся из Казачьего форштадта на свой юртовый надел в районе железнодорожной станции Омск. Волковы стали считаться казаками Атаманской станицы [23, л. 1об.], но в реальности проживали там, где служили. В Омске из троих прочно обосновался лишь старший Михаил, вынужденный по состоянию здоровья отказаться от офицерской карьеры и стать чиновником. Он к 1916 г. был в чине коллежского регистратора и с 4 декабря 1915 г. исполнял должность помощника бухгалтера Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска [23, л. 1, 2–2об.].

Вячеслав Волков окончил Сибирский кадетский корпус в Омске (1895) и Александровское военное училище в Москве (1897) [22, л. 1об.]. Большая часть его службы прошла в Семиречье в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку. Бывший полковой командир ермаковцев П.Н. Краснов, за время совместной службы хорошо узнавший В.И. Волкова, охарактеризовал его как истинного патриота России и казачества, как «рыцаря без страха и упрека, образцового командира сотни, всегда выдающегося», который «нигде и никогда не погрешил против совести и присяги» [1, с. 96–97].

Мама поэтессы Анна Сергеевна была из не менее знатного, но куда более изученного уральского дворянского казачьего рода Толстовых. Дедушка Сергей Евлампиевич Толстов (1849–1921) родился в офицерской семье в поселке Тополинском станицы Орловской Уральского войска. Его супруга Мария Павловна, бабушка Марии Волковой по матери, также была из уральцев: дочерью войскового старшины Сычугова. В последующем С.Е. Толстов приписался с семейством к станице Гурьевской. Вершиной его служебной карьеры стал пост войскового

Генерального штаба полковник Алексей Сергеевич Толстов (1875–1942) с супругой Екатериной Мариановной (урожденной Петржииковской, умерла в 1922 г.). Второй раз женился в 1926 г. на вдове брата Михаила Татьяне Львовне. В этом браке родилась дочь Екатерина, вышедшая замуж за Владимира Лобакова; это родители Алексея Владимировича Лобакова, хранителя семейного архива Толстовых. Алексей Сергеевич умер в блокадном Ленинграде.

Самый знаменитый из Толстовых – генерал-лейтенант Владимир Сергеевич Толстов (1884–1956), последний войсковой атаман Уральского казачьего войска.

наказного атамана Терского казачьего войска и военного губернатора Терской области. Выйдя в 1905 г. в отставку с чином генерала от кавалерии, Сергей Евлампиевич поселился в Петербурге. Он был известен как автор идей защиты русской госграницы сплошной линией казачьих земель и создания нового, двенадцатого по счету, Тихоокеанского казачьего войска. После революции заслуженный генерал вернулся в родное войско. Во время разгрома Уральской армии красными Сергей Евлампиевич отказался отступать за границу, сказав: «Пусть лучше мои кости зароят здесь, на Родине». Плененный генерал С.Е. Толстов был увезен в Москву, а оттуда – в концлагерь на Северной Двине, где его и расстреляли. Мария Павловна Толстова умерла в 1921 г. в Баку.

У С.Е. и М.П. Толстовых было семеро детей: Алексей (1875–1942, полковник Генштаба, умер в блокадном Ленинграде), Павел (1878–1916 полковник гвардии, умер, простудившись на фронте), Мария (1880–1904), Анна, Владимир (1884–1956), Лидия (1886 г.р.) и Михаил (1889–1920, инвалид I мировой войны, расстрелян красными). Из всех детей наиболее прославился Владимир Сергеевич Толстов (дядя Марии Волковой), герой Германской войны (награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.), ставший генерал-лейтенантом и последним войсковым атаманом уральцев. Именно он увел остатки войска, буквально горсть людей, в Иран, затем на Дальний Восток, в Китай и, на-

конец, в Австралию, где (в Брисбене) и окончил свой земной путь.

Анна Сергеевна Толстова родилась 24 декабря 1881 г. в г. Уральске [24]. С юным хорунжим Вячеславом Волковым она познакомилась в Семиречье, где ее отец Сергей Евлампиевич командовал в 1895–1899 гг. Отдельной Западно-Сибирской казачьей бригадой (в составе 1-го, 2-го, 3-го Сибирских и 1-го Семиреченского казачьих полков), будучи одновременно и начальником Джаркентского гарнизона.

Мария Волкова была единственным ребенком в семье. Маму свою она запомнила доброй, сердечной, как будто излучающей тепло, оставив в стихотворении «Мать» («Голос») такие строки: «Ощущенье сладкого покоя, / Безопасности и теплоты / Каждый раз овладевало мною, / Если надо мной склонялась ты. / [...] / Слов твоих давно уже не помню, / Но твой голос все звучит, звучит, / И от милых глаз твоих светло мне / В самой темной горестной ночи!»

«Если в моей любви к маме преобладала нежность, – признавалась поэтесса, – то в любви к отцу было преклонение и обожание. Он представлялся мне идеальным воплощением всего истинно русского. Влиянию его на меня не было границ. Вера в Бога, любовь к родине и преданность казачеству, – вот оставленное им мне духовное наследство» [7, с. 111]. Она писала в стихотворении «Казак – отцу»: «...Ты вырос среди акмолинских степей, / У сумрачных вод Иртыша, / И к воле привыкнув, не знала цепей / Твоя огневая душа. / Товарищи... кони... походы... война... / Скитанья с младенческих лет... / И песни родные за чарой вина, / Которых прекраснее нет».

Вспоминая фронтовые письма отца, Мария Волкова отмечала, что в них никогда не было рисовки или пессимизма, а «была нравственная подтянутость и постоянная готовность к смотру Всевышнего» [25, с. 269].

Духовному сближению с отцом поспособствовала тяжелая болезнь, перенесенная Марией Волковой в детстве. Врачи предрекали молодым родителям смерть ребенка. Тогда, у своей постели, больная Маруся (так звали ее домашние) впервые увидела на глазах отца, человека «выдержанного, всегда владевшего собой», слезы. По признанию поэтессы, «отсюда выросла и разрослась большая обоюдная любовь». Отец относился к дочери как к другу, во время войны присылал ей отдельные письма [7, с. 111, 112]. В отличие от родных сыновей генерала С.Е. Толстова, письмами домашних не баловавших, Вячеслав Иванович писал с фронта часто: как минимум два раза в неделю, а временами и ежедневно. Причем находил время для писем даже в боевой обстановке. К концу войны и у Анны Сергеевны, и у Маруси образовались «объемистые связки писем», в дальнейшем, к сожалению, утраченные. У будущей поэтессы была «непрерывная и оживленная переписка» с отцом. «И это не были, – по ее воспоминаниям, – наставительные письма отца или чуть-чуть снисходительные строки взрослого человека подростку, – нет, это был вполне дружеский обмен мыслями и впечатлениями» [25, с. 268–269].

Поэтический дар, вероятно, передался Марии Волковой от отца, кото-рый сам писал лирические стихи. О его большом литературном таланте говорили и фронтовые письма, представлявшие собой «законченные литературные произведения» [25, с. 268], в которых все «жило, дышало, переливалось», и собственные отцовские сказки, которые он сочинял и рассказывал вечерами маленькой дочке; став взрослой, она не найдет их среди сказок ни одного народа. В стихотворении «Поэт» Мария Волкова назовет их «чародейной речью»: «Помню, знаю, что выдумки были – чудо / От начала и до конца. / И откуда брались они только, откуда / У отца?»

Пока нельзя сказать, посещала ли будущая поэтесса Сибирь до 1916 г. Но даже если и бывала, это не отложилось в её сознании. Детские яркие воспоминания ее связаны с Семиречьем, особенно с Джаркентом, Тышканским лагерем и г. Верным, в котором она пережила землетрясение 1910 г. и начало I мировой войны: «Беспечальные детства года / Промелькнули под сенью Тянь-Шаня. / Этих лет никогда, никогда. / Злая жизнь не могла затуманить» (стих. «Дороги»).

Мама Анна Сергеевна, не переносившая долгой разлуки с родителями, «по меньшей мере, раз в два года непременно отправлялась с Китайской границы в Петербург их навещать» и, наверное, брала дочь с собой. Очевидно, довольно долго должны были прожить Волковы в столице в 1912–1913 гг., когда Вячеслав Иванович учился в Офицерской кавалерийской школе. Тем не менее, «удивительный северный Город» запал в душу Маруси позже, когда с началом в 1914 г. мировой войны они с мамой «навсегда покинули туркестанскую глушь» и перебрались в «фамильный центр» Толстых, к дедушке с бабушкой, где и прожили до 1917 г.: «Петербург, град Петров, Петроград – / Сплав тумана, воды и гранита – / Сколько боли, волнений, утрат / И безумья в тебе пережито!» (стих. «Дороги»). Впрочем, перед Петербургом Анна Сергеевна с дочкой заехали еще на Кавказ, где – в Тифлисе – у них было прощальное свидание с Вячеславом Ивановичем, которого вместе с остальными ермаковцами вот-вот должны были бросить в бой [25, с. 270].

С 1-м Сибирским казачьим Ермака Тимофеева полком, в качестве ко-мандира 4-й сотни, есаул В.И. Волков уходит на Кавказский фронт. И сразу же отличается в боях у г. Ардагана и деревни Еникей. В первом 4-я сотня ермаковцев порубила турецкую роту и захватила знамя 8-го Константинопольского пехотного полка, во втором – под сильным огнем атаковала и изрубила турецких пехотинцев, взяв два действовавших пулемета. В один день, 7 января 1916 г., Вячеслав Иванович был удостоен за первый бой ордена Св. Георгия 4-й ст., за второй – Георгиевского оружия. Мария Волкова вспоминала: «...разлука с отцом меня потрясла, и страх потерять его переполнил всю мою жизнь», «мы гордились им и дрожали за него...» [7, с. 111].

«Фамильный центр», т.е. квартира С.Е. и М.П. Толстых, была на Измайловском проспекте, недалеко от Варшавского вокзала, и не было дня, чтобы мимо окон их дома не проходила одна или несколько похоронных процессий; на вокзале встречали прибывавшие с фронта тела тех, кто «положил жизнь свою за Родину». Младший, и самый любимый, сын Толстых Михаил сразу же, в одном из первых боев в Австро-Венгрии, был тяжело искалечен. 24 августа 1914 г. у местечка Мажарова под Перемышлем его тяжело ранило шрапнелью в левую височную область (через глазницу и нос), в результате он лишился левого глаза и долго лечился в госпитале [24]. «Дед мой, отставной генерал-уралец, – вспоминала М. Волкова, – всеми мыслями своими был вместе с сыновьями, но отцовскую боль переносил стойко, как посланное Богом испытание. Бабушка же часто плакала. Вся жизнь стариков была непрерывною мукой, постоянным ожиданием вести о “самом страшном”» [25, с. 268].

Анна Сергеевна также «переживала общее и свое горе необычайно глубоко, волновалась за мужа, за братьев». Она устроилась волонтеркой в лазарет для раненых, «и, казалось, вся пропитана была страданием, которое ей приходилось видеть и осознать». В такой домашней обстановке, напоминавшей «в своем роде маленький монастырь», «как-то стыдно было чему-нибудь радоваться, думать о развлечениях, веселиться»: «Словно траур надела на себя до времени ставшая взрослою душа» [25, с. 267].

В конце октября 1915 г. есаул В.И. Волков тяжело заболел (острым нефритом [26]), сказались многие месяцы на пронизывающих горных ветрах. Положение было настолько серьезным, что к нему в госпиталь уже начали приезжать казаки 4-й сотни – «просить прощения» у сотенного за совершенные когда-то проступки; станичники думали, что их командир – уже не жилец. Анна Сергеевна срочно поехала в Тифлис, где лежал в госпитале муж. Маруся осталась в Петербурге, нельзя было бросать занятия в гимназии. Кризис миновал, Вячеслав Иванович пошел на поправку, но болезнь выбила его из строя на многие месяцы. В письмах дочери он досадовал, что не смог участвовать в Эрзерумской операции начала 1916 года, в которой ермаковцы пережили «столько красивых моментов победы и торжества». Но весной В.И. Волков снова был в строю, уже в качестве помощника командира 1-го Сибирского казачьего Ер-

Семья Волковых: Анна Сергеевна, Вячеслав Иванович, Маруся. Петроград, сентябрь 1916 г.

*В «фамильном центре» Толстых. Петербург, январь 1917 г.
Слева направо: Екатерина Мариановна Толстова (Петржиковская),
Вячеслав Иванович Волков, Мария Вячеславовна Волкова,
Ольга Алексеевна Толстова (1903–1978), супруги Татьяна Львовна
и Михаил Сергеевич Толстовы*

мака Тимофеева полка. Его заслуги на этом посту были отмечены союзнической французской Военной медалью (Médaille militaire), на всем Кавказском фронте ею были награждены только пять человек [25, с. 273].

В 1916 г. Вячеслав Иванович, надеявшийся получить в середине лета месячный отпуск, попросил жену и дочь приехать в г. Кокчетав, центр 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска. Вероятно, он хотел показать семье сопки, боры и озера «Кокчетавской Швейцарии». Затем предполагалось поехать в Омск, а оттуда – совершить «чудную поездку на пароходе по Иртышу». Согласно желанию мужа и отца, Анна Сергеевна и Маруся не поехали, как обыкновенно, на дачу под Петроградом, а отправились через Петропавловск в Кокчетав

(тогда оба города относились к «Степной Сибири»). Именно тогда будущая поэтесса впервые тесно соприкоснулась с Сибирью и ее природой, проведя в Кокчетаве в ожидании отца значительную часть лета 1916 г. 1-й Сибирский казачий полк, однако, почти все лето был в боях. Вячеслав Иванович смог приехать в Кокчетав лишь в конце августа, после установления на Кавказском фронте затишья и отвода его полка на отдых. Тогда поездка в Омск и по Иртышу была уже невозможно, Маруся и так опоздала к началу нового учебного года в гимназии. Воссоединившейся на время семье пришлось срочно уезжать в Петроград.

Второй раз В.И. Волков, уже войсковой старшина, приезжал к семье в Петроград в январе 1917 г., когда вместе с полковой депутацией ездил представляться императору Николаю II в Царское Село.

Турецкие пули отца пощадили. Но грянула беда куда горшая, нежели война внешняя. Началась революция. 3 декабря 1917 г. войсковой старшина В.И. Волков вступил во временное командование 7-м Сибирским казачьим полком [27, л. 25], с которым и вернулся в войско. После демобилизации включился в подпольную работу против Советской власти. В мае 1918 г. возглавил тайную военную организацию в Петропавловске (здесь и далее даты по новому стилю). Вместе с чехами поднял в ночь на 31 мая восстание. Захватив власть, стал начальником Петропавловского (Акмолинского) военного района и командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. 10 июля 1918 г. В.И. Волков принял под начало бригаду Сибирской казачьей дивизии. За боевую операцию по ликвидации крупного красного отряда П.Ф. Сухова на Алтае его произвели в чин полковника (17.09.1918). Осенью 1918 г. Вячеслав Иванович, не скрывавший своих взглядов (монархист, сторонник военной диктатуры), был заметной политической фигурой Омска и сыграл важную роль в борьбе за власть. Именно он в качестве исполняющего обязанности начальника Омского гарнизона и уполномоченного командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественной безопасности в Акмолинской области (с 08.09.1918) произвел 21 сентября аресты левой, социалистической части Временного Сибирского правительства. Именно он в качестве временно командующего Сибирской казачьей дивизией (с 03.10.1918) и старшего товарища для войсковых старшин И.Н. Красильникова и А.В. Катанаева, арестовав в ночь на 18 ноября левое крыло Директории, произвел военный переворот в Омске, приведший к установлению «конституционной диктатуры» адмирала А.В. Колчака. «За выдающиеся боевые отличия» его произвели в чин генерал-майора (19.11.1918).

Волков пользовался доверием Колчака, который стал бросать его на самые ответственные участки фронта и тыла. 1 декабря 1918 г. последовало назначение Вячеслава Ивановича командующим войсками 4-го и 5-го корпусных районов (со штабом в Иркутске) с задачей привести в повиновение Верховному Правителю атамана Г.М. Семенова. Однако после вмешательства в «Читинский инцидент» японских интервентов Волков, лишенный возможности применить против семеновцев оружие, был вынужден ограничиться переформированием 4-го корпусного района в Средне-Сибирский (Иркутский) военный округ, которым он и командовал до 17 февраля 1919 г. После возвращения в Омск Вячеслав Иванович был назначен командиром Сводно-казачьего корпуса (18.03.1919), с которым в конце мая 1919 г. выступил на фронт – в

район Уфы. 28 июня 1919 г. В.И. Волков принял под свое командование Конную группу 2-й колчаковской армии.

Анна Сергеевна с Марией в 1917 г. уехали из Петрограда к родственникам: сначала на Украину, потом – в Тамбовскую губернию. Отсюда строки в стихотворении «Дороги»: «...Побрела по дорогам случайным. / То мечтала над тихою Цной, / То дышала простором Украйны» (Цна – река в Тамбовской губернии). И только после этого «промежуточного пребывания у родственников» Анна Сергеевна с дочерью «с большими трудностями пробрались в Сибирь к отцу». Неизвестно, когда точно это произошло. Во всяком случае, к колчаковскому перевороту они, судя по косвенным признакам в произведениях поэтессы, были уже в Омске. «И судьба, наш слепой пово-дырь, – писала Мария Волкова в «Дорогах», – Завела меня вновь ненадолго / В обгавленную кровью Сибирь, / В стан защитников чести и долга». В 1918–1919 гг. Маруся жила с родителями в Омске, Иркутске, снова в Омске, в Петропавловске.

Смута – это время, когда люди торопятся жить. Их чувства обострены страданиями. Они боятся не успеть и потому ловят каждое мгновение, каждую дольку отпущенного свыше счастья. Когда Мария полюбила, то отдалась этому чувству без остатка. Ее замужество «было очень раннее».

В ближайшем окружении отца был сотник А.А. Эйхельбергер (1891–1972). Полное его имя-отчество: Александр-Гвидон Эмилиевич-Александрович. Жажда подвига заставила лютеранина, сына пастора из Сувалкской губернии (Литва), перевестись из опостылевшего обозного батальона в кавалерию: в 7-й Сибирский казачий полк. В.И. Волков, приняв полк, обратил внимание на этого «образцового офицера» и в Сибири назначил его своим личным адъютантом. А.А. Эйхельбергер приписался к сибирскому казачеству: в общество станицы Петропавловской. Его казакофильство было, пожалуй, искренним, т.к. даже в эмиграции в Литве, несмотря на оторванность от центров Русского Зарубежья, он принимал посильное, заочное, участие в казачьих белоэмигрантских организациях, хотя абсолютно никаких выгод это не сулило [см.: 14, с. 317–319].

Маруся и Александр полюбили друг друга, разница в одиннадцать лет помехой не стала. Отец, несмотря на то, что ценил Эйхельбергера, был против этого союза. «У него были насчет меня другие планы, – вспоминала поэтесса, – он верил в лучшее будущее. Мама не верила. Она предчувствовала крушение и с ужасом думала, что её Маруся скоро останется совсем одна. С полным доверием она благословила будущего защитника будущей сироты... Свою преданность моему отцу он [А.А. Эйхельбергер] несколько раз на деле доказал, а мне был потом верным спутником всю свою жизнь до конца» [7, с. 112–113]. Легко понять, почему генерал сначала был против замужества. Дочь – единственный ребенок в семье. И ей только-только исполнилось шестнадцать...

Согласно метрической записи, обнаруженной известным иркутским исследователем, доктором исторических наук П.А. Новиковым, дочь командующего войсками Иркутского военного округа Мария Вячеславовна Волкова, девица 16-ти лет, и полковой адъютант 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева

Мария Вячеславовна с мужем Александром Александровичем Эйхельбергером и сыном Аликом (Александром, 1924 г.р.). Литва.

полка подъесаул Александр Александрович Эйхельбергер 27 лет обвенчались 27 (14) января 1919 г. в Михайло-Архангельской церкви г. Иркутска, в том самом храме, в котором венчался в свое время А.В. Колчак. Обвенчал их протоиерей Николай Пономарев. Поручителями по жениху выступили сотник Борис Владимирович Майоров и прапорщик Николай Петрович Мазаев, по невесте – войсковой старшина Александр Николаевич Козлов и полковник Ефим Георгиевич Сычев [28].

В Иркутске молодожены обосновались очень прилично: сняли частную квартиру, очень уютно обставив её собственной мебелью [18, с. 146] (в этом им, вероятно, помогли родители). Но тихое семейное счастье Маруси и Алика, так звали их домашние, оказалось совершенно непродолжительным. Когда генерал В.И. Волков приступил к формированию Сводно-казачьего корпуса, Анна Сергеевна и Маруся вместе с мужьями переехали в Омск, а потом вслед за ними отправились и на фронт. Они находились при тыловых службах сначала Сводно-казачьего корпуса, затем Конной группы 2-й армии, соединений, которыми командовал В.И. Волков. Жёны переезжали с квартиры на квартиру, из деревни в деревню, по мере движения линии фронта. Пребывать в прифронтовой полосе, конечно, было опасно. Так, 2 июля 1919 г. на перегоне между станциями Михайловский завод

и Нижне-Сергинский завод в результате диверсии потерпел крушение эшелон штаба Сводно-казачьего корпуса, погибло 16 человек, 44 было ранено [29, л. 96]. В числе погибших оказались капитан Евгений Сергеевич Кира-Донжан, его жена Лидия Фердинандовна 23-х лет, супруга гвардии капитана баронесса Елена Петровна Деллинггаузен 21-го года со своим двухлетним сыном Алексеем [29, л. 98, 93] и др. По воспоминаниям Л.А. Титовой, «семья тети Нюси и дяди Вячи», так она называла свою тетю Анну Сергеевну и её супруга генерала Волкова, в том крушении не пострадала [18, с. 146]. Однако Волковы продолжали упорно стремиться быть поближе друг к другу. Ведь жизнь в переполненных беженцами сибирских городах была дорога, да и, учитывая городские восстания и теракты подпольщиков, не на много безопаснее.

Судя по выписанным удостоверениям от 26 августа 1919 г., В.И. Волков планировал заранее эвакуировать жену и дочь, вместе с другими семьями офицеров и чиновников Конной группы, в один из городов Сибирской магистрали: от Иркутска до Владивостока, – а еще лучше – в Харбин [30, л. 144, 140–142]. Почему это не удалось выполнить, не известно. Может, не достали нужного числа вагонов. Может, решили, что в период развала офицерским семьям надежнее быть под защитой своих войсковых частей. Так или иначе, но Великий Си-бирский Ледяной поход жена и дочь генерала В.И. Волкова начали в обозе его Конной группы.

20 ноября 1919 г. Волков был назначен командиром Сибирской казачьей группы, в которую (в районе Новониколаевска) планировали собрать остатки всех частей Сибирского казачьего войска. Но сколотить новую боевую группу генералу не пришлось. Обстановка потребовала отступить далее на восток. В начале 1920 г. перед Красноярском сибирские казаки попали в окружение. Прорвалась только бригада полковника Ф.Л. Глебова, а также отдельные подразделения, группы и одиночные люди.

При хаотическом обходе Красноярска В.И. Волков оторвался от бригады Ф.Л. Глебова и следовал походным порядком с группой в 30–40 человек, состоявшей из офицеров штаба группы, их вестовых казаков, жен и детей. Для этого маленького отряда, частью тифозного, переобремененного больными и семьями (6 женщин, 4 ребенка), зимний поход был слишком труден. На станции Алзатай удалось договориться с интервентами и сесть в румынский эшелон. Но ехать по железной дороге пришлось только дней десять. Румыны следовали по Транссибу в арьергарде Чехословацкого корпуса. С 25 января по 6 февраля 1920 г. они были вынуждены отбиваться от наседавших передовых частей 5-й советской армии, а также взрывать мосты, водоканалы, здания станций, только чтобы задержать красных преследователей. Готовясь к бою, румыны предложили В.И. Волкову оставить эшелон и продолжить движение на лошадях. Повод избавиться от русских был уважительный, но он обрекал группу Волкова на гибель. Догнать каппелевцев, начавших 11 февраля переходить Байкал, по партизанскому району (!) шансов не было.

В.И. Волков двинулся по тракту, шедшему вдоль железной дороги. Но 10 февраля 1920 г. в районе разъезда Китой, в 60 км западнее г. Иркутска, был окружен 15-м Советским стрелковым полком Восточно-Сибирской советской армии (это был бывший 54-й Сибирский стрелковый полк колчаковской армии, переметнувшийся на сторону повстанцев). Выхода не было. Обессиленный отряд сдался. Доблестный генерал В.И. Волков, чтобы не оказаться в плену, на глазах жены и дочери выстрелом из револьвера покончил счеты с жизнью. Тело его осталось в лесу. Мария Волкова вспоминала в стихотворении «Казачу – отцу»: «Могу ли забыть твой ужасный удел, / Страданий немых ореол? / Надежды разбились, весь мир опустел, / Ты сдаться на милость врага не хотел! / И гордо из жизни ушел. // И свой одинокий последний приют / Нашел ты в тайге вековой. / Там звери надгробные песни поют, / И древние сосны твой сон стерегут, / Мой бедный отец и герой!...»

Через два дня после трагедии пленников, взятых у Китоя, доставили в Иркутск: в губернскую тюрьму. В камеру № 5 посадили Марию Вячеславовну Эйхельбергер, ее маму Анну Сергеевну Волкову, младшую сестру мамы Лидию Сергеевну Панкратову и трех ее детей: двух дочерей и сына Анатолия [см.: 14, с. 305–309]. Седьмым заключенным в камере оказалась А.В. Тимирева (1893–1975), возлюбленная Верховного Правителя А.В. Колчака!.. Впрочем, Анна Васильевна была не в себе: практически не общалась, во время вечерней поверки не отзывалась на свое имя, а когда сын тети Анатолий неосторожно упомянул об адмирале, устроила истерику [31, с. 43–45].

Как-то во время кухонного дежурства старшая надзирательница рассказала Марии Вячеславовне о поведении Тимиревой после казни Колчака. Ее ежедневно допрашивал председатель Иркутской губчека С.Г. Чудновский, очень малорослый и невзрачный еврей. Тимирева не отвечала, требуя свидания с Александром Васильевичем. Чудновский, возьми, и скажи ей: «Ну, будет комедию ломать! Ваш адмирал расстрелян!» Тимирева как тигрица кинулась на него, стала душить, словно обезумела. Начальнику тюрьмы и его помощнику едва удалось разнять ее руки, Чудновский уже хрипел. Больше предгубчека к ней не являлся. Предпринимала Анна Васильевна и попытку покончить жизнь самоубийством. По ее просьбе иркутские друзья передали ей в булке пузырек с цианистым калием. Тимирева приняла яд, но... проснулась. Тюремный врач объяснил, что надо знать дозу. Если принять меньше или больше, яд не подействует [31, с. 45].

Мария Волкова – творческая зрелость.

Вскоре женщин и детей освободили. «В тюрьме мы пробыли недолго, – вспоминала поэтесса. – Нас не ликвидировали, а выпустили по приказу председателя Сибревкома, ревизовавшего тюрьму – товарища, видимо, принадлежавшего к вымирающему типу идеалистов» [7, с. 113].

Анна Сергеевна, благодаря своим старым, конца 1918 – начала 1919 гг., связям, нашла пристанище – «маленькую жалкую избенку» в предместье Иркутска (на Князе-Владимирской улице [18, с. 149]). Но дни самой ее уже были сочтены. Оказалось, в тюрьме ее заразили сыпным тифом. «Она была слишком измучена, чтобы перенести еще и это». Анна Сергеевна умерла. Маруся осталась с тетей и ее детьми. Население избушки впало в апатию. Голодали, дрожали от холода и ждали конца. Тифом переболели все, но выжили...

Рядовых казаков, взятых в плен, освободили быстро, распределив по воинским частям и учреждениям. Офицеров же, в лучшем случае, держали в тюрьме месяцами. И далеко не всем из них посчастливилось выйти на свободу. Так, умер в заключении муж тети полковник Александр Петрович Панкратов, бывший интендант Сводно-казачьего корпуса и Конной группы.

Жизнь мужа есаула А.А. Эйхельбергера была под угрозой. Его надо было как-то вытаскивать из тюрьмы. Начались хождения Марии Вячеславовны по инстанциям. Ей повезло. Дело Александра попало в ведение молоденького следователя, добродушного русского парня, которого впоследствии за мягкое отношение к заключенным расстреляли. Он не избегал общения с родственниками подследственных, увидев Марию, фактически девочку, пожалел ее и освободил мужа. Попади дело к другому чекисту, и финал, скорее всего, был бы иным. Особенно если оно оказалось бы в ведении «страшного следователя-латыша, известного своей жестокостью» [7, с. 113].

В те дни, когда Мария Вячеславовна, после тифа, шатаясь от слабости и истощения, с «мраком и тихим отчаянием» на душе, обивала чекистские пороги, очень ей помог бывший вестовой мужа Абудзяров, сибирский казак из татар. Он также был пленен у Китоя, но теперь, после освобождения, служил санитаром в военном госпитале. Увидев жену командира, он отдал ей свой сахар, причем «уверял, что всегда пьет чай без сахара, так что весь паек у него остается и совсем-совсем ему не нужен». Потом принес буханку хлеба. Ну, а когда А.А. Эйхельбергера, наконец, освободили, бывший вестовой стал проводить у него все свои увольнительные, принося столь дефицитные в то время нитки, мыло, сахар [32, с. 279–280].

Из Иркутска надо было, как можно быстрее, выбираться. Ведь чекисты могли и передумать. Да и жизнь в городе была «серая, печальная, полуголодная». Александр окончил ускоренные курсы народных учителей, и Эйхельбергеры осенью 1920 г. уехали в сибирскую глушь – в бурятский поселок Верхний Хамхар (Нукутский район). Тетя Лидия Сергеевна с детьми смогла устроиться в соседнем улусе. В феврале 1921 г. юная Маруся родила своего первенца – дочь Асеньку.

В Верхнем Хамхаре А.А. Эйхельбергер заведовал школой. Буряты относились хорошо, платили натурой, и учителя не голодали. Александру за учебный год удалось заработать лошадь и корову!.. Теперь можно было рискнуть уехать в Европейскую Россию. Как раз выяснилось, что Сувалкская губерния, родина мужа, отошла к образовавшейся независимой Литве. Эйхельбергеры решили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы выбраться из Совдепии, ибо уверенности, что завтра не придут и не расстреляют, не было никакой. Александр списался с литовским представительством в Москве и попросил помочь «вернуться на Родину». Хлопоты имели успех, и в начале зимы 1921–1922 гг. Мария и Александр Эйхельбергеры с семейством тети выехали в Европейскую Россию.

Но костлявая старуха-смерть, вот уже который год пожинаяшая на полях России обильный кровавый урожай, не отпустила их без еще одной искупительной жертвы. При пересадке из поезда Транссиба в поезд Рязано-Уральской железной дороги их дочурка Асенька, которой и года еще не было, простудилась, заболела воспалением легких и в пути умерла (в начале 1922 г.). В несущемся, переполненном людьми эшелоне Мария Волкова пережила, по-видимому, самое страшное в своей жизни потрясение: «Тщетно воздух ловила, – задыхалась малютка, / И ручонки цеплялись в тихом страхе за мать. / А больное хрипенье ухо слышало чутко, / И в набитой теплушке все боялись дышать. // Смерть вошла величаво своей поступью твердой / И наполнила сразу весь примолкший вагон, / С торжеством огляделась и с усмешкою гордой / Прекратила последний и мучительный стон» (стих. «В теплушке»). Сутки застывшая от горя юная мама прижимала к груди похолодевшее тельце грудной дочери, остановить поезд и предать ребенка земле не было никакой воз-

возможности. Похоронили Асеньку у алтаря церкви Свято-Покровского женского монастыря на Черной горе в городе Михайлове Рязанской губернии.

Настоятель этой церкви отец Василий Михайлович Лебедев со своей матушкой, старые добрые знакомые Панкратовых, и приютили беженцев из Сибири. Панкратовы жили в г. Михайлове в 1915–1917 гг. Придя немного в себя, чета Эйхельбергеров отправилась в Москву. Пока хлопотали и оформляли выездные документы, жили в Подмоскovie у тетиных друзей. У Марии было время, чтобы побродить по Москве, попрощаться с Первопрестольной, поразмышлять. Сколько ужасов было позади. Ушли один за другим самые родные люди. Погибли десятки знакомых, друзей... Страшное время, страшная страна!.. Тем не менее, оставлять Родину было тяжело: «Сибирь, Урал – уже за мной, / И позади осталась Волга. / Я покидала край родной, / Не думала, что так надолго. / Живет надеждой человек: / Прощаясь, жаждала я встречи. / И тихо падал мне на плечи / Последний, нежный русский снег...». В феврале 1922 г. Александр и Мария Эйхельбергеры выехали в Литву [7, с. 113–114; 18, с. 136, 150–151].

Как мастер поэтического слова Мария Вячеславовна сформируется уже в эмиграции, в Литве и Германии. Но тема Родины, ее исторической судьбы останется главной в творчестве поэтессы вплоть до ее кончины (07.02.1983): «И навек потерявши покой, / За чужим очутившись порогом, / Я кочую, кочую душой / По родным, недоступным дорогам...» (стих. «Дороги»). Воспоминания о гибели Святой и Праведной Руси и родимой семьи навсегда останутся для неё болью, но и гордостью: за свою Родину белые сражались до конца: «Чем путь трудней – тем выше будет честь! / Пускай горька недопитая чаша! / При нашей бедности у нас богатство есть: / То, что прошло, – неотторжимо наше!..»

Мария Волкова

Родине (Посвящение)

Тебе – Великая, Жестокая, Родная,
Всегда любимая с далеких детских лет,
Я песни верности и горести слагаю
И шлю, как дар, как дочерний привет!

Нет нужды в том, что Ты сошла с дороги:
Пора придет, – Ты путь найдешь прямой,
И лик прекрасный Твой, загадочный и строгий,
С улыбкой склонится, быть может, надо мной.

Нет нужды в том, что жизнь мне Ты разбила,
Услав к чужим, холодным берегам, –

Того, что раньше сердцу было мило,
Я никому и ныне не отдам!

Пусть – нищета, пусть всё кругом – не наше,
Пусть коротка, непрочна жизни нить, –
Я пью безропотно мне посланную чашу,
Благодаря за счастье РУССКОЙ быть!

И если не войду под сень Твою, Родная,
Не устояв в болезни и в борьбе, –
Умру, за то судьбу благословляя,
Что петь могла Тебе и о Тебе!

Литература и источники

1. Краснов П.Н. На рубеже Китая: Воспоминания. Париж: Издание Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов, 1939. 126 с.
2. Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология. М.: Изд-во «Республика», 1995. 688 с.
3. Станица. М., 1997. № 4 (7).
4. Волкова М.В. Не растёт ковыль на чужбине!.. (Серия «Казачье зарубежье») / Составитель – К.Н. Хохульников. Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. 192 с.
5. Ивлев М.Н. «Певница доблести, скорби и неизбывного горя» // Простор. Алма-Ата, 2000. № 1. С. 46–48.
6. Ивлев М.Н. Мария Волкова. «Певница доблести, скорби и неизбывного горя» // Станица. М., 2003. № 2 (40).
7. Волкова М.В. Воспоминания / Публикация, предисловие, приложение, комментарии – М. Ивлев // Простор. Алма-Ата, 2002. № 10. С. 108–135.
8. Волкова М.В. Старые места: Очерки / Публикация, предисловие, приложение, комментарии – М.Н. Ивлев // Простор. Алма-Ата, 2016. № 5. С. 158–180.
9. Шулдяков В.А. Песни Родине // Третья столица (Омск). 2001. № 40 (90), 24 октября. С. 4–5.
10. Шулдяков В.А. «Я песни верности и горести слагаю...» // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 10. Омск, 2004. С. 274–283.

11. Шулдяков В.А. «Я песни верности и горести слагаю...» // Новый Горынычъ: Краевед. сб. Ч. 1. Уральск, 2011. С. 130–149.
12. Шулдяков В.А. «Я песни верности и горести слагаю...» // 20 лет вместе... [XX лет фонду «Возрождение Тобольска»]. Тобольск, 2014. С. 658–666.
13. Шулдяков В.А. Сибирский период жизни казачьей поэтессы Марии Волковой // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Тюмень, 2010. С. 238–247.
14. Шулдяков В.А. Гибель генерала В.И. Волкова и судьбы лиц из его ближайшего окружения // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск, 2011. С. 303–321.
15. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 752. Оп. 6. Д. 12.
16. Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. Новосибирск, 2016. № 7. С. 139–161.
17. Тарлыкова О.М. «Я иртышской водой крещена...». Усть-Каменогорск, 2016. 188 с.
18. Тарлыкова О.М. «Я Иртышской водой крещена...» // Простор. Алма-Ата, 2018. № 11. С. 136–166.
19. Трофимов М.Ю. «Серебряный сибирский генерал» и его потомки: офицерская династия Шайтановых // «Жизнь – Родине, честь – никому!» Омский кадетский корпус. 1813 – 2013. Исторические очерки и материалы. [Омск, 2013]. С. 47–61.
20. Катанаев Г.Е. Генеалогическая справка о «войсковой старшине» сибирского казачества // Иртыш. Омск, 1918. № 38/39. С. 13–16.
21. Государственный Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 281.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 49705.
23. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 52383.
24. Насыров-Толстов А. Толстовы // Горынычъ: Краеведчес. сб. № 1. Уральск: Оптима, 2007 (URL// <https://archive.ph/YXey> [дата обращения 15.09.2019]).
25. Волкова М.В. Отблески войны. Очерк // Сибирский казак: Войсковой сб. Вып. 2. Харбин, 1941. С. 267–274.
26. РГВИА. Ф. «Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат)». Шкаф без номера. Ящик № 7360-В. Волков Вячеслав Иванович, болен. Карточка на прибывших (высшие чины), 01.02.1916 г. // URL// https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital68096/ (дата обращения 10.09.2019).
27. ГИАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 215.
28. Архив ЗАГС г. Иркутска. ИНН 146а. Метрическая книга Михайло-Архангельской церкви.
29. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40016. Оп. 1. Д. 20.
30. РГВА. Ф. 40016. Оп. 1. Д. 6.
31. Волкова М.В. Трагический силуэт // Луч Азии. Харбин, 1938. № 42. С. 43–46.
32. Волкова М.В. Милые казачьи лица. Очерк // Сибирский казак: Войсковой сб. Вып. 2. Харбин, 1941. С. 275–280.

Владимир Шулдяков

Словами документа

Герои Первой мировой войны, кто они и какие подвиги совершили? Напомним, что это был один из самых широкомасштабных вооружённых конфликтов в истории человечества. Первая мировая война длилась 4 года (1914-1918 гг.) и в ней принимали участие 38 государств. Сегодня, на страницах нашего сборника, мы приведём документы о героизме наших земляков, а поможет нам в этом уникальное издание: Первая мировая война. Сборник документов и материалов Исторического архива Омской области. / Составители: Каиндина Т.В., Коновалова Н.А., Лосунов А.М., Огородникова Л.И. (ответственный составитель), Петин Д.И., Тимченко Ю.В., Храпова Н.С. – Омск : ООО «Омскбланки-здат», 2014. – 174 с.

Из приказа № 21 Войскового наказного атамана Н.А. Сухомлинова о почтении памяти погибших казаков Н. Спиглазова и Н. Бедрина

15 января 1916 г.

В пун[кте] 5 приказа по 9-му Сибирскому казачьему полку от 6 сентября 1915 года за № 273 объявлено, что после взятия местечка Лебедево, по указанию местных жителей, были вырыты два трупа казаков, замученных немцами. Оказались без вести пропавшие накануне казаки 6-й сотни этого же полка ст. Чарышской Никита Спиглазов и ст. Черлаковской Николай Бедрин [...]

Не имея возможности в открытом честном бою противостоять доблести наших храбрецов, коварный враг в бессильной злобе низко отмстил свою неудачу безоружным казакам. Безусловно, немцы хотели добиться от наших героев каких-либо сведений, составляющих военную тайну; но доблестные сыны своей Родины и войска, помня заветы предков, долг службы и крепко храня святую присягу, предпочли принять мученический конец, чем изменить данную клятву и предать своих товарищей [...]

Вечная память и мир праху вашему, герои и мученики!

Самоотверженный подвиг ваш будет жив среди сибирского казачества, служа ярким примером безграничной преданности долгу службы, вере, царю и Отечеству. Во всех церквях войска отслужить панихиду по героям-мученикам.

Семействам названных казаков от меня отправить по одному образу на память о подвигах и мученической кончине казаков Никиты Спиглазова и Николая Бедрина.

Эти образа внести в их дома и вручить их семействам при торжественной обстановке в каждом поселке.

Приказ тот прочесть во всех строевых частях, управлениях, учреждениях и заведениях войска, а также на полных станичных и поселковых сборах.

Подписал: Войсковой наказной атаман
генерал-лейтенант Сухомлинов

ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 146. Л. 14. Типографский экз.

**Направленные председателем Чрезвычайной следственной комиссии¹ А.Н. Кривцовым²
Войсковому наказному атаману Сибирского казачьего войска Н.А. Сухомлинову
данные из расследования об истязании германцами казаков
9-го Сибирского казачьего полка Н. Спиглазова и Н. Бедрина**

10 февраля 1916 г.

6-го сентября 1915 г. вблизи деревни Ручицы, Вилейского уезда, Вилейской губернии³, два наших казака 9-го Сибирского казачьего полка Никита Спиглазов и Николай Бедрин, посланные накануне в разведку, наткнулись на германский кавалерийский разъезд, состоявший из 12 человек, который стал их преследовать.

Настигнув казаков на лугу за упомянутой деревней, немцы открыли по ним огонь и ранили в голову Спиглазова, который при этом упал с лошади. Заметив, что товарищ ранен, Бедрин спешился и стал делать раненому перевязку. В это время они были окружены немцами и взяты в плен. Около 7 часов вечера пленные были приведены в д. Ручицы, в дом крестьянки Ядвиги Гисич, где помещался германский офицер – начальник отряда, занявшего эту деревню. Офицер этот тот час же приступил к обыску казаков, причем даже снял и осмотрел бывшую на голове Спиглазова повязку. Обнаружив в кармане брюк у Бедрина немного бисквитов, офицер стал кричать на него, обвиняя его в том, что он убил немца, у которого и взял эти бисквиты. Несмотря на возражения Бедрина, что найденные при нем бисквиты были подсунуты ему германскими конвоирами, когда последние вели его в д. Ручицы, офицер приказал связать обоим казакам руки за спину и привязать их друг к другу.

Затем он взял немецкий штык и стал показывать своим солдатам, как нужно резать нос и уши. Присутствовавшие при этом Ядвига Гисич и дочь её Елена Федорова стали умолять офицера пощадить казаков, но тот не обратил на их мольбы никакого внимания и приказал вывести их из дома. Перед уходом Бедрин попросил дать ему напиться, но когда Гисич хотела исполнить его просьбу, офицер закричал на неё, а солдат оттолкнул её в сторону. Затем казаков вывели из дома; Федорова хотела было пойти вслед за ними, но её не пустили и приставили к дверям дома караул.

Около 11 часов вечера в соседний с Гисич дом ее сына Григория Гисич, где расположился другой германский офицер с 40 пехотинцами, явился денщик начальника отряда и передал офицеру какое-то приказание. Офицер немедленно велел 12-ти солдатам одеться. Взяв ружья, немцы вышли на двор, причем один из солдат заготовил с собой нож. Григорий Гисич также вышел на двор, где, как оказалось, находился начальник отряда и захваченные в плен казаки.

Вслед за тем, солдаты повели казаков в сторону за баню Гисича. Здесь двое немцев схватили Бедрина за горло, один спереди, другой сзади, а третий начал ножом резать ему язык, губы, нос и сдирать с лица кожу. Затем они подняли у Бедрина рубаху, и стали жечь свечой тело и лицо, предварительно натерев последнее керосином или бензином.

В то же время два других немца истязали и жгли свечой спину Спиглазова. Когда же последний стал было сопротивляться, его избили прикладами ружей.

Эти истязания продолжались около 20 минут, после чего казаков пристрелили из ружей и трупы их закопали в соседнем огороде.

Вечером 8 сентября германцы были выбиты из д. Ручицы, и на следующий день в нее вступил 9-й Сибирский казачий полк. Узнав от местных жителей о замученных товарищах, казаки вырыли их трупы и в одном из них опознали своего однополчанина Никиту Спиглазова, а в другом – Николая Бедрина. По приказанию командующего 10-й Сибирской стрелковой дивизии трупы казаков были освидетельствованы врачебной комиссией в присутствии священника и офицеров, причем у Спиглазова было обнаружено 6 колото-резанных ран на голове величиной от 1 до 2 дюймов, на спине 3 колотых и 4 огнестрельных раны со следами ожогов, 2 огнестрельные в подмышечной впадине, одна в правой стороне груди, нанесенная острым предметом, а огнестрельная рана в левое плечо на вылет; кроме того, бывшая на голове Спиглазова повязка оказалась в нескольких местах проколота. У Бедрина же оказались на голове 3 колотых раны, окружность правого глаза и верхнее веко были обожжены, а самое глазное яблоко повреждено и имело следы ожогов; мягкие части носа, щеки и подбородка были срезаны до костей, так что от щек висели лоскуты кожи; в правой стороне груди имелась глубокая рана, а в правой стороне спины – огнестрельная. Кроме того, на теле у обоих казаков оказались капли воска и многочисленные следы ожогов.

Составлено по распоряжению Председателя Чрезвычайной следственной комиссии первоприсутствующего сенатора А.Н. Кривцова.

Старший чиновник особых поручений
Чрезвычайной следственной комиссии

подпись⁴

ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 146. Л.16 – 16 об. Подлинник. Машинопись.

¹Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию нарушений законов и обычаев военного времени австро-венгерскими и германскими войсками была создана по инициативе Государственной Думы 9 апреля 1915 года.

²Кривцов Алексей Николаевич – тайный советник, сенатор, присутствующий в уголовно-кассационном департаменте и « первоприсутствующий для суждения дел о государственных преступлениях».

³Ныне – Минская область Республики Беларусь.

⁴Подпись неразборчива.

**Сообщение протоиерея А. Соловьева духовенству Омской епархии
о гибели священника Свято-Троицкой церкви пос. Генераловского
Омского уезда Николая Златогорского**

16 октября 1916 г.

Священник Свято-Троицкой церкви пос. Генераловского Омского уезда Николай Златогорский, согласно усиленной просьбе, был командирован на время войны в действующую армию и назначен священником 104-го пехотного Устюжского генерала князя Багратиона полка. Волею Всевышнего 10 августа отец Николай Златогорский скончался от ран, полученных им при исполнении служебного и пастырского долга на передовом перевязочном пункте, когда он утешал и облегчал раненых.

Жестокий и коварный враг – немцы обстреливали перевязочный пункт и осколками разорвавшегося снаряда отец Николай был смертельно ранен во многие части тела и после перевязки умер.

Тело его погребено со всеми воинскими почестями на кладбище в деревне Гута-Нова, к западу от города Монастержиска⁵. На рапорте благочинного 4-го округа церковью Омской епархии о геройской смерти отца Николая Златогорского на поле славы, резолюция Его Преосвященства Преосвященнейшего Сильвестра, епископа Омского и Павлодарского, от 20 сентября с.г. за № 4220, последовала таковая: «Положившему за веру, Царя и Отечество живот свой самоотверженному пастырю иерею Николаю Царствие небесное, предлагается всем сопастырям нашей епархии вознести о почившем собрате заупокойную молитву в ближайшую по получении сообщения о сем субботу».

Член консистории, протоирей А. Соколов

Секретарь

М. Петров

Столоначальник

П. Парфенов

Омские епархиальные ведомости. – 16 октября 1916 г. – № 42.
ГИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 160. Л. 85 – 85 об.

⁵Тернопольская область Украины.

**Приказ № 465 Войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска
Н.А. Сухомлинова о награждении сестры милосердия Красного Креста Н.В. Берниковой⁶
Георгиевской медалью 4-й степени**

22 декабря 1915 г.

Приказом XXII армейскому корпусу от 4 июня 1915 года за № 147 за оказанное большое усердие и сознание долга при уходе за ранеными, перевязке и эвакуации их с позиции под сильным огнем тяжелой артиллерии неприятеля, на основании ст. 146 «Георгиевского статуса», сестра милосердия 2-го Сибирского передового врачебно-питательного отряда Красного Креста Нина Венедиктовна Берникова награждена Георгиевской медалью 4-й степени за № 218785.

Нина Венедиктовна – дочь офицера воспитателя I-го Сибирского императора Александра Первого кадетского корпуса полковника Берникова, казака станицы Атаманской 2-го военного отдела.

Наравне с многочисленными и разнообразными выдающимися подвигами мужества и самоотверженности, оказанными в боях с неприятелем, верными долгу службы и присяги сибирскими казаками, Нина Венедиктовна, как казачка, своим усердием в выполнении добровольно взятых на себя далеко не легких и святых обязанностей помощи страждущему, вплела в венок славы родного войска редкий и неоценимый лавровый листок.

Поздравляю Нину Венедиктовну с боевой наградой, желаю ей благополучия, сил и успеха в истинно христианском беззаветном и самоотверженном служении на тяжелом посту Милосердного Самарянина.

Твердо уверен, что с помощью семьи, воспитавшей в своей среде на высоких началах христианства и любви к родине, полковник Берников сумеет выпустить в армию их стен родного корпуса своих питомцев вполне подготовленными к высокому, почетному и ответственному офицерскому званию.

Подписал: Войсковой наказной атаман, генерал-лейтенант Сухомлинов.

/По военной канцелярии/

С подлинным верно:

Старший адъютант,
войсковой старшина

подпись

[М.Д. Герасимов]

Сверял:

За помощника старшего адъютанта
прапорщик

подпись

[Азаров]

ГИАОО. Ф. 54. Оп. 2. Д. 20. Л. 89 – 89 об. Заверенная копия. Машинопись.

⁶Берникова Нина Венедиктовна – правнучка писателя П.П.Ершова .СЕСТРА ВВ. БЕРНИКОВА

Омск глазами европейцев конца XIX – начала XX вв.

Как известно, французский писатель Жюль Верн в 1875 г. сочинил приключенческий роман, в котором главный герой, родом из Омска, знающий Сибирь «вдоль и поперёк», выполнял поручение царя Александра II. Роман называется «Михаил Строгов». И пускай – это альтернативная история России второй половины XIX столетия, и в описании сибирских городов полно ошибок, европейский читатель узнаёт о городе Омске уже в первой части произведения (глава XIV): «Омск, один из главнейших городов Западной Сибири, разделялся в то время на два квартала: в одном помещались присутственные места и сам губернатор, другой был населён коммерсантами. Город был окружён небольшой стеной с башнями по углам, но эта защита была незначительна». Интересный факт: в 2013 г. Омск (в лице студентов К. С. Паньковой ОмГПУ и Г. В. Романенко ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) выиграл конкурс на приз Правительства Франции, проходивший среди городов России, которые по роману Жюль Верна посетил Михаил Строгов.

Вспомним ещё один известный роман – «Похождения бравого солдата Швейка», чешского писателя Ярослава Гашека. Главный герой находчивый Йозеф Швейк призывается в армию и отправляется на театр боевых действий Первой мировой войны. Оказывается, в продолжении романа «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену», который написал Карел Ванек в 1923 г., Швейк попадает в Омский лагерь военнопленных. А это уже не выдумка. В Омске на южной окраине города, действительно существовал концлагерь, где размещались солдаты и офицеры разных наций: чехи, словаки, немцы, австрийцы, венгры, румыны и др. На месте этого лагеря в 1911 г. проходила первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, торгово-промышленная и лесная выставка, а ныне находится станция юннатов.

Дореволюционный Омск привлекал внимание не столько иностранных писателей, сколько деловых людей. В 1904 г. в Лондоне выходят книга дорожных заметок британского журналиста Джона Фостера Фразера, совершившего путешествие по Сибирской железной дороге. В 1913 г. в Берлине издаются путевые записки Отто фон Гёбеля, подготовившего специальный отчет для германского Министерства иностранных дел. Современному читателю небезынтересно восприятие европейских авторов, побывавших в Сибири, ведь они позволяют взглянуть на Омск со стороны и увидеть некоторые его особенности, незаметные для обывателя.

Отрывок из книги Джона Фостера Фразера (*Frazer J. F. The real Siberia together with an account of Dash though Manchuria. – London, 1904. – P. 32-39*).

«Это было вечером в среду, когда солнце огромным малиновым шаром на моих глазах скрылось за горизонт далеко позади нас, – подошедший кондуктор объявил, что мы будем в Омске не позднее чем через час <...>. Наш поезд тащился невероятно медленно. Но далеко впереди я сумел разглядеть свечение множества электрических огней, похожее на блеск луны. Поезд прогрохотал через огромный, длинной в 700 ярдов, балочный мост через Иртыш. Под нами поблескивали мачты стоящих на якоре лодок, красные и зеленые огоньки парохода, накатывающего волны на причал. Наконец, мы въехали на большой ярко освещенный вокзал, заполненный толпой людей, в которой то и дело мелькала красно-серая военная форма.

Еще до остановки поезда жадная толпа носильщиков, в синих блузах и белых передниках забралась в поезд, буквально сражаясь за право нести багаж и получить полагающиеся чаевые. Двух моих сумок хватило бы на двоих обычных носильщиков. Мой сопровождающий однако и слышать не желал о чьей-то помощи, и дико рявкал на всякого, кто ее предлагал.

На поезд в Омске садился и другой народ. Многие ехали на восток, а еще больше пришли встретить или проводить друзей. В хорошо освещенной столовой сновали вежливые официанты, и повсюду слышались хлопки открываемых бутылок.

И это в самом сердце Сибири! – подумал я про себя, с трудом осознавая этот факт до конца. Если бы не некоторые детали, я вполне мог бы представить себя в цивилизованном месте вроде Йорка. Я подошел к начальнику вокзала, и на своем ломанном русском попросил порекомендовать мне

лучшую в Омске гостиницу. Он щелкнул пальцами, и перед нами вырос гостиничный носильщик в темно-синем кителе, отороченном золотым кружевом и с золотыми буквами названия гостиницы на фуражке. Он говорил по-немецки, немецкий в России служил деловым языком. Через две минуты мой багаж погрузили на дрожки и понукаемая кучером лошадь тронулась в путь.

Я уже упоминал о том любопытном факте, что редкий вокзал расположен вблизи города. Омск не стал исключением из правил, и потому от вокзала до самого Омска – три мили.

Обычной дороги не было, вместо нее тянулась пыльная ухабистая полоска земли с лужами жидкой грязи.

Дрожки, в которых я ехал, были самые настоящие. То, что называется дрожками в Петербурге, представляет из себя всего лишь неудавшуюся копию «Виктории» (тип экипажа). В подлинных дрожках сиденье горбатое, без спинки, и потому на каждом ухабе вас подбрасывает так, что трещат кости, и вы постоянно рискуете быть выброшены в соседнюю лужу. После одного из яростных толчков моя сумка полетела в грязь. Я принял было рассерженный вид, но кучер, вернувшись за сумкой, только рассмеялся и крикнул «Ничего!» Это слово помогает русским радостней смотреть на жизнь и означает: «Какая разница! Всё равно! Зачем беспокоиться!»

Была уже полночь, мы ехали в кромешной темноте. Наша лошадь, хотя и жалкое создание, бежала неплохо – может потому что торопилась в свою конюшню в Омске. Так или иначе, мы, трясясь, продвигались вперед, оставив всех далеко позади. Наш путь проходил по унылой грязной равнине. Своего кучера, здорового парня, я называл «голубчик». Это считается хорошим способом угодить извозчику, хотя на голубку он был похож не больше, чем я на воина. Тем не менее, он был в восторге и продолжал нахлестывать лошадь.

Омск, ко времени нашего приезда, похож, уже отошел ко сну. Он был похож на большую деревню с широкими неровными улицами. Дома, в большинстве своем, были одноэтажные и довольно ветхие. По углам стояли кривые, словно подвыпившие деревянные столбы, на верхушках которых мерцали масляные фонари, какие, бывает, используют на кухне. Вокруг не было ни души.

Внезапно раздался стук-стук-стук деревянной трещотки. Этот звук я не слышал с тех пор, как был в Западном Китае. Сибирь напрямую граничит с Китаем. Я точно знал, что это такое – полицейский, совершающий обход. В Англии констебли должны по ночам носить ботинки на резиновой подошве, чтобы они могли ступать бесшумно и застигнуть преступников врасплох. В Сибири полицейский не расстается с трещоткой и преступники получают заблаговременное предупреждение о приближении стража порядка.

Сибирияков, так же как и китайцев, бесполезно убеждать в глупости подобной затеи. Наш способ все равно лучше, – утверждают сибиряки, – так как жители уверены, что полиция рядом.

Так я добрался до гостиницы, похожей на большой сарай, голый и холодный. Спальня моя, однако, оказалась довольно сносной, несмотря на то, что пружины кровати торчали как у дивана в плохих меблированных комнатах. Я умылся и отправился на поиски ресторана. Это была просторная комната, освещенная гигантских размеров светильниками. На столе в середине комнаты стояли две искусственные пальмы. На боковые столики поставили крошечные цветы, в попытке оживить комнату. Мой ужин ничем не отличался от ужина любого усталого британца: бифштекс, жареный картофель, бутылка пива. И всё это в дикой Сибири!

В Омске размещалось управление прилегающими степными территориями, но всего несколько лет назад он был всего лишь деревней, посреди которой стояли один или два беленых дома, где и располагались власти. Остальную часть города составляли сбившиеся в кучу домишки. Это была почтовая станция, где проезжающие меняли лошадей, и откуда партии закованных каторжников рассылались по разным областям. Но вот уже четыре года улицы не слышали кандального звона. Тюрьма есть, но туда попадают только местные нарушители закона. Лишь иногда через Омскую станцию, пыхтя, проходит поезд с зарешеченными окнами, из которых выглядывают убийцы и политические заключенные. Но это бывает редко.

Город чем-то похож на поселения американского Запада – растущий, недостроенный. Несколько элегантных зданий уже начаты, но вокруг них грубые бревенчатые хижины. Самые красивые строения – церкви и пивоварни.

Река Иртыш течет вдоль города. Я был на борту пассажирского парохода, который курсирует между Семипалатинском, недалеко от китайской границы, и Обдорском, за Полярным кругом.

На нём были превосходные каюты, большая столовая и удобно обставленная диванная. Иртыш и Обь, притоком которой он является, столь хороши для судоходства, что каждое лето несколько пароходов из Лондона, обойдя Северный Мыс и подножье Новой Земли, бросают якоря в Омске. В обмен на доставленные товары они увозят в Англию пшеницу и кожи.

На широкой главной улице несколько больших магазинов. Собор Святого Николая с его куполом-луковицей представляет из себя величественный образец богато украшенной византийской архитектуры.

Тот день, когда я был в Омске, оказался одним из «святых» дней-праздников. Всего их в Российской империи около 200 и в каждый нельзя работать. Я отправился посмотреть на собор, когда прихожане уже расходились. Все дамы были одеты более или менее модно, в яркие летний платья, шляпы, украшенные цветами и с пестрыми зонтиками от солнца в руках. Летняя одежда и зонтики от солнца в Сибири – сама мысль казалась невероятной! <...>

В Омске 50000 жителей, двенадцать или пятнадцать тысяч из них – солдаты. Добрая половина «старых» поселенцев (то есть тех, кто жил здесь до появления железной дороги), – потомки осужденных. Даже сейчас в Омске живут ссыльные. Широкой публике они не известны, только полиции. Эти люди могут свободно заниматься бизнесом, единственное ограничение – они не должны покидать в Омск. Горожане, как я обнаружил, очень гордятся тем, что два знаменитых русских писателя, Петропавловский и Достоевский – тот, что написал «Записки из Мертвого дома», книгу, от которой даже в переводе мурашки бегут по коже, – были сосланы в Омск. Дома, где они жили, показывают теперь гостям. Достоевского дважды жестоко секли розгами. Один раз за жалобы на плохой суп, а другой – за то, что спас тонущего арестанта. Во второй раз порка была такой жестокой, что его посчитали мертвым. Когда он вышел из больницы, его прозвали покойником, так он и остался «покойником» до конца жизни».

Отрывок из книги Отто фон Гёбеля (*Goebel O. Vom Ural bis Sachalin –Berlin, 1913. – S. 17-21.*; Гёбель О. От Урала до Сахалина Пер. с нем. А. В. Бровиной. Предисловие А. Г. Киселёва // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. / Отв. ред. В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 280-284).

«Город [Омск] бесконечно пространен. Дороги не были безупречны, но всё же я шёл по всё ещё замёрзшей земле, и местные жители, о которых в отеле рассказывали жуткие истории, смотрели на меня с любопытством, но не враждебностью, даже если я бродил по их улицам и дворам. Однако, через восемь дней удовольствие окончательно закончилось. Начался сильный дождь.

Повсюду была вода, массы снега скользили с низких крыш, ледяные сосульки громыхали с водосточных труб, и на улице всё превращалось в размазанную, разъезженную густую грязь. Сибирская весна! Пешком из отеля было невозможно выйти. По ту сторону озера грязи, которое заполняло рыночную площадь, возвышалось гордое здание городского театра. Чтобы к нему подойти, нужно было обходить вокруг четверть часа. Деревянные тротуары, которые также были не безопасны из-за хлипких досок, вообще не использовались на перекрёстках. Сибиряки в кирзовых сапогах, в случае необходимости, могли перейти, а я же должен был искать места, где брошены солома или навоз. Ни то, ни другое в Сибири не ценится и зимой вывозится на реку, чтобы весенний паводок унёс всё с собой. Прыгая от одной навозной кучи к другой, я добрался до центральной улицы, а затем через переулки до здания театра. Последнее стоило городу примерно 1 миллион марок. Приходила ли когда-нибудь омскому градоначальнику мысль о том, что этот миллион было бы лучше направить на мостовую или гавань? Комнаты в отеле были достаточно хороши, однако имели значительные недостатки. Несколько дней я с осторожностью прожил в своей комнате, и ничто не мешало спокойствию моих ночей, но о том, что неделя была действительно спокойная, я не подумал. Едва я оплатил проживание ещё 4 недели, как началась такая кутерьма. Каждую ночь до самого утра в большом зале отеля играл румынский цыганский хор. Первый скрипач играл, вероятно, совсем как настоящий цыган, однако, настоящим он не являлся и фальшивил так, что это вызывало дрожь. Но восторженная толпа вопила и громыхала: «сначала!» Вскоре я предпочёл быть среди шумящих вместо того, чтобы находиться над ними. Внизу, где тут и там разговоры, табачный дым, треск пробок шампанского и пары сивухи, я мог лучше воспринимать музыку. Гостиничный зал был почти заполнен.

Чиновники и офицеры, сидящие вокруг графинов с бренди, некоторые с законными или незаконными супругами, молодые торговцы маслом, которые ещё несколько лет назад, будучи мелкими фермерами, жили в Дании и Германии, теперь имели относительно большие доходы и с презрением относились к экономии, обладая непоколебимым оптимизмом. Между тем, торговцы машинами были более серьёзными и озабоченными, их предприятия предъявляли к ним более высокие требования. Самые пьяные и самые шумные были служащие. Порядочный и добросовестный русский служащий боится трактира, он знает, что однажды, когда он «в на-строении», не сможет соблюсти меру. Тот, кто сидел здесь среди служащих, был, как правило, неисправимый пьяница или один из тех, кто жил взятками. Почти каждый вечер отвратительный тип шатался от стола к столу, фамильярно хлопал покупателей масла по плечу, толкал торговцев машинами в рёбра; земляк, с которым я сидел, испуганно положил мне руку на плечо, когда я однажды громко сказал, почему никто не вышвырнет эту свинью: «Мы все должны притворяться с ним, в его руках отправка наших вагонов с маслом, кто с ним общается, может получить накладную, а это возможность получить деньги до отправки масла». За столом среди офицеров и батареи пустых графинов бренди сидел тощий в гражданском. Он поднялся, шата-ясь, подошёл к сцене, вскарабкался на неё, и, прерывая музыку, протянул руку даме в жёлтом шёлковом наряде, приглашая её к своему столу. Он занимал высокий пост и мог себе это по-зволить.

С появлением немцев, немецкий язык в Омске можно было услышать через одного. Немцы, так или иначе, были связаны с маслом или машинами, была конкуренция, причин для вражды было достаточно. Что делать тому, кто не обладал нравственной силой, в таком месте как Омск и, из-за следующих друг за другом холодом, грязью и пылью, не мог выйти из дома, как не бра-ниться и выпивать.

Среди коммерсантов страдала нравственность. Не каждый даёт безнаказанно взятки в тече-ние долгих лет неверным служащим, ездит без билета по железной дороге и совершает подобные поступки, от которых вряд ли сможет уклониться. Для иностранца была нормой долата половины стоимости билета II класса, за эти деньги можно было купить место I класса. Вопрос контроля казался изворотливо решён; неверные контролёры должны были наряду с зарплатой от государ-ства получать её и от объединённых кондукторов. Если кто-то однажды сюда попадал и вторую зарплату брать не хотел, его пребывание было не долгим, находили средство, чтоб избавиться от него. В Сибири, как и в других местах, можно сомневаться в правдивости высказывания о том, что честность – это дорога в мир! <...>

У обоих братьев, которых я навестил, царили процветание, хорошие немецкие обычаи и стро-гое воспитание детей. Оба жили не далеко друг от друга, в домах, построенных по канадскому типу, они соорудили маленькую паровую мельницу и маслобойню. За полудикими сибирскими свиньями на большом дворе следили слуги-киргизы. Оба брата арендовали у Омского казачьего управления 15000 моргенов земли, так называемую резервную землю – практически не исполь-зованное владение казачьего войска у сибирской дороги, между Курганом и Омском. Подобные аренды заключили почти все немецкие поселенцы. На рыночной площади в Омске можно услы-шать немецкую речь и обернуться от удивления, так непривычно она звучала среди киргизов с верблюдскими повозками. Русские газеты писали при случае о немецкой опасности для Сибири, однако, это преувеличение не нужно понимать всерьёз».

Отрывок из книги Джона Фостера Фразера (*Frazer J. F. The real Siberia together with an account of Dash though Manchuria. – London, 1904. – P. 32-39*).

«Это было вечером в среду, когда солнце огромным малиновым шаром на моих глазах скрылось за горизонт далеко позади нас, – подошедший кондуктор объявил, что мы будем в Омске не позднее чем через час <...>. Наш поезд тащился невероятно медленно. Но далеко впереди я сумел разглядеть свечение множества электрических огней, похожее на блеск луны. Поезд прогрохотал через огромный, длинной в 700 ярдов, балочный мост через Иртыш. Под нами поблескивали мачты стоящих на якоре лодок, красные и зеленые огоньки парохода, накатывающего волны на причал. Наконец, мы въехали на большой ярко освещенный вокзал, заполненный толпой людей, в которой то и дело мелькала красно-серая военная форма.

Еще до остановки поезда жадная толпа носильщиков, в синих блузах и белых передниках забралась в поезд, буквально сражаясь за право нести багаж и получить полагающиеся чаевые. Двух моих сумок хватило бы на двоих обычных носильщиков. Мой сопровождающий однако и слышать не желал о чьей-то помощи, и дико рывкал на всякого, кто ее предлагал.

На поезд в Омске садился и другой народ. Многие ехали на восток, а еще больше пришли встретить или проводить друзей. В хорошо освещенной столовой сновали вежливые официанты, и повсюду слышались хлопки открываемых бутылок.

И это в самом сердце Сибири! – подумал я про себя, с трудом осознавая этот факт до конца. Если бы не некоторые детали, я вполне мог бы представить себя в цивилизованном месте вроде Йорка. Я подошел к начальнику вокзала, и на своем ломанном русском попросил порекомендовать мне лучшую в Омске гостиницу. Он щелкнул пальцами, и перед нами вырос гостиничный носильщик в темно-синем кителе, отороченном золотым кружевом и с золотыми буквами названия гостиницы на фуражке. Он говорил по-немецки, немецкий в России служил деловым языком. Через две минуты мой багаж погрузили на дрожки и понукаемая кучером лошадь тронулась в путь.

Я уже упоминал о том любопытном факте, что редкий вокзал расположен вблизи города. Омск не стал исключением из правил, и потому от вокзала до самого Омска – три мили.

Обычной дороги не было, вместо нее тянулась пыльная ухабистая полоска земли с лужами жидкой грязи.

Дрожки, в которых я ехал, были самые настоящие. То, что называется дрожками в Петербурге, представляет из себя всего лишь неудавшуюся копию «Виктории» (тип экипажа). В подлинных дрожках сиденье горбатое, без спинки, и потому на каждом ухабе вас подбрасывает так, что трещат кости, и вы постоянно рискуете быть выброшены в соседнюю лужу. После одного из яростных толчков моя сумка полетела в грязь. Я принял было рассерженный вид, но кучер, вернувшись за сумкой, только рассмеялся и крикнул «Ничего!» Это слово помогает русским радостней смотреть на жизнь и означает: «Какая разница! Всё равно! Зачем беспокоиться!»

Была уже полночь, мы ехали в кромешной темноте. Наша лошадь, хотя и жалкое создание, бежала неплохо – может потому что торопилась в свою конюшню в Омске. Так или иначе, мы, трясаясь, продвигались вперед, оставив всех далеко позади. Наш путь проходил по унылой грязной равнине. Своего кучера, здорового парня, я называл «голубчик». Это считается хорошим способом угодить извозчику, хотя на голубку он был похож не больше, чем я на воина. Тем не менее, он был в восторге и продолжал нахлестывать лошадь.

Омск, ко времени нашего приезда, похоже, уже отошел ко сну. Он был похож на большую деревню с широкими неровными улицами. Дома, в большинстве своем, были одноэтажные и довольно ветхие. По углам стояли кривые, словно подвыпившие деревянные столбы, на верхушках которых мерцали масляные фонари, какие, бывает, используют на кухне. Вокруг не было ни души.

Внезапно раздался стук-стук-стук деревянной трещотки. Этот звук я не слышал с тех пор, как был в Западном Китае. Сибирь напрямую граничит с Китаем. Я точно знал, что это такое – полицейский, совершающий обход. В Англии констебли должны по ночам носить ботинки на резиновой подошве, чтобы они могли ступать бесшумно и застигнуть преступников врасплох. В Сибири полицейский не расстается с трещоткой и преступники получают заблаговременное предупреждение о приближении стража порядка.

Сибиряков, так же как и китайцев, бесполезно убеждать в глупости подобной затеи. Наш способ все равно лучше, – утверждают сибиряки, – так как жители уверены, что полиция рядом.

Так я добрался до гостиницы, похожей на большой сарай, голый и холодный. Спальня моя, однако, оказалась довольно сносной, несмотря на то, что пружины кровати торчали как у дивана в плохих меблированных комнатах. Я умылся и отправился на поиски ресторана. Это была просторная комната, освещенная гигантских размеров светильниками. На столе в середине комнаты стояли две искусственные пальмы. На боковые столики поставили крошечные цветы, в попытке оживить комнату. Мой ужин ничем не отличался от ужина любого усталого британца: бифштекс, жареный картофель, бутылка пива. И всё это в дикой Сибири!

В Омске размещалось управление прилегающими степными территориями, но всего несколько лет назад он был всего лишь деревней, посреди которой стояли один или два беленых дома, где и располагались власти. Остальную часть города составляли сбившиеся в кучу домишки. Это была почтовая станция, где проезжающие меняли лошадей, и откуда партии закованных каторжников

рассылались по разным областям. Но вот уже четыре года улицы не слышали кандального звона. Тюрьма есть, но туда попадают только местные нарушители закона. Лишь иногда через Омскую станцию, пытаясь, проходит поезд с зарешеченными окнами, из которых выглядывают убийцы и политические заключенные. Но это бывает редко.

Город чем-то похож на поселения американского Запада – растущий, недостроенный. Несколько элегантных зданий уже начаты, но вокруг них грубые бревенчатые хижины. Самые красивые строения – церкви и пивоварни.

Река Иртыш течет вдоль города. Я был на борту пассажирского парохода, который курсирует между Семипалатинском, недалеко от китайской границы, и Обдорском, за Полярным кругом. На нём были превосходные каюты, большая столовая и удобно обставленная диванная. Иртыш и Обь, притоком которой он является, столь хороши для судоходства, что каждое лето несколько пароходов из Лондона, обойдя Северный Мыс и подножье Новой Земли, бросают якоря в Омске. В обмен на доставленные товары они увозят в Англию пшеницу и кожи.

На широкой главной улице несколько больших магазинов. Собор Святого Николая с его куполом-луковицей представляет из себя величественный образец богато украшенной византийской архитектуры.

Тот день, когда я был в Омске, оказался одним из «святых» дней-праздников. Всего их в Российской империи около 200 и в каждый нельзя работать. Я отправился посмотреть на собор, когда прихожане уже расходились. Все дамы были одеты более или менее модно, в яркие летний платья, шляпы, украшенные цветами и с пестрыми зонтиками от солнца в руках. Летняя одежда и зонтики от солнца в Сибири – сама мысль казалась невероятной! <...>

В Омске 50000 жителей, двенадцать или пятнадцать тысяч из них – солдаты. Добрая половина «старых» поселенцев (то есть тех, кто жил здесь до появления железной дороги), – потомки осужденных. Даже сейчас в Омске живут ссыльные. Широкой публике они не известны, только полиции. Эти люди могут свободно заниматься бизнесом, единственное ограничение – они не должны покидать в Омск. Горожане, как я обнаружил, очень гордятся тем, что два знаменитых русских писателя, Петропавловский и Достоевский – тот, что написал «Записки из Мертвого дома», книгу, от которой даже в переводе мурашки бегут по коже, – были сосланы в Омск. Дома, где они жили, показывают теперь гостям. Достоевского дважды жестоко секли розгами. Один раз за жалобы на плохой суп, а другой – за то, что спас тонущего арестанта. Во второй раз порка была такой жестокой, что его посчитали мертвым. Когда он вышел из больницы, его прозвали покойником, так он и остался «покойником» до конца жизни».

Отрывок из книги Отто фон Гёбеля (*Goebel O. Vom Ural bis Sachalin –Berlin, 1913. – S. 17-21.*; Гёбель О. От Урала до Сахалина Пер. с нем. А. В. Бровиной. Предисловие А. Г. Киселёва // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. / Отв. ред. В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 280-284).

«Город [Омск] бесконечно просторен. Дороги не были безупречны, но всё же я шёл по всё ещё замёрзшей земле, и местные жители, о которых в отеле рассказывали жуткие истории, смотрели на меня с любопытством, но не враждебностью, даже если я бродил по их улицам и дворам. Однако, через восемь дней удовольствие окончательно закончилось. Начался сильный дождь.

Повсюду была вода, массы снега скользили с низких крыш, ледяные сосульки громыхали с водосточных труб, и на улице всё превращалось в размазанную, разъезженную густую грязь. Сибирская весна! Пешком из отеля было невозможно выйти. По ту сторону озера грязи, которое заполняло рыночную площадь, возвышалось гордое здание городского театра. Чтобы к нему подойти, нужно было обходить вокруг четверть часа. Деревянные тротуары, которые также были не безопасны из-за хлипких досок, вообще не использовались на перекрёстках. Сибиряки в кирзовых сапогах, в случае необходимости, могли перейти, а я же должен был искать места, где брошены солома или навоз. Ни то, ни другое в Сибири не ценится и зимой вывозится на реку, чтобы весенний паводок унёс всё с собой. Прыгая от одной навозной кучи к другой, я добрался до центральной улицы, а затем через переулки до здания театра. Последнее стоило городу примерно 1 миллион марок. Приходила ли когда-нибудь омскому градоначальнику мысль о том,

что этот миллион было бы лучше направить на мостовую или гавань? Комнаты в отеле были достаточно хороши, однако имели значительные недостатки. Несколько дней я с осторожностью прожил в своей комнате, и ничто не мешало спокойствию моих ночей, но о том, что неделя была действительно спокойная, я не подумал. Едва я оплатил проживание ещё 4 недели, как началась такая кутерьма. Каждую ночь до самого утра в большом зале отеля играл румынский цыганский хор. Первый скрипач играл, вероятно, совсем как настоящий цыган, однако, настоящим он не являлся и фальшивил так, что это вызывало дрожь. Но восторженная толпа вопила и громыкала: «сначала!» Вскоре я предпочёл быть среди шумящих вместо того, чтобы находиться над ними. Внизу, где тут и там разговоры, табачный дым, треск пробок шампанского и пары сивухи, я мог лучше воспринимать музыку. Гостиничный зал был почти заполнен.

Чиновники и офицеры, сидящие вокруг графинов с бренди, некоторые с законными или незаконными супругами, молодые торговцы маслом, которые ещё несколько лет назад, будучи мелкими фермерами, жили в Дании и Германии, теперь имели относительно большие доходы и с презрением относились к экономии, обладая непоколебимым оптимизмом. Между тем, торговцы машинами были более серьёзными и озабоченными, их предприятия предъявляли к ним более высокие требования. Самые пьяные и самые шумные были служащие. Порядочный и добросовестный русский служащий боится трактира, он знает, что однажды, когда он «в настроении», не сможет соблюсти меру. Тот, кто сидел здесь среди служащих, был, как правило, неисправимый пьяница или один из тех, кто жил взятками. Почти каждый вечер отвратительный тип шатался от стола к столу, фамильярно хлопал покупателей масла по плечу, толкал торговцев машинами в рёбра; земляк, с которым я сидел, испуганно положил мне руку на плечо, когда я однажды громко сказал, почему никто не вышвырнет эту свинью: «Мы все должны притворяться с ним, в его руках отправка наших вагонов с маслом, кто с ним общается, может получить накладную, а это возможность получить деньги до отправки масла». За столом среди офицеров и батареи пустых графинов бренди сидел тощий в гражданском. Он поднялся, шатаясь, подошёл к сцене, вскарабкался на неё, и, прерывая музыку, протянул руку даме в жёлтом шёлковом наряде, приглашая её к своему столу. Он занимал высокий пост и мог себе это позволить.

С появлением немцев, немецкий язык в Омске можно было услышать через одного. Немцы, так или иначе, были связаны с маслом или машинами, была конкуренция, причин для вражды было достаточно. Что делать тому, кто не обладал нравственной силой, в таком месте как Омск и, из-за следующих друг за другом холодом, грязью и пылью, не мог выйти из дома, как не браниться и выпивать.

Среди коммерсантов страдала нравственность. Не каждый даёт безнаказанно взятки в течение долгих лет неверным служащим, ездит без билета по железной дороге и совершает подобные поступки, от которых вряд ли сможет уклониться. Для иностранца была нормой долата половины стоимости билета II класса, за эти деньги можно было купить место I класса. Вопрос контроля казался изворотливо решён; неверные контролёры должны были наряду с зарплатой от государства получать её и от объединённых кондукторов. Если кто-то однажды сюда попадал и вторую зарплату брать не хотел, его пребывание было не долгим, находили средство, чтоб избавиться от него. В Сибири, как и в других местах, можно сомневаться в правдивости высказывания о том, что честность – это дорога в мир! <...>

У обоих братьев, которых я навестил, царили процветание, хорошие немецкие обычаи и строгое воспитание детей. Оба жили не далеко друг от друга, в домах, построенных по канадскому типу, они соорудили маленькую паровую мельницу и маслобойню. За полудикими сибирскими свиньями на большом дворе следили слуги-киргизы. Оба брата арендовали у Омского казачьего управления 15000 моргенов земли, так называемую резервную землю – практически не использованное владение казачьего войска у сибирской дороги, между Курганом и Омском. Подобные аренды заключили почти все немецкие поселенцы. На рыночной площади в Омске можно услышать немецкую речь и обернуться от удивления, так непривычно она звучала среди киргизов с верблюдьими повозками. Русские газеты писали при случае о немецкой опасности для Сибири, однако, это преувеличение не нужно понимать всерьёз».

**Томас Гаскел Аллен младший. 1898 год.
МАЛЬЧИКИ СИБИРИ**

Из всего, что было написано о Сибири, мало было сказано о мальчиках той земли. Полагаю, их незаслуженно проигнорировали. Я знаю, что сибирская молодёжь возмутится, так как Сибирский мальчик имеет много весомых претензий к нашему мнению. Он не будет делиться и помогать контролировать будущее одной из самых богатейших стран мира.

По этой причине, я думаю, что общая идея о том, как выглядят мальчики того отдалённого и мало известного региона мира, могла бы быть интересной и полезной читателям «Святого Николаса». Но прежде всего давайте исправим любые неправильно сформированные понятия, которые он может иметь о самой Сибири.

«Мрачная и холодная, как Сибирь»- это выражение стало почти что пословицей. Само название всегда вызывало сцену одиночества и вечной зимы. Населённой, возможно, лишь группой криминальных ссыльных, бредущих по тракту, или практически погребённых заживо в какой-нибудь мрачной шахте. В нашем воображении мы даже слышали звон тюремных цепей, стоны страждущих мужчин и всхлипывания разочарованных женщин. И тем не менее, как бы ни была неутешительной картинка, которую передавало само название Сибирь, эти самые загадочные и меланхоличные ассоциации всегда вызывали странное очарование. Должен признаться, что я не был исключением из общего правила. С самого раннего возраста у меня развилось желание посетить эту загадочную страну и самому обнаружить, если получится, некоторые из её скрытых ужасных секретов.

И мне очень повезло в двух моих последних экспедициях удовлетворить эти амбиции. Из того, что я увидел и испытал, я могу уверить моего юного читателя, что его общее унылое представление о «земле снега и ссыльных», главным образом неправильное, что есть и другая и очень яркая сторона в Сибирской картинке.

Не поднимая вопроса о прискорбной системе ссылок в Сибирь, я бы донёс до читателя, что сама Сибирь, по крайней мере в её южной части, является регионом, где развито земледелие многообразное и пышное, где птички поют так же сладко, где дети играют, и люди смеются и поют так же весело, как и в нашей стране. Фактически эта часть Сибири, до которой дотянулась новая Транссибирская железнодорожная магистраль, может быть справедливо названа северной «обетованной землёй молока и мёда», так как благодаря её плодородной почве, мягкому летнему климату и сказочному природному богатству, нет другой такой страны в мире.

Итак, об этой глубоко неправильно понятой стране. Давайте рассмотрим самого Сибирского мальчика.. Для начала, Сибирский мальчик- не русский мальчик. Я настаиваю на этой разнице, потому что я знаю, он бы наверняка отметил это, если бы мог говорить за себя. «Нет. Сэр, я не русский. Я-Сибиряк!»- часто говорили мне, вежливо поправляя. И он говорит это таким образом, что не оставляет места для сомнений в искренности его гордости. Читатель может, возможно, подумать, что это различие не имеет значения, но из моего собственного наблюдения, мне следует сказать, что этому есть оправдание даже не касаясь вопроса кровосмешения местных с русскими сибиряками.

Вообще-то говоря, Сибирский мальчик по сравнению с европейским русским сообразительнее, энергичнее и гораздо более уважающий себя. У него намного больше качеств, которые в час испытаний сделают его героем или солдатом-патриотом. Говорят, много времени уйдёт на то, чтобы из умного получился мошенник. Правда это или нет, но точно можно сказать, что класс мужчин, которых сослали в Сибирь, особенно политзаключённых, был взят из более интеллектуального сословия Европейской России. Потомки тех ссыльных, с другой стороны, будучи рождёнными и воспитанными в Сибири вдали от пагубного влияния скученного населения, унаследовали природный ум и интеллигентность без попытки использовать его не по назначению. Далее, они ничего не знают о позоре ссыльного и считают Сибирь с искренней гордостью своей родной землёй.

В деле спорта и игр сибиряк не так хорошо снабжён, как американец, тем не менее, кажется, он наслаждается тем немногим, что имеет. Его снежные баталии такие же одухотворённые, гимнастические состязания честные, игра в шахматы серьёзная.

Он демонстрирует почти такую же изобретательность, как и американский парень, в моделировании собственных воздушных змеев и в конструировании собственных санок. Я видел даже маленьких парнишек без достаточной силы, чтобы работать молотком или топором, приспособивающих семейный тазик для умывания или большую маслобойку для катания с горок. Его игра в мраморные шарики. если её можно так назвать, совершенно отличается от нашей. Вместо мраморных шариков они используют кости овец, так как все виды керамических и гончарных изделий очень дорогие в Сибири, а овец множество. Шарики или кости ставят в ряд и бросают в них с расстояния, как в ряд кеглей. Конечно, они играют с напарником, и правила похожи на наши..

Сибирских мальчиков, особенно в военных школах, тренируют в пластике и гимнастике, а свежий прохладный климат Сибири придаёт этой форме развлечения больше радости, чем в нашей стране. Это больше, чем что-нибудь другое, помогло развить силу и мощь русской армии. Фотографии, представляющие

формы гимнастических упражнений, которые сопровождают эту статью, были взяты в Кадетском университете города Омск, Сибирь. Студентов этого университета обучают, чтобы они стали офицерами Сибирской армии, и их специально тренируют противостоять сибирским трудностям и ознобу от зимних морозов. Многие из них – сыновья офицеров или гражданских из высшего класса.

Но в Сибири немного кастовых и классовых различий, а небольшое количество общественных правил ненапряжённые. Русские сибиряки свободно перемешиваются с коренным населением, и их привычки и обычаи соответственно сильно изменились. Я часто видел группы мальчиков, где киргизские и бурятские мальчишки вперемешку с русскими мальчишками без всякой дискриминации играли на улицах. Было невозможно отличить их по одежде или языку, так как и костюмы и язык находились в странном смешении. Только особые черты местных или более славянская внешность русского выдавали лёгкое отличие. Есть старинная поговорка: «Поскреби русского и найдёшь татарина.» Было бы точнее сказать, по крайней мере о русском крестьянине – соскреби грязь с русского, и ты найдёшь чистого татарина, так как последние решительно чище.

Я уже высказал мнение, что сибирский мальчик умнее, более возвышенной природы и гордого нрава, чем мальчик европейской части России. Эти впечатления подтверждаются моим собственным опытом.

Во время путешествия по Сибири на велосипеде однажды летом. Мне представилась возможность проехать несколько сотен миль по так называемому Великому Сибирскому тракту. Глянув на карту, вы увидите, что дорога связывает столицу Сибири Иркутск с европейской Россией. Расстояние около трёх тысяч миль. И вдоль этой дороги были построены почти все города и посёлки Сибири.

Через эти города и селения я ежедневно проезжал и обычно под восторженные крики многочисленных мальчишек и лай собак, выступающих в качестве моего эскорта., так как велосипед был всё ещё в новинку в той части мира, а в некоторых отдалённых местах даже неизвестен вообще. Я помню, что въезжая в одно село уже в сумерках, когда улицы были уже пустынные, я неожиданно проехал мимо 2х деревенских мальчишек, разгуливающих по улице. Они не видели меня, пока я не промчался стремительно мимо них. В ужасе они вскинули руки и закричали: «Чёрт идёт!» и в ужасе кинулись домой. Я доехал до почтовой станции, заказал лёгкий ужин и приготовился провести ночь в «комнате для постояльцев».

Тем временем новость о прибытии «чёрта» распространилась по деревне как пожар, а двор станции заполняли мальчишки. Которые докучали хозяину, упрямивая его разрешить им посмотреть хоть одним глазком на замечательный транспорт дьявола. С разрешения самого «чёрта» транспорт был выставлен на всеобщее обозрение. Когда я закончил трапезу, я незаметно выбрался, чтобы осмотреть страстных пострелят, собравшихся вокруг объекта их любопытства. Один из их числа, более самонадеянный, чем другие, уже взялся за колесо и пытался просветить собравшихся о философии велосипеда в целом., а о колесе в частности. Ручки служили для того, чтобы за них можно было взяться, сидение – чтобы сесть, но он точно не знал, как он заводится и крутится. Один любознательный паренёк поднял вопрос балансирования – как велосипед мог стоять без поддержки? Этот вопрос был немедленно поддержан остальным сообществом и воодушевил самоизбранного учителя. Он немедленно заявил. Что это легко сделать, но чем больше он старался продемонстрировать им как, тем яснее он понимал всю трудность, пока велосипед не опрокинулся, и оба оказались распростёртыми на земле. Это был сигнал к насмешливому смеху. Толпы, но маленького парня нельзя было победить так позорно. Он поднялся, почесал затылок, поразмышлял. В конце концов счастливая мысль осенила его. «О, я знаю, как!» – воскликнул он, поднимая велосипед.» Видите ли, когда он падает таким образом., он опускает эту подпорку. (и указал на правую педаль.) а когда падает на другую сторону, опускает другую стойку.» Добровольный лектор с гордостью посмотрел по сторонам, ожидая одобрения. –«Да, конечно.» – промолвили они тоном самоупрёка, что они не додумались сами до этого раньше..

Таким образом юный деревенский мудрец немедленно восстановил свою репутацию и внушил своим товарищам, как глупы они были. Что не додумались до этого сами.

Гордость о знаниях и самоуверенности сибирского паренёка особенно веско убедила меня прошлой зимой. Я проводил время в одном золотодобывающем лагере недалеко от Сибиро-Китайской границы. Была чрезвычайно суровая зима. Снег толщиной 7 футов (2м) покрывал долину и склон гор..Даже от катания на санях практически отказались однажды, изнывая от скуки и однообразия лагерной жизни, я отправился с ружьём и снегоходами поохотиться на рябчиков- птицу, очень похожую на наших куропаток, но покрытую массой перьев, даже до самых когтей. 10-летний сын моего хозяина, который мне очень нравился, упрямивал меня взять его с собой. Я не мог отказать ему. Вопреки моим мрачным предчувствиям по поводу его экстремальной молодости, но он убедил меня, что может противостоять трудностям и, как я убедился позже, был экспертом по передвижению по снегу на снегоходах

Скажу вам, что сибирские снегоходы представляют из себя тонкую досточку, покрытую кожей. И больше напоминают норвежские лыжи, чем канадские снегоходы. Если у вас нет долгой практики, очень трудно передвигаться по снегу.

Мы начали подниматься по склону соседней горы. Где накануне видели куропаток. Через очень короткий промежуток времени стало очевидно. Что мой юный компаньон превосходит меня. Так как лёгкость его тела в сочетании с его умением передвигаться по снегу позволяла ему скользить по глубокому

снегу почти без усилий. Я даже сейчас вижу его, мчащегося на высокой скорости, его маленькое меховое пальто, покрытое снежным инеем, а его щёки пылают румянцем от упражнений.

Мы поднялись на вершину, подстрелив 2х отличных рябчиков по пути, там мы остановились передохнуть и полюбоваться величественным распростёртым перед нами видом, который можно увидеть только в чрезвычайно чистом воздухе Сибири. Перед началом спуска я потуже завязал ремешки снегоходов и предупредил юного компаньона о том, что спускаться надо медленно и внимательно. Не прошли мы и нескольких ярдов, как радостное настроение от физической нагрузки заставило его забыть себя и как ветер помчаться вниз. Каждое мгновение я боялся, что он налетит на какое-нибудь препятствие, и фактически тоже поспешил вниз, чтобы держаться поближе к нему. Делая это, отсутствие опыта передвижения по снегу оказалось гибельным. Делая неожиданный поворот, мои ботинки завернулись, и я полетел в сугроб головой вниз. Моё ружьё приземлилось в 6 футах прикладом вверх. Любопытно, кто оказывался в сугробе глубиной 2м знает. Как трудно выбраться оттуда, особенно, стоя на голове. Чем больше я барахтался, тем глубже погружался. И если бы не подоспевшая вовремя помощь моего маленького компаньона, который к счастью видел моё падение, я бы мог остаться там по сей день. Оказаться превзойдённым и даже спасённым маленьким пареньком 10 лет отроду, которого я считал слишком хрупким, чтобы просто сопровождать меня, было настоящим унижением.

Я часто бывал свидетелем смелой выносливости сибирского парня, но никогда до такой степени, как во время путешествия на саних из Красноярска в Минусинск. Дорога между двумя этими точками зимой – ни что иное, как замёрзшая поверхность реки Енисей. Так как толщина льда там больше ярда, и хотя быстрое течение реки собирает лёд в маленькие ледяные торосы и холмики ранней зимой, всё же наполняясь снегом и благодаря частому движению караванов саней, это позволяет обеспечить сравнительно гладкий и основательный санный путь. Лёд считается таким безопасным, что его используют в качестве моста для поездов Транс-Сибирской железной дороги. Шпалы кладут прямо на лёд. Локомотив тянет гружёный состав. Представьте себе тысячетонный груз, перевозимый просто по льду одной из самых больших и глубоких рек Сибири.

Случай, о котором я собираюсь вам рассказать, произошёл в одну из самых холодных ночей, которую я когда-либо испытал на себе. Термометр показывал 25 ниже нуля. Чтобы подготовиться к длинному переезду до следующей ямской станции, я выпил 3 или 4 стакана горячего чая, обвязал ремнём тяжёлую оленью шубу поверх своего зимнего русского пальто. Добравшись до саней (тарантаса), ожидавшего меня, я увидел на облучке кучера солидный мячик из меха, но при внимательном осмотре я обнаружил, что это был мальчик не старше 14 лет. Его чрезвычайная молодость удивила меня, и я немедленно вернулся к хозяину, чтобы опротестовать его назначение простого мальчика для такого трудного дела в такую холодную ночь. Он уверил меня, что упомянутый мальчик уже не раз совершал такие переезды и был уже оперившийся ямщик (водитель тарантаса). Внутренне протестуя, я вынужден был принять эту ситуацию.

Я велел трогать. Вжик, щёлкнул кнут паренька. Наши лошади от холода были нетерпеливы. Ночь была очень чёрная и угрожающая, а дорога среди холмиков льда на реке была неразличима. По мере того, как темнота сгустилась, мы часто теряли её совсем, а тяжёлые сани подпрыгивали и опускались на волнистой дороге, а наши плохо питающиеся крестьянские лошади напрягали все свои жилы, чтобы поддержать сани в движении. Прошло 2 часа когда неожиданно сани остановились, а половина наклонилась на огромном торосе. «Лошадь пала, барин (хозяин).» – закричал маленький ямщик. Я мгновенно выскочил и побежал к голове лошади, помогая ей подняться, но она не двигалась. Не было даже ни звука дыхания. Я положил руку ей на сердце. Ни одного удара. Лошадь была мертва. Бедное недокормленное животное пало жертвой чрезвычайного холода и напряжения. Мы сняли упряжь, вытащили сани на дорогу и снова отправились в путь на двух оставшихся лошадях. Я видел, что паренёк на козлах трясся от холода, как и я сам к этому времени после вынужденной остановки, вызванной ЧП. Проморозила меня. Я предложил ему и даже настаивал занять его место на время, чтобы он мог согреться. Но он отверг это вторжение почти что как оскорбление его профессиональных качеств. Никакого ворчания или недовольства не тронули его губ. Путешествуя в темноте, не знаю, как долго, измождённый 24часовым путешествием, я задремал. Я проснулся от неожиданного удара. Казалось, мы с чем-то столкнулись. Я выглянул и увидел, что мы добрались до следующей деревни, и что наши покрытые морозом лошади, стремясь забраться под навес, упёрлись оглоблями прямо в ворота. «В чём дело?» – обратился я к ямщику. – «Пожалуйста. Барин. Я не смог удержать их...» – послышался в ответ его дрожащий голосок.

Этого признания было достаточно. Я знал, что руки паренька или онемели или заоченели и по этой причине он не смог натянуть поводья. Я выпрыгнул, открыл ворота и завёл лошадей, а он не шевелился на своём облучке: его ноги одеревенели от мороза. Я поднял его и лично внёс в дом. Немедленно принесли таз снега, чтобы отогреть его замёрзшие пальцы, я снял одежду, чтобы растереть его руки и ноги. Благодаря этому и 1-2 стаканами горячего чая мы в конце концов оживили его. И даже потом он не промолвил ни слова жалобы, а когда я положил рубль в его горящие пальцы, он выглядел таким весёлым, как будто бы ничего не случилось.

Если из такого контингента состоит Сибирская армия, тогда русским не надо бояться противника своему титулу «Правитель Востока».

Перевод выполнила Матвеева Людмила Ивановна

Сведения об авторах

Безродный Константин Эдуардович – член Омского РО ООГО «Российское военно-историческое общество» (г. Омск).

Бородина Галина Юрьевна – руководитель центра изучения истории гражданской войны бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области».

Бродский Илья Ефимович – сотрудник Омского филиала Российского фонда культуры.

Викулов Степан Иванович – исследователь истории Сибири.

Виноградов Владимир Сергеевич – пропст Евангелической Лютеранской Церкви Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Григорьева Вера Валерьяновна – ведущий методист бюджетного учреждения культуры «Межрегиональное национальное культурно-спортивное объединение «Сибирь» (Дом Дружбы)».

Девятьярова Ирина Григорьевна – к.и.н, главный научный сотрудник Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля, хранитель фонда русской живописи, искусствовед.

Евсеев Евгений Николаевич (1927-2013) – историк, археограф, краевед.

Жукова Наталья Сергеевна – начальник отдела научно-исследовательской и организационно-методической работы бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области».

Кудрин Александр Андреевич – юрист, г. Омск.

Лактионова Анастасия Петровна – заведующая Таврическим центром немецкой культуры Таврического муниципального района Омской области.

Лосунов Александр Матвеевич – историк-краевед, хорунжий ККОО «Белая гвардия», методист БУОО ДО ЦДНВ «Исток», г. Омск.

Мачульская Елена Валентиновна – журналист, г. Омск.

Назаренко Евгений Викторович – журналист, г. Омск.

Наумов Сергей Сергеевич – историк, журналист, г. Омск.

Огородникова Людмила Ивановна – историк-архивист.

Панасенков Владимир Николаевич – член Совета Омского отделения ВООПИиК, краевед.

Петин Дмитрий Игоревич – к.и.н. доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета, главный архивист.

Постникова Екатерина Георгиевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова (г. Магнитогорск).

Саньков Михаил Иванович – историк-краевед, почётный гражданин Марьяновского района (с 2010 г.).

Сергеев Константин Владимирович – независимый исследователь истории Сибирского казачьего войска, Войсковой старшина ККОО «Белая гвардия».

Сорокин Алексей Петрович – заместитель директора Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина, руководитель «Центра краеведческой информации».

Спешилов Игорь Владимирович – председатель родословной секции Общества коренных омичей г. Омска.

Стедьмак Максим Максимович – к.и.н., главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области».

Трофимов Михаил Юрьевич – кандидат философских наук, доцент факультета культуры и искусств Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Хандорин Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института культуры и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва).

Хахаева Жанна Михайловна – сотрудник проектного института «Омскгражданпроект».

Храпова Наталья Святославовна – начальник отдела использования и публикации документов Бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области».

Шель Владимир Константинович – член Общества коренных омичей, краевед.

Шудьяков Владимир Александрович – к.и.н., доцент кафедры Омского автобронетанкового инженерного института.

Сведения об очевидцах

Михаил Петрович Путинцев (1843–1902) – протоиерей и духовный писатель. Родился в Омске. Образование получил в Сибирском кадетском корпусе, который закончил в 1862 году. После выпуска М.П. Путинцев служил офицером Сибирского казачьего войска в звании хорунжего. В 1866 г. перешёл в духовное ведомство. Принял священнический сан. Служил в Киргизской, Алтайской и Обдорской миссиях, в городах Омске, Берёзове, Зайсане.

Николай Николаевич Козьмин (1872–1938) – российский историк и этнограф, общественно-политический деятель, профессор.

Александр Игнатьевич Чудовский (годы жизни не известны) – член ЗСОИРГО в 1893–1904 гг., один из первых биографов Генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова.

Иван Гаврилович Кузнецов (ок. 1880–?) – омский II гильдии купец. Товарищ директора Омского городского общественного банка (1908–1912 гг.). Интересовался историей. Публиковал небольшие статьи по омской истории в «Русском архиве».

Содержание

Эйхвальд В.В. Предисловие	3
---------------------------------	---

XVIII век. Начало Омска

Викулов С.И. Первостроители Омской крепости	6
Спешилов И.В. С них начинался Омск. Первые жители старой Омской крепости	15
Панасенков В.Н. Генерал Шпрингер – устроитель новой Омской крепости	24
Саньков М.И. Прапорщик Николай Шапошников – основатель сёл Нагибино, Баженово, Саргатки-посельской	29
Виноградов В.С. Намеренно забытые. Духовный тыл.....	31
Хахаева Ж.М. «Падучая звезда». Дом купца Д.Т. Лукиматушкина – первый двухэтажный частный каменный дом в Омске.....	34
А.М. Лосунов. Омск в описаниях путешественников и военных XVIII века	38
Словами очевидца.....	47

XIX век. Омск – столица Сибири

Григорьева В.В., Лактионова А.П. «Не мне учиться служить верно царю»	50
Евсеев Е.Н. Первый начальник Омской области (памяти сенатора С.Б. Броневского).....	53
Огородникова Л.И. Генерал М.Л. Булатов. Правда и вымысел.....	59
Наумов С.С. Отец и сын Клодты: малоизвестные герои омской истории	61
Храпова Н.С. Два генерала Сибирского казачьего войска	64
Панасенков В.Н. Metallург Павел Аносов. Жизнь и трагическая смерть	68
Лосунов А.М. Они молились о Ф.М. Достоевском	72
Сорокин А.П. Архитектор Эдуард Эзет: городу и миру	84
Кудрин (Йордан) А.А. История семьи и кондитерской Йордан	93
Словами документа.....	95

XX век (до 1922 года). Город в вихре перемен

<i>Трофимов М.Ю.</i> Забытый герой Русско-японской войны	
Послужной список сибирского казачьего офицера Л.И. Волкова.....	111
<i>Лосунов А.М.</i> Штрихи к портрету Степного генерал-губернатора	
и Войскового Наказного Атамана Сибирского казачьего войска Е.О. Шмита.....	116
<i>Стельмак М.М.</i> Константин Андреевич Попов: реконструкция биография омского социал-демократа.....	122
<i>Панасенков В.Н.</i> Королева омской торговли.....	135
<i>Шель В.К.</i> Арон Лепп и другие	139
<i>Панасенков В.Н.</i> Крах «республиканского романтика» омского купца Николая Машинского	146
<i>Бродский И.Е., Панасенков В.Н.</i> Алексей Ганшин – красный коммерсант	152
<i>Шель В.К.</i> Рзянин Даниил Тимофеевич	155
<i>Панасенков В.Н.</i> Михаил Бубнов – первый скульптор дореволюционного Омска	160
<i>Девятьярова И.Г.</i> Судья Вячеслав Едличко – собиратель произведений искусства и меценат	165
<i>Мачульская Е.В.</i> Генерал и поэт – два портрета из галереи Белой столицы	170
<i>Панасенков В.Н.</i> Барон Таубе – организатор Красной Армии в Сибири.....	175
<i>Жукова Н.С., Петин Д.И.</i> Военный инженер и педагога генерал-майор Н.Е. Вараксин –	
современник трагического века	180
<i>Бородина Г.Ю.</i> «Яшка. Моя жизнь: крестьянка, офицер, ссыльная»	186
<i>Сергеев К.В.</i> Аполлос Всеволодович Катанаев. Штрихи к портрету.....	190
<i>Назаренко Е.В.</i> Дочь генерала Андогского	193
<i>Постникова Е.Г.</i> Георгий Сенников – внук Георгия Катанаева	298
<i>Безродный К.Э., Хандорин В.Г.</i> Жардецкий В.А. – один из политических лидеров белой Сибири.....	204
<i>Шулдяков В.А.</i> «Чем путь трудней – тем выше будет честь!...»	
Доземигрантский период жизни сибирской казачки поэтессы Марии Волковой (Эйхельбергер).....	210
Словами документа	220
Сведения об авторах	234
Сведения об очевидцах	235

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА ОМСКА

Отпечатано в типографии «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»)
г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34. Тел. 212-111
Тираж 100. Заказ № 316519.
www.золотойтираж.рф

Магазин М.А. Шаниной

Кожевенный завод Н.Н. Машинского

Дом А.А. Ганшина

